Владлен Сироткин

ПОЧЕМУ ТРОЦКИЙ ПРОИГРАЛ СТАЛИНУ

ВВЕДЕНИЕ

Первые два десятилетия советской власти в СССР продолжают интересовать отечественных и зарубежных исследователей, причем обычно в центре внимания оказывается внутрипартийная борьба 1923–1927 гг. «троцкистов» и «сталинистов» и личный конфликт «гимназиста» Троцкого с «семинаристом» Сталиным, закончившийся победой последнего.

В современной России чаще всего этот интерес проявляют «обновленцы» от марксизма, разделенные, правда, на два крыла — умеренно-консервативную отечественную ассоциацию «Российские ученые социалистической ориентации» (РУСО) и леворадикальную международную ассоциацию «Ученые за демократию и социализм».

Обе ассоциации в обстановке ельцинской антикоммунистической истерии (провальный «суд над КПСС» в 1992 г.) громко заявили о себе еще в середине 90-х гг. XX в., демонстративно проведя научные конференции — одну к 115-летию со дня рождения Л. Д. Троцкого (10–12 ноября 1994 г.), и две — к 125-летию со дня рождения В. И. Ленина (20 апреля 1995 г. в Горках Ленинских в Подмосковье и 21–22 апреля 1995 г. в Москве в Доме Шаховской на улице Герцена).

А если к этому добавить, что ученые из обеих ассоциаций с тех пор издали десятки трудов как просталинского[1], так и протроцкистского[2] толка, да еще углубились в критику классического (К. Маркс и Ф. Энгельс) марксизма[3], то можно сказать: спустя полвека со времени гибели Троцкого и смерти Сталина их тени как бы появились на научном Олимпе вновь, зажив второй жизнью[4]. Выпуску «Феномена» предшествовал научный семинар-дискуссия в МГУ 4 марта 2002 г. «И. Сталин и сталинизм в лучах непредвзятой критики (к 50-летию со дня смерти И. В. Сталина, вождя и тирана)».

В центре всех этих дискуссий, продолжающихся и по сей день, стоит главный вопрос — *была ли альтернатива сталинизму* или все усилия доктринеров мировой пролетарской революции («донэповского» Ленина, Троцкого, Бухарина и др.) были заведомо обречены на провал?

Как и следовало ожидать, «обновленцы» из обеих научных ассоциаций в ответе на этот кардинальный вопрос к общему мнению не пришли.

Члены РУСО твердо стоят на том, что альтернативы сталинизму не было и быть не могло, ибо Сталин — верный ученик Ленина, а тот, в свою очередь, являлся «ортодоксальным марксистом» (проф. Р. И. Косолапов).

Наоборот, леворадикальные «обновленцы» утверждают — альтернатива была, и даже целых три: троцкизм, бухаринизм и сталинизм (проф. С. С. Дзарасов).

В свете этих трех альтернатив любопытна дискуссия о «двух» и даже «трех» Лениных, которую мы также затронем на страницах этой книги. Инициативу теоретического обоснования «двух» Лениных — ортодоксального и ревизионистского — взял на себя покойный академик РАН П. В. Волобуев. Не стесняясь присутствия «твердых сталинцев» в лице председателя совета СПК — КПСС бывшего «гэкачеписта» Олега Шенина, современного национал-большевика Виктора Анпилова и идеолога сталинизма профессора МГУ Ричарда Косолапова, П. В. Волобуев на конференции в

---

[1] «Слово товарищу Сталину». Состав. Р. Косолапов. — М., 2002; «Сталин: в воспоминаниях современников и документах эпохи». Автор-составитель М. Лобанов. — М., 2002; *Емельянов Ю. В.* Сталин на вершине власти, т. 2. – М., 2002 и др.

[2] Особенно показателен цикл трудов покойного профессора В. 3. Роговина о троцкизме и сталинизме из 7 т., в частности, т. 1 («Троцкизм»: взгляд через годы. — М., 1992) и т. 6 (Мировая революция и мировая война. — М., 1998.)

[3] См., например, коллективную монографию «Критический марксизм: продолжение дискуссий». Под ред. А. Бузгалина и А. Колганова. — М., 2001.

[4] Показателен здесь также сборник статей «Феномен Сталин» (М. — Краснодар, 2003), выпущенный Центром общественных наук экономфака МГУ (в этом сборнике мы опубл. статью «Мировой межвоенный этатизм: Ленин, Сталин, Гитлер, Рузвельт»).

Горках Ленинских в 1995 г. публично назвал Ленина «отступником» от ортодоксального марксизма, причем дважды.

В первый раз — за Октябрьскую революцию «не по Марксу»: социалистический переворот в крестьянской стране, в которой даже по-русски почти 80 % населения ни читать, ни писать не умело, был явной авантюрой.

И во второй раз — за нэп, поскольку товарно-денежные отношения (опять же по Марксу) не совместимы с путем к коммунизму, который провозгласила для России программа РКП(б) в 1919 г.[1].

Дальнейшая дискуссия о Ленине-доктринере и Ленине-прагматике показала, что проблема «двух-трех» Лениных далеко не исчерпана, и ниже мы попытаемся внести в этот пока еще слишком академический спор свою лепту.

К числу несомненных позитивных моментов дискуссий 90-х гг. вокруг альтернатив сталинизму следует отнести новые открытия Троцкого и «троцкизма», много лет замалчиваемых в СССР.

Сегодня положение кардинально изменилось. Не говоря уже о том, что наиболее интересные работы Троцкого (правда, преимущественно эмигрантского периода) переизданы в России, с 1994 г. в Москве легально действует Международный научный центр по организации сбора и изучению материалов, связанных с политической и теоретической деятельностью Л. Д. Троцкого.

И следует согласиться с проф. В. З. Роговиным: Троцкий был и остается вторым после Ленина марксистским теоретиком Советской России, сочетая, как и Ильич, доктринерство с прагматикой. Ниже мы покажем этот прагматизм Троцкого и троцкистов на конкретных примерах как внутри («церковный большевизм», поддержка «сменовеховства» и др.), так и вовне страны (военное сотрудничество РККА и германского рейхсвера, «внешний нэп» и др.).

Но при этом, как и Ленин, Троцкий оставался «демоном мировой революции», не раз предлагая партии и Коминтерну авантюристические прожекты — «бросок на Индию» в 1919 г., «советизацию» Востока («Красная Персия» в 1920–1921 гг.), поход 200 тысяч красных конников через Литву и Польшу в Германию в 1923 г. и т. п.

Однако при всех продуктивных результатах исследований современных «обновленцев» от марксизма и большевизма нельзя не заметить, что они остаются в узких рамках традиционных споров российской интеллигенции со времен радищевского «Путешествия из Петербурга в Москву», т. е. в рамках борьбы идей.

Между тем глубинные причины неудачи всего большевистского эксперимента в России коренились вовсе не в том, насколько «ортодоксально» следовали за Марксом Ленин, Троцкий или Сталин, а в совершенно различном, по сравнению с Западом, «исходном материале», начиная с природно-климатических условий и кончая социальной структурой императорской России[2].

Сам Маркс дал лидерам большевизма зацепку еще в 1881 г. В письме Вере Засулич он указал на кардинальные отличия экономики и классовой структуры России, Османской империи, Китая от стран Западной Европы (его теория об «азиатском способе производства»)[3].

Но ни Ленин, ни Троцкий не прислушались к этому совету и не стали (а может быть, и не смогли?) менять *базовые основы* своей социально-экономической политики. А ведь вопрос, по существу, стоял так. Либо «вестернизировать» Россию, «Святую Русь икон и тараканов» (Л. Д. Троцкий) — вводить стоимостную оценку собственности, как это делалось на Западе с XI в. (неважно, частная она или государственная), до конца разрушать сословную «клетку» (Н. А. Бердяев) тысячелетней Руси, создавая классы

---

[1]. *Воейков М. И.* К истокам (два лика Ленина) // Споры о социализме: о чем пишет русская интеллигенция? Сб. статей. — М., 1999, с. 74. См. также: 77. *Волобуев В.* Выбор путей общественного развития: теория, история, современность. — М., 1987.

[2] Подробней эту ключевую проблему мы разобрали в первой книге нашего сериала. — См.: *Сироткин В. Г.* Почему слиняла Россия? — М., Алгоритм, 2003.

[3] Из последних работ на эту тему, включая анализ дискуссий конца 20-х — начала 30-х и 40-х — начала 50-х гг. об «азиатском способе», укажем на обстоятельную монографию *В. Л. Иноземцева.* К теории постэкономической общественной формации. — М., 1995.

(пусть и трудовые) «по Марксу», формировать «нацию» вместо «народа» хотя бы по образцу США и т. д.

Либо, наоборот (но это уже Сталин), укреплять «общинность» и «соборность», но через колхозы, вновь опираясь на иерархов РПЦ (что он и начал делать с 1943 г., распустив Коминтерн), мобилизуя «силы порядка» (армию, жандармерию, полицию) и наплевав на рекомендации основоположников марксизма.

Ленин ни того, ни другого не сделал, предпочтя по тактическим соображениям ввести нэп (т. е. «плохонький и уродливый буржуазный строй», по Н. А. Бердяеву из 1922 г.), базой которого до 1929 г. продолжала оставаться дореволюционная деревня (крестьянский мiръ).

Что касается Троцкого, то вплоть до своего поражения в партии в 1927 г. он продолжал надеяться, что «лапотную Русь» рано или поздно «возьмет на большой исторический буксир»... Мировая Пролетарская Революция.

Сталин же не был отягощен интеллигентскими сомнениями «с одной стороны» и «с другой стороны» — он упорно рвался к диктаторской власти в партии и государстве. А когда дорвался — по-сталински решил оба извечных вопроса русской интеллигенции — «Что делать?» и «Кто виноват?».

Часть I

МИРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ДОКТРИНЕРЫ И ТЕРМИДОРИАНСКИЕ ПРАГМАТИКИ

В книге «Почему слиняла Россия?» (М., Алгоритм, 2004) нашего сериала «Неизвестная Россия» мы кратко остановились на *доктринальных истоках* октябрьского переворота, как, по Ленину, начальном этапе *мировой пролетарской революции.*

Поскольку эта революция в том виде, как ее предсказывали К. Маркс и Ф. Энгельс и развивали Владимир Ленин и Роза Люксембург, так в XX веке и не свершилась (и в этом несвершении — глубинные причины политической победы Сталина, Муссолини и Гитлера), Сталин в интересах борьбы с Троцким и «троцкизмом» путем нехитрой словесной эквилибристики подменил *мировую* революцию на *перманентную* (термин Троцкого), а в марте 1936 г. в интервью американскому корреспонденту *Рою Говарду,* опубликованном в «Пра (в том же году интервью вышло отдельной брошюрой), заявил, что и вообще ни о какой мировой революции большевики якобы никогда и не помышляли, а само это утверждение является «трагикомическим недоразумением». В «Кратком курсе», бегло упомянув в создании в марте 1919 г. в Москве Коминтерна и ИККИ (Исполкома Коминтерна), Сталин даже не удосужился объяснить — а для чего, собственно, «была создана международная пролетарская организация нового типа — Коммунистический Интернационал, марксистско-ленинский Интернационал»? (История ВКП(б). Краткий курс. — М., 1953, с. 221).

С конца 80-х гг. прошлого века интерес к деятельности Коминтерна в России и СНГ возродился вновь. Прежде всего, были переизданы труды поборников доктрины мировой революции — Бухарина, Троцкого, Розы Люксембург и др.[1]. Затем стали появляться исследовательские работы как о деятельности Коминтерна в целом[2], так и на региональных направлениях — Персии (Иране), Турции и Закавказье, в Китае и на

---

[1] *Бухарин Н. И.* Избранные произведения. — М., 1988; *Троцкий Лев.* Моя жизнь (опыт автобиографии), т. 1–2. — М., 1990; *Он же.* Преданная революция. — М., 1991; *Люксембург Роза.* Избранные статьи, речи, письма. — М., 1991; «Коммунистический Интернационал после Ленина». Сб. материалов и статей. — М., 1993.

[2] *Адибеков Г. М., Шахназарова Э. Н., Шириня К. К.* Организационная структура Коминтерна. 1919–1943. — М. 1997; «Н. И. Бухарин и Коминтерн». Сб. статей. — М., 1989; «Коминтерн и Вторая мировая война», т. 1–2. — М., 1994, 1998.

Балканах1 вплоть до Тибета, где идеологи мировой революции намеревались вооружиться секретами «тибетской медицины» для привлечения масс на свою сторону[2].

Большое значение имели публикации документов из архива Коминтерна в бывшем Центральном партийном архиве КПСС (ныне РЦХИДНИ) в Москве, среди которых исключительное место занимает сборник «Коминтерн и идея мировой революции» под редакцией Я. С. Драбкина (М., «Наука», 1998, 950 стр.), существенно дополняющий документальное исследование «Заговор против Сталина» (М., 1998) *Владимира Пятницкого*, сына известного деятеля Коминтерна *Иосифа Пятницкого*.

Справедливости ради следует сказать, что одновременно продолжают переиздаваться старые антикоминтерновские труды (в частности, М. Геллера, А. Некрича а также Ю. Фельштинского[3]), а также мемуары прошедших сталинские и гитлеровские концлагеря разочаровавшихся в идее мировой революции «коминтерновцев» (например, вдовы германского интернационалиста Неймана, погибшего в сталинском ГУЛАГе[4]).

Вместе с тем как сторонники, так и противники Коминтерна признают сегодня факт его огромного воздействия в 1919–1939 гг. на всю систему версальских мирных отношений, а группа молодых исследователей Института славяноведения РАН попыталась даже увязать идею мировой революции с концепцией мировой геополитики межвоенного периода применительно к Балканам[5].

ЛИГА НАЦИЙ И КОМИНТЕРН

Две эти крупные международные организации родились в один (1919-й) год, но и умерли де-факто одновременно — 1 сентября 1939 г., в день начала Второй мировой войны в Европе, хотя формально юридически они агонизировали еще несколько лет: Коминтерн до 1943 г., Лига Наций — до 1946 г., когда ее сменила ООН.

В 1919 году самыми популярными героями карикатуристов западных газет были два политика — президент США Вудро Вильсон и «вождь мирового пролетариата» бывший присяжный поверенный Владимир Ленин. На одной из таких карикатур оба политика-утописта были изображены набрасывающими свои петли на земной шар, но тянущими каждый в свою сторону: Вильсон — к Лиге Наций, Ленин — к Коминтерну.

В. Вильсон в своих знаменитых «14 пунктах» в январе 1918 г. предложил переустроить европейский и азиатский мир на путях национально-государственного самоопределения с последующим объединением всех народов в арбитражную Лигу Наций. Следствием этих «пунктов» стал санкционированный творцами версальской системы 1919—1939 годов распад двух крупных многонациональных империй — Австро-Венгерской и Османской, а также отчленение от третьей — Российской — Финляндии, прибалтийских губерний и «русской» Польши.

Наоборот, Ленин в 21 условии Коминтерна в марте 1919 г. предложил пролетариату отделиться от своих наций, бросив буржуазию на произвол судьбы, и объединиться через компартии — секции Коминтерна с «Первым отечеством мирового пролетариата».

Павел Милюков, одним из первых в эмиграции обративший внимание Запада на геополитическую опасность идей мировой революции и ее инструмента — Коминтерна (см. *Milukoff P.* Bolshevism: an intertional danger. — London,1920) образно назвал противостояние Лиги Наций и III Интернационала «фронтом Ленина» против «фронта Вильсона».

---

[1] *Гинес В. Л.* Красная Персия: большевики в Гиляне, 1920–1921. — М., 2000; *Шахинлер М.* Кемализм: зарождение, влияние, актуальность. Пер. с франц. — М., 1998; *Н. Л. Мамаева.* Коминтерн и Гоминьдан, 1919–1929. М., 1999; «Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции». Сб. док. ч. I. — М., 2000.

[2] *Шишкин Олег.* Битва за Гималаи. НКВД, магия и шпионаж. — М., 2000.

[3] *Геллер Михаил, Некрич Александр.* Утопия у власти. — М., 2000; *Фельштинский Юрий.* Крушение мировой революции. — London, 1991.

[4] *Бубер-Нейман М.*. Мировая революция и сталинский режим. Записки очевидца. — М., 1995. Еще более интересна книга двойного агента — Коминтерна и гестапо —Рихарда Кребса (настоящая фамилия Ян Валтин) «Ни родины, ни границ» (нем. изд. 1948 г., франц. — 1975).

[5] «Версаль и новая Восточная Европа». Сб. статей. — М. 1996; *Улунян А. А.* Коминтерн и геополитика: балканский рубеж, 1919—1938 гг. — М., 1997.

С высоты прошедших лет нам, потомкам, хорошо видна утопичность обеих схем, хотя многим тогда казалось: вот два варианта выхода мира из послевоенного кризиса и разрухи, только выбирай! На деле оба выбора были ложными и в конечном итоге привели к новой бойне — Второй мировой войне.

Утопия Вильсона (хотя он и был удостоен за нее Нобелевской премии мира) непосредственного воздействия на американцев не оказала: сенат США не ратифицировал Версальский договор (и Устав Лиги Наций), и профессор Принстонского университета проиграл в 1920 году выборы на очередной президентский срок. Вильсон резко ушел из политической жизни и в 1924 году (в один год с Лениным) умер.

Совершенно иная судьба была уготована ленинской утопии. Ленин как доктринер мировой революции — тема до сих пор у нас мало изученная.

В киноархиве под Москвой сохранились кадры кинохроники самого экстремистского, ультралевого II конгресса Коминтерна, проходившего в Большом театре в Москве в июле — августе 1920 г. На сцене висела огромная карта «мировой революции», и, по воспоминаниям Г. Е. Зиновьева, тогдашнего председателя исполкома Коминтерна, делегаты каждое утро «с замиранием сердца» отмечали на ней флажками путь Красной Армии к Варшаве и далее на Берлин — центр мировой революции.

Авторское отступление

ЛЕНИНИЗМ И БОГДАНОВИЗМ

«Расчет Ленина на то, что революция в России будет подхвачена западным пролетариатом, ошибочен, — диктовал Г. В. Плеханов в апреле 1918 г. в своем ныне очень знаменитом «Политическом завещании», впервые опубликованном только в ноябре 1999 г. — Ничего серьезного в Европе случиться не может, т. к. пролетариат Запада сегодня почти так же далек от социалистической революции, как и во времена Маркса»[1].

Еще более серьезной была критика доктринальных установок Ленина со стороны врача *Александра Александровича Богданова* (настоящая фамилия Малиновский, 1873—1928 гг.), выдающегося русского марксиста, чей вклад в большевизм еще в 20-х гг. признавали оба лидера исполкома Коминтерна — Г. Е. Зиновьев и Н. И. Бухарин и мощного интеллекта которого побаивался сам «патриарх» русского марксизма Г. В. Плеханов.

Вначале, в первые годы XX века в эмиграции и, особенно, в период Первой русской революции, Богданов и Ленин, тогда еще молодые, по 23—25 лет, марксисты, шли рука об руку по дороге юного большевизма и даже одно время, весной — летом 1906 г. с женами снимали одну дачу в Куоккале (ныне Репино) в Финляндии. Агенты охранки, сообщая о течениях внутри фракции большевиков, тогда писали начальству о «ленинистах» и «богдановистах».

Но очень скоро, с V Лондонского съезда РСДРП (май 1907 г.), пути их настолько разошлись, что они не только вступили в полемику между собой на страницах заграничной партийной печати, но и на философской стезе. Ленин в 1909 г. написал специальную работу «Материализм и эмпириокритицизм», содержащую критику основных теоретических постулатов более ранней трехтомной философской работы своего бывшего друга Богданова «Эмпириомонизм» (1904—1906 гг.).

Конечно, для Ильича философские разногласия были делом десятым. Главная причина была в другом — *в зависти.* Его сосед по финской даче быстро «набирал очки» в рабочем движении России, особенно во время Первой русской революции. Рабочие в

---

[1] «Политическое завещание (последние мысли Г. В. Плеханова)» // «Хранить вечно» — (спецприложение к «Независимой газете», № 8, 30 ноября 1999, с. 10 (публ. Н. Нижегородова и А. Бережанского). Следует отметить, что у ряда современных «плехановедов» подлинность «Завещания» вызывает большие сомнения (см., например, «Независимая газета», 4 марта 2000 г.). Однако автор склонен больше верить директору Дома-музея Г. В. Плеханова в Петербурге А. С. Бережанскому, сумевшему аргументированно ответить своим оппонентам. См.: «Независимая газета», 10 июня 2000 г.

1905—1906 гг. из молодых большевиков знали Богданова, а не Ленина. И не случайно М. Н. Покровский, в те годы наряду с Красиным, Луначарским, Максимом Горьким, Н. А. Рожковым, Скворцовым-Степановым и другими, весьма близкими к Богданову, большевиками, даже в 1926 г. называл ленинский «Материализм и эмпириокритицизм» не философской работой, а «чисто политическим памфлетом».

Еще в 1898 г. Ленин в своей сибирской ссылке пишет и публикует в жур. «Мир Божий» позитивную рецензию на богдановский «Краткий курс экономической науки» (1897 г.), выдержавшей затем девять переизданий и ставшей главным марксистским политэкономическим пособием в рабочих кружках. Еще в 1904 г. в Швейцарии, когда Ленин и Богданов впервые знакомятся, они вместе громят меньшевиков, с января выпуская в Женеве большевистский печатный орган «Вперед» (позднее «Пролетарий»). Именно Богданов знакомит в Женеве Ленина с его будущими соратниками по захвату власти в России — Луначарским и Скворцовым-Степановым. Все вместе они создают свое «большевистское ЦК» — т. н. «большевистский центр», противостоящий официальному ЦК РСДРП «стариков» Плеханова, Аксельрода и К°.

Именно Богданов, будучи не только теоретиком, но и намного более толковым, чем Ленин (тот писал только «письма из далека» да гневные записки в ЦК) организатором, подготовил III съезд РСДРП в апреле — мае 1905 г. в Лондоне и, несмотря на сопротивление, сумел на выборах провести в ЦК не только себя и Л. Б. Красина, но и Ленина, которого уже тогда меньшевики как «скандалиста» и «склочника» ни за что не хотели избирать в «партийный штаб».

Именно Богданов, а не Ленин, вместе с Красиным, Горьким, Луначарским и другими большевиками-«богдановистами», находят деньги и создают в октябре 1905 г. первую легальную большевистскую газету в России «Новая жизнь». Наряду с газетой Богданов и Красин в 1905 г. начали создавать т. н. военно-технические группы из рабочих (а попросту говоря, «группы боевиков»), которые по образцу эсеровских боевых групп начинают проводить «эксы» — грабежи казенных банков и народных ссудно-сберегательных касс.

Ленин, после своей ссылки в сибирское село Шушенское, панически боящийся нового ареста, приезжает из эмиграции в Россию только к «шапочному разбору», в ноябре 1905 г. и прежде всего боится «засветиться» — его никто не видит и не слышит. Имя же Богданова, как и Троцкого, гремит по всей России, пока их обоих на заседании Петроградского совета в декабре 1906 г. не «заметает» охранка.

Но по делам и слава — к 1907 г. Богданов — «это Ленин сегодня»: в мае его на-ура избирают на V лондонском съезде РСДРП снова в ЦК, а вот Ленина с трудом. Кто он такой? Что он делал во время Революции? Причем у Богданова репутация левее Ленина — за ним идут все «левые большевики» в России и в эмиграции. Еще бы — именно Богданов, а не Ленин выдвигает и осуществляет большевистскую тактику бойкота выборов в I Госдуму, пропагандирует левацкий лозунг «немедленного вооруженного восстания рабочих» (военно-технические группы уже созданы, вооружены Красиным и только ждут сигнала).

Но Первая русская революция, как известно, заканчивается для большевиков и эсеров поражением. Ленин снова уже давно в эмиграции. Вынуждены эмигрировать весной 1908 г. и Богданов с Красиным. Оба едут в Женеву — ведь они мало что члены ЦК, они еще лидеры «большевистского центра» (второго «ЦК») и его главные финансисты — деньги добывает «инженер Красин», а также члены редколлегии «Пролетария» (быв. «Вперед»).

Но что это — бывший друг в упор не видит соседа по даче. Он уже блокировался с меньшевиками и Плехановым, а тот в партийной печати пустил гулять термин «богдановщина» как синоним «нечаевщины», обвиняя в поражении революции «леваков» типа Богданова и Красина. Ленин перетягивает большинство редколлегии «Пролетария» на свою сторону, и ошарашенный Богданов, едва появившись в Женеве, вдруг узнает — его исключили из ее состава.

В июле 1908 г. в доверительном письме будущему советскому послу, а тогда — фактическому издателю «Пролетария», своему верному ландскнехту публицисту В. В.

Воровскому Ильич пишет следующее: «Назревает разрыв с Богдановым…. На ближайшей конференции столкновение неизбежно. Весьма вероятен раскол. Я выйду из фракции, если только верх возьмет линия «левых»…» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 47, с. 160). Как мы видим, тактика ультиматумов у Ильича всегда была одна и та же — что в 1908 г., что в 1917 г. она осталась неизменной: чуть что не по мне — уйду в «народ» через «голову ЦК».

Но была, помимо банальной зависти, и еще одна не менее банальная причина — *деньги.* Дело в том, что Богданов с Красиным были не просто члены женевского «большевистского центра», а партийные публицисты и организаторы-практики. Оба они ведали *финансами* этого центра, т. е., говоря по-современному, имели право подписи на партийных финансовых документах (а Ильич таким правом до августа 1908 г. не обладал).

Между тем два «богдановиста» той поры — Максим Горький и Красин — были великими мастерами добывать деньги на революцию у тех самых «экспроприаторов» — миллионщиков (Саввы Морозова, Саввы Мамонтова, Алексея Монисова и др.), родню которых или их самих Ленин после октябрьского переворота 1917 г. «экспроприирует» и пустит по-миру. Вдобавок Горький привез большие деньги из США, куда ездил побираться «на революцию», да пока плыл туда-сюда через океан, революция-то и кончилась.

А Ильич тут как тут: кому отдашь, Алексей Максимович? Этим «бойкотистам», «махистам» и террористам? Нет, батенька, нет, давайте-ка все мне. Санкция партийных финансистов нужна — Богданова с Красиным? Так ведь их в «большевистском центре» больше нет — выгнали аккурат к августу 1908 г. как «ревизионистов» (а два года спустя обоих Ильич «вычистит» и из ЦК!).

Но помимо финансовой, была и главная причина резкого расхождения Ленина с Богдановым. Последний интеллектуально (и это очень убедительно показала в 1996 г. проф. *Ютта Шерер* в своем фундаментальном исследовании «Большевизм на распутье: Богданов и Ленин») был на три головы выше Ильича, образованней и талантливее его. Богданов сочетал все три ипостаси гениального человека: теорию (философию), практику и умение по-научному руководить. А ведь Богданов был еще талантливый лектор, да вдобавок… писатель-фантаст (Ленин «фантазировал» лишь в скучных трактатах типа «Государство и революция», которую рабочие могли читать только из-под палки).

После 1907 г. в организованных в Италии на о. Капри и в Болонье партийных школах Богданов читает блестящие и необычные лекции для русских рабочих о пролетариате будущего. Оказывается, это вовсе не «рабочий от станка» и не работяга с кувалдой, а нынешний «серый воротничок» — компьютерщик, программист, дилер и т. д. (хотя таких терминов тогда еще не существовало, как и не было ЭВМ с телевизором). В 1914 г. Богданов переработал свои лекции в партшколах и издал отдельной брошюрой в виде вопросов и ответов под названием «Наука об общественном сознании». Брошюра оказалась настолько доступной по изложению сложных проблем даже для «ликбеза», что ее еще два раза переиздавали в Советской России (1919 и 1922 гг.) и даже включили в список обязательной литературы для совпартшкол 20-х гг.

Писал Богданов и научно-фантастические романы — «Красная звезда» (1908 г.) и «Инженер Мэнни» (1912 г.), где в художественной форме излагал свои философские идеи.

Плеханову потребовался отрицательный опыт Февраля и Октября, чтобы за месяц до смерти прийти к горькому выводу о напрасно прожитой жизни: «В последнее время я иногда думаю, что теория Маркса, рожденная в условиях европейской цивилизации, вряд ли станет универсальной системой взглядов, т. к. социально-экономическое развитие мира может пойти по полицентрическому типу» («Независимая газета», 30. XI 1999, с. 10). Более того, «патриарх» марксизма в 1918 г. высказывает уж совсем еретическую мысль: на смену традиционной марксовой концепции классовой борьбы идут «общечеловеческие ценности» (совсем как у М. С. Горбачева в период его перестройки, 70 лет спустя), и «я не думаю, что капитализм будет погребен быстро», ибо

он — «гибкая общественная формация, которая реагирует на социальную борьбу, видоизменяется, гуманизируется и движется в сторону восприятия и адаптации отдельных идей социализма. Если это так, то могильщик ему не потребуется. В любом случае, у него (капитализма. — *Авт.*) завидное будущее» (там же).

Здесь же Плеханов робко намекает, что к XX веку марксистам становится ясным важнейший постулат истории человечества: не классовая борьба движет миром, а научные познания, умелое использование новых производительных сил, умное использование извечной проблемы «человек — природа» (по-современному, экологии).

Все это Богданов первым высказал почти за двадцать лет до Плеханова, сначала в философском труде «Основные элементы исторического взгляда на природу» (1899 г.), затем в «Эмпириомонизме» (1904—1906 гг.)[1] и, наконец, в своей знаменитой трехтомной «Тектологии» (первый том вышел в 1916 г. одновременно с ленинской работой «Империализм как высшая стадия капитализма»). Свой «богдановизм» гениальный русский врач назвал не марксизмом, а «всеобщим учением о природе», где главным инструментом является tektein (от древнегреческого — «строить», «конструировать») или «организация внешних сил природы, организация человеческих сил, организация опыта»[2].

По своему научному и практическому значению «богдановизм» стоит в одном ряду с учением акад. В. И. Вернадского о ноосфере. И не случайно на Западе (но, увы, не в России и СНГ) существует целое научное направление, давно изучающее не *ленинизм*, а *богдановизм*, напрямую связывая его с экологией и современной НТР.

Можно только согласиться с Юттой Шерер, что трагедией всей русской марксистской мысли и революционной практики стала победа Ленина над Богдановым, а не их союз, столь успешно начатый в начале XX века.

Но даже и после Октября 17-го года, который Богданов справедливо считал «солдатской революцией», которой никакая западноевропейская мировая пролетарская революция все равно не поможет, и разойдясь навсегда с Ильичем, он все равно обогнал его организационно. Богдановское общественное движение «Пролетарская культура» («Пролеткульт») по численности и идеологическому влиянию далеко превзошло ленинскую РКП(б), державшуюся на репрессиях ОГПУ.

Но и здесь Ильич вновь расправился со своим бывшим дачным соседом — в 1920 г. он распорядился подчинить «Пролеткульт» Наркомпросу и задушил его бюрократически, вынудив Богданова навсегда уйти из общественной сферы в медицину (создал первый в СССР Институт переливания крови, в котором и погиб, поставив рискованный эксперимент в 1928 г. на самом себе).

Но Богданов одним из первых верно указал на глубинные истоки победы «ленинизма» над «богдановизмом»: *догматическое православие*, преломившееся в трудах и деятельности «верного ученика Плеханова» — Ленина — в «религиозную систему мышления», принявшую форму «специфического русского марксизма», т. е. большевизма.

Не раз приводившийся Богдановым в полемике с Лениным и Плехановым образ религиозного православного старовера XVII в. *протопопа Аввакума* был подхвачен другим противником большевизма и мировой пролетарской революции богословом старообрядческого чина *Федором Мельниковым* (1874—1960 гг.). Будучи теоретиком и практиком старообрядчества, Ф. Е. Мельников до революции был секретарем всех соборов Старообрядческой церкви, директором старообрядческого НИИ (с 1912 г.), главным редактором журнала «Церковь» (1908—1914 гг.).

Вопреки распространенному мнению о духовной капитуляции иерархов православия перед большевиками, неистовый старообрядец публично вступал в 1918—1922 гг. в полемику с такими корифеями красного безбожия, как Л. Д. Троцкий, А. В. Луначарский, Н. И. Бухарин.

---

[1] «Эмпириомонизм» своим острием был направлен против известной работы Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», основанной целиком на классическом марксизме.

[2] Эти не переиздававшиеся с 1899—1929 гг. фундаментальные труды А. А. Богданова вошли в трехтомник «Неизвестный Богданов» (под ред. Г. А. Бордюгова. — М., 1995).

Именно Мельников еще в начале 20-х годов и независимо от Н. А. Бердяева («коммунизм ... есть, в сущности, новая религия, религия коллектива...», 1922 г.) одним из первых сформулировал тезис о том, что официальный атеизм большевиков — не что иное, как попытка создать новую государственную религию, сходную с аналогичными попытками французских якобинцев с их культом «Верховного существа» (в 1935 г. в эмиграции в Румынии он обобщил эту аргументацию в капитальной книге «Марксизм и атеизм»).

Об интересе к богословско-публицистическому наследию этого совершенно забытого в бывшем СССР православного священника старообрядческого чина на Западе свидетельствует создание во Франции «Фонда Мельникова» и издание в Париже его собрания сочинений в десяти томах.

О соотношении национал-большевизма, православия и традиционных укладов жизни много писали в эмиграции в 20-х — начале 30-х гг. «сменовеховцы», «евразийцы», «младороссы», философ Иван Ильин[1]. Пожалуй, лучше всего о «религиозном идеализме» большевиков сказал философ-эмигрант *Лев Шестов* (Шварцман, 1866-1938 гг.). «Как ни странно, — писал он в 1920 году в Париже, — но большевики, фанатически исповедующие материализм, *на самом деле являются самыми наивными идеалистами*. Для них реальные условия человеческой жизни не существуют. *Они убеждены, что слово имеет сверхъестественную силу. По слову все сделается — нужно только безбоязненно и смело ввериться слову*».

Нынешняя то возгорающаяся, то затухающая дискуссия, начатая покойным мэром Петербурга *Анатолием Собчаком*, выносить или нет тело Ленина из Мавзолея на Красной площади, возникла отнюдь не в 90-х гг. прошлого века. Она датируется буквально первыми часами в январе 1924 г. сразу после смерти Ильича. Есть письменное свидетельство Леонида Красина (из письма второй жене Миклашевской, 27 января 1924 г.), что первоначально Ленина как и всех борцов за пролетарское дело, хотели нормально похоронить на Красной площади: «А эта грандиозная манифестация паломничества сотен тысяч людей всякого звания в Дом Советов, где три дня ждал В. И., *пока разогреют и взорвут землю на Красной площади для могилы*»[2] (выделено мной. — *Авт.*). Сохранились также кадры кинохроники, где красноармейцы действительно долбят землю на площади, а затем показан и «могильный» взрыв.

Но Красин не случайно упоминает древний церковнославянский термин *паломничество.* Часть большевиков (Зиновьев, Каменев, Сталин, Луначарский и др.), захватив власть по менталитету на 80% в крестьянской православной стране, смертельно боялись крестьянского бунта, «бессмысленного и беспощадного» (и в 1921 г. они действительно получили «антоновщину» в Тамбовской губернии, и кронштадтский мятеж «красы и гордости революции»).

Отсюда и родилась вполне антимарксистская и антиатеистическая идея мавзолея — превратить мумифицированное тело Ильича в «святые мощи» — это «паломничество» миллионов советских людей на Красную площадь в Мавзолей Ленина должно было возродить тысячелетнее хождение к «святым местам» и мощам православных святых. Ведь и сам Ленин, клеймя в партийной печати «дипломированных лакеев поповщины» (*Ленин В. И.* О значении воинствующего материализма. Письмо в редакцию жур. «Под знаменем марксизма», 1922 г. // Полн. собр. соч., т. 45, с. 25), очень широко использовал религиозную терминологию этих самых «лакеев поповщины»: «ортодоксия» (подлинный марксизм) и «ересь» (ревизионизм) — самые употребляемые термины «поповщины» в его полемических статьях.

Вслед за Ильичем его младшие последователи-большевики шли тем же «поповским» путем. Особенно изощрялся в «поповщине» *Николай Бухарин*, что в 20-х гг. вызывало ядовитые и точные реплики Федора Мельникова: воинствующий атеист — «красный безбожник» Бухарин почему-то называет диктатуру пролетариата «евангелием

---

[1] Анализ темы «православные еретики» см. также: *Буганов В. И., Богданов А. В.* Бунтари и правдоискатели в русской православной церкви. — М., 1991; *Мельгунов С. П.* Великий подвижник протопоп Аввакум. — М., 1917.

[2] «Дипломатический ежегодник. 1989». — М., 1990, с. 366.

современного пролетарского дела», Маркса — «библейским пророком», а «программа мировой революции», принятая VI Всемирным конгрессом Коминтерна в Москве в 1928 г., по Бухарину, тоже почему-то опирается на «ортодоксальный марксизм-ленинизм», ибо ленинизм — это «наиортодоксальнейший марксизм в мире»[1]. Дело дошло до того, что в 1924—1925 гг. большевистские верхи всерьез обсуждали вопрос — а не превратить ли всю Красную площадь в «святое место паломничества» всех пролетариев мира, для чего «выписать» из Англии прах Карла Маркса и торжественно перезахоронить его у Кремлевской стены рядом с Мавзолеем Ленина?

Мы еще вернемся к этим утопическим попыткам большевиков превратить «Первое отечество мирового пролетариата» — СССР в коммунистический протоправославный «Третий Рим» (III Интернационал — Коминтерн), а пока посмотрим — как на практике в 1918—1928 гг. осуществлялась эта идея.

* * *

«Советизация» — экспорт мировой революции на штыках РККА им. Коминтерна.

Внешней политике СССР 20-х гг. не повезло в советской историографии. Она — одно сплошное мирное сосуществование двух систем и борьба за коллективную безопасность. Экспорт революции и Коминтерн начисто исчезли из трудов советских историков международных отношений и дипломатов. А когда со времен Н. С. Хрущева вновь начали публиковать труды о Коминтерне — в них ничего не говорилось о НКИД (МИД)[2].

Объясняется это застарелым ведомственным конфликтом (ожесточенной борьбой в 20-х гг. между главой НКИД Чичериным и председателем ИККИ Зиновьевым, каждый из которых письменно апеллировал в Политбюро), между МИД и международным отделом ЦК КПСС. В первом всегда якобы отстаивали национально-государственные интересы СССР и боролись за мирное сосуществование, а во втором — подрывали будто бы эту миролюбивую политику и постоянно мешали советской дипломатии сначала химерическими идеями мировой революции, а со времен Хрущева — неумным вмешательством в национально-освободительное движение, где они («цекисты») по идеологическим соображениям придумывали деление афро-азиатских стран на какие-то категории — «идущих по социалистическому пути», страны «некапиталистического развития», «неприсоединившиеся» к военно-политическим блокам и т. д.

С точки зрения «мидаков» все это была чушь собачья: они делили дипломатические посты, исходя из собственного кармана, лишь на две группы — где платили твердую валюту (доллары, дойчемарки и т. п. — США, ФРГ, Югославия и др.) и где государство расплачивалось «бумагой» — сертификатами (страны СЭВ, Вьетнам, Гана и др.).

Между тем, доктрина мировой пролетарской революции сыграла очень большую роль в придании первоначального геополитического динамизма всей внешней политике СССР (чего так не хватало внешней политике царской России в начале XX в.; вспомним хотя бы проигрыш ее позиций на Балканах во время боснийского кризиса 1908—1909 гг.), не в последнюю очередь, еще и потому, что к руководству в Советской России неожиданно пришли *политические маргиналы.*

Вытолкнутые жесткой политико-религиозной системой царизма на обочину общественной жизни и даже в эмиграцию, российские радикалы-эмигранты (и не только большевики — вспомним Бакунина, князя Кропоткина, даже Плеханова) превратились в секту, в протопопов Аввакумов, которые шли на плаху и костер за «веру» (интернационализм) и «народ» (пролетариат), не спрашивая, впрочем, а нужна ли их вера этому народу?

---

[1] Эту странную терминологическую «солянку» из атеизма и религиозной ортодоксии обстоятельно исследовал преподаватель Международного педагогического университета им. М. В. Ломоносова архангелогородец *В.И. Коротаев* («Судьба «русской идеи» в советском менталитете, 20—30-е годы». Учебное пособие. — Архангельск, 1993, гл. 1).

[2] Ср. «История внешней политики СССР», ч. 1 (1917—1945). Под ред. А. А. Громыко и Б. Н. Пономарева. — М., 1976, и «Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк». — М., 1960.

Но и левых (большевиков), и правых (монархистов) на Руси объединяло одно — *методы* внедрения реформ, неважно — коммунизм это или капитализм.

Во все советские школьные учебники и хрестоматии вошло ленинское сравнение методов большевиков и петровских методов: «Пока в Германии революция еще медлит «разродиться», наша задача — учиться государственному капитализму немцев, всеми силами перенимать его, не жалеть диктаторских приемов для того, чтобы ускорить это перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства». (*Ленин В. И.* Очередные задачи Советской власти [1918] // Полн. собр. соч., т. 36, с. 301).

Запомним эту ленинскую максиму: не останавливаться перед варварскими средствами борьбы против варварств! Ее затем много раз будет повторять Сталин. Но эти два «корифея марксизма-ленинизма» порока не выдумали: задолго до них о неизбежности «просвещенного деспотизма» в России говорили историк Н. И. Костомаров (1875 г.), революционный демократ Н. Г. Чернышевский (1886 г.), многие славянофилы XIX в.

Своеобразный итог дискуссии о соотношении методов большевизма и монархизма подвел в 1946 г. Н. А. Бердяев: «В Петре были черты сходства с большевиками; он и был большевик на троне»[1].

Еще на заре XX в., в 1903 г., великий русский психоневролог и первый российский социальный психолог проф. *В. М. Бехтерев* верно уловил общественную опасность для режимов, переживающих кризис (а именно в критическую фазу вступила при Николае II Российская империя), таких маргиналов (или пассионариев, по более позднему определению другого, советского, социопсихолога *Льва Гумилева*). Бехтерев определял такую пассионарность в медицинских терминах — *психопатические эпидемии*, вырастающие на кризисной «психической почве, характеризующейся крайним невежеством, неудовлетворенностью духовных потребностей населения, отсутствием нравственных руководящих начал и недостатком умственного развития, граничащим с патологическим слабоумием…»[2] (вспомним оценки современников — «разжижение мозгов» у Протопопова и «сифилис мозга» у Ленина. — *Авт.*).

Такие периоды «психопатических эпидемий», по оценкам мудрого и многоопытного врача-психоневролога, особенно опасны для существующих режимов, ибо негативно действуют на больное воображение и даже фанатизм народных масс, легко возбуждающихся «благодаря внушению словом» (*Бехтерев В. М.* Указ. соч., с. 125).

Именно в условиях такой психопатической *эпидемии* появилась и стала внедряться «благодаря внушению словом» через Коминтерн («фронт Ленина») в сознание и в реальную жизнь не только России, но и всего мира *новая религия* — доктрина немедленной мировой пролетарской революции, на которую Ленин и его последователи большевики-«коминтеровцы» в 20-х гг. не жалели ни финансовых средств, ни государственной территории, ни миллионов жизней собственных «пролетариев».

> Мы на горе всем буржуям,
> Мировой пожар раздуем.
> *Александр Блок*

Обрусевший немецкий социолог Альфред фон Терне, родившийся в России и проживший в ней до революции два десятка лет, вернулся в 1919 г. уже в Советскую Россию после бурных и кровавых лет Первой мировой и еще не оконченной Гражданской войны и проживший «В царстве Ленина» (так называлась его вышедшая в 1922 г. в Берлине в собственном издательстве по-русски книга-репортаж) еще около двух лет, эпиграфом к книге дал цитату из речи Ленина в 1919 г., услышанную Терне от одного из видных большевиков: «*Пусть 90% русского народа погибнет, лишь бы 10% дожило до мировой революции*» (курсив наш. — *Авт.*)

---

[1] *Бердяев Н. А.* Русская идея. Париж, 1946, с. 18.
[2] *Бехтерев В. М.* Внушение и его роль в общественной жизни. — СПб., 1903, с. 111, 124.

Имея возможность сравнивать две России — досоветскую и советскую, — Терне явно на стороне первой. В советской же — «безграмотные комиссары», «пролитие новых потоков русской крови во славу III Интернационала и Красного Кремля», но и Советская Россия смертельно «устала от всяких теорий, которые она достаточно испытала на своей шее в виде опытов экспериментального коммунизма». Вывод автора-монархиста вполне предсказуем: «царство Ленина» не переживет свою пятую годовщину и бесславно рухнет в 1922 году….

Такого рода суждения о «химере» доктрины мировой революции и «шайке бандитов», засевшей в «в седом русском Кремле и красным смехом измывающихся над Святой Русью» (А. фон Терне), были весьма типичны для подавляющего большинства белоэмигрантских публикаций начала 20-х гг.

Понять авторов этих публикаций можно: для огромной массы из 3,5 млн. эмигрантов-обывателей, совершенно неожиданно для них выброшенных тайфуном октябрьского переворота и гражданской войны за рубеж без всяких финансовых средств к существованию, это была вселенская катастрофа — и привычного образа жизни, и привычного государства с «Ванькой-городовым» на углу, и крахом личной и семейной жизни. Лишь единицы из числа профессиональных политиков, ученых-гуманитариев и журналистов смогли вскоре осмыслить масштабы той катастрофы, которая постигла «Святую Русь», и ту «Россию, кровью умытую» (Артем Веселый), что пришла ей на смену.

Одной из первых таких «единиц» стал *Павел Милюков.* Потерпев поражение как политик «февральской демократии», последовательно пройдя первый этап антибольшевистской борьбы в России в 1918 г. — написал для М. В. Алексеева политическую декларацию Добровольческой армии (Новочеркасск), вел в Киеве секретные переговоры с немцами об оказании ими финансовой и военной помощи антибольшевистскому движению (неудачно), в ноябре то же самое предлагал Антанте в Яссах (Румыния) на встрече военного командования союзников и русских антибольшевистских сил (неудачно) — Милюков в том же месяце уехал навсегда из России, пытаясь найти поддержку в Великобритании на продолжение антибольшевистской борьбы (тщетно). В мае 1920 г. переехал из Лондона в Париж, где и прожил в эмиграции 23 года, вернувшись к прежней дореволюционной любимой работе — истории[1] и публицистике (двадцать лет издавал очень популярную среди эмиграции вечернюю газету «Последние новости», в которой ежедневно публиковал собственную колонку, и активно сотрудничал в альманахе «Современные записки»).

В политическом плане Милюков первым еще в мае 1920 г. на заседании Парижского эмигрантского комитета кадетов выступил с докладом о «новой тактике». В декабре того же года, после бегства армии барона Врангеля из Крыма, изложил эту «новую тактику» в брошюре «Что делать после крымской катастрофы?», где резко осудил обывательские суждения о «шайке бандитов», засевших в «седом Кремле» и впервые в эмиграции открыто заявил: большевики в России — всерьез и надолго, вооруженным путем изнутри или извне (иностранная интервенция) их сегодня уже не свергнешь, и вся надежда теперь — «на внутреннее преодоление большевизма».

По Милюкову, «новая тактика» должна была включать два основных элемента: а) признание позитивных моментов большевистской внутренней политики, по существу, реализовавших под коммунистическими лозунгами буржуазно-демократическую программу «февральских демократов» о республиканском и федеральном устройстве Советской России, окончательного решения застарелой проблемы помещичьего землевладения и признания «черного передела» — захвата крестьянами без выкупа помещичьих земель, санкционированного большевиками, признание местных советов как традиционной формы российского самоуправления (вече); б) разработка совместно с

[1] Первыми историко-публицистическими эмигрантскими работами П. Н. Милюкова о России, где он пытался осмыслить произошедшие в ней изменения за десять лет (1917—1927 гг.) стали: «История Второй русской революции», вып. 1—3. — Париж, 1921—1924; «Россия на переломе: большевистский период русской революции», т. 1—2. — Париж, 1927, фактически являвшаяся продолжением его предыдущей работы — «Второй революции».

эмигрантами-социалистами — эсерами и меньшевиками — позитивной программы внутренней эволюции большевизма в сторону отказа от химер мировой революции через разработку альтернативной Коминтерну и РКП(б) программы дальнейшего земельного переустройства (столыпинская фермеризация) и углубления национального (по типу Австро-Венгрии в середине XIX в.) и государственного (переход к парламентаризму в высших эшелонах власти) строительства.

По сути, в этой «новой тактике» Милюкова уже содержались продуктивные зерна будущей политики «сменовеховства», провозглашенной год спустя частью «белогвардейской» эмиграции в известном сборнике евразийцев «Смена вех» (Прага, 1921 г.).

Увы, большинство парижских кадетов и правых эсеров, продолжая политическую борьбу времен «революционной демократии», не поддержали Милюкова. Тогда он, как и некогда Ленин в том же Париже, резко пошел на разрыв с прежними политическими коллегами, и в июне 1921 г. расколол Парижский кадетский эмигрантский комитет — левое его меньшинство ушло с Милюковым и образовало свою «Парижскую демократическую группу партии народной свободы» (с 1924 г. — «Республиканско-демократическое объединение»).

Параллельно с эмигрантской политической деятельностью Милюков продолжал научное исследование большевизма. Особое внимание он одним из первых еще в 20-х гг. уделил соотношению национально-государственного (НКИД) и интернационального (Коминтерн) во внешней политике СССР: в «России на переломе», том 1, самая большая глава (глава V, 140 стр.) посвящена ключевой проблеме советской дипломатии и третьему Интернационалу. И как профессиональный аналитик, Милюков сразу берет быка за рога: «Те, кто думает, что эта навязчивая идея большевиков — мировая революция — может измениться или даже, что большевики уже «отказались от мировой революции, вместе с коммунизмом и другими основами большевизма», те недостаточно углубились в понимание большевизма и рискуют серьезными ошибками в своих суждениях и разочарованием в последствиях своих сношений с большевиками.

Не только к деяниям большевиков, но и к их идеологии надо относиться серьезно. В день, когда эта идеология будет потеряна, большевиков вообще больше не будет. Будет простая шайка бандитов, — какими часто считают большевиков их нерассуждающие враги. *Но простая шайка бандитов не владеет секретом гипнотизировать массы. Что в конце концов потеря большевистской идеологии неизбежна и что большевики к этому фатально идут (и придут через 64 года после пророчества Милюкова — в 1991 г., когда Ельцин распустит КПСС. —* **Авт**.*) — это совсем другой вопрос. Но мы говорим здесь не о конечном исходе, а о процессе, в котором большевистская истина еще сохраняла свою действенную силу» (Милюков П. Н.* Россия на переломе, т. 1, с. 260. — выделено нами. — **Авт.**).

И Милюков далее подробно анализирует конкретные факты экспорта мировой революции (а по существу, методы большевизма по захвату власти) в различных регионах и конкретных странах Европы и Азии в 1918—1926 гг., правда, оставляя в стороне важнейшую проблему, обозначенную им же, — *теоретические основы большевистской идеологии интернационализма.*

* * *

В основе этой идеологии лежала концепция Карла Маркса о непримиримой классовой борьбе эксплуатируемых (пролетариев) и эксплуататоров (буржуев, в русском просторечии). Самым активным популяризатором доктрины мировой пролетарской революции от большевиков выступал «любимец партии» *Николай Бухарин*. Подобно французским якобинцам, считавшим, что они начинают новую эру человечества с

«чистого листа»[1], большевики также заявляли о начале новой эры трудящегося человечества с первого шага мировой революции — октябрьского переворота.

«Пролетарские якобинцы» (выражение Бухарина) отвергали всю систему правовых и культурных ценностей остального мира, нацепив на них эпитет «буржуазные» — буржуазные нации, суверенитет, незыблемость государственных границ, международных договоров и т. д.

Очень четко эту позицию большевиков изложил в мае 1918 г. именно Н. И. Бухарин в своей брошюре «Программа коммунистов (большевиков)»: «Здесь речь идет не о праве *наций* (т. е. рабочих и буржуазии вместе) на самоопределение, а о праве трудящихся классов. Это значит, что так называемая «воля нации» для нас вовсе не священна. Если бы мы хотели узнать волю нации, нам нужно было бы созывать учредительное собрание этой нации. Вот почему мы говорим не о праве наций на самоопределение, а о праве на отделение *трудящихся классов* каждой нации. Во время пролетарской диктатуры не учредительные собрания («общенародные», «общенациональные»), а советы трудящихся решают вопросы. И если бы в каком-нибудь уголке России было созвано одновременно два собрания — «Учредилка» данной нации и Съезд Советов, причем «Учредилка» стояла бы за отделение, а пролетарские съезды против, — мы тогда поддерживали бы решение пролетариата против решения «Учредилки» всеми средствами, вплоть до оружия».

«Здесь путь ясен, — продолжал Бухарин. — Это есть путь всемирной поддержки международной революции, путь поддержки революционной пропаганды, стачек и восстаний в империалистических странах, путь поддержки возмущений и восстаний в колониях этих стран».

Какой же должна быть в этих условиях внешняя политика Советской России, по Бухарину? А вот какой: «Положение Советской Республики есть исключительное положение. Это есть единственная в мире пролетарская государственная организация среди разбойничьих организаций буржуазии. Поэтому только она имеет право на защиту. Более того — ее нужно рассматривать как орудие борьбы всего мирового пролетариата против мировой буржуазии. Уже ясен и лозунг, боевой клич этой борьбы….

Свержение империалистических правительств путем вооруженного восстания и организация международной республики Советов — таков путь к международной диктатуре рабочего класса»[2].

И даже спустя четыре года, в условиях «нэповского сожительства» с капиталистическим окружением и началом политики мирного сосуществования, Бухарин на IV конгрессе Коминтерна в ноябре 1922 года повторил свой тезис о правомерности экспорта революции: «Каждое пролетарское государство имеет право на красную интервенцию», поскольку «распространение Красной Армии является распространением социализма, пролетарской власти, революции»[3].

Но если тактику мировой революции, точнее, ее движущие классовые силы, определяли Бухарин и другие большевистские лидеры второго плана (Зиновьев, Каменев, Радек, Раковский и др.), то начертание стратегии первых ударов в 1918—1920 гг. целиком брали на себя Ленин и Троцкий. При этом надо иметь в виду, что ни тот, ни другой никогда не были профессионалами в сфере международных отношений и дипломатии. И если у Троцкого был еще хотя бы кой-какой опыт пребывания на Балканах в 1912—1913 гг. в качестве военного корреспондента на театре военных действий двух балканских войн, то Ленин в эмиграции вообще судил о мировой геополитике только по книгам и газетам. Знание конкретной историко-географической и этнонациональной обстановки, в частности на Балканах в 1912—1913 гг., ему заменял пресловутый «классовый подход», да еще позиция «от противного».

---

[1] Якобинцы, как известно, ввели новый «революционный календарь», в котором отвергался религиозный принцип летоисчисления «от Рождества Христова»: новая эра человечества начиналась с 1 сентября 1792 г. — года провозглашения республики. Нечто подобное при переходе с григорианского на юлианский календарь хотели в 1918 г. сделать и деятели большевистского Наркомпроса — датировать новую «пролетарскую эру» с 7 ноября 1917 г. Помешал тогда этому НКИД.

[2] Цит. по: *Сироткин В. Г.* Вехи отечественной истории. М., 1991, с. 230.

[3] «IV Всемирный Конгресс Коминтерна. Избранные доклады, речи и резолюции». — М.-Пг., 1923, с. 196.

Раз царская Россия за свободу балканских славян и вообще за православных — долой «свободу славян», все истинные социалисты Европы должны встать на защиту турок (см. статью «Ко всем гражданам России!», 23. X. 1912 // *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 22, с. 135). И вообще — «только революционное низвержение царизма может обеспечить свободное развитие и России и всей Восточной Европы. Только победа федеративной республики на Балканах наряду с победой республики в России в состоянии избавить сотни миллионов людей от бедствий войны…» (там же, с. 138).

Фактически же Ленин, как и Троцкий (но не Богданов!) в своей стратегии «пролетарских ударов» будущей мировой революции стали заложниками тех самых «буржуазных» концепций геополитики, которые господствовали в Европе в конце XIX — начале XX века.

Известно, что большинство дореволюционных т.н. теоретических работ Ильича — «Развитие капитализма в России», «Империализм как высшая стадия капитализма» и др. — это компиляция из чужих работ, отечественных и иностранных. И не случайно Ленин при жизни запрещал публиковать свои черновые материалы, в частности, «Тетради по империализму» за 1915—1916 гг., иначе король оказался бы голым — почти вся фактура по «ленинскому учению об империализме» оказалась списанной из «буржуазных» (англичанин Дж. Гобсон, немец Р. Гильфердинг и др.) и «соглашательских» (Карл Каутский, Роза Люксембург и др.) трудов.

Аналогичным образом и фактура (карты, схемы и т. п.) «революционной геополитики» доктрины мировой пролетарской революции оказалась заимствованной у немецкого «филистера» добропорядочного профессора Лейпцигского университета *Ф. Ратцеля* из его фундаментальных работ 1882—1897 гг. «Антропогеография» (переведена в России в 1900 г. под названием «Народоведение») и «Политическая география» (переведена в 1906 г. под названием «Земля и жизнь»). Свой вклад в копилку мировой революции таким же образом внес и английский географ *Х. Маккиндер*, опубликовавший в 1904 г. в британском «Географическом журнале» свою университетскую лекцию «Географический стержень истории» с приложением геополитических карт. И, наконец, Ленину не могла не попасться на глаза капитальная работа его соотечественника, хотя и «либерала» и верующего, но знаменитого путешественника акад. *Петра Семенова-Тяньшанского* (1827—1914), посмертно вышедшая в Петрограде в 1915 г. под названием «О могущественном территориальном владении применительно к России (очерк по политической географии)».

Проведенный молодым российским исследователем *Артемом Улуняном* сравнительный анализ опубликованных этими авторами и большевиками в 1912—1934 гг. геополитических карт распространения «мировой революции» убедительно доказывает: Ратцель, Маккиндер и Семенов-Тяньшанский вполне могут быть занесены, наряду с Марксом и Энгельсом, в большевистский иконостас основоположников доктрины мировой революции (*Улунян А. А.* Указ. соч., с. 4. Карты-схемы, таблицы и иллюстрации).

* * *

Первыми объектом экспорта революции стала Германия. Объясняется это двумя основными факторами. *Во-первых*, в семье Ульяновых господствовал культ германофильства, во многом насаждавшийся матерью будущего вождя мирового пролетариата — аккуратность, чистота, организованность и т. п. Хотя Мария Ульянова (девичья фамилия Бланк) происходила из семьи богатых евреев-«выкрестов», Бланки поколениями жили в Прибалтике (Рига), где влияние немецкой культуры и быта, особенно в городах, было весьма значительным. Отсюда неприкрытое германофильство Ильича, его постоянные окрики по адресу соратников (например, в адрес Каменева 20 февраля 1922 г.): «Т. Каменев! По-моему, надо не только проповедовать: «Учись у немцев, паршивая российская коммунистич[еская] обломовщина!», но и *брать в учителя* немцев. Иначе — одни слова» (жур. «Известия ЦК КПСС», 1990, № 4, с. 190).

Во-вторых, сама практика первых внешнеполитических контактов (начавшиеся 3 декабря 1917 г. в Брест-Литовске сепаратаные переговоры с Центральными державами о заключении военного перемирия советской делегацией во главе с А. А. Иоффе) толкало большевиков именно в германо-австрийский регион Европы. Ведь их первая радиограмма 8 ноября ко всем воюющим державам о немедленном заключении «всеобщего мира без аннексий и контрибуций» не была даже услышана в Европе, как и аналогичная дипломатическая нота нового «министра» иностранных дел Троцкого, переданная послам Антанты в Петрограде 22 ноября 1917 г. (союзники оставили эту ноту без ответа).

Конечно, «учителя-немцы» учили большевиков искусству традиционной «буржуазной» дипломатии по-своему, как шведы учили Петра I до Полтавской битвы — методом систематической «порки».

В Брест-Литовске уже на предварительном этапе переговоров они решительно отказались перенести их в нейтральную страну — в Швецию (Стокгольм) и ограничили срок военного перемирия (прекращения огня) не шестью, как требовали большевики, а всего *одним* месяцем. Затем, уже в феврале 1918 г., они, к изумлению Троцкого, удачно раскололи до этого единый фронт РСФСР и Украинской республики и заключили с «самостийниками» *Михаила Грушевского* (1866—1934), будущего «сменовеховца» и академика-историка АН СССР (в 1924 г. вернулся в СССР) 9 февраля германо-украинский сепаратный мирный договор, на основе которого ввели на Украину кайзеровские войска. Троцкий лицемерно назвал этот «ход конем» Грушевского и К^{о} «верхом бесстыдства», но вынужден был признать провал его согласованной с Лениным переговорной тактики «ни мира, ни войны» (затяжка переговоров в ожидании восстания германского пролетариата). Самокритично признав свой провал «революционного дипломата», он в мае 1918 г. покидает пост главы НКИД, уступая место Георгию Чичерину.

Неофит в глобальной практической политике, Ильич, этот, по определению «богдановиста» Луначарского, «гениальный оппортунист», в очередной раз меняет «нашу точку зрения на социализм»: мировая революция в Германии может затянуться (подумать только!) на целых… шесть месяцев; поэтому от тактики братания и пропаганды мировой революции на фронте и в тылу кайзеровских войск отказываться не надо, но «похабный» мир вынуждены подписывать немедленно (что делает Григорий Сокольников 3 марта 1918 г. все в том же Брест-Литовске)[1].

Параллельно идет дискредитация этого «похабного» мира в большевистских СМИ — печатно и по радио. Еще 23 января 1918 г. большевики по будущему радио им. Коминтерна (первая кнопка Всесоюзного радио в СССР до 1943 г.) вещают по-русски и по-немецки: «Мы поведем другие переговоры с Германией, когда Либкнехт станет во главе революционного пролетариата, и вместе с ним мы переделаем карту Европы» (цит. по: *Милюков П. Н.* Указ. соч., т. 1, с. 264—265).

И когда, согласно Брест-Литовскому мирному договору, Советская Россия и кайзеровская Германия устанавливают официальные дипломатические отношения и в апреле 1918 г. в Берлин в качестве полпреда приезжает *Адольф Иоффе*, он, по его собственным словам, превращает свое посольство в «главный штаб германской революции: я заплатил 100 000 [зол.] марок за оружие для революционеров; тонны антимонархической и антивоенной литературы печатались за счет нашего посольства»[2]. Дочь Иоффе, Надежда, будучи подростком и приезжая к отцу летом 1918 г. в Берлин, видела тюки этой пропагандистской дипломатической почты из Советской России.

Характерно, что, по ее же воспоминаниям, выпущенный из берлинской тюрьмы несостоявшийся «глава революционного правительства» Германии *Карл Либкнехт* поехал не домой, а прямиком к советскому полпреду Иоффе (нелишне отметить, что, как у многих других европейцев той поры — Пикассо, Сальвадора Дали и др., — жена у

---

[1] Все эти перипетии «брест-литовской дипломатической битвы» довольно детально изложил в начале 20-х гг. *Иван Майский* («Внешняя политика РСФСР, 1917—1922 гг.». — М., 1922), к тому времени от меньшевиков перебежавший к большевикам, наряду с Трояновским, Вышинским, Мартыновым-Пикером и др.

[2] Цит по: «Политические партии России. Конец XIX — пер. треть XX века». Энциклопедия. — М., 1996, с. 228.

Либкнехта была русская, Софья, родившая ему трех детей; увы, очень скоро они останутся сиротами)[1].

И хотя материальные потери Советской России по двум брест-литовским договорам — украинскому 9 февраля и русскому 3 марта 1918 г. — сопоставимы разве что с аналогичными потерями Российской Федерации в декабре 1991 г. после распада СССР и образования СНГ (в 1918 г. Советская Россия, по данным Наркомстата РСФСР, потеряла 26% довоенного населения, 27% пахотной земли, 26% железных дорог, 33% тяжелой промышленности, 73% добычи железной руды и 75% каменного угля — Донбасс и Кривой Рог на Украине — *Майский И. М.* Указ. соч., с. 37—40), Ленин не терял оптимизма в надежде на скорую мировую пролетарскую революцию.

Через две недели после подписания «похабного» Брест-Литовского мира в интервью английской газете «Дейли ньюс» он заявил: «Задача Советов [состоит в том, чтобы] продержаться до тех пор, пока взаимное истощение воюющих блоков европейского капитала не вызовет революции во всех странах». И даже когда «всемирная европейская революция» не свершилась, а ноябрьская 1918 г. была потоплена в крови, на сессии ВЦИК 22 октября 1922 г. Ильич утверждал, что «в цепи революций главное звено — революция германская; успех мировой революции зависит от нее больше, чем от какой-либо другой» (цит по: *Милюков П. Н.* Указ. соч., т. 1, с. 267).

Но «гениальный оппортунист» не был бы Ильичем, если бы не согласился на предложенную «учителями-немцами» двойную игру, которая уже тогда, в первый год советской власти в России, заложила мину замедленного действия под НКИД и Коминтерн и вызвала постоянный дуализм внешней политики СССР в 20-х — начале 30-х гг., пока «вождь всех времен и народов» не сделал окончательный выбор в пользу НКИД, превратив Коминтерн «в простую канцелярию Сталина»[2].

А дело заключалось в том, что параллельно с «главным штабом германской революции» А. А. Иоффе, в том же бывшем царском, а затем советском посольстве на Унтер дер Линден в Берлине тайно размещался и «штаб» германской контрреволюции, главой которого был скромный «спец» германоподданный инженер *Леонид Красин,* все еще числившийся управляющим Петроградской конторы электротехнической немецкой фирмы «Сименс унд Шуккерт». При инженере Красине состояли два главных фигуранта по «германскому золоту» для большевиков времен Керенского и тайных финансиста РКП(б) — Яков Ганецкий (Фюрстенберг) и Мечислав Козловский (при Керенском его даже упрятали в тюрьму как «немецкого шпиона»), а также несколько технических «спецов» из бывших царских Минфина, МИДа и Госбанка.

Парадокс советской дипломатии тех времен и того бурного времени, когда весь прежний довоенный мир в Европе зашатался, состоял в том, что тогда еще далеко не было ясным — кто станет победителем в Первой мировой войне осенью того же года?

Официальный дипломатический представитель полпред Иоффе вел себя в Берлине как революционный большевистский наместник — в своем посольском автомобиле развозил по рабочим кварталам отпечатанную в Москве подрывную революционную литературу на немецком языке, открыто посещал митинги «спартаковцев» (немецких большевиков), позировал с Карлом Либкнехтом на крыльце советского посольства перед германскими фотографами. А инженеру Красину и его «штабу контрреволюции» приходилось скрываться, менять парики, усы и бороды, выходить на улицу через заднюю калитку посольства под покровом темноты и, забившись в угол автомашины одной из германских спецслужб, тайно пробираться в немецкий МИД или Генштаб, чтобы обсуждать с официальными представителями кайзера главную проблему — сколько золота, угля, нефти, текстиля, зерна надо выделить II Рейху, чтобы задушить ту самую мировую революцию в Германии, о которой так хлопотал Иоффе?

И уже совсем кафкианский сюжет — по вечерам оба полпреда, «революционный» и «контрреволюционный», изредка собирались в гостиной посольства (Иоффе и Красин хорошо знали друг друга по довоенной партийной работе в эмиграции и заграничным

---

[1] *Иоффе Н.* А. А. Иоффе (воспоминания об отце) // «Дипломатический ежегодник. 1989». М., 1990, с. 391.

[2] «Сталин и кризис пролетарской диктатуры. Платформа «союза марксистов-ленинцев» (группа Рютина) // «Реабилитация. Политические процессы 30—50-х гг.». — М., 1991, с. 395.

съездам РСДРП) и, смеясь, обсуждали взаимоисключающие директивы Ильича по «успешному втиранию очков всему миру» (более поздняя фраза Красина щ сути нэпа.— *Авт.*). В январе — феврале 1920 г. они встретятся вновь в Тарту (Юрьеве) на мирных переговорах с Эстонией.

Какие же «очки» втирал Красин? Дело в том, что «похабный» мир был не только военно-политическим (собственно договор — 14 статей, пять с половиной типографских страниц), но еще больше — торгово-экономическим соглашением (144 страницы приложений — подробные торговые тарифы, таможенные правила, консульские конвенции, протоколы о вознаграждении за убытки и т.п. со всеми державами Центрального союза — Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией). Тогда же, в марте 1918 г. в Брест-Литовске было условлено, что финансово-экономическая часть переговоров будет продолжена в Берлине секретно, для чего в столицу II Рейха и прибыла инкогнито «контрреволюционная команда» Красина, которая к августу 1918 г. подготовила проект сверхсекретного т. н. «Дополнительного финансового протокола» (иногда его еще называют «добавочный протокол») к официальному публичному мирному договору 3 марта 1918 г.

Еще один парадокс — подписал этот «добавочный протокол» 27 августа 1918 г. в Берлине не Красин, а все тот же начальник «главного штаба германской революции» полпред РСФСР в Германии А. А. Иоффе.[1] Фактически протокол представлял собой классический документ выплаты контрибуции стране-победительнице под видом компенсации германским собственникам за потерянное в результате большевистской национализации немецкое имущество — заводы (особенно оружейные), рудники, банки, землю, дома, страховые компании и т. п. Размер этой контрибуции определялся гигантской цифрой *в шесть миллиардов золотых марок*, которые, разумеется, Советская Россия в твердой валюте не в состоянии была выплатить.

Поэтому немцы пошли на «бартер». В текст протокола с немецкой аккуратностью были внесены эквиваленты немецких золотых марок и точный график (по дням!) их доставки в Германию:

— *золото* — 240.564 кг чистого золота на сумму в *1,5 млрд.* зол. марок по графику из четырех «золотых эшелонов» (первый прибывает в Берлин до 20.IX. 1918, последний — до 31.XII.1918);

— *товары* — уголь, нефть, текстиль, зерно и т. д. на сумму в *1 млрд.* зол. марок по графику с 15 ноября по 31 декабря 1918;

— *ценные бумаги* — «романовки» и «думки» для распространения в Германии на сумму в *2,5 млрд.* зол. марок под 20% годовых до 31.XII.1918;

— *долг* России Украине и Финляндии в *1 млрд.* переносится на будущие переговоры и становится объектом дополнительного финансового соглашения с Германией (дележ наследия Российской империи, подобно тому, как сегодня РФ, Украина и Грузия делят внешние долги СССР).[2]

Вот почему кайзеровская дипломатия, Генштаб и спецслужбы до ноября 1918 г. сквозь пальцы смотрели на все «революционные художества» полпреда Иоффе с его продрывной литературой о мировой революции. Они ждали выполнения первой половины графика поставок золота и сырья. И, действительно, первые два «золотых эшелона» с 93 535 кг чистого золота и еще один эшелон с «золотом бумажным» (облигации займа из «романовок» и «думок») на 203 млн. 635 тыс. зол. руб. прибыли в Берлин в срок — до 1 ноября, за неделю до начала 9 ноября 1918 г. ноябрьской революции в Германии.

Ленин потирал руки — вот-вот большевистское золото достанется «главе революционного пролетариата» Германии Карлу Либкнехту, и тогда объединенная «Советско-германская республика» совместно использует это золото для «переделки карты Европы». Но в ленинский график триумфального шествия мировой пролетарской революции по Европе неожиданно вмешался «график истории».

---

[1] «Документы внешней политики СССР», т. 1. — М., 1957, док. № 320.

[2] Подробней обо всей этой сделке, ставшей «модельной» в германо-советских финансово-экономических отношениях с 1918 г. и вплоть до пакта Риббентропа — Молотова в 1939 г. см. в нашей книге «Золотые клондайки России». — М., 2003, с. 126—129.

Сначала последний кайзеровский премьер Макс Баденский, этакий «немецкий Протопопов» с «разжиженными мозгами», неожиданно ломает весь ленинский сценарий: организует 4 ноября 1918 г. на берлинском вокзале провокацию с неприкосновенным дипломатическим багажом советского полпреда Иоффе — одна из «вализ» (чемоданов) «случайно» выпадает из рук «грузчиков» (переодетых полицейских) и раскрывается. А из «вализы» кучей — листовки, брошюры, плакаты и т. п. на немецком языке — «Долой капиталистическое правительство Макса Баденского! Даешь мировую революцию в Европе!»

В тот же день полпред и весь состав посольства объявляются «персонами нон грата» и через 48 часов, 6 ноября, в годовщину кануна первого этапа Мировой пролетарской революции — Октябрьского переворота — фактически под конвоем препровождаются на берлинский вокзал и специальным поездом (у Иоффе в «штабе» было никак не менее 250 человек, да еще с женами, детьми и чемоданами) выдворяются в Россию.

Ленин искренне возмущен — «учителя» действуют не по правилам. Где их немецкая аккуратность, где соблюдение графика?

В то самое утро 6 ноября, когда спецпоезд вывозил из Берлина персонал советского посольства (на каждой подножке вагона — по полицейскому, окна задраены — некоторые «матросы Железняковы» все норовили призвать берлинских пролетариев-железнодорожников остановить состав и немедленно поднять мировую революцию), Ильич выступает на торжественном заседании московских профсоюзов по случаю первой годовщины Октября, она же — начало мировой революции. В его словах — горечь недоумения: «Германия… выслала нашего посла из Берлина, ссылаясь на революционную пропаганду нашего представительства в Германии. Германское правительство как будто раньше не знало, что наше посольство вносит революционную заразу» (а ведь действительно — знало с апреля и не высылало, почему? — *Авт.*). Но всю правду «гениальный оппортунист» профсоюзным «братьям своим меньшим» не говорит — просчитались, мол, мы, братцы, переоценили силу германских пролетариев и их вождя — «Кирюхи» Либкнехта. Оказывается, «если раньше Германия об этом (революционной заразе, идущей из посольства. — *Авт.*) молчала, то потому, что она была еще сильна, что она не боялась нас» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 133). И ни слова о «дополнительном протоколе» и о 93,5 *т* золота, уже отправленных кайзеру. А зачем «профсоюзному быдлу» знать тайны вождей?

И никогда больше, вплоть до своей смерти, Ильич ни словом не обмолвится о судьбе этих двух «золотых эшелонов», посланных к кайзеру, но на нужды мировой революции в Германии. Лишь 13 ноября, получив сообщение о полной военной капитуляции Германии 11 ноября, ВЦИК денонсировал и Брестский мир от 3 марта, и «дополнительный» протокол от 27 августа, правда, так и не поставив вопроса — где деньги, Зин? Члены ВЦИК утешились старой крестьянской мудростью — что с возу упало, то пропало.…

Не обмолвятся об этом «ленинском» золоте и его преемники, вплоть до Михаила Горбачева.

А между тем Ленин уже в конце 1919 г. через вездесущего *Карла Радека* знал о судьбе этих 93,5 *т* русского золота. Радек почти год, с декабря 1918 по ноябрь 1919 г., провел в Германии (частично сидя в тюрьме), встречался не только со «спартаковцами», но и с немецкими военными разведчиками и дипломатами (в частности, с будущим начальником штаба рейхсверха Отто Хассом и будущим министром иностранных дел Веймарской республики Вальтером Ратенау). От них он узнал, что французская контрразведка еще осенью 1918 г. пронюхала о «ленинском» золоте и сразу после капитуляции Германии 11 ноября наложила на него «лапу».

Оформлено все было специальным протоколом 1 декабря 1918 г. в г. Спа в Бельгии. Подписали французы, бельгийцы и капитулировавшие немцы, которым предварительно выкрутили руки. Кайзер бежал из Германии и вскоре, по примеру Николая II, отрекся от престола. Французская версия была до примитивности проста: «хозяина» золота (кайзера) нет, оно «бесхозное» и мы берем его «на временное хранение», обязуясь зачесть его Германии в счет ее будущих военных репараций. На том и порешили. Перегрузили

«ленинское» золото в Берлине из немецких вагонов во французские да и отвезли в Париж, где сгрузили в подвалы Французского банка.

Но на Версальской мирной конференции знаток международного права президент США *Вудро Вильсон* не дал «тигру Франции» Клемансо зачислить эту «перемещенную золотую ценность» в число военных трофеев и настоял, чтобы в итоговом Версальском договоре от 28 июня 1919 г. появилась статья 259 (часть 7) о том, что 93 *т* 542 *кг* «ленинского» золота считаются «конфискованными на временной основе» и хранятся во Франции «временно», вплоть до разрешения вопроса тремя заинтересованными странами — Россией, Германией и Францией[1]. И, действительно, в 1922—1927 гг. Франция и СССР (правда, без участия Германии) пытались на переговорах в Гааге и Париже решить судьбу «ленинского» золота, но безуспешно.

Но «гениальный оппортунист» перевернулся бы в гробу в своем Мавзолее, если бы, наконец, узнал, что стало с «его» золотом!

А стало вот что. В конце уже не Первой, а Второй мировой войны, ввиду полного расстройства финансов мира и потребности ввести в послевоенный период твердую валюту, *Франклин Рузвельт* и *Уинстон Черчилль*, встретившиеся в 1944 г. в маленьком американском городке Бреттон-Вудс (штат Нью-Гэмпшир), в рамках международной финансовой конференции 44 стран — будущих членов ООН, подписали глобальное соглашение: мировой расчетной единицей станет доллар США, а для его обслуживания создаются два новых международных банка — МВФ (Международный валютный фонд) и МБРР (Международный банк реконструкции и развития — ныне Всемирный банк). Уставные документы этих банков подписал и СССР, для чего направил в Бреттон-Вудс официальную делегацию». В активы этих банков США и Великобритания сделали свои взносы, а также направили «трофейные» (нацистские и фашистские) капиталы, главным образом, из Швейцарии. В МВФ и МБРР с санкции Сталина перечислили и «бесхозное» русское золото из тех 3600 *т*, которые в 1914—1922 гг. было вывезено царским, советским, колчаковским режимами, что еще оставались на «бесхозных» счетах на Западе и Востоке (Япония, Гонконг)[2].

А теперь эти «остатки» входят в число траншей МВФ и МБРР, которые под большие проценты они дают сегодня России и другим странам СНГ. Вот чем в конце концов обернулись ленинские «бриллианты для диктатуры пролетариата» — не освобождением, а новым закабалением!

Но вернемся к первой большевистской «советизации». В Германии она уже в 1918 г. закончилась провалом. Но для Ильича, как и для персонажа горьковской пьесы «На дне» старца Луки, «еще маленько землицы осталось». Например, в Индии.

ПОПЫТКИ «СОВЕТИЗАЦИИ» ИНДИИ. СОВЕТИЗАЦИЯ ЗАКАВКАЗЬЯ И ТУРКЕСТАНА

Индия как путеводная «звезда Востока» давно манила русских царей. В 1800 г. Павел I наладил туда донских казаков, и только преждевременная насильственная смерть Гроссмейстера Мальтийского Ордена, мечтавшего обратить «святую Русь» в католичество, спасла ее от конфуза и затяжной войны с Англией, владелицей «жемчужины британской короны».

В 1808 г. в том же направлении толкал Александра I Наполеон в период тильзитского союза, но «властитель слабый и лукавый» (А. С. Пушкин) благоразумно уклонился от такой чести.

Троцкого это «наследие проклятого прошлого» мало волновало. Восток в начале XX в. давно полыхал — в Китае, Афганистане, Индии, Персии, Османской империи разгорался огонь национально-освободительной борьбы против колониального ига. Ведь и сама Первая мировая война возникла главным образом из-за дележа колоний.

---

[1] *Куллудон В.* (Франция). «Ленинское» золото во Франции // «Дипломатический ежегодник». — М., 1995, с. 269.

[2] Подробней о всей этой почти детективной истории участия СССР в создании МВФ и Всемирного банка см.: *Сироткин В. Г.* Указ. Соч. С. 47—70.

Уже в 1918 г. большевики установили с «Бюро мусульманских коммунистических организаций» (нынешний Пакистан) революционный контакт, выделили ему валюту на печатную пропаганду, а также наладили через Стокгольм—Лондон—Бомбей контрабандную доставку оружия. На I (учредительном) конгрессе Коминтерна в марте 1919 г. в Москве представитель этого «бюро» Могамед Баранотулла оптимистически объявил, что уже к лету того же года Индия освободится от британских колонизаторов (?!).

В мае 1919 г. в Афганистане — «воротах в Индию» — началось очередное восстание против англичан под руководством Амманулы-хана. И хотя хану уже через месяц пришлось заключать, как большевикам в Брест-Литовске, военное перемирие с вооруженными до зубов сынами туманного Альбиона, новому командующему туркестанского фронта *Михаилу Фрунзе* уже чудились приоткрывающиеся через афганский Памир «врата в Индию».Еще до переезда в Ашхабад, где размещался штаб Туркфронта, Фрунзе направил председателю Реввоенсовета Троцкому записку о своем видении задач фронта. Среди этих задач фигурировала и такая: «Подготовка похода на Индию и Персию в целях удара [по] английскому империализму, являющемуся самым свирепым врагом Советской России и строящем свое благополучие на указанных восточных странах»[1].

Троцкий, всегда очень чутко реагировавший на все, что касалось практической реализации доктрины мировой революции, развил военно-организационные задачи Туркфронта Фрунзе в целую стратегию продолжения «экспорта революции», но не на Западе, а на Востоке, в секретной записке в ЦК РКП 5 августа 1919 г.[2]. «Демон революции» начинает свою записку с анализа военного положения Советской республики на фронтах Гражданской в концу лета 1919 г. в контексте международного революционного движения в Восточной Европе. Германская революция ноября 1918 г. временно задушена, советские Венгерская и Словацкая республики пали, в бывших царских прибалтийских губерниях и в «русской» Польше свирепствуют местные националисты — Антанта явно создает на западных границах националистический санитарный кордон.

Несмотря на крушение II Рейха в результате Ноябрьской революции в Германии и поспешное бегство кайзеровских оккупационных войск, Украина по-прежнему пока потеряна для большевиков; ее черноморские порты, особенно Одесса, заняты военно-морскими десантниками Антанты (французы, британцы, греки и др.), а Добровольческая армия Деникина прет через Киев и Харьков на Москву. Поэтому «наша Красная Армия на арене европейских путей мировой политики, — критически констатировал Троцкий, — окажется довольно скромной величиной не только для наступления, но и для обороны» (*Краснов В., Дейнис В.* Указ. соч., с. 360).

Иная ситуация на Востоке. В Западной Сибири РККА успешно бьет Колчака. На Дальнем Востоке очевидное противоречие между японскими и американскими оккупационными войсками: США явно не хотят японской аннексии русского Дальневосточья. «В этом случае, — цинично пишет предреввоенсовета, — мы могли бы даже рассчитывать, вероятно, на прямую поддержку вашингтонских подлецов (?!) против Японии» (там же, с. 361). Поэтому «нет никакого сомнения, что на азиатских полях мировой политики наша Красная Армия является несравненно более значительной силой, чем на полях европейской. Перед нами здесь открывается несомненная возможность не только длительного выжидания того, как развернутся события в Европе, но и активности по азиатским линиям. *Дорога в Индию может оказаться для нас в данный момент более проходимой и более короткой, чем дорога в Советскую Венгрию* (выделено нами. — *Авт.*) (там же, с. 361).

---

[1] Цит. по: *Краснов В., Дайнес В.* Неизвестный Троцкий. Красный Бонапарт (документы, мнения, размышления). — М., «Олма-Пресс», 2000, с. 365.

[2] В 1988—2000 гг. записка неоднократно публиковалась, в том числе и автором этой книги, в «Учительской газете». Далее мы будем цитировать ее по последней публикации *В. Краснова и В. Дайниса.* Указ. соч., с. 360—363.

Но Троцкий и не скрывает, что «азиатский фронт» мировой революции могут обеспечить только штыки Красной Армии — «дать прямой толчок восстанию угнетенных масс и обеспечить победу такого восстания в Азии может… армия, которая на европейских весах сейчас еще не может иметь крупного значения» (там же). Развивая предложение Фрунзе из его записки о военно-организационных задачах Туркфронта, Лев Давыдович пишет о «конном корпусе (30 000 — 40 000 всадников) с расчетом бросить его на Индию» (там же, с. 362)[1].

Поскольку Троцкий отнюдь не был уверен, что такой «конный корпус» в сорок тысяч сабель лихой атакой сможет сразу захватить огромную Индию, он предлагал для обеспечения тылов мировой азиатской революции создать на Урале мощную военно-материальную базу. Туда надо перебросить «лучшие наши научно-технические силы, лучших организаторов и администраторов». Более того, предлагалось переселить на Урал шахтеров Донбасса и всю украинскую компартию, коль скоро им не удалось ни помочь Советской Венгрии, ни отбиться от Деникина (между прочим, в 1941—1942 гг. эти планы Троцкого в отношении Урала реализует его заклятый враг — Сталин. — *Авт.*).

Военно-операционная база на Урале, однако, важна не только для «броска на юг». «…Международная обстановка складывается, по-видимому, так, — провозглашал Троцкий, — что путь на Париж и Лондон лежит через города Афганистана, Пенджаба и Бенгалии» (там же, с. 362). 20 сентября 1919 г. предреввоенсовета посылает в ЦК еще одну совершенно секретную записку, предлагая ускорить «советизацию» Туркестанского края (там же, с. 364).

Нам неизвестны результаты обсуждения этих двух программ форсирования мировой азиатской революции в ЦК РКП(б), но что кое-какие из предложений Фрунзе и Троцкого было реализовано на практике — это факт.

Дело в том, что 1920 год — это пик большевистских надежд на раздувание пожара мировой революции на Востоке и Западе. 19 июля — 7 августа в Москве проходит самый экстремистский II Всемирный конгресс III (Коммунистического) Интернационала. Он одобряет знаменитые 21 условие принятия коммунистических партий-секций в Коминтерн, острием своим направленные против условий принятия в Лигу Наций. Программа ускорения мировой революции в Европе и Азии, лишь намеченная пунктиром в двух записках Троцкого в ЦК РКП(б), принимает законченную форму в «Манифесте II Всемирного конгресса Коминтерна», принятого 7 августа 1920 г.

Главное в нем — установление диктатуры пролетариата в форме европейских и азиатских «советских республик» с последующим воссоединением их с Советской Россией и образованием «Первого Отечества мирового пролетариата» — СССР.

Характерно, что по-прежнему осью этого «Отечества» остается «пролетарский союз» России и Германии: «Советская Германия, объединенная с Советской Россией, оказалась бы сразу сильнее всех капиталистических государств, вместе взятых!» — патетически утверждалось в «Манифесте». Открыто изложен и «сабельный метод» решения проблем мировой революции: «Международный пролетариат не вложит меча в ножны до тех пор, пока Советская Россия не включится звеном в Федерацию Советских Республик всего МИРА».

Реализация изложенных в «Манифесте» задач началась задолго до открытия II конгресса. Уже в январе — феврале 1920 г. войска Туркфронта под командованием Фрунзе без боя занимают Хивинское ханство (со времен «белого генерала» Михаила Скобелева оно обладало статусом автономии, на манер Финляндии) и в апреле там провозглашается Хорезмская народная советская республика. «Советизация» Туркестана продолжалась.

К марту 1920 г. наступает очередь Северного Кавказа и Азербайджана. Помимо идеологии здесь присутствует вполне прозаическая, но крайне необходимая вещь — *нефть*.

---

[1] Примерно столько же «сабель» донских казаков насчитывал конный корпус Павла I, в 1800 г. «брошенный на Индию».

28 февраля Ленин шифром телеграфирует членам РВС Кавказского фронта Ивару Смилге и Серго Орджоникидзе: «Нам до зарезу нужна нефть, обдумайте манифест населению, что *мы перережем всех* (?! — выделено *авт.*), если сожгут и испортят нефть и нефтяные промыслы и, наоборот, даруем жизнь всем, если Майкоп и особенно Грозный передадут в целости» (цит. по: *Краснов В., Дайнес В.* Указ. соч., с. 366). Члены РВС «обдумали»: 22 марта Майкоп взяли красные партизаны, а 23 — Грозный — XI-я армия Кавфронта. Вскоре на Северном Кавказе создается Горская советская республика.

На очереди — независимые «буржуазные» республики Закавказья — Азербайджан, Армения, Грузия, 16 января 1920 г. признанные Антантой дипломатически как суверенные государства. 17 марта 1920 г. Ильич вооружает тех же Смилгу и Орджоникидзе очередной директивой: «Взять Баку нам крайне, крайне необходимо. Все усилия направьте на это, причем обязательно в заявлениях быть сугубо дипломатичными и удостовериться максимально в подготовке твердой местной Советской власти. То же относится к Грузии, хотя к ней относиться советую еще более осторожно» (там же).

Надо сказать, что с 1918 г. международная обстановка в Закавказье была очень сложной и запутанной. Вначале закавказские националисты провозгласили объединенную Закавказскую республику (на этом, кстати, очень настаивал президент США Вудро Вильсон), но очень скоро перессорились из-за спорных территорий, причем настолько, что армяне-националисты пригласили в Нагорный Карабах для охраны там «зеленой линии» (г. Шуша) большевистские войска как своеобразные «голубые каски» ООН (хотя таковых у Лиги Наций еще не было). Кроме того, Закавказье было наводнено эмиссарами, разведчиками и даже войсками кайзеровской Германии (до ноября 1918 г.), Англии, Турции, Персии (Ирана). Противоборствующие националистические группировки внутри каждой республики нередко охотно прибегали к помощи иностранных интервентов.

Но в конце 1918 г. из игры вышли кайзеровская Германия и султанская Турция, потерпевшие поражение в Первой мировой войне. Более того, в обеих странах произошли революции. Причем, если веймарской постреволюционной Германии было не до Закавказья, то младотурецкая революция генерала Мустафы Кемаль-паши в качестве военно-политического союзника избрала даже не этнически близкий мусульманский Азербайджан, а «безбожную» Советскую Россию. И не случайно Ильич посылает директиву «взять Баку» после того, как получает от Ататюрка («отца всех турок») Кемаль-паши челобитную: господа красные гяуры, обороните нас от англичан, вконец замучили, супостаты, греческую армию войной послали против Анкары…. Понятное дело, Кавказское бюро РКП(б) тут как тут — заключает с пашой тайное соглашение о военной помощи. И уже 23 апреля Орджоникидзе отбивает наркоминдел Чичерину победную шифровку: «Мустафа Кемаль-паша требует от Азербайджана пропуска советских войск к границам Турции для обороны их от английских нападений» (там же, с. 368).

Дальше все пошло по наезженному «коминтерновскому» сценарию, который будет применяться вплоть до советско-финской войны 1939/40 гг. В Баку «восстают» трудящиеся массы, 23 апреля создается Бакинский ревком, который от имени «угнетенных народов» Азербайджана обращается к Совнаркому РСФСР за помощью «путем посылки отрядов Красной Армии». Уже стоявшие под парами воинские эшелоны XI армии утром 28 апреля (еще никакого ответа из Москвы не было) по железной дороге Дербент — Баку вкатились в столицу независимой республики. Националистическое муссаватистское правительство республики бежало, оставив о себе только одну добрую память — создание Бакинского госуниверситета, который работает до сих пор.

Ататюрк на заседании меджлиса 14 августа 1920 г. не скрывал, что «советизация» Азербайджана осуществилась «при нашем влиятельном содействии и помощи…». Большевики щедро отплатили Ататюрку за благожелательный нейтралитет в Закавказье. 16 марта 1921 г. в Москве был подписан советско-турецкий «Договор о дружбе и братстве», официально признававший новый режим кемалистов. Договор подтверждал территориальные уступки, сделанные советской делегацией в Брест-Литовске еще

султанскому правительству: армянские территории в районах Карса, Ардагана и Артвина, вместе со священной для армян горой Арарат — она осталась только на этикетках марочного армянского коньяка — отходили к Турции, а вот Аджария вместе с Батуми — к советской Грузии.

Кроме того, Турции выделялся безвозвратный кредит в 10 млн. зол. руб., а также бесплатно поставлялось оружие, боеприпасы, военное снаряжение и т. п. В 1922 г. на основе этого договора Советская Россия окажет Кемаль-паше прямую военную помощь войсками (пехота, артиллерия, кавалерия), что позволит туркам разгромить греческую армию буквально у стен Анкары.

Военно-политический союз с кемалистами и ослабление военной активности Антанты в черноморском регионе после бегства Врангеля из Крыма в ноябре 1920 г. существенно облегчили большевикам процесс «советизации» Туркестана и Закавказья. 2 сентября 1920 г. все тот же Фрунзе ликвидировал последнюю «царскую автономию» Туркестана — Бухарский эмират. На его месте была учреждена Бухарская народная советская республика.

2 декабря 1920 г. «азербайджанский сценарий» разыгрывается в Армении: ревком — приглашение РККА — провозглашение советской республики.

Несколько сложнее шла «советизация» Грузии. Во-первых, в ее государственном руководстве в 1918 г. прочно окопались меньшевики, имевшие всероссийскую и международную известность, — Чхеидзе, Церетели и др. (к ним даже приезжал сам Карл Каутский). Во-вторых, меньшевистская Грузия успела с января 1920 г. установить дипломатические отношения со многими странами Антанты (после аннексии Грузии в феврале 1921 г. эти «грузинские посольства» доставляли советским дипломатам в 20-х гг. немало хлопот, ибо никак не хотели признавать юрисдикцию Москвы).

В мае 1920 г. Советская Россия и Грузинская демократическая республика тоже упрочили свои дипломатические связи (первым советским послом в Тбилиси, между прочим, был направлен Сергей Киров) и даже подписали союзный договор. Он разрешал деятельность прокоммунистических организаций на территории Грузии.

И тем не менее «советизация» Грузии свершилась — 25 февраля 1921 г. XI-я армия без боя взяла Тбилиси. Правда, большевики перед этим проявили благородство — они дали правительству меньшевиков и ряду крупных банкиров и фабрикантов Грузии легальную возможность эмигрировать на британских военных судах. Причем, большевики даже не противились вывозу золотого запаса республики и некоторых религиозно-художественных ценностей (икон, картин и т. п.). Все это было сохранено в эмиграции (главным образом, во Франции) и спустя много десятилетий возвращено в Грузию.

Совсем иной результат имела «советизация» Персии и Польши.

«СОВЕТИЗАЦИЯ» В ПЕРСИИ

Долгое время эта тема была «табу» для советских историков, а если и упоминалась, то исключительно как «самодеятельность» некоего «мичмана Ильина» (Федора Раскольникова). И лишь совсем недавно, в 2000 г., появилось первое обстоятельное исследование *Владимира Гениса* «Красная Персия: большевики в Гиляне, 1920—1921 гг.», подробно трактующее об этой первой, но, увы, не последней крупной авантюре Москвы в будущем «третьем мире».

Первоначально эта военная акция мыслилась как разовая десантная операция на каспийском побережье Персии (Ирана), где в морском порту Энзели (Пехлеви) под прикрытием частей 36-й британской пехотной дивизии находилось более 20 военных и гражданских морских судов, угнанных «деникинцами» из портов Каспийского моря, а также много военной техники и боеприпасов[1].

---

[1] Проблема угнанных с морей России военных и гражданских судов в 20-х гг. будет остро стоять перед советской дипломатией. В частности, о 342 судах (из них 52 военных, включая три линкора, три крейсера, двенадцать эсминцев, шесть подводных лодок),

Предложение совершить молниеносный десант исходило от командующего Волжско-Каспийской военной флотилией *Федора Раскольникова*, поддержанного 28 апреля 1920 г. Троцким. На записке Троцкого Ленин начертал: «Вполне с этим согласен». 18 мая рейд морского порта в Баку покинула эскадра из 14 кораблей с двумя тысячами человек красного десанта на борту — борцов за азиатскую мировую революцию. Одновременно по суше через Ленкорань для атаки Энзели с берега была отправлена кавалерийская дивизия, т. е. те самые «всадники», которых Троцкий еще в 1919 г. предлагал «бросить на Индию».

Но помощь «всадников» для захвата Энзели не потребовалась: 18 мая без предупреждения эскадра Раскольникова обстреляла порт, причем первый же тяжелый снаряд, выпущенный с крейсера «Роза Люксембург», попал в штаб 36-й британской пехотной дивизии, лишив ее управления. Высадившийся десант после небольшой перестрелки к вечеру 18 мая взял порт, благо англичане, застигнутые врасплох, предпочли капитулировать.

Раскольникову, как когда-то в XVII в., Стеньке Разину, досталась богатая добыча — 23 корабля, 50 артиллерийских орудий, 20 тыс. снарядов, много другого военного имущества. Вся добыча немедленно была погружена на часть кораблей и отправлена в Баку.

Но «мичман Ильин» (так, под собственной фамилией, вышли в начале 20-х гг. его «Записки») не был бы типичным большевистским «полевым командиром», если бы не решился развить успех локальной военно-десантной операции до политической «советизации» Персии и «броска на Индию». Благо мичмана вдохновлял закаспийский Туркестанский фронт, где в г. Полторацке (Ашхабад) с легкой руки Троцкого еще в 1919 г. был создан мощный центр агитации за мировую азиатскую революцию — некий *Совинтерпроп* — Совет интернациональной пропаганды на Востоке. Задачей этого совета была «советизация» северной иранской провинции Хорасан, населенной в основном туркменами-кочевниками. Надо сказать, что в Персии (Иране) независимо от Коминтерна ширилось национально-освободительное движение прежде всего против англичан: согласно кабальному англо-персидскому договору, заключенному в августе 1919 г., они фактически оккупировали Персию, превратив центральное шахское правительство в Тегеране в свою марионетку.

Сначала РВС Туркестанского фронта и Совинтерпроп сделали ставку на курдского «батьку Махно» Сардара Ходоу (Хода), под флагом борьбы с центральным тегеранским правительством банда которого занималась грабежами местного населения. Вскоре большевистским вождям Коминтерна в Туркестане стало ясно, что этот Ходоу никакой не идейный борец за азиатскую мировую революцию, а обыкновенный бандит типа Абдуллы из культового советского фильма о Средней Азии 20-х гг. «Белое солнце пустыни». Вдобавок в августе 1920 г. банда Ходоу была в провинции Хорасан разбита тегеранскими правительственными войсками. Ее главарь бежал в Ашхабад, но комиссары встретили его довольно холодно.

Тогда Ходоу набрал очередную банду башибузуков и в марте 1921 г. вновь отправился в Персию прокладывать дорогу мировой революции в Индию, сиречь по-прежнему грабить. Но вскоре, в апреле, его «армия» из тридцати бандитов была окружена превосходящими силами тегеранских войск и сдалась. В назидание другим борцам за мировую революцию неудачливого претендента на пост главы так и не созданной «Хорасанской народной советской республики» шахское правительство публично повесило Ходоу в г. Мешхед.

Иная расстановка сил сложилась в Гилянской провинции. Здесь тоже нашли «лесного брата» — дженгелийца (от «дженгель» — «лес» в переводе с фарси. — *Авт.*) некоего *Мирзу Кучук-хана*, сына мелкого шахского чиновника. Его повстанческие отряды контролировали всю Гилянскую провинцию, а сам Кучук-хан среди простых людей

угнанных Францией в 1918 г. и Врангелем из акватории Черного моря в 1920 г., в 1925 г. оцененных Наркомфином СССР в 8,3 млрд. зол. руб. Большинство этих судов захватила Франция, причем русская военная эскадра вместе с экипажами пять лет стояла на приколе в Бизерте (Тунис). Подробней см. «Узники Бизерты» // Под ред. С. Власова. — М., 1998, с. 222—224 (список военных судов). Проблема возврата так и не была решена.

имел репутацию «персидского Робин Гуда», который скоро выгонит англичан и продажных шахских чиновников и вернет Персии ее «золотой век».

Агенты Совинтерпропа и РВС Туркфронта еще в марте 1920 г. установили с этим «Робин Гудом» деловой контакт. Но высадка военно-морского десанта Раскольникова в Энзели изменила «подчиненность» Кучук-хана: он перешел в ведение «мичмана Ильина», Кавбюро ЦК РКП(б) и РВС Кавказфронта (Серго Орджоникидзе) и еще выше — к Ленину и Троцкому в Москве.

Планы Раскольникова вполне бонапартистские — он предлагает себя в командующие для похода через Персию в Индию. 22 мая «мичман» докладывает Троцкому — он уже выдвинул британскому губернатору в Персии ультиматум: убрать английские военные гарнизоны из северной Персии и создать «буферную зону» с Тегераном в центре, как зону разграничения между северной (советской) и южной (британской — зона Персидского залива) сферами влияния[1].

Но Раскольников предлагал большее, чем банальный «империалистический» раздел сфер влияния в полуколониальной стране. Он просил у Троцкого разрешения на собственный «египетский (персидский) поход» в глубь страны, если, конечно, «в Персии произойдет переворот и новое правительство (во главе с Кучук-ханом? — *Авт.*) призовет нас на помощь» (та же схема, что и в Азербайджане за месяц до доклада мичмана Троцкому).

Раскольникова полностью поддержал Орджоникидзе: «Дайте нам точные указания, какой политики держаться в Персии?». Но тут же горячий Серго дает ответ: «Мое мнение: с помощью Кучук-хана и персидских коммунистов начать борьбу за Советскую власть и выгнать англичан. Это произведет колоссальное впечатление на весь Ближний Восток» (цит. по: *Краснов В., Дайнис В.* Указ. соч., с. 371). И, не сомневаясь в позитивном ответе из Москвы, той же ночью с 24 на 25 мая Орджоникидзе морем отправился в Энзели делать «великую азиатскую мировую революцию».

Действительно, уже вечером 25 мая Троцкий вынес донесение Раскольникова и Орджоникидзе на обсуждение Политбюро ЦК РКП(б). В принципе Политбюро одобряло политику своих комиссаров в Персии, но просило соблюдать «аккуратность»: всю революцию «валить» на народные массы и их вождей типа Кучук-хана (но оказывать ему тайно всю необходимую помощь оружием, инструкторами, «добровольцами» и т. п.). Военные корабли под флагом РСФСР убрать, но «оставить в Энзели некоторую часть судов под видом полицейской службы под флагом Азер. Сов. Республ». (т. е. просто сменить флаги на большевистских судах).

Вообще, этот первый опыт «советизации» на Востоке, в Иране (май 1920 — октябрь 1921 гг.) был очень поучителен для историков в смысле изучения соотношения «линии Коминтерна» (мировой революции) и «линии НКИД (МИД)» — национальной внешней политики — для всего периода советской истории (1919—1989 гг.). Вся эта коллизия будет затем повторяться в Китае в 20—30-х гг., Афганистане (вплоть до 1979 г.), а также в 70—80-х гг. в Африке (Ангола), Латинской Америке (Никарагуа) и т. д.

И очень любопытно выяснить, как из этой коллизии еще на заре советской власти в СССР пытались выйти Ленин и Троцкий.

Дело в том, что весной 1920 г. большевистские вожди одновременно осуществляли две прямо противоположные миссии, общим у которых было лишь одно — их *абсолютная секретность.* В мае 1920 г. Федор Раскольников высаживается в порту Энзели и создает в июне в г. Решт (напротив Энзели через залив) «советское» революционное правительство во главе со своей марионеткой «товарищем» Мирзой Кучук-ханом.

А в то же самое время Леонид Красин, наркомвнешторг и будущий посол СССР в Англии и во Франции, инкогнито едет в том же мае 1920 г. в Лондон и там ведет сверхсекретные переговоры с частью британских правящих кругов о заключении англо-

---

[1] Именно этот принцип раздела «сфер влияния», впервые примененный еще Николаем I в 1828 г., ляжет в основу советско-иранского мирного договора 26 февраля 1921 г., который в 1941—1945 гг. даст возможность оккупировать Иран англо-советскими войсками.

советского торгово-экономического соглашения (переговоры длились около года и завершились, 16 марта 1921 г. подписанием соответствующего соглашения).

Разумеется, Раскольников и Орджоникидзе ничего не знали о двойной игре своих вождей — Ленина и Троцкого. Поэтому Раскольников был крайне удивлен, когда в ответ на свою шифротелеграмму Троцкому 22 мая получил от него 26 мая (напомним, что накануне прошло заседание Политбюро), такую директиву:

— никакого военного вмешательства под русским (советским) флагом;

— никаких «русских экспедиционных корпусов»;

— везде трубить — готовы отправить нашу военно-морскую эскадру из Энзели обратно в Баку, «дабы не вызывать подозрений к захвату».

Это — «линия» Красина, НКИД и Наркомвнешторга. А вот и «линия Коминтерна»:

— «оказать всемерное содействие Кучук-хану и вообще освободительному народному движению Персии инструкторами, добровольцами, деньгами и пр.»;

— но вся эта помощь + необходимые Кучук-хану военные корабли — сугубо от имени Азербайджанской советской республики и под ее флагом;

— «тайно помочь и организовать в Персии широкую советскую агитацию и организацию»;

— но самое главное (Красин!) — «заставить правящую Англию понять, что мы… в Персии и вообще на Востоке не собираемся [воевать] и готовы дать действительные гарантии нашего невмешательства» (цит. по: *Гинес В. Л.* Указ. соч., с. 182).

Замнаркоминдел *Лев Карахан* был еще более откровенен, инструктируя Раскольникова из Москвы: «Мы должны быть совершенно в тени, вся помощь людская должна быть оказана в порядке добровольчества».

Конечно, лидеры раннего советского большевизма были, безусловно, странными людьми: ну, как можно было поручать «мичману Ильину» сверхтонкую дипломатическую задачу обмана прожженных британских дипломатов в Персии, имевших за плечами Оксфорд или Кембридж и вековое переговорное искусство? Ведь метóда кронштадтского «братишки» со времен «штурма» Зимнего была проста — истошный крик «Дае-е-е-ешь!» и прикладом по зубам «юнкерам» — своим или английским. Куда как более образованные, чем Раскольников, большевики — и те терпели поражение в тайном противоборстве с подданными Ее Величества британской королевы. Типичный в этом отношении случай произошел в январе 1918 г. в Англии с Львом Каменевым, по оценке Троцкого способным большевистским переговорщиком (в 1926 г. был даже назначен послом в Италию к Муссолини).

Ленин нелегально направил Каменева в 1918 г. сразу с двумя заданиями в Лондон: прощупать «буржуазных» англичан на предмет замирения с Советами, а «пролетариев» туманного Альбиона — насчет восстания против этих же «буржуев», для чего Льву Борисовичу были выданы два саквояжа царских бриллиантов. Именно при попытке дать взятку бриллиантами одному из депутатов парламента от лейбористской партии Каменева и застукали. Все бриллианты конфисковали, а самого «уполномоченного» выслали с позором за пределы Соединенного королевства. Вдобавок на обратном пути через Швецию и Финляндию Каменев был арестован «белофиннами» и восемь месяцев просидел у них в тюрьме, пока в августе 1918 г. не был обменен на партию финских заложников в Советской России[1].

Всего этого, конечно, Раскольников с Орджоникидзе не знали. 6 июня 1920 г. «мичман Ильин» докладывал Троцкому, Ленину и Чичерину:

— в ночь с 4 на 5 июня образовал в г. Реште «временное революционное правительство Персии» во главе с «товарищем Мирза Кучук» (обратите внимание — не Гилянской провинции, а всей Персии! — *Авт.*); метод образования тот же, что и в Петрограде в октябре 17-го — «первое» временное, затем «второе революционное» правительство и т.д.;

---

[1] *Рупасов А., Чистяков А.* Красный «миссионер» // жур. «Россия. XXI», 1996, № 1—2, с. 148—158.

— само собой, параллельно с правительством был создан РВС, пока без участия в нем бакинских большевиков (но двое — И. К. Кожанов и Б. Л. Абуков — стоят «под парами»);

— понятное дело, «революционное правительство» Кучук-хана «во главу угла своей деятельности кладет осуществление социализма на основе принципов тов. Ленина», хотя этот «социализм» и весьма своеобразен: он укладывается всего в один лозунг — «Долой англичан!»;

— ближайшая задача — поход на Тегеран, но срочно нужны советские «спецы», особенно по советскому строительству и подоходному налогу (вспомним Афганистан 1979—1989 гг. — *Авт.*);

— по строжайшему указанию Троцкого — «никаких русских экспедиционных корпусов» — Раскольников сообщал: «экспедиционный корпус мною расформирован», но по «настоятельным просьбам тов. Мирза Кучук» тем не менее «наш первый десантный отряд флотилии и Кавдивизион военморов вступил в г. Решт в качестве добровольцев, состоящих на персидской службе и получающих содержание и довольствие от Персидского революционного правительства»;

— подрывная революционная агитация приносит свои плоды: индусские солдаты из состава английского оккупационного корпуса перебегают к «советским персам»; более того, восемь тысяч персидских казаков, давно живущих в Иране и охраняющих шаха в Тегеране, готовы перейти на сторону большевиков (к Раскольникову приезжал их представитель, и они договорились, что как только армия Кучук-хана подойдет к Тегерану, казаки «нейтрализуют» личную гвардию шаха), а полторы тысячи персидских казаков в г. Реште уже официально перешли на сторону «революционного хана»;

— Кучук-хану уже переданы из состава десанта Раскольникова горная батарея и батальон службы связи; кроме того, из Баку срочно доставляются броневики, аэропланы, винтовки и пулеметы;

— самое слабое звено — персидские коммунисты — их партия «Адалет» еще очень слаба, а активисты, приехавшие в г. Решт из Баку — максималисты; зато сам Кучук-хан, по Раскольникову, «исповедует коммунистические взгляды», хотя и не состоит членом компартии «Адалет» и поэтому, писал «мичман», «полагаю, что вся наша ставка должна быть поставлена на него» (цит. по: *Краснов В., Дайнес В.* Указ. соч., с. 373—376).

Выражаясь простым языком, все это обширное донесение «мичмана» было сплошной *липой*. Даже Орджоникидзе, не менее Раскольникова сторонник «советизации», побывав лично в Энзели и Реште, изменил своему прежнему энтузиазму и телеграфировал 2 июня 1920 г. в НКИД нечто совсем другое: «Ни о какой Советской власти в Персии речи и быть не может. Кучук-хан даже не согласился на поднятие земельного вопроса. Выставлен только единственный лозунг: «Долой англичан и продавшееся им тегеранское правительство!» (там же, с. 377).

Тем не менее Кучук-хан, хорошо понимавший, как и все остальные большевистские марионетки вплоть до афганцев Тараки и Наджибуллы уже в наше время, что без «красных штыков» они не продержатся и месяца, 9 июня торжественно провозгласил в Реште создание Персидской Советской Социалистической Республики, а РВС этой республики во главе все с тем же ханом сообщил Троцкому — начинаем создание Персидской Красной Армии.

Такое событие не осталось незамеченным в Москве. Троцкий 15 июня написал ответное послание председателю персидского Совнаркома и РВС Кучук-хану о том, что «весть об образовании Персидской Красной Армии наполнила радостью наши сердца». Но такое событие нельзя было оставить без контроля большевистских комиссаров. Сначала Политбюро ЦК РКП(б) 8 июня санкционировало вхождение в РВС Кучук-хана тех самых стоявших «под парами» военных комиссаров Кожанова и Абукова и даже разрешило обоим сменить гражданство — стать «подданными» новой персидской советской республики. Затем в прорыв бросили знаменитого большевистского авантюриста бывшего эсера-боевика *Якова Блюмкина* (напомним, что 6 июля 1918 г. он участвовал в теракте против германского посла в Москве графа Мирбаха), который в

Реште тотчас перекрасился — из еврея «перекрестился» в азербайджанца Якуб-заде Султанова. И, наконец, в новую «советскую республику» прибыла «тяжелая артиллерия» — П. Г. Мдивани и сам *Анастас Микоян*, «27-й бакинский комиссар».

Вся эта «большевистская королевская рать» без труда установила, что «мичман Ильин» навешал и им, и Политбюро ЦК РКП(б) длинную *лапшу* на уши: никакой Кучук-хан не марксист-ленинец, а обыкновенный мелкий проходимец, с похожими на которого типами Коминтерн и СССР еще очень долго будут иметь дело и в Китае, и в Афганистане и вообще в Азии, Латинской Америке и в Африке вплоть до 1991 г. В результате уже через месяц, 19 июля 1920 г., Предсовнаркома и РВС «Персидской Советской Социалистической Республики» Кучук-хан был с позором изгнан со всех постов и под конвоем выдворен из Решта. На его место 31 июля Микоян и К° посадили другого хана — Эсхануллу. Этот был уже совсем ширмой — в его «правительстве» всем крутили большевистские советники — «перс» Кожанов, «азербайджанец» Якуб-заде Султанов (Блюмкин) и прочие липовые восточные «националы».

Именно Блюмкин по поручению Микояна и Мдивани организовал дворцовый переворот против Кучук-хана и при Эхсанулле-хане стал военным комиссаром штаба Персидской Красной Армии, вступив предварительно в иранскую компартию. Именно Якуб-заде сформирует делегацию иранской компартии на Первый съезд народов Востока в Баку 1—8 сентября 1920 г. и сам, сидя в президиуме рядом с Зиновьевым, примет в нем участие[1].

Левацкое правительство Эсхануллы-хана очень скоро своей внутренней политикой — реквизицией земли у крестьян, мелких лавочек и мастерских у торговцев и ремесленников, репрессиями против духовенства и бездумным атеизмом (публично на площадях жгли священный Коран на кострах) — оттолкнуло от себя основную массу населения, держась исключительно на штыках большевистских «добровольцев». В итоге уже к сентябрю шахские войска осадили Решт (его пришлось оставить) и Энзели (Пехлеви), обороной которого руководил лично Блюмкин[2].

Между тем, на самом «верху» персидско-английский вопрос встал со всей остротой. Какой выбор сделать — или продолжать авантюру в Персии, или замириться с Англией?

Внутрипартийная демократия еще действовала — 9 сентября 1920 г. Чичерин от имени НКИД направил в ЦК РКП(б) два варианта действий в «советской» Персии: а) направить в Энзели (Пехлеви) экспедиционный хорошо вооруженный корпус РККА, и уже не 2 тыс., как у Раскольникова в мае, а 8—10 тыс. с пушками и броневиками, пройти огнем и мечом до Тегерана, свергнуть шаха, создать «советского типа правительство»[3] и далее — осуществить «бросок на Индию»; б) вывести советских «добровольцев» из Персии, оставив за собой лишь военно-морскую базу в Энзели, «сдать» иранских коммунистов и заключить выгодный РСФСР межгосударственный договор с шахом, заодно выторговав у него обширные концессионные осетровые участки с рыбзаводами, которыми с 1876 г. владели русские фабриканты братья Лианозовы (один из них передал свою долю в концессии правительству РСФСР).

Пленум ЦК РКП(б) 20 сентября, несмотря на истеричные вопли председателя ИККИ Зиновьева (он только что вернулся из Баку с первого съезда народов Востока, где торжественно провозгласил создание «советских восточных республик» от Каспийского до Индийского морей) большинством голосов принял второе предложение НКИД — бросить персидских коммунистов (как Горбачев — афганских) на произвол судьбы. В октябре 1921 г. «Персидская ССР» окончательно пала, а большевикам, как некогда Стеньке Разину и Петру I, пришлось убраться и из Энзели. Но договор с шахом они-таки 26 февраля 1921 г. заключили и осетровые промыслы Лианозовых оставили было за собой, пока в 1925 г. их и от осетровых, и вообще из Персии не выперли американцы[4].

---

[1] «Первый съезд народов Востока, 1—8 сентября 1920 г.». Стенографический отчет. Пг., 1920, с. 230.

[2] *Велидов А.* Похождения террориста (одиссея Якова Блюмкина). — М., 1998, с. 43—44.

[3] Именно так и будет поступать Сталин в Восточной Европе в 1944—1947 гг. — вспомните правительства «стран народной (новой) демократии».

[4] Подробней об американо-советской дипломатической дуэли в 20-х гг. см. *Dr A. C. Millspangh.* The American Task in Persia. — New-York — London, 1925, p. 294—302.

Что повлияло на капитуляцию Ленина — Троцкого в «персидском вопросе»? *Геополитические интересы России как великой державы.* Несмотря на весь свой «р-р-революционаризм», Троцкий и, в меньшей степени, Ленин объективно вынуждены были идти по стопам царских дипломатов, для которых приграничные полуколониальные государства (Китай, Афганистан, Османская империя) всегда были лишь разменной дипломатической монетой в глобальной геополитической игре с другими великими державами — соперниками в Европе (с 1917 г. к ним добавились и США). Поэтому Троцкий еще 4 июня 1920 г. цинично писал Чичерину в НКИД: «Потенциальная советская революция на Востоке для нас сейчас выгодна главным образом как важнейший предмет дипломатического товарообмена с Англией»; поэтому следует «всемерно подчеркивать… нашу готовность столковаться с Англией относительно Востока» (цит. по: *Краснов В., Дайнис В.* Указ. соч., с. 273).

«Столковаться» с Англией за счет Востока удалось только после того, как в преамбулу англо-русского торгового договора 16 марта 1921 г. Красин согласился внести обязательство РСФСР не проводить военных действий в Персии, не поддерживать Мустафу Кемаль-пашу в Турции и не вести антибританскую пропаганду в Афганистане, Малой Азии и в Индии[1].

Но зато не удалось «столковаться» с Англией в другом, гораздо более важном для большевиков вопросе, нежели Персия, — в вопросе «советизации» Польши.

«СОВЕТИЗАЦИЯ» ПОЛЬШИ.
КОЛЛИЗИЯ КОМИНТЕРНА И НКИД

Советско-польской войне 1920 г. в советской историографии не повезло. С середины 30-х гг. она, как и советско-финская «зимняя кампания» 1939/40 гг., была «забыта». И немудрено. С точки зрения международного права и уставов Лиги Наций и ООН обе носили неприкрытый характер АГРЕССИИ со стороны СССР, и не случайно сталинский режим в 1939 г. был исключен из Лиги Наций за нападение на Финляндию как агрессор.

Между тем в 20-х гг. не было, пожалуй, другой военной кампании в Гражданской войне 1918—1922 гг., о которой писалось бы столь много — ее ход изучался во всех высших военных учебных заведениях РККА даже больше, чем военные операции Первой мировой войны[2].

С 1989 г., к концу горбачевской перестройки, ситуация начинает меняться. Появляются сначала осторожные[3], а затем, после 1991 г., все более смелые работы об этой «неизвестной» войне[4], хотя и в этих интересных исследованиях она трактуется как исключительно война «панской» Польши против Советской России, а решающая роль «коминтерновской линии»[5] остается по-прежнему в тени. В частности, в тени осталась установка II Всемирного конгресса Коминтерна (17 июля — 7 августа 1920 г.) переименовать советские армии в Польше в «РККА им. Коминтерна» и взять не только Варшаву, но и Берлин[6] (передовые разъезды конного корпуса комкора армянина *Гайка Гая* действительно были замечены в начале августа в пригороде Берлина, а после «чуда на Висле» — сокрушительного поражения РККА на подступах к Варшаве — корпус был интернирован немцами в Восточной Пруссии).

Между тем роль «линии Коминтерна» в советско-польской войне и «советизации» была гораздо более значимой, чем в Персии как дороге к Индии. II Всемирный конгресс

---

[1] Подробней об этой «антикоминтерновской» линии Красина см.: *L. Krasin.* His Life and Work. — London, 1929, p. 184—186; *Карр Э.* История Советской России, т. 3. — М., 1989. с. 266—267.

[2] См., в частности, *Сергеев Е. Н.* От Двины к Висле. — Смоленск, 1923; *Шапошников Б. М.* На Висле. К истории кампании 1920 года. — М., 1924. См. также: «Библиографический указатель литературы по советско-польской войне 1920 года». — т. 1. — М., 1930.

[3] *Яжборовская И. С.* Между Киевом и Варшавой (советско-польская война 1920 года) // «Открывая новые страницы». Сб. статей. — М., 1989.

[4] «Польско-советская война 1919—1920 гг. Ранее не опубликованные документы и материалы». Ч.1. — М., 1994; *Михутина И. В.* Польско-советская война 1919—1920 гг. — М., 1994; *Исаев А. П.* Война с Польшей: Россия за линией фронта. — СПб., 1999.

[5] «Армия Коммунистического Интернационала». — Пг., 1921, с. 112

[6] *Троцкий Л. Д.* Советская Россия и буржуазная Польша. — М., 1920, с. 14 (речь 10 мая 1920 г. в Гомеле перед частями РККА).

III Интернационала в Москве в разгар наступления «РККА им. Коминтерна» на Варшаву принял специальное воззвание «Советско-польская война»: «Рабочие и работницы! Если капиталистическая сволочь всего мира кричит об угрозе независимости Польши для того, чтобы подготовить новый поход против России, то знайте одно: ваши рабовладельцы дрожат, боясь…, что если под ударами Красной Армии распадется белогвардейская Польша и польские рабочие захватят власть в свои руки, то и германским, австрийским, итальянским, французским рабочим будет легче освободиться от своих эксплуататоров, и что за ними последуют также рабочие Англии и Америки» (цит. по: «Девятая конференция РКП(б). Протоколы».М., 1972, с. 363).

В том же духе были выдержаны и приказы командующего РККА на польском фронте «красного Бонапарта» *Михаила Тухачевского.* Накануне решающего броска на Варшаву, 3 июля 1920 г., он издал такой «якобинский призыв»: «Красные солдаты! Пробил час расплаты…. Устремите свои взоры на запад. На западе решаются судьбы мировой революции. Через труп белой Польши лежит путь к мировому пожару. На штыках понесем счастье и мир трудящемуся человечеству. На запад! К решительным битвам, к громозвучным победам!»[1].

Справедливости ради следует отметить, что и «воевода» Польши, будущий маршал и бывший польский социал-демократ *Юзеф Пилсудский* использовал ту же терминологию, но с обратным знаком. За пять месяцев до Тухачевского, когда польская армия успешно наступала (напомним, что в апреле 1920 г. пилсудчики заняли Киев), в интервью одному французскому журналисту в ответ на вопрос — что намерен делать «пан Юзеф» в отношении Украины, Белоруссии и Литвы? — «пан» ответил вполне в духе Тухачевского: «На штыках (мы. — *Авт.*) несем этим несчастным странам свободу» (цит. по: *Михутина И. В.* Указ. соч., с. 167.).

Как и в случае с Персией, «польский вопрос» летом 1920 г. оказался тесно связанным с коллизией между ИККИ и НКИД при арбитражной роли Великобритании.

Дело в том, что с января 1920 г. в стане Антанты наметился раскол в прежде единой политике в отношении Советской России. Этот раскол проявился на т. н. «Второй парижской конференции» Верховного совета Антанты в январе 1920 г., куда собрались главы правительств Англии, Франции, Бельгии и Италии. Клемансо предложил не менять прежнюю политику «барьера из колючей проволоки», т. е. военной блокады. Его осторожно поддерживал премьер Италии Франческо Нитти. Наоборот, либерал Ллойд Джордж, указывая на явные неудачи «белого движения» в России (поражение Деникина, арест в Иркутске Колчака и др.),обращал внимание партнеров на бесперспективность вооруженной борьбы и предлагал новую тактику «удушения большевиков через объятия», т. е. переход к *торговым отношениям*.

К концу заседания Верховного совета в Париж неожиданно приехал У. Черчилль, военный и военно-морской министр в правительстве Ллойд Джорджа, с целой командой военных экспертов. Он фактически выступил против своего премьера, поддержав Клемансо. Эксперты развесили в зале заседаний совета карты, схемы, диаграммы, из которых следовало, что «Советы» не ограничиваются прежними «царскими» границами, а явно рвутся дальше — в Персию, Индию, Китай, активно «советизируют» Среднюю Азию.

В результате бурных дискуссий Верховный совет Антанты принял компромиссное решение:

А) 16 января Антанта решила дипломатически признать пока еще «несоветизированные» независимые республики Закавказья: Азербайджан, Армению и Грузию; дабы подкрепить эту акцию вооруженной силой, 18 января с одобрения совета Англия отправила с о. Мальта свою военно-морскую эскадру в Черное море (места стоянки — Поти, Батуми, а также крымские порты барона Врангеля), и пообещала высадить в Закавказье 200-тысячный британский экспедиционный корпус (не было

[1] Цит. по: *Суслов П.* Политическое обеспечение советско-польской войны. — М. —Л., 1930, с. 72

осуществлено); одновременно Франция заявила, что она в одностороннем порядке дипломатически признает режим Врангеля в Крыму (что и было сделано);

Б) 17 января Ллойд Джордж провел через Верховный совет решение: «с целью помочь несчастному населению России» начать торговлю лекарствами, одеждой и сельхозмашинами, но не прямо с Совнаркомом большевиков, а через российскую кооперацию, «состоящую в прямом контакте с крестьянством всей России». П.Н. Милюков, конечно, был прав, когда называл эту дипломатическую тактику Ллойд Джорджа «прикрытием мантией филантропии» (*Милюков П. Н.* Указ. соч., т. 1, с. 283).

И, действительно, как только «филантропическое» решение Верховного совета Антанты, фактически означавшее снятие военной блокады Советской России, было 2 февраля 1920 г. получено в Москве, большевики тут же сделали из *Леонида Красина* «видного кооператора», поставили его во главе старого дореволюционного *Центросоюза* и как главу «кооператоров» отправили 24 февраля в Лондон. Антанта явно не ожидала такой оперативности, поэтому красинские «кооператоры в штатском» добирались до Лондона… три с лишним месяца через Финляндию, Швецию и Данию (в каждой из этих стран они по месяцу ждали виз). Только в Копенгагене в начале мая 1920 г. состоялись предварительные переговоры с представителями Антанты. Они велись очень трудно — французы и бельгийцы заявляли, что Советская Россия лежит в руинах, никаких «излишков» (зерна, льна и т. п.) у большевиков нет, а расплачиваться они могут только *золотом*, которое им не принадлежит (намек на франко-бельгийско-германский протокол 1 декабря 1918 г., по которому Франция «умыкнула» брест-литовское «ленинское» золото).

Лишь 3 мая 1920 г. «кооператоры» Красина добрались, наконец, до Лондона (напомним, что в середине мая Раскольников с двумя тысячами десантников высадился в Персии). Уже на первой встрече с Ллойд Джорджем Красин поднял вопрос не только о торговле, но и о политике — стал намекать на желательность дипломатического признания «Совдепии». Британский премьер сразу отмел эти намеки, раз «красные» действуют в сфере английских интересов в Персии, нацеливаясь на Индию: до тех пор, пока Раскольников не уйдет из Энзели и Решта, а Коминтерн не прекратит антибританскую пропаганду в Индии, говорить не о чем. Что касается торговли, то условием ее начала является признание большевиками «царских долгов».

Весь июнь Красин и Ллойд-Джордж торговались как на базаре, пока 1 июля 1920 г. британский премьер не вручил «кооператору» Красину ультиматум: или «Центросоюз» принимает вышеупомянутые условия британской короны, или переговоры прекращаются.

Забрав английскую ноту, Красин один отбыл в Москву «для консультаций с правлением Центросоюза».

* * *

«Центросоюз», сиречь Политбюро ЦК РКП(б), по мере успешного развития контрнаступления РККА против «пилсудчиков», решало головоломку — поступать ли в Польше как в Персии («сторговаться» с Англией за счет Пилсудского), или, наоборот, наплевав на все международные нормы, Версальский договор и устав Лиги Наций, рвануть через польско-советскую границу дальше под лозунгом «Даешь Варшаву, даешь Берлин!», т. е. совершить «революцию извне» (экспорт мировой революции), ибо М. Н. Тухачевский и после своего сокрушительного поражения под Варшавой был уверен, что польская кампания 1920 г. «могла бы стать связующим звеном между революцией октябрьской и революцией западноевропейской» (из лекции Тухачевского «Поход за Вислу» перед слушателями Военной Академии РККА в 1923 г. в Москве).

В начале казалось, что дискуссия в «Центросоюзе» пойдет по персидскому сценарию, благо Антанта подсказывала выход — ведь еще в декабре 1919 г. она предлагала Польше и Советской России установить окончательную государственную границу по линии этнического расселения поляков (католиков) и белорусов (православных).

Еще 19 июня 1920 г. Чичерин был уверен, что советско-польская война продлится только до «линии Керзона», а затем «кооператоры» Красина в Лондоне подхватят дипломатическую эстафету от РККА и все кончится советско-польским миром, геополитически выгодным Москве. В тот момент даже Сталин разделял точку зрения Чичерина, высмеивая «не в меру горячих охотников революционного похода за рубеж» (*Сталин И. В.* Соч., т. 4, с. 333).

Казалось, вот-вот линия НКИД возьмет верх. В результате военных неудач правительство Пилсудского пало, сам «пан Юзеф» впал в депрессию, а ближайшее окружение бывшего царского каторжанина всерьез опасалось — не покончит ли Пилсудский самоубийством?

Новое правительство во главе с крестьянином-самородком *В. Витосом* и вице-премьером из рабочих социал-демократом *И. Дашинским* готово было уже капитулировать и даже обратилось в начале июля 1920 г. к конференции стран Антанты в г. Спа (Бельгия) с просьбой о мирном посредничестве. Конференция поручила Ллойд Джорджу выступить «честным маклером» (выражение Бисмарка на Берлинском конгрессе 1878 г., где Пруссия выступила посредником в русско-турецком споре на Балканах из-за статуса Болгарии). «Маклер» направил 11 июля 1920 г. через своего министра иностранных дел лорда Керзона ноту НКИД РСФСР, в которой подтверждалось решение Парижской (Версальской) мирной конференции о польско-русской этнической границе (нота 8 декабря 1919 г. Верховного совета Антанты) и еще раз подчеркивалось — конференция держав Антанты в Спа готова начать посредническую мирную миссию при условии немедленной остановки частей РККА на русско-польской этнической границе с целью заключения военного перемирия[1].

Однако к моменту обсуждения «ультиматума Керзона» обстановка в Москве резко изменилась в сторону всеобщей эйфории скорейшего завершения мировой революции («Даешь Варшаву, даешь Берлин!»). И хотя в ноте Керзона фактически содержалось признание режима большевиков де факто (они и Врангель срочно приглашались на мирную конференцию в Лондоне, где Ллойд Джордж намеревался утвердить сразу две границы «по Керзону» — советско-польскую и советско-врангелевскую по Перекопскому перешейку), Москва затеяла с Ллойд Джорджем странную игру в молчанку и затяжку времени.

Во-первых, она намеренно пропустила срок ответа на ультиматум Керзона (18 июля) и ответила только 19 июля (напомним, что 17 июля открылся II Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала, и Ленин с Зиновьевым, как дети, забавлялись тем, что время от времени в президиуме включали огромную электрифицированную «карту мировой революции», украшавшую весь задник огромной сцены Большого театра в Москве, и огненные стрелы из лампочек стремительно бежали через Варшаву в Берлин, Париж, Лондон и далее — в США и Канаду).

Во-вторых, в ответной ноте Москвы, выдержанной в хамско-издевательском тоне, говорилось, что британский кабинет зря берет на себя роль «честного маклера», т. к. традиционное коварство туманного Альбиона хорошо известно всему миру. И напрасно лорд Керзон ссылается на какие-то принципы Лиги Наций — сие учреждение советскому правительству официально неизвестно, т. к. РСФСР и другие советские республики она не признает. И, наконец, нота большевиков намекала, что НКИД РСФСР и сам на двусторонней основе сумеет договориться с поляками, причем может дать им более выгодную границу, чем «линия Керзона». Вместе с тем в ноте 19 июля выражалась готовность провести в Лондоне не международную с участием Врангеля, а двустороннюю англо-русскую дипломатическую встречу, для чего в Англию уже выехала через Ревель (Таллин) советская делегация во главе с Каменевым и Красиным.

---

[1] Позднее эта нота 11 июля вошла в историю польско-советских отношений как «ультиматум Керзона», а сама этническая граница — как «линия Керзона». Эта «линия» была восстановлена в сентябре 1939 г. в результате четвертого раздела Польши, этого «уродливого порождения Версаля» (В. М. Молотов), между Гитлером и Сталиным, подтверждена 11 января 1944 г. в заявлении правительства СССР и окончательно утверждена советско-польским договором о границе в 1945 г. — См.: «Документы внешней политики СССР», т. 3. — М., 1959, с. 54—55.

24—26 июля состоялся интенсивный телеграфный обмен нотами между МИД Великобритании и НКИД РСФСР, в которых Англия требовала немедленного «замирения» с поляками (и задержала выдачу британских виз Каменеву и Красину в Ревеле), а Чичерин, наоборот, готов был на международную встречу в Лондоне, но не по вопросу о Польше, а о дипломатическом признании Антантой большевистского режима в РСФСР. Кроме того, Чичерин изымал проблему Врангеля из контекста этой конференции, настаивая на праве Советской России выгнать барона из Крыма силами РККА.

Дэвид Ллойд Джордж вынужден был уступить. Нотой 26 июля он санкционировал приезд делегации Каменева — Красина в Лондон и проведение конференции Антанты по «русскому вопросу». Конечно, граф Дэвид не знал, какую бурю полемики и страстей он вызвал своими нотами в большевистском руководстве. Как и во времена ратификации Брест-Литовского сепаратного мира с Германией весной 1918 г., верхушка «Центросоюза» (Политбюро) разделилась на «нкидовцев» и «коминтерновцев».

Георгий Чичерин, которого на этот раз, как и в «персидском вопросе», частично поддержал *Троцкий,* завалил Ленина предостерегающими записками и докладами, предлагая принять условия англичан[1]. Когда Ленин вынес ноту Керзона от 11 июля на обсуждение сначала Политбюро, а затем и ЦК РКП(б), Чичерин не побоялся бросить в лицо своим оппонентам — «коминтерновцам» пророческие слова: «советизация Польши москальскими штыками была бы авантюрой», а большевики в своем угаре от мировой революции рискуют «зарваться» (цит. по: «Версаль и новая Восточная Европа», с. 168). 14 июля 1920 г. в «Записке НКИД», адресованной Ленину, он, почти как ясновидящий экстрасенс, предсказывал трагический финал «похода за Вислу»: «До сих пор мы не старались форсировать историю, а отвоевывать позицию за позицией. Если зарвемся, нам грозят серьезные опасности как в отношении недостатка военного снаряжения, так и в отношении обострения разрухи» (там же).

Главный оппонент Чичерина *Лев Каменев* в своей записке Ленину 13 июля, наоборот, предлагал прямо противоположное: «принятие английских предложений (из ноты Керзона от 11 июля. — *Авт.*) означало бы неизбежность новой войны с Польшей не позже весны следующего года. Гарантией против этого может быть только советизация Польши.... армии должны двигаться во что бы то ни стало вперед» (там же).

Решающее слово оставалось за *Лениным.* И доктринер мировой революции взял в нем верх над прагматиком, а авантюристическая тактика октябрьского переворота — on s'engage, et puis on voit — над осмотрительным государственным деятелем. Ленин встал на позицию Каменева, зафиксировав ее в собственноручно написанных тезисах ЦК РКП(б) о польской войне, впервые опубликованных в 1994 г. («Польско-советская война 1919—1920 гг.», ч. 1, с. 142—143).

Даже тогда, когда 17 августа 1920 г. случилось «чудо на Висле» — армия Тухачевского была отброшена от Варшавы, конный корпус Гая интернирован в Восточной Пруссии, а более ста тысяч красноармейцев из «РККА им. Коминтерна» были взяты в плен (и большинство из них погибло в польских лагерях для военнопленных), а в Минске еще 11 августа начались польско-советские переговоры о военном перемирии, Ленин 22 сентября 1920 г. на IX партконференции РКП(б), чьи протоколы в советское время (1972 г.) были полностью сфальцифицированы, говорит о «прощупывании штыками» Польши на предмет ее «созревания» для «социальной революции», о продолжении политики Коминтерна по «советизации Польши и Литвы» и вообще, «несмотря на полную неудачу первого случая («советизации» Польши. — *Авт.*)… мы еще и еще раз перейдем от оборонительной политики к наступательной, пока мы всех (капиталистов.— *Авт.*) не разобьем до конца» («Коминтерн и идея

[1] Эта очень интересная и предельно откровенная переписка «государственника» Чичерина за 1920—1930 гг. с Лениным, Сталиным, Рыковым, Молотовым, своим заместителем Львом Караханом и другими много десятилетий хранилась за семью печатями в Архиве внешней политики МИД РФ (ф. 04, ф. 08), и только с 1994 г. в отдельных письмах стала появляться в печати (например, письмо Ленину 19 июня 1920 г. об условиях Антанты в польском вопросе // «Польско-советская война 1919—1920 гг.», ч. 1, с. 122). Однако самый большой блок этой переписки за 1924—1930 гг. дан в приложении к мемуарам советского дипломата — невозвращенца *Григоря Беседовского* («На путях к термидору». Публ. А. Колпакиди. — М., 1997, с. 380—416), включая политическое завещание Чичерина (начало июля 1930 г.), к которому мы еще неоднократно вернемся.

мировой революции», с. 197—199). Подавляющее большинство соратников Ленина: Дзержинский, Бухарин, Каменев, даже Троцкий — поддержали бодряческий тон выступления Ильича.

Каменев, которого англичане только что в очередной раз выдворили из Англии за двойную дипломатию (с Керзоном вел переговоры о мирной конференции, а через прокоммунистическую газету «Дейли геральд» выдал рабочим комитетам «Руки прочь от Советской России» 75 тыс. ф. стрл., для чего продал на черном рынке царские бриллианты), предлагал, несмотря на разгром «РККА им. Коминтерна» в Польше, совершить «следующую вылазку»: «Соединение с нашими пролетарскими армиями (?! — в Европе. — *Авт.*) если не удалось в первый раз, удастся в следующий раз» (цит. по: *Сироткин В. Г.* Вехи отечественной истории. С. 232).

И только низовые партийные работники — участники польской кампании (член РВС 15-й армии Д. Полуян, полковые комиссары К. Юренев, И. Ходорковский и др.), выступая на той же партконференции, охладили революционный пыл вождей. *К. Юренев*, например, резко критиковал первоначальную пропагандистскую демагогическую установку Троцкого на то, что у «РККА им. Коминтерна» ... «тыл впереди», т. е. в Германии. *И. Ходорковский* весьма сомневался относительно ленинско-каменевского тезиса насчет «всех разобьем» и «следующей вылазки»: в стране разруха, неурожай грозит массовым голодом, ширятся забастовки рабочих и уклонение от мобилизации в РККА.

Самый же тяжелый удар партийные «низовики» нанесли по доктринальным надеждам вождей РКП(б) и Коминтерна на «интернациональное братство эксплуатируемых буржуазией трудящихся». Все тот же *Д. В. Полуян* восклицал: «Мы нигде действенной и активной поддержки у польского пролетариата не встречали, мы индустриального польского пролетариата не видели.… Заявляю, что подавляющее большинство польской армии было из польских рабочих. Поэтому все говорит за то.., что польский рабочий, проникнутый национализмом и шовинизмом, в этой (польской. — *Авт.*) армии играет огромную роль» (там же, с. 231).

Другие участники польской кампании, в том числе И. В. Сталин, который был тогда членом Реввоенсовета Юго-Западного фронта, тоже признавали, что найти опору среди местного населения не удалось: созданная Польревкомом местная милиция повернула оружие против Красной Армии, а милицейские командиры возглавили отряды партизан (из выступления Полуяна); польские артиллеристы сражались до последнего снаряда (из выступления комиссара Минина); польские партизаны взрывали дороги и мосты (из выступления Сталина). (Спустя 64 года все это трагически повторится в первой и второй «чеченских войнах» уже «антикоминтерновской» ельцинской России).

Член РВС 15-й армии РККА Полуян, вместе с остатками своей армии пешком драпавший от Варшавы до Минска, осудил шаблонный подход Ленина к польской кампании в ее начале. Ильич накануне «похода на Вислу» утверждал: «Мы победили Колчака и Деникина лишь после того, как у них изменился социальный состав их армий, когда основные крепкие кадры растворились в мобилизованной крестьянской массе» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 285).

Д. В. Полуян, однако, не согласился с оценкой Ленина: «Когда мы воевали с Колчаком и Деникиным, то там не было национального шовинистического элемента…. И те мужики, которые были в армии Деникина, их ничто не спаивало с деникинскими офицерами. В польской армии национальная идея спаивает и буржуа, и крестьянина, и рабочего, и это приходится наблюдать везде. Боязнь, что мы придем завоевателями, что мы будем насаждать Советскую власть, — эта боязнь была свойственна всем». Полуян, по сути дела, затронул самый главный, коренной вопрос — открытое столкновение национализма и интернационализма: «Мы ставили на одно из двух: или социальная революция в Европе назрела, тогда эта социальная революция сокрушит и польскую буржуазию, а если обратное, тогда взятие нами Варшавы приведет к обратному положению, ибо европейские капиталисты не могли примириться с тем, что мы рушили Версальский мир» (цит. по: *Сироткин В. Г.* Указ. соч., с. 232).

Из тогдашних вождей Коминтерна «низовиков» на Девятой партконференции РКП(б) поддержал только исполнительный секретарь ИККИ *Карл Радек* , член Польревкома, будущего правительства «советской» Польши. «Крадек»[1] не побоялся выступить против самого Ильича с его «прощупывания штыками»: «Мы должны отказаться от методов зондированием международного положения при помощи штыков. Штык будет хорош, если надо будет помочь определенной революции, но для нащупывания положения в той или иной стране у нас имеется другое оружие — марксизм, и для этого нам не надо посылать красноармейцев» («Коминтерн и идея мировой революции», с. 203—204).

Впрочем, и теоретически, и практически Карл Радек, как и все остальные «старые большевики», не был последователен: *ведь они истово верили в неминуемый приход мировой пролетарской революции.* Максимум, на что они соглашались, — «мировая революция запаздывает…».

Председатель Исполкома Коминтерна *Григорий Зиновьев* в своем докладе на II Всемирном конгрессе III Интернационала в июле 1920 г. утверждал: «Да, может быть, мы ошиблись. Не *один* год, а два или три (?! — Авт.) года понадобятся, чтобы вся Европа стала советской. У вас (т. е. капиталистов. — *Авт.*) еще есть отсрочка — потом вы будете уничтожены»[2]. Вот и Радек, осудив на X партконференции ленинское «прощупывание штыком» в Польше, посылает в начале октября 1920 г. Ильичу свою статью «Штык и коммунизм» на немецком языке, предназначенную для публикации в германских коммунистических газетах. Оказывается, «штык» применять можно, и даже снова в Польше, но при одном условии — «не должна ли будет Советская Россия протянуть руку помощи немецким рабочим через труп Белой Польши?»

Ленин подчеркивает эту фразу, и 6 октября 1920 г. пишет Радеку записку: «Я против того, чтобы говорить о нашей будущей (или возможной) помощи немцам через Польшу; *выкинуть.* 6. X. *Ленин*» («Коминтерн и идея мировой революции», с. 208—209). Но и для Ленина *выкинуть*, как и для Радека с Троцким, это лишь *тактический прием* для того, чтобы «сторговаться» с Англией и вообще с Антантой (что и произойдет в 1922 г. с ней и Германией в Генуе), это продолжение красинской тактики *втирания очков всему миру*, чем, по существу, и являлся весь «внешний» и «внутренний» нэп. Меняется, по Ленину, тактика, но не стратегия. И Павел Милюков был прав, когда приводил в 1927 г. высказывание уже к тому времени умершего Ленина из его речи 23 августа 1920 г.: «Мы, поэтому, должны научиться приспособлять нашу деятельность к классовым взаимоотношениям, как в нашей, так и в других странах, чтобы иметь возможность сохранить диктатуру пролетариата *на долгое время…*» (цит. по: *Милюков П. Н.* Указ. соч., т. 1, с. 289—290).

Русские эмигранты, свидетели очередной ленинской «перемены точки зрения на социализм» (поворота к нэпу после разгрома большевиков под Варшавой)[3], не раз отмечали эту неистовую, поистине аввакумовскую приверженность «старых большевиков» к доктрине мировой пролетарской революции, ставшей для них чем-то вроде марксистского «Евангелия». Лучше всего об этой приверженности сказал в своих мемуарах «1920 год» *Василий Шульгин.* Рассуждая в эмиграции в Константинополе со своим единомышленником-монархистом о том, что на смену этим интеллигентам-самоучкам неизбежно придет новый «царь», Шульгин спрашивает — это будет Ленин или Троцкий? «Нет, — отвечает собеседник, — ибо он не будет ни психопатом, ни мошенником, ни социалистом.… На этих господах (Ленин с Троцким. — *Авт.*) висят несбрасываемые гири; их багаж, их вериги — социализм, они не могут отказаться от социализма (диктатуры пролетариата. — *Авт.*), они ведь при помощи социализма перевернули старое и схватили власть. Они должны нести этот мешок на спине до конца, и он их раздавит. Тогда придет НЕКТО, кто возьмет от них их «декретность». Их

---

[1] Такой в партийной среде тогда была кличка Радека за его неистребимую привычку, граничащую с клептоманией, воровать интересующие его книги из домашних библиотек своих близких партийных товарищей. См.: *Сироткин В. Г.* Лицо и маски Карла Радека // «Вехи отечественной истории», с. 138.

[2] «Коминтерн. 2-й Конгресс». Стенографический отчет. — Пг., 1921, с. 18.

[3] Судя по воспоминаниям Льва Троцкого и Клары Цеткин, Ленин в 1921—1922 гг. не раз говорил им о своей «варшавской ошибке». См.: *Фишер Л.* Жизнь Ленина. — London, 1970, с. 579, 581.

решимость — принимать на свою ответственность, принимать невероятные решения. Их жестокость — проведение однажды решенного.…

Но он не возьмет от них их мешка. Он будет истинно красным по волевой силе и истинно белым по задачам, им преследуемым. Он будет большевик по энергии и националист по убеждениям» (*Шульгин В. В.* Указ. соч., с. 796—797).

Пожалуй, тогда ни один политический деятель в мире не мог с такой точностью обрисовать портрет этого НЕКТО, кроме проницательного Шульгина, уже тогда, в 1920 г., предсказавшего приход к власти в СССР «одинокого вепря» — СТАЛИНА.

Но до прихода этого «вепря» еще очень далеко, целых десять лет, и Ленину и его пока еще живым соратникам надо осваиваться в «осажденной крепости» — Первом Отечестве мирового пролетариата — СССР, не забывая, однако о том, что мировая революция всего лишь «запаздывает».

КОМИНТЕРН И НКИД: КОНФЛИКТ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Коллизия линии Коминтерна и линии НКИД, сохранившаяся все 70 лет существования СССР, стремление понять место Ленина в этой коллизии вызвали еще в годы горбачевской перестройки среди советских историков и публицистов дискуссию. Член редколлегии жур. «Коммунист» покойный литератор *Юрий Буртин* выдвинул тезис о «двух Лениных» — одном времен «военного коммунизма», другом — времен начала нэпа (т. е. Ленине «с человеческим лицом»), хотя о «Ленине — доктринере мировой революции» в буртинских опусах нет ни слова[1].

С тех пор война «тупоконечников» и «остроконечников» (если использовать ироничную метафору Свифта) не утихает. Бывший заведующий кафедрой в Московской высшей партийной школе при МГК КПСС, на короткое время в 1991—1992 гг. получивший доступ к личному фонду Ленина в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, *Анатолий Латышев* не устает публиковать в СМИ разоблачительные статьи на тему «рассекреченный Ленин».

Наоборот, *Сергей Земляной,* постоянный автор «Независимой газеты», а ныне обозреватель «Литературной газеты», к 83-й годовщине «Великого Октября» выдвинул концепцию «третьего» Ленина с его «третьим путем» для России: «Во избежание недоразумений хочу с самого начала оговорить следующее. Путь, который прозревал для России Ленин, понимается здесь как третий в сравнении с простой «вестернизацией» страны или же упованием исключительно на самобытные начала российской общественности и культуры, на экономическую автаркию»[2].

Основной для понимания концепции «третьего пути», по автору, является ленинская статья «О нашей революции (по поводу заметок Ник. Суханова)». «Ключевой тезис Ленина состоит в том, что в силу своеобразия геополитического положения и внутренних условий России закономерный переход от обусловленного войной «чрезвычайного» порядка развития общества к «нормальным» отношениям — так сказать, возврат из милитаристского варварства в цивилизацию — произошел в России в особой форме». И далее Сергей Земляной расшифровывает: «Особый — не западнический, не почвеннический — путь прогресса пореволюционной России, согласно Ленину…» (там же).

Думается, однако, что Сергей Земляной, как задолго до него Юрий Буртин, искусственно конструируют «двух», «трех» и т. п. Лениных, тщетно ища, подобно средневековым схоластам, в «писаниях святого» некие опорные «кирпичи» для построения собственных концепций на злобу дня в эпоху, *принципиально* отличающуюся от времени, в котором жил Ленин.

---

[1] См., например, жур. «Октябрь», 1989, № 12, с. 37.
[2] *Земляной С.* Ленин и «третий путь» России // «Фигуры и лица». Приложение к «НГ», № 18, 2. XI. 2000.

В реальности же Ленин успел в 1919—1920 гг. теоретически развить старую марксову доктрину I Коммунистического Интернационала лишь *одного пути — пути мировой пролетарской революции*, а также инициировать создание ее инструментов — Коминтерна, Профинтерна, Крестинтерна, Спортинтерна, КИМа, Межрабпома, МОПРа, Радио им. Коминтерна, Международного женского секретариата ИККИ, «Межрабпомфильма» (будущий «Мосфильм») и целой сети «дочерних» общественных организаций как «агентов влияния» на Западе и Востоке: МОРП (Международное объединение революционных писателей, 1925—1935 гг.); Лиги борьбы против империализма, колониального угнетения и за национальную независимость (1927—1935 гг., штаб-квартира в Брюсселе); МОРТ (Международное объединение революционных театров, 1929—1936 гг. в мае — июне 1933 г. провело Международную олимпиаду революционных театров в Москве); Международного комитета друзей СССР (1928—1935 гг., штаб-квартира в Берлине); Международное объединение бывших узников Первой мировой войны (создано в мае 1920 г., объединяло часть ветеранов из Германии, Франции и СССР) и даже… «Интернационала квартиронанимателей» (создан в мае 1926 г. в Цюрихе, штаб-квартира находилась в Вене).

С Коминтерном был связан и существовал на его щедрые финансовые субсидии целый «букет» антифашистских общественных организаций в Европе: Муждународный комитет действия против военной опасности и фашизма (создан в 1923 г. во Франкфурте-на-Майне); Всемирный комитет борьбы за мир (Амстердам, 1932 г.); Антифашистский центральный комитет (Париж, июнь 1933 г.); Международный комитет борьбы против войны и фашизма (Париж, август 1933 г.); Международный женский комитет борьбы против войны и фашизма (Париж, август 1934 г.). Как мы видим, на борьбу за мир Коминтерн денег не жалел, если в одном только Париже в 1933—1934 гг. было создано целых три «дочки», но занимавшиеся одним и тем же делом, вокруг которого кормилось сотни штатных работников их секретариатов.

Когда в 1928 г., в преддверии VI Всемирного конгресса Коминтерна в Москве, ИККИ провел специальную ревизионную проверку во главе с *Карлом Янсоном* аппаратов полпредств — торгпредств и многочисленных «контор» Коминтерна на предмет расходования валютных средств «на мировую революцию», латыш обнаружил нечто вопиюще безрассудное — деньги тратились налево и направо. «В Турции вся компартия служила в наших учреждениях; в Берлине весь актив партии сидел в наших учреждениях: это была форма финансирования партии», — писал *Г. В. Чичерин*, ознакомившись с ревизией Янсона по должности, в июле 1930 г. в своем политическом «завещании»[1].

И тем не менее вплоть до 1938 г., когда Сталин начал массовые репрессии против аппарата Коминтерна и его филиалов, вся эта огромная махина работала исправно, имея тысячи освобожденных функционеров в СССР и за рубежом (судя по жалобам Чичерина, НКИД был по штатному составу раз в сто меньше — 3 тыс. дипломатов и технических работников в Москве и за рубежом против 300 тыс. в системе Коминтерна), причем количество «коминтерновцев» непрерывно росло за счет учебных заведений ИККИ. На «балансе» Коминтерна до 1938 г. находились:

— Международная Ленинская школа (Москва, 1925—1938 гг.; в 1962 г. по инициативе Н. С. Хрущева и Б. Н. Пономарева была восстановлена, просуществовала еще тридцать лет, до 1992 г.);

— Коммунистический университет национальных меньшинств Запада им. Ю. Мархлевского (сокращенно КУНМЗ, Москва, 1921—1937, филиал в Ленинграде: готовил кадры коминтерновских аппаратчиков для Скандинавии, Прибалтики, Восточной и Балканской Европы);

— Коммунистический университет трудящихся Востока (сокращенно КУТВ, Москва, 1921—1938 гг.; филиалы в Ташкенте, Баку и Иркутске — после 1938 г. на базе этого филиала был создан Иркутский институт иностранных языков им. Хо Ши Мина, ныне

---

[1] *Чичерин Г. В.* «Диктатура языкочешущих над работающими» (последняя служебная записка) // *Беседовский Г.* На путях к Термидору. — Приложение, с. 410.

университет). При КУТВ в 1936—1939 гг. работал НИИ национальных и колониальных проблем Востока, готовивший аналитические материалы для ИККИ; кроме того, в 1927—1937 гг. КУТВ издавал собственный жур. «Революционный Восток»;

— Коммунистический университет трудящихся китайцев (первоначально назывался Университет трудящихся Китая им. Сунь Ятсена), Москва, 1925—1930 гг. Готовил кадры для компартии Китая, а также вначале и для Гоминьдана — легальная и нелегальная работа. С 1928 г. имел в своем составе НИИ по проблемам Китая[1].

И все это — без учета нелегальных военно-террористических «школ Коминтерна» на территории СССР в 1919—1939 гг., которые готовили кадры резведчиков, радистов, подрывников и т. д. для секций Коминтерна (будущих «братских компартий») за границей[2]. И при этом, за исключением сведений об учащихся-иностранцах в секретных «военно-подрывных школах» и их финансировании, в 20-х гг. Коминтерн не только не скрывал, а, наоборот, всячески подчеркивал, что он открыто помогает своим секциям за границей (будущим братским компартиям) и «левым» национально-освободительным движениям в Турции, Иране, Афганистане, Китае. Причем бюджеты Коминтерна по «экспорту революции» до 1929 г. открыто публиковались в приложениях к стенографическим отчетам конгрессов и пленумов Коминтерна, выходили отдельными сборниками, и эти книги все 70 лет лежали в наших крупных библиотеках не в спецхранах, а в открытом доступе (см., например, «Пять лет Коминтерна в решениях и цифрах». М., 1924; «Десять лет Коминтерна в решениях и цифрах». М., 1929).

Более того, советские наркоматы вначале соревновались в том, сколько денег они «отстегнули» на мировую революцию[3].

Но самой сложной проблемой для внешней дипломатической и торговой политики СССР в 1919—1939 гг., которую при жизни так и не сумел разрешить Ленин (хотя в 1920—1922 гг. постоянно разбирался лично и на Политбюро с «телегами», которые строчили друг на друга Чичерин и Зиновьев), была ведомственная неразбериха и взаимоподсиживание «коминтерновцев», «огепеушников» и «нкидовцев». Нижеприведенная таблица синхронной выборочной деятельности трех «контор» — НКИД, Коминтерна и ОГПУ за границей в 20-х гг., наглядно показывает весь этот «раскадраш» между национально-государственной, мировой пролетарской и жандармско-чекистской политиками СССР:

НКИД	Коминтерн	ОГПУ
Авг. — сент. 1920 г. Переговоры Красина и Каменева в Лондоне о торговом договоре с Англией (подписан Красиным 16 марта 1921 г.)	Скандал с Л.Б. Каменевым в Англии (выслан за попытку передать взятку журналистам левой газеты «Дейли геральд», предварительно продав «царские» бриллианты на черном рынке.	Попытка закупить 50 тыс. винтовок и 10 млн. патронов в Германии для Мустафы Кемаль-паши.
18 марта 1921 г. - Рижский мир с Польшей	Политбюро ЦК РКП(б) в мае 1921 г. запрещает послам РСФСР нелегально работать на Коминтерн (бесполезно).	Декретом Совнаркома ЧК преобразуется в ГПУ (с 1924 г. — ОГПУ).
16 марта 1921 г. — Московский договор о дружбе и братстве с Турцией	По секретному приложению к этому договору туркам выделено 10 млн. зол. руб. (из денег НЭПа) на закупки оружия.	Подавление Кронштадтского мятежа и антоновского восстания на Тамбовщине.
1921 г. — НКИД инициирует декрет Совнаркома о свободе выезда за границу (400 зол. руб. госпошлина)	Создается секретная лаборатория Коминтерна по изготовлению фальшивых загранпаспортов, документов и т.д. (просуществовала до августа 1991 г.)	ОПГУ дополняет «Положение о въезде и выезде» (1925 г.) секретным приложением о нежелательных лицах (фактический запрет на выезд).

[1] Данные об учреждениях Коминтерна и его «дочерних» образованиях в 1919—1939 гг. приводятся по книге: *Пятницкий В.* Заговор против Сталина. — М., 1998, с. 160—165.

[2] Впервые после долгого перерыва документы о переписке военного сектора ИККИ и «военок» национальных компартий (итальянской, германской, британской и др.) опубл. в сб. «Коминтерн и идея мировой революции», с. 404—538.

[3] См., например, печатный отчет Наркомата финансов РСФСР III Всемирному конгрессу Коминтерна: «Социальная революция и финансы» (М., 1921, 159 стр.).

1922 г. — Дипломатическое признание советской России Италией Муссолини и Веймарской республикой в Германии	Встреча «трех интернационалов» в Берлине. Ленин срывает компромисс коммунистов и социал-демократов.	Процесс над эсерами в Москве. II Интернационал присылает защитников. Их избивают и выгоняют. ОГПУ высылает около 200 чел. беспартийных интеллигентов (Н. Бердяев, П. Сорокин, М. Осоргин и др.) и «левых» меньшевиков (Ф. Дан, Б Николаевский и др.) за границу.
1923 г. — НКИД начинает переговоры о крупном торгово-экономическом договоре с Германией[1] (подписан 12 октября 1925 г. в Москве).	Коминтерн посылает в Германию «красные бригады». Задача — к 9 ноября (пятая годовщина Ноябрьской революции) поднять мировую революцию. Аналогичная акция в Болгарии. В обеих странах — полный провал.	Бывший агент ОПГУ и Коминтерна Н. Мирский публикует разоблачения «За кулисами ЧеКа. Из архивов советской миссии Красного Креста в Болгарии» (София, 1923).
1924 г. — Дипломатическое (де-юре) признание СССР Англией (февраль) и Францией (октябрь).	1 декабря «красные бригады» атакуют здания правительства, центры связи и казармы в Таллине, затем намерены «пригласить» стоящие у границы части РККА и установить советскую власть в Эстонии. Полный провал авантюры в течение нескольких часов (эстонские рабочие не поддержали путчистов).	Создаются первые ОСО - «Особые совещания» («тройки»). Судят за шпионаж, контрабанду, валютные операции. Пока с обязательным участием прокурора.
24 апреля 1926 г. — Германо-советский договор о ненападении и нейтралитете (подписан в Берлине).	Май — июль 1926 г. — Попытка использовать забастовку шахтеров для начала мировой революции в Англии.	Расширение сети политизоляторов для политических противников («перевоспитание» эсеров, меньшевиков и т.д.).
1927 г. — Разрыв дипотношений с Англией (май). Восстановлены лишь в 1929 г. (июль).	Декабрь 1927 г. — Попытка поднять мировую революцию в Китае (Шанхайское восстание). Разрыв Коминтерна с Гоминьданом. Стычки на КВЖД, бои на советско-китайской границе. Разрыв дипотношений (июль 1929 г.).	Продовольственная паника в СССР (население готовится к войне). Нэпманы переводят золотые рубли за границу. ОГПУ ловит «валютчиков», «спекулянтов», «паникеров». Массовые высылки в ГУЛАГ поборников мировой революции — троцкистов.

Лучший комментарий к этой таблице (разумеется, не видев ее, но познавший ее содержание на собственной шкуре) дал 70 лет тому назад *Георгий Чичерин* в упоминавшейся выше записке «Диктатура языкочешущих над работающими». Характерна уже сама оценка «соседей» НКИД: «внутренний враг» первый — Коминтерн, «внутренний враг» второй — ОГПУ. Главный упрек Чичерина в адрес обеих «контор» — они превратились в гигантских бюрократических монстров, ведущих не обще-интернациональную, а узковедомственную политику, особенно за границей. В результате Коминтерн объективно только мешает НКИД вести нормальную дипломатическую работу. Например, поддержка ИККИ забастовки английских углекопов в 1926 г., выделение им огромных валютных средств, организация массовых манифестаций трудящихся в СССР в поддержку британских шахтеров и т. п. в конце концов привели 27 мая 1927 г. к разрыву англо-советских дипломатических отношений и одностороннему аннулированию Лондоном с таким трудом заключенного Красиным 16 марта 1921 г. англо-советского торгового договора.

Еще более сложные отношения с конца 20-х гг. сложились у «нкидовцев» с чекистами: сегодня «ГПУ обращается с НКИД, как с классовым врагом», — писал Чичерин. — Именно безумная практика заграничных резидентур ИНО (иностранного отдела) ОГПУ вербовать в осведомители английскую прислугу (швейцаров, шоферов, садовников и т. п.) полпредства СССР в Лондоне, которую в ответ перевербовывала британская контрразведка, привела в 1926—1927 гг. сначала к обострению, а затем и к разрыву дипотношений двух стран».

Чичерин возмущался методами «военного коммунизма» и гражданской войны ОГПУ даже в условиях нэпа — «арестами иностранцев без согласования с нами (с НКИД. — *Авт.*) вели к миллионам международных инцидентов, а иногда после многих лет

[1] Весной 1924 г. переговоры прекращаются (налет немецкой полиции 3 мая на советское торгпредство в Берлине, обыск, арест сотрудников — ищут «агентов Коминтерна»). Конфликт урегулируется лишь в июле (совместный берлинский протокол от 29 июля 1924 г.).

оказывалось, что иностранца незаконно расстреляли (иностранцев нельзя казнить без суда), а нам ничего не было сообщено»[1]. Тщетно ИККИ и Политбюро ВКП(б) пытались наладить деловое ведомственное сотрудничество ИНО ОГПУ и НКИД, создавая одну комиссию (8 февраля 1923 г., председатель В. М. Молотов) за другой (17 мая 1928 г., председатель Г. К. Орджоникидзе).

Нет, Чичерин вовсе не был принципиальным противником большевизма — иначе он не состоял бы в партии большевиков с 1905 г. Не отрицал он и Коминтерна как главный инструмент осуществления мировой пролетарской революции: в 1925 г. на XIV съезде ВКП(б) он выступил с таким панегириком Коминтерну, зачислив в его «филиалы» и все советские посольства, что издатели стенографического отчета съезда побоялись включить эту речь в опубликованную стенограмму, дабы не раздражать иностранцев (речь была опубликована только в 1991 г. в журнале «Кентавр»).

Чичерин, как и Красин и другие интеллигенты-большевики, были против *методов* «братишек» Раскольниковых или Дыбенко в Коминтерне или в ОГПУ, топорной чекистской работой, ломавших всю тонкую игру НКИД, Наркомвнешторга и Коминтерна по *«втиранию очков всему миру»* (Красин), которую в 1919—1926 гг. вели Чичерин, тот же Красин, «рабочая лошадка» секретарь ИККИ Иосиф Пятницкий, сам глава ЧК — ГПУ — ОГПУ Дзержинский, с которыми у наркоминдела были нормальные деловые отношения.

Но в 1926 г. Красин и Дзержинский умерли, Зиновьева, хотя и спорившего с Чичериным, но все же понимавшего специфику отношений НКИД и Коминтерна, в том же году сместили с поста председателя ИККИ, и Сталин фактически оставил этот важнейший пост вакантным, поручив Бухарину лишь роль и. о. руководителя Коминтерна и окружив своими послушными ставленниками типа Молотова и Мануильского.

С 1928 г. в загранрезидентуры ИНО ОГПУ поехали костоломы Ягоды. В результате их топорной работы по вербовке «сексотов» за границей «некоторые из самых блестящих и ценных наших иностранных литературных сторонников (вспомним упомянутые выше МОРП и МОРТ. — *Авт.*) были превращены в наших врагов попытками ГПУ заставить путем застращиваний их знакомых или родственников их жен осведомлять об них ГПУ» (*Чичерин Г. В.* Указ. соч., с. 411).

Еще хуже обстоит дело с аппаратом Наркоминдела: «Внутренний надзор ГПУ в НКИД и полпредствах, шпионаж за мной, — с горечью писал Чичерин, — полпредами, сотрудниками поставлен самым нелепым и варварским образом. Руководители ГПУ слепо верят всякому идиоту или мерзавцу, которого они делают своим агентом. С т. Дзержинским у меня были очень хорошие отношения, прекрасные с т. Трилиссером (член РКП(б) с 1901 г., в 1922—1926 гг. — начальник ИНО ОГПУ. — *Авт.*), дипломатически безукоризненные с т. Менжинским (член РКП(б) с 1902 г., с 1923 г. — зампред ВЧК — ГПУ, с 1926 г. — председатель ОГПУ. — *Авт.*), но агенты ГПУ считают меня врагом. Некоторые циркулирующие обо мне клеветнические измышления (Чичерин, очевидно, имеет в виду слух о том, что он якобы гомосексуалист. — *Авт.*) имеют, несомненно, источником ложь агентов ГПУ. Об авантюрах заграничных агентов ГПУ писать нельзя. Гораздо хуже разведупр (будущий ГРУ Генштаба МО СССР. — *Авт.*), особенно в период «активной разведки» т. Уншлихта» (член РКП(б) с 1900 г., в 1921—1923 гг. первый зампред ВЧК — ГПУ — ОГПУ, в 1923—1926 гг. — член Реввоенсовета, куратор загранвоенразведки — Разведупра РККА. — *Авт.*) — (там же, с. 412).

Чичерин одним из первых в старой «ленинской гвардии» верно подметил, что и без того сложная и опасная в условиях загранработы задача координации усилий НКИД, Коминтерна, ИНО ОГПУ и Разведупра РККА, во многом державшаяся на личных лояльных отношениях их руководителей, когда любые недоразумения или спасение по линии НКИД очередного провалившегося «агента Коминтерна», чекиста или военного

---

[1] Милый, наивный наркоминдел Чичерин: «иностранцев» ОГПУ — КГБ СССР продолжало «без суда» расстреливать и после вашей смерти в 1936 г. Вспомним судьбу шведского дипломата *Рауля Валленберга*, поисками следов которого более пятидесяти лет занимался сначала МИД СССР, а сегодня — МИД РФ.

шпиона можно было решить одним звонком по «вертушке» (а Чичерин и жил в здании НКИД на Кузнецком мосту в Москве, имея в соседках одну лишь старую кошку), уходит после Ленина в прошлое.

Все чаще и чаще Сталин начал подключать к партийным чисткам в центральном аппарате НКИД и в загранпосольствах чекистов из ОГПУ. А те из карьеристских соображений (практика, очень схожая с практикой царской охранки), собирали через обслуживающий персонал (секретарей, машинисток, шоферов и т. д.) компромат сначала в 1926—1927 гг. на мнимых «троцкистов» (подозревался любой дипломат, окончивший дореволюционную гимназию и свободно владевший немецким и французским языками), а затем на «правых уклонистов», после того как Сталин на пленуме ЦК ВКП(б) в апреле 1929 г. неожиданно объявил о наличии в партии «правого уклона» и лично назначил «лидеров» этого уклона — Бухарина, Рыкова и Томского.

Под угрозой немедленной отправки обратно в СССР оказались уже многие «бывшие», в период нэпа поверившие Ленину и поступившие на советскую службу — меньшевики, эсеры, бывшие «царские» офицеры вроде ген. Брусилова и др. Начавшиеся с весны 1928 г. в Москве показательные процессы над «спецами-вредителями» («Шахтинское дело», затем над меньшевиками из Госплана и ВСНХ, инженерами из «Промпартии» и т. д.) сильно напугали даже лояльных советской власти «спецов» в торгпредствах и полпредствах. В немалой степени этой панике способствовал «расстрельный» декрет ВЦИК СССР от 21 ноября 1929 г. О «невозращенцах», угражавший им смертной казнью в случае самовольной эмиграции (декрет сильно смахивал на указ Николая I о «невозращенцах» — чиновниках и студентах — в 30-х гг. XIX в., разве что кара была помягче: «ссылка в Сибирь навечно»).

Но реакция «спецов» на этот сталинский декрет 1929 г. была обратной: НКИД и Наркомвнешторг захлестнула волна «невозвращенчества», особенно, в Европе. Из нашумевших тогда «невозвращенческих дел» три были наиболее заметными — поверенного в делах СССР в Париже бывшего эсера *Григория Беседовского* (1929 г.), советника полпредства в Стокгольме большевика Сергея Дмитриевского и советника торгпредства во Франции и некогда ученика Ленина бывшего меньшевика *Николая Валентинова (Вольского)* в том же году[1].

Характерно, что к началу 30-х гг. в различных городах Западной Европы оказалось несколько сотен таких «невозвращенцев», и Беседовский даже подумывал, а не объединить ли их всех вокруг своей газеты «Борьба» (начала выходить в Париже с 15 апреля 1930 г.) в некую «партию невозвращенцев»?

Да, по правде говоря, и сам Чичерин с лета 1927 г. оказался на положении «полуневозвращенца», хотя и с легальным статусом находящегося на загранлечении советского наркома (Чичерин страдал тяжелыми, но не смертельными болезнями — *диабетом и полиневритом*). Вернувшись в начале 1928 г. в Москву, он по решению консилиума кремлевских врачей осенью того же года вновь уезжает «на воды» в Германию и остается там на лечении до января 1930 г., бомбардируя ЦК письмами-требованиями о своей немедленной отставке и одновременно — резкой критикой сталинского руководства. При этом это была какая-то странная «болезнь»: 25 марта 1929 г. полпред в Германии *Николай Крестинский* пишет «другу» Чичерина *Льву Карахану*, что «ни один нормальный человек не поймет такого способа лечения»: на немецкие курорты, в горы или к морю Чичерин не едет, а сидит в шумном и дымном Берлине в клинике для выздоравливающих, бегает по городу, по магазинам, «и отсюда начинаются слухи об его отставке, об его изгнании и пр.» (*Беседовский Г.* Указ. соч., — Приложение, с. 387).

---

[1] Впервые встретившись с Лениным в Женеве в 1904 г., Валентинов (Ильич знал его под псевдонимом «Самсонов») впоследствии резко разошелся с «учителем», был зачислен им в «богдановисты» и в 1909 г. наряду с Богдановым, Базаровым и Луначарским был заклеймен как «махист» в «Материализме и эмпириокритицизме».

Тем не менее Валентинов (Вольский) заработал на Ленине литературное имя. Три его книги — «Встречи с Лениным» (1953 г.), «Ранние годы Ленина» (1969 г.) и «Малознакомый Ленин» (1972 г.), переведенные на все основные европейские языки, сделали автора крупнейшим «лениноведом» на Западе.

С другой стороны, помощник наркоминдела Борис Короткин приносит Л. Карахану «слухи со стороны». Отдыхая в цековском санатории в Кисловодске, помощник не успевал отбиваться от вопросов отдыхающих секретарей провинциальных обкомов и крайкомов: «Правда ли, что тов. Чичерину не разрешается въезд в СССР из-за его расхождений с ЦК?»; «Правда ли, что тов. Чичерин уклонист и поэтому отстранен от работы?», и даже в упор — «Правда ли, что он — невозвращенец?». Карахан тоже не на шутку встревожен судьбой «друга» — ведь он специально приставлен Сталиным к наркому. Куда он обращается? Правильно, в ЦК, к генеральному секретарю тов. Сталину. 1 апреля 1929 г. он предлагает вождю свои услуги — лично съездить в Берлин, поговорить с врачами и с самим Чичериным, и если он действительно не настолько болен, что в состоянии бегать по берлинским магазинам и книжным лавкам, то уговорить его поскорее вернуться в Москву на прежний руководящий пост в НКИДе.

Но «великий дозировщик» (Бухарин о Сталине) хочет вести самостоятельную игру с Чичериным. Он отклоняет услуги Карахана и лично пишет наркому 31 мая 1929 г. письмо в Берлин в ответ на письмо последнего от 22 марта, явно опуская все колкости и критику наркома в свой адрес, хотя и не забывая сделать приписку: «Все Ваши письма получаю и большую часть из них рассылаю для сведения членам инстанции», т. е. членам ИККИ и Политбюро ЦК ВКП(б) — здесь и «веревочка» пригодится, когда придет время обвинять наркома в «левом» или «правом» уклоне и выгонять с поста наркома (вот они, улики — собственноручно написанные чичеринские письма против генеральной линии партии!). А Сталин ведь не забыл, как в марте 1921 г., накануне X съезда РКП(б), Чичерин (явно по просьбе «Старика») опубликовал в «Правде» серию статей под общей рубрикой «Против тезисов тов. Сталина», где в полемике Ленина со Сталиным по вопросу о будущем национально-государственном устройстве СССР (автономии или союзные республики с правом выхода из добровольного союза) открыто встал на сторону «Старика». Да еще и уличил будущего «вождя всех времен и народов» (К. Радек, 1934 г.) в политической малограмотности и незнании английского языка: надо же, писал Чичерин, открывает в нацвопросе открытые Америки — до Сталина всю его якобы марксистскую концепцию еще в январе 1918 г. изложил «буржуазный» президент США Вудро Вильсон в своих знаменитых «14 пунктах».

Таких вещей Сталин никому не прощал. Но пока Чичерин был ему еще нужен — ни в каких оппозициях не участвовал, никаких «платформ» не подписывал, а что продолжает молиться на покойного «Старика» — так это пока еще не «уклон». Зато нужен Сталину как дипломатическая ширма в Европе — со времен Генуи в 1922 г. Чичерина там все дипломаты хорошо знают, он ведь, почитай, почти все договоры Советской России с 1919 по 1926 г. с иностранными державами подписывал, да и к Коминтерну (который уже тогда, в 1928—1930 гг., смертельно надоел Сталину) с прохладцей относится.

Чичерин же из своего «курортного далека» в Германии видел и чувствовал — Сталин после смерти Ленина поворачивает «корабль» СССР явно «не туда». Вначале он делится своими тревогами с Львом Караханом: «В центре всего чистка (аппарата НКИД. — *Авт.*). Рабочие тройки чистят нерабочие ячейки. Происходят ужасные вещи» (из письма 22. IV. 1924 г.). Карахан, однако, видит во всех этих чистках обыкновенное «головотяпство», которое клеймил еще Ильич. Чичерин поправляет «друга»: «Вы не осознаете положение… Тройка «от Сталина» (т. е. еще Зиновьев и Каменев. — *Авт.*) решает все… Совсем иную роль играет верхушка ЦКК и РКИ и новая сила — рядовые члены от Сталина…» (из письма 17. VI. 1924 г.).

«Рядовые члены от Сталина» — это *ключ* к пониманию того, что делает генсек с аппаратом партии и Коминтерна: под флагом укрепления «пролетарской прослойки» он с помощью «тройки» (два «ленинских» призыва в 1924 и 1925 гг.), а затем «двойки» — сам Сталин и Бухарин («октябрьский» призыв 1927 г. и еще один «ленинский» призыв 1930 г.) *качественно* меняет состав партии большевиков. Ленин еще в 1922 г. в письме секретарю ЦК по оргвопросам Молотову настаивал — не раздувайте партию, сохраните ее на уровне 400—450 тыс., да и тех желательно ежегодно «чистить» через парткомиссии.

Как только Ленин умер, Сталин и Молотов, державшие прием в партию в своих руках, поступили прямо наоборот. В результате всего за шесть лет ВКП(б) разбухла с 472 тыс. до первого «ленинского» приема в 1924 г. до 1 млн. 675 тыс. после последнего «ленинского» приема в 1930 г., т. е. *выросла более чем в три с половиной раза!*[1] — Понятное дело, что количество шло в явный ущерб качеству. Даже беспартийный рабочий Ноздрин, первый председатель первого Совета в Иваново-Вознесенске в 1905 г., и тот уклонился от сомнительной чести пойти в общем потоке «ленинских» призывов, заявив вербовщикам из райкома партии: «к вам идут людишки… от биллиарда, а не от станка».

Сам Сталин на XIII съезде РКП(б) в 1924 г. вынужден был признать: «Плохо обстоит дело с политграмотностью членов партии (60% политнеграмотных). Ленинский призыв увеличивает процент неграмотности»[2]. Стало быть, если пользоваться сталинской методикой 1924 г. об исчислении политнеграмотных (т. е. смутно представляющих, как Василий Иванович Чапаев, за кого они — «за большевиков, аль за коммунистов?»), то к XVI съезду ВКП(б) в 1930 г., на котором Сталин был торжественно провозглашен корифеем марксизма-ленинизма и внесен в марксистский иконостас «святых» наряду с Марксом, Энгельсом и Лениным за якобы гениальное «открытие» — теорию возможности построения социализма в одной, отдельно взятой стране, таких политнеграмотных на более чем 1,5 млн. членов, было около одного миллиона….

Но именно они — политнеграмотные — и пополняли кадры ОГПУ и Коминтерна, составляя отныне ударный отряд «рядовых членов от Сталина», тоже, по Чичерину, не шибко политграмотного. Для таких «людишек от биллиарда» главное — сталинская команда «фас!». Чичерин с грустью пишет Карахану еще в июне 1924 г. после первого «ленинского» призыва: «рабочие тройки от Сталина» хотят «вычистить» из НКИД *Виктора Коппа*, как мы помним, первого уполномоченного РСФСР в Германии в 1919—1921 гг. по делам русских военнопленных. За что? «Копп слишком хорошо одевается, да и ботинки у него всегда начищены», — ответил глава «рабочей тройки» по чистке НКИД. Правда, Чичерину удалось отстоять своего способного дипломата, и Копп еще проработает полпредом СССР и в Японии (1925—1927 гг.), и в Швеции (1927—1930 гг.).

Конечно, потомственному дворянину, выпускнику Московского университета и бывшему кадровому царскому дипломату Чичерину, почти ровеснику (с 1872 г.), как и Красин, самому «Старику», отличному музыканту-любителю (великолепно играл на фортепьяно и написал профессиональный трактат о Моцарте[3]), пришедшему к большевикам задолго до революции и не за «портфелей» или пайком, а по идейным убеждениям, глубоко претила эта малограмотная сталинская красная «охотнорядская» пехота, «не любящая красивых наружностей и хороших сигар» (из письма к Л. М. Карахану, 11. VIII. 1924 г.).

«Любителю хороших сигар» (Раковскому) особенно достанется от бывшего коллеги по советской дипломатической делегации в Генуе пять лет спустя в Москве, на XV съезде ВКП(б) в декабре 1927 г., Яна Рудзутака, ведшего этот съезд. «Троцкисту» Раковскому, основному оратору от левой оппозиции, выступившему с содокладом, за то, что он «курит сигары», «пьет шампанское», а в Париже как посол СССР (о, ужас!) «носил монокль» (все эти сплетни были взяты из французской бульварной прессы, тщательно переведены на русский язык в секретариате Сталина и осенью 1927 г. циркулярно распространены по низовым ячейкам ВКП(б) по всей стране). Судя по стенограмме съезда, Раковского во время его содоклада за «начищенные ботинки» перебивали 82 раза (Ворошилов — два раза, Бухарин — три, Каганович, Постышев, С. Косиор, «хранитель партэтики» Арон Сольц — по два, остальные 77 делегатов — по разу) и, в конце концов, не дав договорить, согнали с трибуны («XV съезд ВКП(б). Стенографический отчет». — М., 1928, с. 186—193).

---

[1] Статистические сведения о ВКП(б) // *Бубнов А.* ВКП(б). М., 1930, с. 533—534.
[2] XIII съезд РКП(б). Стенографический отчет. М. —Л., 1924, с. 132.
[3] *Чичерин Г. В.* Моцарт. Исследовательский этюд. — Л., 1970.

Георгий Васильевич, разумеется, хорошо осознавал, что ему, как Раковскому или как Красину на внешнеторговом «фронте», после смерти Ленина, всегда бывшего для них троих палочкой-выручалочкой и от Зиновьева, и от Сталина, и от председателя ЦКК Подвойского, придется туго. Поэтому уже в феврале 1923 г. он как бы в шутку писал своему «другу»: «Я могу попасть под автомобиль или якобы упасть с лестницы — ко мне якобы будет ходить врач, потом можно будет сказать, что организм не вынес, — и назначить меня в Госиздат в коллегию или на маленькую должность в НКПрос» (из письма Карахану 3. II. 1923 г.).

Конечно, до массовых политических репрессий было еще далеко, но под автомобили некоторые большевики уже «попадали», например, легендарный *Семен Камо* (14 июля 1922 г. в Тифлисе), соратник Сталина по грабежам царских банков.

Однако Чичерин оставался типичным представителем леволиберальной «кружковой» чеховской интеллигенции, которая к тому же провела не один год в изгнании, решая идейные разногласия «беков» (большевиков) и «меков» (меньшевиков) за столиками парижских, лондонских или женевских кафе, а самовыражаясь только на страницах фракционных партийных изданий («стенгазет»), которые кроме них самих, никто не читал (не говоря уже об аборигенах, по-русски не «тумкавших»).

«Нарком в изгнании» избрал проверенную тактику Ильича с его шалашом в Разливе. Он так же бомбардировал ЦК, Совнарком и ИККИ своими гневными «письмами из далека», при этом не забывая жаловаться на якобы ухудшающееся здоровье, бесполезную трату народной валюты на его лечение и постоянно, с лета 1927 г., просясь в отставку (и так — почти три года).

Первым объектом нападок Чичерина был Коминтерн: «ИККИ не находит ничего лучшего, как срывать всю нашу (НКИДа. — *Авт.*) работу выпадами против Германии, портящими все окончательно. Я еду в Москву, с тем чтобы просить об освобождении от должности наркоминдела» (помните, как «Старик» грозил «пойти в народ через голову ЦК»? — *Авт.*) — из письма Сталину и Рыкову 3. VI. 1927 г., Франкфурт-на-Майне.

«Я решительно утверждаю, что у нас недостаточно оценивают значение советского государства: все эти нелепые разговоры в Коминтерне о борьбе против мнимой подготовки войны против СССР только портят и подрывают международное положение СССР…», — из письма Сталину 20. VI. 1929 г, Висбаден.

«Нынешняя линия Коминтерна кажется мне гибельной», — из письма А. И. Рыкову, осень 1929 г.

«Ложная информация из Китая повела к нашим коллосальным ошибкам 1927 г. (после прекрасной политики 1923—1926 гг.)», — из письма Сталину, 20.VI. 1929, Висбаден.

Вторым объектом критики была кадровая политика Сталина («мы пошли бы против ленинизма, если бы отнеслись отрицательно к чистке вообще» — из выступления генсека на XIII съезде РКП(б), 1924 г.) и его иезуитская политика стравливания аппаратов НКИД и ИККИ.

«Сокращение 1927 г. (аппарата НКИД. — *Авт.*) было для меня лично очень тяжелым ударом.… Совершенный вздор, когда говорят, что якобы я не возлагаю работу на других, а все делаю сам». Чичерин самокритично признает: «Когда разрушают комиссариат, надо грызться. Я же впал в безграничное отчаяние. Вместо отстаивания мною комиссариата, у меня росли патологические состояния, питаемые также отношениями с Литвиновым»[1], — из письма Сталину, 22.III.1929, Берлин.

---

[1] История непростых личных отношений Чичерина с Литвиновым в 1921—1930 гг. — тема отдельного исследования личностной борьбы «старых большевиков» за власть в отдельных наркоматах СССР и в ИККИ. Сначала Литвинов как торгпред РСФСР в Эстонии пытался подсидеть наркомвнешторга Красина путем «телег» на него Ленину и в Политбюрою. Но Красин, у которого тогда были отличные отношения со «Стариком» (только Троцкому и Красину Ленин выдавал чистые бланки Совнаркома со своей подписью), переиграл Литвинова и в мае 1921 г. выгнал его из Внешторга. Но Сталин подобрал интригана и «подсадил» его под Чичерина в НКИД, где тот еще восемь лет портил кровь наркому, пока в январе 1930 г. не сел, наконец, в его кресло с помощью Сталина.

Секретарь Сталина *Борис Бажанов*, сбежавший в ночь под Новый, 1929, год за границу, но тогда, в 1923—1926 гг. технический секретарь Политбюро, получавший всю секретную почту, позднее в эмиграции вспоминал: «Чичерин и Литвинов ненавидят друг друга ярой ненавистью. Не проходит и месяца, чтобы я не получил «строго секретно, только членам Политбюро» докладной записки и от одного, и от другого. Чичерин в этих записках жалуется, что Литвинов — совершенный хам и невежда, грубое и грязное животное, допускать которое к дипломатической работе является несомненной ошибкой. Литвинов пишет, что Чичерин — педераст,

Вместо вычищенных кадровых дипломатов Сталин подсунул в НКИД великовозрастных комсомольцев — Ломинадзе и Шацкина (ту же тактику в 1957—1962 гг. будет проводить и Н. С. Хрущев — вспомним «дипломата» С. К. Романовского, председателей КГБ «железного Шурика» Шелепина и В. Семичастного, предавших своего «отца-благодетеля» в октябре 1964 г.).

А на страницах партийной прессы — газеты «Правда» и жур. «Коммунистический Интернационал» — в клеветнических атаках на Чичерина и НКИД за слишком «вычищенные ботинки» изощрялись директор издательства «Правда» В. В. Семенов и заведующий Восточным секретариатом ИККИ псевдосинолог МИФ (Михаил Александрович Фортус).

Сталинская интрига постепенно приносила плоды. Чичерину никак не удавалось «пришить» какой-нибудь «уклон», кроме громкой игры на фортепьяно в своей квартире в здании НКИД на Кузнецком мосту пьес Моцарта по ночам, да приема иностранных послов в своем официальном кабинете наркома с любимой живой кошкой на столе (но ведь и Ильич любил сниматься в кинохронике с котом на руках). Поэтому дискредитация шла в «протопоповском» духе — все больше насчет «разжижения мозгов» наркома, благо он сам пишет о каких-то своих болезнях, не называя их по имени, и постоянно лечится от чего-то в заграничных клиниках...

В письме Чичерина секретарю ЦК ВКП(б) Молотову (копии Сталину и другим членам Политбюро) 9 августа 1928 г. из Германии мы находим отзвук этих клеветнических слухов на самом верху большевистского руководства: «Тов. Рудзутак писал мне, что от моих писаний веет глупостью»[1].

Рудзутак был не одинок в критике племянника крупнейшего русского ученого-юриста Бориса Чичерина, первого мэра (городского головы) Москвы в 80-х гг. XIX в., в советские времена превратившегося в «ученого лакея царских сатрапов» (историк-марксист Михаил Покровский). Как писал Чичерин в том же письме к Молотову, «тов. Томский почти на каждом заседании Политбюро доказывал, что я не на высоте.… Тов. Бухарин называет меня антагонистом». И даже бывший токарь Путиловского завода в Петрограде, с 1919 г. председатель ВЦИК и ЦИК СССР, «всесоюзный староста» Михаил Калинин «при всяком удобном случае выдвигал [против Чичерина] плохое соблюдение интересов страны».

И это утверждал «пролетарский токарь», пером которого под диктовку Сталина был наполовину сорван грандиозный проект Красина — Чичерина — Раковского в 1925—1927 гг. путем заключения торгово-финансовых соглашений с Германией и Францией решить проблему царских долгов, и западных валютных кредитов на индустриализацию в СССР. Вот как выглядела эта дипломатическая стратегия на переговорах в Германии и во Франции.

В целях удобства анализа мы объединим рассмотрение двух дипломатических конференций: Парижской (первую ее часть, февраль — июль 1926 г.) и Берлинской (март — апрель 1926 г.).

Начнем с Парижской. Ее подготовил Г. В. Чичерин в результате длительных и трудных переговоров с МИД Франции в ноябре — декабре 1925 г. в Париже. Конференция торжественно открылась 25 февраля 1926 г. О серьезности намерений большевиков говорил сам состав советской делегации. Помимо Раковского (полпреда, члена ЦК и Исполкома Коминтерна, члена ВЦИК) в нее входили М. П. Томский (в тот

идиот и маньяк, ненормальный субъект, работающий только по ночам, чем дезорганизует работу Наркомата…. Члены Политбюро читают эти записки, улыбаются, и дальше этого дело не идет». — *Бажанов Б.* Воспоминания секретаря Сталина. — Париж — Нью-Йорк, 1983, с. 125.

[1] В этом письме сын латышского батрака Ян Рудзутак, все «университеты» которого составляли, как и у Хрущева, «две зимы в церковно-приходской школе», сделал, судя по пометкам Чичерина, 47 ошибок в русском языке на одной терадочной страничке. Но зато в 1926—1932 гг. Рудзутак состоял членом Политбюро ЦК ВКП(б) и мог делать какому-то «дворянишке» в чищеных штиблетах любые замечания относительно его ума или глупости. Рудзутак лизал сапоги Сталина с апреля 1922 г., был его «цепным псом» при партийных и советских чистках в 1931—1934 гг. на посту председателя ЦКК при ВКП(б), и наркома РКИ СССР, что все равно не спасло его от расстрела в 1938 г.

момент — член Политбюро, один из руководителей ВЦСПС, член президиума ВЦИК[1]), Е. А. Преображенский (член ЦК, председатель финансового комитета ЦК и Совнаркома, автор брошюры «Экономика и финансы современной Франции»), Г.Л. Пятаков (член ЦК, зампред ВСНХ) и еще 25 экспертов — экономистов, финансистов, юристов. В делегацию входил и Г. В. Чичерин. Утвержденные Политбюро указания требовали: решить проблему «царских долгов» с рассрочкой выплаты минимум на 50 лет и добиться крупных кредитов на индустриализацию.

Почти одновременно в Берлине начались схожие переговоры, но только о кредитах (взаимопретензии по долгам сняли еще в Рапалло в 1922 г.). Берлинские переговоры не афишировались, их закамуфлировали как переговоры о нейтралитете, но они оказались более успешными. Вот как графически выглядят результаты парижских (февраль — июль) и берлинских (март — апрель) переговоров 1926 г.:

Париж (на 16 июля)		Берлин (на 24 апреля)	
Долги	Кредиты	Долги	Кредиты
СССР выплачивает 40 млн. зол. фр.[2] в рассрочку на 62 года (до 1988 г.): - выплата начинается с 1929 г., - сумма уменьшается на 25% по сравнению с требованиями Франции, - 65% выплат идет в довоенных царских ценных бумагах (золотых векселях, «романовках» и «думках»).	Франция предоставляет кредит сроком на три года начиная с 1926 г. в размере 225 млн. долл. США, из которых: 75 млн. - чистая валюта, 150 млн. - товар-ный кредит Товарный кредит: 40 млн. - на размещение заказов на текстильное оборудование, 27,5 млн. - на ГОЭЛРО, 20 млн. - модернизация ж. д. транспорта, 20 млн. - горнорудное оборудование, 13,5 млн. – металлургия, остальное - на химию, бумагу, продовольствие.	нет	Германия предоставляет заем на 300 млн. зол. марок. СССР дает германской промышленности преференции (в налогах, законах и т. д.). Заем обеспечивают три корпорации: - Немецкий банк, - Всеобщая электрическая компания, - Промышленная группа Отто Вольфа. Целевое назначение: ГОЭЛРО, нефть, добыча минерального сырья, текстиль.
Источники: *Борисов Ю.* В. СССР и Франция: 60 лет дипотношений. М., 1984. с. 38—39; *Конт Ф.* Революция и дипломатия (документальная повесть о X. Раковском). М., 1991, с. 205—218.		Источники: Rakovski Ch. Le probleme de la dette franco-sovietique. Paris, 1927; *Конт Ф.* Указ соч. — С. 213—214; *Карр Э.* История Советской России. — Т. 3. — Ч. 1, М., 1989, С. 298—299.	

В целом германо-советское соглашение 24 апреля 1926 г., которому предшествовал Московский торгово-технический протокол 12 октября 1925 г. (а к нему — секретное приложение об усилении тайного военного сотрудничества двух государств, которое началось еще в 1919 г. и о котором речь пойдет ниже) свидетельствовали, что Чичерин с Красиным как государственники *были на высоте.*

Гораздо сложнее обстояли дела с французами.

Хотя зондирование Франции на предмет предоставления крупного кредита в обмен на уплату государственных «царских» долгов началось Красиным и Раковским как полпредами СССР в Париже еще с конца 1924 г, сразу после восстановления дипломатических отношений двух стран, внутриполитическая ситуация во Франции в 20-х гг. существенно отличалась от германской.

---

[1] И как у Томского после этой Парижской конференции 1926 г., которую, как он хорошо знал, целиком и полностью готовили Чичерин и Красин, поворачивался язык утверждать в 1928—1929 гг. на заседаниях Политбюро, что Чичерин «не на высоте», остается загадкой.

[2] 16 июля 1926 г. советская делегация согласилась увеличить сумму до 60 млн. зол. фр.

Правящая французская элита в отношении СССР резко раскололась на две группы. За правительственные кресла в парламенте боролись левые радикал-социалисты во главе с Эдуардом Эррио (кстати, инициатором восстановления в октябре 1924 г. дипотношений с СССР) и правые во главе с Раймоном Пуанкаре.

В 20-х гг. во Франции шла министерская чехарда: приходили к власти левые — переговоры успешно продолжались, правые — прерывались. Чичерину в 1925—1926 гг. приходилось не раз приезжать в Париж на помощь Раковскому. Играл на поле франко-советских переговоров и третий «игрок»: американские и британские нефтяные компании «Стандарт-ойл» и «Шелл», увидевшие в этих переговорах скрытую угрозу своим экономическим интересам во Франции. Дело в том, что еще Красину в бытность его полпредом в Париже в 1924—1925 гг. удалось заинтересовать французские деловые круги, недовольных диктатом английских и американских нефтяных компаний, поставками топочного мазута и нефти из СССР по значительно более низким ценам, чем англо-американская нефтепродукция. 27 марта 1924 г. в парижской газете «L'Europe Nouvelle» появляется инспирированная советским торгпредством в Париже (и им же оплаченная) статья «Французская политика обуславливается поставками нефти из России», в которой, в частности, говорилось: «Обладание русской нефтью является отныне настолько важным фактором мирового значения, что урегулировать его в общих интересах обеих стран без учета политических перспектив на будущее невозможно… Кажется, пришло время нам задуматься над проблемой русской нефти и выработать систему, опирающуюся на действенные средства, которая гарантировала бы одновременно интересы наших кредиторов со снабжением Франции нефтью через Средиземное море» (цит. по: *Конт Ф.* Указ. соч., с. 197).

Раковский подхватил эту эстафету от Красина и в 1925—1926 гг. вне рамок официальных дипломатических переговоров провел «частные» с консорциумом французских банков о возможном предоставлении нефтяной концессии на побережье Каспийского моря в устье реки Эмбы.

Более того, к середине июля 1926 г. Раковскому удалось заинтересовать своим проектом «кредиты в обмен на нефть + выплата царских долгов» левое правительство Бриана — Кайо — де Монзи (министр финансов), а в парижской прессе 15 июля уже появились сообщения, что Франция и СССР вот-вот подпишут взаимовыгодное финансовое соглашение о кредитах и долгах сроком до… *1988 года* (т.е. до перестройки Горбачева!!! — *см. таблицу выше*)[1]. Вот почему еще в феврале 1926 г. в Париж приехала столь представительная советская делегация во главе с членом Политбюро Томским.

Однако это «соглашение века» тогда, в 1926—1927 гг., *так и не было подписано.* Почему? Конечно, не потому, что Чичерин и другие советские дипломаты — участники переговоров в Париже оказались якобы не на высоте. Три группы факторов сыграли здесь свою отрицательную роль.

Во-первых, едва 15 июля была достигнута принципиальная договоренность с левым правительством Эррио о «соглашении века» и обусловлено время его окончательного подписания в Париже после парламентских каникул (примерно между 15 и 20 октября 1926 г.), как через неделю, 21 июля, это правительство пало и 23 июля к власти пришел четвертый кабинет Р. Пуанкаре, настроенный крайне антисоветски. Пуанкаре сразу заморозил все переговоры с Раковским, и когда парламентские каникулы кончились (октябрь 1926 г.), франко-советская конференция не была возобновлена: формально она откроется — и тотчас закроется — только 19 марта 1927 г., т. е. через восемь месяцев после последнего заседания в 1926 г.!

Поводом для этой затяжки кабинет Пуанкаре избрал советско-германское соглашение «о нейтралитете», заключенное 26 апреля 1926 г. в Берлине. Поскольку его содержание довольно быстро попало в европейскую прессу, Пуанкаре выдвинул обвинение в «двойной игре» большевиков, вновь, как в 1918 г. в Брест-Литовске и в 1922 г. в Генуе,

---

[1] Нынешним переговорщикам Российской Федерации с Парижским и Лондонским клубами по советским и собственным внешним государственным долгам было бы не худо изучить этот продуктивный опыт Чичерина — Красина — Раковского в 1925—1927 гг., прежде чем прибегать к услугам экспертов США.

заключающих сепаратные секретные соглашения за спиной своих партнеров по официальным переговорам, тем более, что и в Берлине речь шла о кредитах на те же самые цели, что и в Париже, — ГОЭЛРО, строительство Днепрогэса, добычу нефти и т. д.

Во-вторых, с весны 1926 г. из-за политики Коминтерна и Политбюро ВКП(б) (моральная и финансовая поддержка всеобщей забастовки английских шахтеров) резко обострились англо-советские дипломатические отношения, завершившиеся полицейской провокацией — налетом крупного отряда британской полиции 12 мая 1927 г. и обысками в здании советского торгпредства и советско-английского торгового общества «Аркос» в Лондоне, созданного еще в 1921 г. Красиным.

Что это была заранее спланированная провокация британских спецслужб, еще в 1978 г. установил французский историк *Френсис Конт* по рассекреченным материалам архива МИД Великобритании. Как пишет автор, еще 15 мая 1925 г. *Остин Чемберлен,* министр иностранных дел Великобритании в 1924—1929 гг., разработал сценарий и предложил английскому госсекретарю по внутренним делам отвечать по нему на происки Коминтерна «сильным контрударом». В свою очередь, 10 декабря 1926 г. один из руководителей Северного департамента МИДа Великобритании, курировавшего Скандинавию и Россию, разработал тактику этой провокации: «Совершенно нет необходимости подкреплять наши обвинения документами, ибо мы знаем, что всегда можно оспаривать их подлинность, вплоть до Страшного суда» (цит. по: *Конт Ф.* Указ. соч., с. 214).

Все остальное было делом техники британских спецслужб. Через перевербованного агента ОГПУ в торгпредстве (вот когда сбылось пророчество Чичерина!) стало известным, что у одного из советских работников торгпредства, фактически являющегося «агентом Коминтерна», якобы хранится некий сверхсекретный документ, являющийся на деле «детально разработанным и грамотно составленным наставлением о тайнах искусства организации забастовок с целью развязывания гражданской войны» (из выступления О. Чемберлена в палате общин Великобритании — там же, с. 215). Так родилась пресловутая фальшивка — «письмо Зиновьева».

Надо сказать, что налет 12 мая был заключительным аккордом в той шумной антисоветской кампании в британской прессе, которая началась после ноты-ультиматума Чемберлена правительству СССР еще 23 февраля 1926 г.

Справедливости ради следует сказать, что и сами руководители СССР в тот период (1926 г.) никак не могли найти оптимального варианта выхода из все углублявшейся коллизии «линии НКИД» и «линии Коминтерна». Все еще остававшийся до ноября 1926 г. председателем Коминтерна *Григорий Зиновьев*, например, публично заявлял в партийной печати, что вся эта игра Чичерина — Раковского с финансовыми переговорами в Париже — пустая затея: никаких «царских долгов» этим империалистическим акулам отдавать не следует, а лучше отдать эту валюту Коминтерну на дело мировой пролетарской революции.

Увы, и сам *Христиан Раковский*, в отличие от Чичерина, тоже не найдет тогда отпимального соотношения между государственными и революционными интересами «первого Отечества мирового пролетариата» — СССР. Будучи официальным дипломатическим представителем этого «Отечества» во Франции (а в июле 1923 — октябре 1925 г. — в Англии), он в марте 1926 г. публикует в хорошо известном и регулярно получаемом библиотеками западноевропейских столиц «коминтерновском» журнале большую статью с политической оценкой «на злобу дня» — о забастовке английских углекопов, причем прямо связывает эту забастовку с внешней политикой СССР: «Как бы большевикам не удалось найти общий язык с английским рабочим классом, заключить с ним соглашение и наметить линию совместных действий по нескольким, если не по всем, пунктам»[1] (напомним, что и у самого «Рако», как звали его французские коммунисты во Франции, были два главных «пункта» его биографии — член ВЦИК СССР и член ИККИ с 1919 г.).

---

[1] *Раковский Х. Г.* Международное положение // «Мировое хозяйство и мировая политика», 1926, № 3, с. 15.

Как теперь хорошо известно, в нагнетании международной антисоветской истерии 1927 г. большую роль сыграли «нефтяные деньги» компаний «Стандарт-ойл» и «Шелл», очень испугавшихся «сделки века» 15 июля 1926 г. между Францией и СССР[1].

И, словно по команде, в Европе и в Азии начинаются провокации и теракты против советских представительств и дипломатов. 6 апреля 1927 г. китайские полицейские врываются в помещение посредства СССР в Пекине и оккупируют его, одновременно начиная провокации в советской полосе отчуждения КВЖД в Северном Китае. 27 мая Великобритания разрывает дипломатические отношения с СССР, одновременно денонсируя англо-русский торговый договор 1921 г. 7 июня 1927 г. в Варшаве белогвардейский террорист убивает полпреда СССР в Польше Петра Войкова.

В конце мая «больной» Чичерин срочно прибывает в Париж — в Москве боятся цепной реакции разрыва с таким трудом установленных дипотношений со странами «капиталистического окружения». По счастью, в Париже тоже неплохо информированы, на чьи деньги и под чьим давлением британцы разорвали дипотношения с СССР. Кроме того, там помнили о 75 тыс. тонн топочного мазута, что были поставлены во Францию через Марсель из советских портов в 1925 г. при содействии банков «Креди Лионнэ» и «Сосьете Женераль», которым при этом большевики еще и выплатили часть царских долгов за те инвестиции конца XIX в., что они вложили в строительство в 1891—1900 гг. Транссибирской железнодорожной магистрали.

Поэтому, когда Чичерин с опаской входил в кабинет министра иностранных дел Бриана на Кэ д'Орсэ, тот его успокоил: «Франция ничем не связана, имеет свою собственную русскую политику, не присоединится в этом конфликте к Англии и будет заботиться о сохранении мира» (цит. по: *Борисов Ю. В.* Указ. соч., с. 39).

Более того, Чичерину удалось даже добиться продолжения переговоров по «соглашению века», правда, только в формате совершенно секретных встреч и при условии существенных уступок в смысле увеличения суммы выплат по «царским долгам».

В мае — июле 1927 г. переговоры велись в виде обмена секретными нотами между министром финансов Анатолем де Монзи (кстати, личным приятелем Рако) и полпредом Христианом Раковским, хотя официально советско-французская конференция по «контракту века» считалась как бы завершенной еще 19 марта 1927 г. Такая тактика «тайной дипломатии» была предложена правительством Пуанкаре во избежание нападок ультраправой парижской прессы, а также белоэмигрантских газет типа «Возрождения» во французской и других столицах Европы.

И еще неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы не провокация Сталина, фактически блокировавшегося с англо-саксонскими «нефтяными королями», но не из-за нефти, а в своекорыстных интересах борьбы с «троцкистами» за личную власть в партии и в государстве.

Вот когда наступил подлый час «пролетарского токаря»: 21 сентября 1927 г. Раковский, предварительно согласовав свои действия с НКИД и Политбюро, делает последний отчаянный шаг: он идет на увеличение ежегодной выплаты по царским долгам (с 40 млн. до 60 млн.), сокращает первоначальную сумму запрашиваемых кредитов почти вдвое — с 225 млн. до 120 млн. долларов, а в качестве гарантии выплаты долгов соглашается немедленно депонировать аванс в 30 млн. золотых франков, которые будут выплачиваться разорившимся мелким рантье — держателям «русских ценных бумаг» сразу после ратификации соглашения о долгах и кредитах[2].

А на другой день, 22 сентября, из срочных «молний» — сообщений европейских телеграфных агентств из Москвы, которые уже к вечеру того же дня перепечатывают все

---

[1] См. секретный доклад МИД Великобритании 16 февраля 1926 г. «Французские банки и русская нефть» // *Конт Ф.* Указ. соч., с. 365, а также *Louis Ficher.* Oil imperialism: the international struggle for petroleum. — New-York, 1926.

[2] Спустя 69 лет, там же, в Париже, точно так же с санкции «царя Бориса» поступит его премьер Виктор Черномырдин в интересах отсрочки выплат уже не царских, а советских долгов Парижскому клубу, депонируя 400 млн. долларов выплат потомкам тех самых мелких рантье, которым хотел заплатить еще Рако.

вечерние парижские газеты, Раковский узнает, что его, как «троцкиста № 2» и личного друга Троцкого, с потрохами продал Сталин: в «Известиях» публикуется секретная переписка Рако по «контракту века». За «сопроводительной» М. И. Калинина, внешне посвященной критике «французских реакционеров», которые начали бешеную антисоветскую кампанию в прессе, якобы почувствовав, «что близко заключение соглашения между Советским Союзом и Францией», следовали ноты секретной переписки посла СССР Раковского с министром финансов Франции Анатолем де Монзи и другими членами кабинета Пуанкаре. 24 сентября в тех же «Известиях» публикация была продолжена[1].

Сталин, впрочем, и не особенно скрывал авторство этой публикации в двух номерах «Известий». На заседании Исполкома Коминтерна, где из его состава исключались сразу и Троцкий (в его присутствии), и Раковский (заочно), 28 сентября 1927 г. он говорил так: «Пусть оппозиция («троцкистов». — *Авт.*) не говорит нам, что наше соглашение с Францией стоит или может стоить слишком дорого. Оппозиционер Раковский находится в Париже. Правда, из всех оппозиционеров именно он наиболее точно выполняет директивы Политбюро. Но всякий раз, проявляя инициативу, он предлагает платить больше, платить дороже. В частности, так было в последний момент в вопросе насчет 30 млн. франков. Раковский просто предлагал представить эти 30 млн. французскому правительству для раздачи держателям. Мы же согласились предоставить эти деньги лишь при условии урегулирования вопроса о кредитах. И так это было всегда. Есть документы, которые это подтверждают» (а они уже и опубликованы в «Известиях»! — *Авт.*)[2].

Таким образом, мы, наконец, приходим к последней, третьей группе факторов, непосредственно связанной с «болезнью» Чичерина и его странным «лечением» за границей, а также к окончательному срыву «контракта века».

В-третьих — судьба этого контракта в 1927 г., году последней решительной схватки «троцкистов» со «сталинистами» в верхушке ИККИ и ЦК ВКП(б), оказалась для Раковского, Чичерина и всего НКИД самым тесным образом связана с внутрипартийной борьбой, в которой все приемы и методы политической и дипломатической борьбы с оппонентами оказались хороши.

Конечно, Раковский, подобно Чичерину, мог бы занять позицию «над схваткой», ограничившись лишь «письмами из далека» (из Парижа). Но он, увы, подобно Льву Каменеву, в 1927 г. полпреду СССР в Италии, с головой окунулся в оппозиционную борьбу со Сталиным и его клевретами. В самом конце июля — начале августа 1927 г. Рако прерывает тайные встречи с де Монзи и срочно отбывает в Москву на поддержку Троцкого. Дело в том, что на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 29 июля — 8 августа в Москве назначено обсуждение подписанной им, Каменевым, Зиновьевым и Троцким «Платформы левой оппозиции». «Платформа» целиком выдержана в духе «линии Коминтерна». Один из ее разделов — «О международном положении и опасности войны», написанный Раковским в Париже и присланный диппочтой в Москву Троцкому, — целиком был направлен против Сталина и его тезиса о том, что международная обстановка в 1926—1927 гг. будто бы «целиком и полностью подтвердила верность его линии» (текст Раковского). Наоборот, утверждал Рако, Сталин грубо подтасовал реальные факты: именно он своей «пассивностью» в деле практического форсирования мировой пролетарской революции в Европе и Азии сорвал в мае 1926 г. мощную забастовку углекопов в Англии, а в апреле 1927 г., вместе с Бухариным, сначала толкнул китайских пролетариев на массовое восстание в Шанхае, затем бросил их на растерзание палачам националистов Чан Кайши, трусливо посоветовал «боя не принимать» (*Конт Ф.* Указ. соч., с. 220).

Для посла СССР в одной из крупнейших стран «капиталистического окружения», однако, весьма странно звучала критика сталинско-бухаринского тезиса о возможности

---

[1] «Известия», 22 и 24 IX. 1927 г. Сталин позаботился и о том, чтобы потомки не забыли о «предателе-троцкисте»: в 1945 г. известинские публикации были бережно перепечатаны. — См.: «Внешняя политика СССР», т. 3. — М., 1945, с. 151—154.

[2] «Коммунистическая оппозиция в СССР (1923—1927)». Сб. док., т. 4. — Вермонт, 1988, с. 186; *Конт Ф.* Указ. соч., с. 222.

относительно длительного периода «мирного сосуществования СССР и капиталистических стран», который Раковский считал «в корне ошибочным». Эту свою критику якобы ложной концепции «мирного сожительства», выдвинутую еще Лениным в 1921 г., «Рако» настойчиво будет проводить на всех собраниях оппозиции и пленумах ЦК — ЦКК и ИККИ в августе — декабре 1927 г. вплоть до XV съезда ВКП(б), на котором его вместе со 121 оппозиционерами — «троцкистами» исключат из партии[1].

В задачу этой книги не входит детальное исследование всех перипетий внутрипартийной борьбы «троцкистов» (доктринеров продолжения мировой революции) и «сталинистов» (национал-большевиков, поборников «социализма в одной стране»), тем более, что это уже давно сделано за рубежом, а также на страницах обстоятельных документальных публикаций на иностранных и русском языках[2].

В свое время и мы внесли скромный вклад в эту трагическую историю краха иллюзий большевиков-интернационалистов в их надеждах переделать мир на основах социальной справедливости с помощью «марксистского рычага Архимеда» — мировой пролетарской революции, написав статью о Раковском, «самом европеизированном из большевиков» (Ленин), и дав в приложении к ней два программных документа этого ссыльного «троцкиста», из которых наибольший интерес представляет его письмо будущему «невозвращенцу» Н. Валентинову (Вольскому) «О причинах перерождения партии и государственного аппарата» из ссылки в Астрахани 6 августа 1928 г.[3].

Из этого письма видно, что для «протопопов Аввакумов» всех времен и народов никакие, даже самые разумные, предостережения не указ. Ни упоминавшееся выше «Политическое завещание *Плеханова* (1918 г.), ни предостережение *Карла Каутского* еще в 1919 г.[4], ни художественные аналогии писателя-эмигранта *Марка Алданова* из его «Девятого термидора» (Берлин, 1923) — ничто не могло поколебать их фанатичной веры в доктрину мировой пролетарской революции.

Пожалуй, лучше всего на примере Троцкого образ такого большевистского «протопопа Аввакума» обрисовал *Борис Бажанов*, бывший личный секретарь Сталина, технический протоколист на заседаниях Политбюро в середине 20-х гг., наблюдавший и «догматиков», и «прагматиков» в течение нескольких лет с близкого расстояния: «Я бы сказал, — писал он в своих эмигрантских «Воспоминаниях» в 1930 г., — что Троцкий — тип верующего фанатика. Троцкий уверовал в марксизм, уверовал затем в его ленинскую интерпретацию. Уверовал прочно и на всю жизнь. Никаких сомнений в догме и колебаний у него никогда не было видно. В вере своей он шел твердо. Он мог только капитулировать перед всей партией, которую он считал совершенным орудием мировой революции, но он никогда не отказывался от своих идей и до конца дней своих в них твердо верил, верил с фанатизмом. Из людей этого типа выходят… Франциски Ассизские, и Петры Отшельники, и Саванаролы, но и Троцкие и Гитлеры. Не теоретики, не мыслители, а такие фанатики оказывают гораздо большее влияние на судьбу человечества, чем столпы разума и мудрости…» (*Бажанов Б.* Указ. соч., с. 163).

В исследовании проф. *Тамары Кондратьевой*[5], нашей соотечественницы, давно по семейным обстоятельствам живущей и преподающей русскую историю в университетах Франции, точно определена *суть* этой позиции: «Мы впервые (в 20-х гг. в ВКП(б). — *Авт.*) сталкиваемся здесь с проявлением противоречия, ставшего впоследствии традиционным для Советского Союза: противоречием между революционным правоверием (по-нашему — фанатизмом. — *Авт.*) и исторической реальностью» (*Кондратьева Т.* Указ. соч., с. 89).

---

[1] См P. Broue. Le parti bolchevique. Paris, 1963, pp. 239—261; «Коммунистическая оппозиция в СССР (1923—1927)», т. 2, с. 186-188.

[2] См, например, «Les bolcheviks contre Stalin, 1923—1928». — Paris, 1957; «Коммунистическая оппозоция в СССР (1923—1927)». Сб. док-тов, тт. 1—4. — Vermont, 1988; «Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР, 1923—1927», тт. 1—4 // Под ред. Ю. Фельштинского. — М., 1990.

[3] *Сироткин В.* «Самый европеизированный из большевиков» // Дипломатический ежегодник. 1989. — М., 1990, с. 398—415.

[4] У большевиков «конец будет не совсем таким, каким было 9 термидора, но я думаю, что он будет не очень далек от него». — *K. Kautsky.* Terrorisme et communisme. — Paris, 1921, p. 232.

[5] *Кондратьева Т.* Большевики-якобинцы и признак Термидора. — М., 1993 (сокращенный перевод с французского издания 1989 г.).

Ленин, после военного разгрома РККА под Варшавой и вынужденного введения в марте 1921 г. нэпа, одним из первых начал осознавать это расхождение «революционного правоверия» (доктрины мировой пролетарской революции) и «исторической реальности» (жизни). Вскоре после смерти Ленина, 1 февраля 1924 г., газ. «Известия» опубликовала сентенцию Ильича, якобы сказанную в мае 1921 г. французскому коммунисту Жоржу Садулю: «Рабочие-якобинцы более проницательны, более тверды, чем буржуазные якобинцы, и имели мужество и мудрость сами себя термидоризировать»[1].

Но на XI съезде РКП(б) в 1922 г. в связи с публикациями *Ник. Устрялова* и течением «сменовеховства» в «белой» заграничной эмиграции В. И. Ленин проблему ТЕРМИДОРА (в смысле «перерождения» и возврата «на круги своя») по существу самого этого понятия (контрреволюционный переворот, режим Директории как новых буржуа и, наконец, как приход военно-бурyжуазного диктатора Бонапарта) больше не поднимал, сведя все к борьбе в партии с «перерождением», с бюрократизмом и «комчванством», к подъему «культурности» большевиков-управителей «первого Отечества мирового пролетариата» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 93—95.).

Можно сказать, что в 1921—1922 гг. Ленин ушел от публичного анализа этой ключевой проблемы, по существу — ответа на важнейший вопрос — а стоило ли Ленину и большевикам 7 ноября 1917 г. брать власть в России, если теперь становится ясным — мировая революция «запаздывает» уже не на дни и месяцы, а, похоже, на годы? И хотя даже на IV Всемирном конгрессе Коминтерна в ноябре 1922 г., где Ильич последний раз публично выступил с докладом «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции» и снова ничего определенного не сказал о термидоре, он, несомненно, непрерывно думал об этом даже в период своей тяжелой болезни в Горках.

По нашему глубокому убеждению, эти ленинские «былое и думы» привели его к пессимистическому выводу, и этот вывод ускорил его физическую деградацию и смерть (подробней об этих наших размышлениях см. ниже — *авторское отступление*).

А тогда же изо всего тогдашнего большевистского руководства ленинскую мысль о *самотермидоризации* поддержал… ОДИН ЧИЧЕРИН!? Наркоминдел не только не побоялся признаться в своем «термидорианстве» в узком кругу партийцев или в личном доверительном письме Льву Карахану (который, как стало известным много позднее, на закрытом процессе «врагов народа» в декабре 1937 г., на котором судили и расстреляли и этого бывшего полпреда в Китае и замнаркоминдела, докладывал в 1926—1930 гг. об этих доверительных письмах Чичерина лично Сталину…), а дал публично интервью иностранной журналистке *Луизе Вейс* из парижской газеты «Пти паризьен» (опубл. 9 ноября 1921 г.).

Объясняя непонятливой даме-журналистке разницу между НКИД и ИККИ, а также основные принципы ленинской внешней политики Советской России, Чичерин без обиняков заявил: «Наша внешняя политика есть лишь выражение той новой экономической политики, которая есть настоящий пролетарский термидор» (цит. по: *Кондратьева Т.* Указ. соч., с. 88).

Но в понятие *термидор* Чичерин и доктринеры мировой пролетарской революции («троцкисты») вкладывали разное содержание. Судя по уже неоднократно упоминавшейся «служебной записке» (политическому завещанию) Чичерина в июле 1930 г., адресованной «вождям» СССР и Коминтерна, он мыслил свой *термидор* как *восстановление геополитических принципов русской внешней политики*, которую ведут не «языкочешущие» отставные комсомольцы или карьеристы-аппаратчики (в аппарате ЦК ВКП(б) их презрительно обзывали *челядью*) из Коминтерна, а *профессионально образованные дипломаты.* Что касается *принципов* этой термидорианской советской внешней политики, то судя по тому, что Чичерин в начале XX в. написал 700-страничный трактат о канцлере А. М. Горчакове (до сих пор не опубликован), именно «горчаковские» принципы и должны были лечь в основу внешней политики СССР.

---

[1] «Письма В. И. Ленину из-за рубежа». — М., 1966, с. 284.

Но пока, в 20-х гг., в НКИД профессионально работать не нужно: «С 1929 г. были открыты шлюзы для всякой демагогии и всякого хулиганства. Теперь работать не нужно, нужно «бороться на практике против правого уклона» (Чичерин цитирует слова Сталина на пленуме ЦК в апреле 1929 г. — *Авт.*), т. е. море склок, подсиживаний, доносов. Это ужасное ухудшение госаппарата особенно чувствительно у нас (в НКИД. — *Авт.*), где дела не ждут…. Осуществилась диктатура языкочешущих над работающими. Если Вы не раздавите эту демагогию, то у Вас все встанет» (*Чичерин Г. В.* Указ. записка, с. 408)[1].

Изо всех руководящих «старых большевиков» к «термидорианской» концепции Чичерина ближе всего стоял его коллега по внешнеполитическому «цеху» наркомвнешторг *Леонид Красин*. У него тоже был схожий взгляд на «диктатуру языкочешущих», которых он вдобавок разделил на два подвида: доктринеров и приспособленцев.

Выступая в 1923 г. на очередной партконференции в Москве, он так охарактеризовал пока еще ленинский (до «ленинских» призывов «людишек от биллиарда») состав РКП(б): «Источником всех бед и неприятностей, которые мы испытываем в настоящее время, является то, что коммунистическая партия на 10 процентов состоит из убежденных идеалистов, готовых умереть за идею, но неспособных жить за нее, и на 90 процентов из бессовестных приспособленцев, вступивших в нее, чтобы получить должность. Бесполезно и безнадежно пытаться убеждать 10 процентов фанатиков в необходимости этой новой экономической политики, поэтому я обращаюсь к остальным 90 процентам и честно предупреждаю: если вы не хотите, чтобы массы русского народа поступили с вами так же, как с царской челядью, отбросьте беспочвенные мечтания и повернитесь лицом к экономическим законам» (цит. по: жур. «Диалог», 1990, № 2, с. 14).

Далеко не все в аппаратах НКИД и Внешторга разделяли эту «термидорианскую» концепцию. Полпред в Англии и Франции Раковский — с 1923 г. активный деятель левой оппозиции — совместно с Троцким готовит ее «заявления» и «платформы», т. е. активно «языкочешущий» в пользу продолжения усилий по разжиганию мировой революции и осуждающий «термидорианцев Сталина» («Заявление 13-ти» — Каменева, Зиновьева, Пятакова, Смилги, Раковского и др., направленное на объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) в июле 1927 г.).

В представленной на тот же пленум «Платформе левой оппозиции», составленной Троцким и Раковским, «термидору» противопоставляется следующая программа: «Превращение войны империалистической в войну гражданскую во всех странах, принимающих участие в агрессии против СССР…. Пролетариат каждой капиталистической страны должен бороться за поражение «своего» правительства. Переход на сторону Красной Армии каждого иностранного солдата, не желающего помогать работорговцам «своей» страны. СССР — родина всех трудящихся» (цит. по: *Конт Ф.* Указ. соч., с. 219).

Нетрудно заметить, что эта сентенция — почти точный пересказ ленинских лозунгов времен Первой мировой войны — «Превратим войну империалистическую в войну гражданскую». Но это — один Раковский, фанатик классовой борьбы. И, как это ни удивительно, есть и другой Раковский — дипломат и государственник. «Второй» Раковский хорошо понимает, что сталинское «единство ради единства» вокруг генеральной линии партии, «лишенной всякого конкретного содержания», не что иное, как «языческое одобрение толпой любой политики, любого поворота в любую сторону» (из письма из ссылки в Барнауле в 1930 г. «На съезде и в стране. По итогам XVI съезда партии» — опубл. нами в «Неделе», 1989, № 21).

Позитивное содержание платформы левой оппозиции в 1926—1927 гг. состояло в том, что она, не отказываясь от доктрины мировой пролетарской революции, действительно хотела строить *ленинский социализм* через нэп при самых широких экономических связях с Западом (переговоры Раковского в Париже), а Сталин и ведомое

---

[1] Судя по тому, что эта «записка» так никогда и не была отправлена, а увидела свет только через 67 лет после написания, Чичерин и сам не верил в то, что «языкочешущие» скоро будут побеждены, а здравый смысл в России, наконец, восторжествует.

им малограмотное большинство не хотели этого, стремились к «национал-большевизму», к изоляции СССР от Запада, к созданию атмосферы «осажденной крепости», ибо только так — силой, репрессиями, ГУЛагом — они могли удержаться у власти.

Нэп, конвертируемый рубль, самоуправление, реальная власть Советов — все это означало потерю рычагов управления для сталинского «ордена меченосцев». Не нужен был им и крупный французский займ, ибо научно обоснованная, опирающаяся на хозрасчет индустриализация выдвигала бы на первый план партийных интеллигентов, а не малограмотных «меченосцев» типа Кагановича или Микояна, распродавшего в 1929—1933 гг. за бесценок почти весь художественный картинный и церковный фонд страны в обмен на ту же самую валюту, которую Чичерин, Красин и Раковский намеревались получить цивилизованным путем.

Поскольку общая международная обстановка вокруг СССР с весны 1927 года действительно обострилась, а на конец 1927 года был намечен XV съезд партии, где должно было произойти решающее столкновение «троцкистов» и «сталинистов», Сталину важно было заранее ослабить позиции своих оппонентов — и в первую очередь «троцкиста № 2» и личного друга «демона революции» — Раковского, т. к. его успех на переговорах по «контракту века» во Франции высоко поднимал весь престиж левой оппозиции в партии и стране. Поэтому Сталину меньше всего нужны были в этой связи французские кредиты, которые никак не укрепляли его личные позиции. Через контролируемое им Политбюро он шлет Раковскому нечеткие и противоречивые инструкции, стремясь не мытьем, так катаньем не допустить подписания «контракта века» (по ранее неизвестным архивным материалам восприятие этих сталинских инструкций Раковским хорошо показал *Ю. В. Борисов.* Указ. соч., с. 40—41). Даже член Политбюро *Алексей Рыков*, в тот период вместе с Томским и Бухариным временный «попутчик» Сталина, и тот однажды не выдержал — публично обвинил генсека на Политбюро в двойной игре.

Троцкий, который уже давно разобрался в этой тактике «серой посредственности», 30 сентября 1927 г. сообщал Рако в Париж: такие приемы Сталина «есть прямое приглашение по адресу французской буржуазии: нажимай дальше. Здесь, как и везде, Сталин все циничнее подменяет борьбу за интересы государства борьбой за самосохранение» (цит. по: «Дипломатический ежегодник. 1989», с. 409, 412).

Сталин организует утечку информации о ходе переговоров Раковского в низовые провинциальные парторганизации, где вот уже второй год идет ожесточенная дискуссия между «троцкистами» и «сталинистами»: последние начинают кричать и слать в ЦК и ЦКК ВКП(б) резолюции протеста о том, что «троцкисты» продают СССР капиталистам за старые царские долги. И да здравствует сталинское Политбюро, которое «спасло СССР от Раковского, который вел дело к закабалению СССР Францией» («Коммунистическая оппозиция», т. 4, с. 187).

Вот когда начал проявляться фактор качественного изменения состава партии в результате двух «ленинских» и одного «октябрьского» (к 10-летию Великого Октября в ноябре 1927 г.) призывов, когда «старые большевики» в ВКП(б) с дореволюционным стажем типа Раковского составляли уже *менее одного процента* членов партии. Поэтому немудрено, что далекие от большой политики рядовые «партпризывники» стали легкой добычей этих манипуляций Сталина через подконтрольную ему центральную печать. Так и появился в далеком селе Сохондо Читинской губернии протокол № 16 двух членов партии, семи комсомольцев и 16 человек «сочувствующих» с осуждением «троцкистов»: «Троцкий не может быть коммунистом, сама его национальность указывает, что ему нужна спекуляция…. Зиновьев и Троцкий покумились. Они ошиблись в русском духе, за этими нэпачами русский рабочий и крестьянин не пойдет. Постановили: удалить из членов Коминтерна и Профинтерна как разлагающих единство, стальной ленинизм — исключить из состава ВКП(б). Да здравствует единство ленинизма, долой раскольников (сентябрь 1927 года)» («Коммунистическая оппозиция в СССР», т. 4, с. 188).

Не менее удивительно и другое — как Сталину удалось в 1926 г., через два года после смерти Ленина, расколоть «старую большевистскую гвардию» и привлечь на свою

сторону часть ее (Бухарина, Рыкова, Томского и др.). Ведь никаких *теоретических* разногласий между «левыми» и «правыми» большевиками из старой гвардии в отношении мировой пролетарской революции в 20-х гг. не было. Вот что говорит «правый» большевик и временный «попутчик» Сталина в борьбе с «троцкистами» *Николай Бухарин* на VII расширенном пленуме ИККИ в ноябре — декабре 1926 г., где внешне резко столкнулись в полемике «языкочешущие» левые и правые течения в ВКП(б) и Коминтерне: «…Все мы без исключения признаем международный характер русской революции, которая является составной частью революции мировой, это никем в нашей партии не оспаривается.… Мы признаем и другую аксиому, гласящую, что окончательная практическая победа социализма в нашей стране без помощи других стран и мировой революции невозможна. Коренное противоречие между СССР и капиталистическими странами может быть разрешено только мировой революцией…. В этом вопросе никаких разногласий между нашей партией и оппозицией нет»[1].

Полгода спустя аналогичную бухаринскую программу «дотягивания» СССР до мировой революции почти в тех же словах изложил «левый» *Лев Троцкий* в речи на заседании президиума ЦК ВКП(б) в июне 1927 г., за шесть месяцев до своего исключения из партии: «Мы можем победить только как составная часть мировой революции. Нам необходимо дотянуть до международной революции, даже если бы она отодвинулась на ряд лет…. Правильным революционным курсом мы укрепим себя на ряд лет, укрепим Коминтерн, продвинемся по социалистическому пути вперед и достигнем того, что нас возьмет на большой исторический буксир международная революция»[2].

Показательно и другое: едва Сталин с помощью Бухарина выгнал на XV съезде ВКП(б) в декабре 1927 г. из партии «троцкистов», как последний уже в январе 1928 г. сел за написание троцкистской «Программы мировой революции», которая и была принята VI Всемирным конгрессом Коминтерна в Москве летом того же года.

И уже совсем в духе поэта Тютчева насчет «умом Россию не понять…» выглядели 7 ноября 1927 г. в Москве и Ленинграде две параллельные демонстрации — «сталинистов» и «троцкистов», которые несли одинаковые теоретические лозунги из «Призывов ЦК ВКП(б)» к Великому Октябрю, например — «Первые десять лет международной пролетарской революции подвели капиталистический мир к могиле. Второе десятилетие его похоронит» (1927 г.).

Иной, разумеется, была реакция на все эти «экзерсисы» Сталина во Франции. Конечно, теоретические дискуссии «троцкистов» и «сталинистов» прожженными французскими дипломатами воспринимались как свифтовский спор «тупоконечников» и «остроконечников».

А вот публикация в «Известиях» секретной переписки де Монзи с Раковским, воскрешавшая практику матроса Маркина в 1917 г., была делом серьезным. Она восстановила против правительства Пуанкаре всех мелких вкладчиков — потенциальных избирателей: вместо аванса в 52 млн. зол. фр. (как обещал де Монзи в парламенте) большевики в лице Раковского посулили всего 30 млн. Тут даже те мелкие держатели ценных бумаг, что обычно голосовали за левых, заволновались. Известное дело, у французского буржуа сердце слева, но бумажник — справа. Возвратившемуся в Париж Раковскому пришлось туго.

Сразу после публикаций в «Известиях» против Раковского во Франции началась газетная кампания, усугубленная нотой протеста посла Франции в Москве насчет «подстрекательской подрывной деятельности г-на Раковского» (имелась в виду подписанная им и опубликованная в печати «Платформа левой оппозиции», в которой посол СССР призывал «пролетариев капстран бороться за поражение своего правительства», при котором член ИККИ Рако был официально аккредитован). Чичерин на этот раз, ссылаясь на «болезнь», в Париж спасать Раковского не поехал, но по

[1] «Пути мировой революции. VII расширенный пленум ИККИ», 22 ноября — 16 декабря 1926 г., т. 2. — М. — Л., 1927, с. 111.
[2] Цит. по: «Вопросы истории», 1989, № 12, с. 99.

требованию Сталина дал 5 октября 1927 г. в Берлине иностранным журналистам пресс-конференцию, где угрожал разрывом переговоров по «контракту века», если Франция объявит советского полпреда «персона нон грата». Угроза «наркома в бегах» опоздала. 1 октября де Монзи уже объявил Раковскому в Париже, что переговоры по «контракту века» прекращаются Францией в одностороннем порядке (*Борисов Ю. В.* Указ. соч., с. 41).

Обстановка вокруг Раковского накалялась. В НКИД опасались провокаций, а то и белогвардейского теракта, читая в дипломатической почте такие отзывы из французских газет о полпреде СССР, как «начальник штаба антифранцузской пропаганды» («Журанль де деба», 6. X. 1927); «разыскивается русский посол: приметы — пьет шампанское, курит сигары, пожирает икру, носит монокль» («Либертэ», 6. IX. 1927); уехал «приспешник сатаны» («Матэн», 17. X. 1927) и т. п.

Отобедав в частном порядке с Анатолем де Монзи в последний раз и не сделав обычных в таком случае прощальных дипломатических визитов по случаю отъезда из страны пребывания, Раковский 17 октября ранним утром в закрытом автомобиле с опущенными шторами бежал из Парижа к германской границе — он возвращался в Москву через Берлин.

На родине, в «пролетарском Отечестве», его ждала другая, гораздо более опасная борьба — со Сталиным и его «термидорианцами». И очень скоро Рако убедился в справедливости французской поговорки — «предают свои». На первом же публичном форуме, где ему удалось выступить с антисталинским докладом, — XVI-й Московской губернской конференции в ноябре 1927 г. — его атаковали два «термидорианца» из своих: «друг» Чичерина (он же сталинский стукач) *Лев Карахан*, только что вернувшийся из Китая советский полпред (за свою верную службу в конце того же года получит от Сталина пост замнаркоминдел по Востоку, на котором пробудет десять лет, пока в декабре 1937 г. не получит от того же Сталина пулю в затылок), и *Аркадий Розенгольц*, полпред в Англии, специально отозванный из Лондона в Москву «для консультаций» — участия во внутрипартийной борьбе с «троцкистами» (в 1938 г. будет также расстрелян).

И только в одном геополитическом деле будущие палачи и их жертвы окажутся единодушны, и ни один из них даже в разгар бурных партийных дискуссий 1923—1930 гг. и борьбы с «левым» и «правым» уклоном о нем и не проговорится — о тайном военно-техническом сотрудничестве германского рейхсвера и Красной Армии в 1922—1932 годах.

РЕЙХСВЕР И КРАСНАЯ АРМИЯ

История этого секретного военно-политического союза Советской России и Веймарской республики в Германии в 1922—1932 гг. почти 60 лет была одной из важнейших государственных тайн Советского Союза, которая охранялась даже тщательней, чем коминтерновские прожекты Троцкого с его «броском на Индию» в 1919 г. или в ту же Германию в 1923 г., поскольку, как известно, СССР с ленинского декрета о мире и даже после вторжения в Афганистан в 1979 г. боролся только за мир и мирное сосуществование.

Однако хорошо известно, что в истории безотказно действует максима: нет ничего тайного, что со временем не стало бы явным.

Уже в период хрущевской «оттепели» после реабилитации безвинно осужденных на процессе Тухачевского в 1937 г. «красных маршалов» в их биографиях появились глухие упоминания о том, что в 20-х — начале 30-х гг. они почему-то учились в германских военных академиях и даже участвовали в «штабных играх»[1].

Позднее советские историки — специалисты по советско-германским отношениям сначала робко, а в горбачевскую перестройку уже в полный голос стали писать об этом

[1] См., например, «Командарм Якир. Воспоминания друзей и соратников». — М., 1963; «Командарм Уборевич». — М. 1964.

тайном военном сотрудничестве[1], пока, наконец, с 1992 г. эта тема не зазвучала столь мажорно, что стала едва ли не главным доказательством изначального «фашизма Сталина»[2]. Вместе с тем в 90-х гг. появилось несколько серьезных объективных работ, из которых мы отметим две: германо-российский сборник архивных документов *«Рейхсвер и Красная Армия»* и монографию *Сергея Горлова*[3].

Последнее исследование особенно интересно, т. к. С. А. Горлов использует ранее закрытые фонды всех основных архивов СССР (РФ), включая уникальные материалы фонда трофейных документов (ныне Архив исторических коллекций). Единственное замечание по фундированной книге этого автора касается слабого использования материалов Коминтерна, особенно вышедшего за год до появления его книги важнейшего сборника документов «Коминтерн и идея мировой революции», в котором хорошо показана двойная игра большевиков (Ленина, Троцкого, Красина и др.) в Германии: и оружие, и военные знания от немцев получить, и мировую революцию там совершить.

Даже само военно-политическое сотрудничество веймарской Германии и Советской России началось в 1919 г. через Карла Радека, нелегально пробравшегося в декабре 1918 г. в Берлин для участия в первом всегерманском съезде рабочих и солдатских советов, намеревавшемся провозгласить «Советскую Германскую республику» (всю остальную делегацию от РСФСР — Бухарина, Раковского, Иоффе и др. — социал-демократическое правительство Ф. Шейдемана в Берлин не пустило).

Успев 30 декабря 1918 г. провозгласить на этом съезде создание на базе союза «Спартак» германской коммунистической партии, немецкие коммунисты решили слепо скопировать опыт Октябрьского переворота большевиков и… трагически просчитались. Германская буржуазия и немецкие социал-демократы оказались не чета российским Милюковым и Керенским, а германские офицеры — не чета российским «нейтральным» штабс-капитанам. То, что не удалось сделать русской контрреволюции, германская выполнила за четыре месяца: 5 января 1919 г. «спартаковцы» начали свою «октябрьскую революцию» в Берлине, ровно через неделю, 12 января, она была разгромлена. 15 января немецкие «штабс-капитаны» расстреляли Карла Либкнехта и Розу Люксембург (германских «Ленина» и «Троцкого»). 5 февраля, через 27 дней после своего провозглашения, была раздавлена Бременская Советская республика, и ровно столько же дней потребовалось к 8 мая для разгрома Баварской Советской Республики, провозглашенной в Мюнхене 7 апреля.

Поскольку и в Берлине, и в Мюнхене активно действовал «австрийскоподданный» член РКП(б) и ГКИ Карл Радек, 2 февраля 1919 г. он был арестован и угодил в берлинскую тюрьму Моабит. Впоследствии «Крадек» со свойственным ему бахвальством красочно расписал это странное «тюремно-курортное сидение» (жур. «Красная новь», 1926, № 10), когда ему в камеру едва ли не приносили жареных лебедей и заменяли нары на мягкую персидскую тахту.

В этом «тюремно-политическом салоне» у Радека побывали и будущий глава МИД Веймарской республики Вальтер Ратенау, и будущий начальник штаба рейсвера О. Хассе. А еще — члены социал-демократического правительства Германии, уцелевшие от разгромов немецкие коммунисты, промышленники, журналисты и т. д.

Акции «тюремного посла» РСФСР еще более выросли, когда после 28 июня 1919 г. были обнародованы грабительские условия Версальского мира: огромная контрибуция, французская оккупация Саарского угольного бассейна, который Франция взяла «в залог» под гарантию выплаты немецких контрибуций. Помимо «временного»

---

[1] Ср. *Ахтамзян А. А.*. Рапалльская политика. — М., 1974 и *он же.* Военное сотрудничество СССР и Германии, 1920—1933 гг. // «Новая и новейшая история», 1990, № 5.

[2] «Фашистский меч ковался в СССР: Красная Армия и Рейхсвер. Тайное сотрудничество, 1922—1933. Неизвестные документы». Состав. Т. Бушуева и Ю. Дьяков. — М., 1992. Тенденциозный характер публикации проявился в произвольных купюрах документов, сомнительном и просто ложном справочном аппарате.

[3] «Рейхсвер и Красная Армия. Документы из военных архивов Германии и России, 1925—1931». — М. — Берлин, 1995; *Горлов С. А.* Совершенно секретно: Москва — Берлин, 1920—1933. Военно-политические отношения между СССР и Германией. — М., 1999. См. также научно-полулярное переиздание этого труда: *Горлов Сергей.* Совершенно секретно: альянс Москва — Берлин, 1920—1933 гг. (военно-политические отношения СССР — Германия). Предисловие В. Г. Сироткина. — М., ОЛМА-Пресс, 2001.

отторжения Саара Германия лишалась примерно 1/8 своей прежней территории. Отторгались Шлезвиг и Мемель (Клайпедский край отходил к Литве), Данциг превращался в «вольный город» под управлением Лиги Наций, в Верхней Силезии часть территории передавалась Польше и Чехословакии. У Германии «навечно» отбирались все ее заморские колонии — их поделили в основном Англия и Франция.

Однако самый тяжелый удар победители нанесли по германской армии, военно-морскому флоту и военно-воздушным силам. Фактически германская армия в том виде, в каком она существовала до войны, *упразднялась.* Даже название ее отменялось и заменялось на *рейхсвер*, причем численность ее составляла не более 100 тыс. солдат и всего 4 тыс. офицеров (до объединения Германии в 1871 г. иные из ее мелких княжеств имели в своих армиях вдвое больше солдат и офицеров).

Но и это не все. Всеобщая воинская повинность упразднялась, все военные учебные заведения ликвидировались, более того — запрещалось проводить военную подготовку «на гражданке» под видом спортивных, туристических, охотничьих и т. п. школ и обществ. Даже «мозговой центр» — Генеральный штаб — упразднялся (здесь, правда, немцы Антанту обманули и фактически сохранили генштаб под видом «войскового управления» рейсхсвера).

Антанта сама заложила первые камни в основание секретного германо-советского военного сотрудничества своим безусловным запретом иметь в Веймарской республике тяжелую артиллерию, танки, подводные лодки, дирижабли, военные самолеты. На весь военно-морской флот была спущена «квота» в 6 броненосцев, 6 легких крейсеров, 12 миноносцев при 15 тыс. матросов и морских офицеров.

За соблюдением этих драконовских постановлений Версаля с 1919 г. должны были неусыпно наблюдать три военные комиссии Антанты — сухопутная, морская и воздушная, каждая по нескольку сот человек. Фактически в Германии до середины 20-х гг. был введен режим оккупации. И нет ничего удивительного в том, что эти «две парии Европы» (Д. Ллойд Джордж), т. е. Германия и Советская Россия, очень быстро нашли общий геополитический язык в своем тайном противодействии Антанте, Версалю и Лиге Наций. Тем более что у большевиков уже был опыт ведения таких сепаратных переговоров еще с кайзеровской Германией — и в Брест-Литовске, и особенно в Берлине при заключении «дополнительного протокола» 27 августа 1918 г.

Ведь, по сути своей, все последующие соглашения Веймарской Германии и Советской России по взаимному секретному военно-техническому сотрудничеству (как и соглашения 1939 г. в Берлине и в Москве Гитлера и Сталина) были не чем иным, как продолжением линии «дополнительного протокола».

Конечно, тюрьма Моабит была не самым удобным местом для подписания пусть и секретных, но все же официальных документов, тем более что и Радек сидел там как «нелегал» — «австрийскоподданный» уже не существующей империи, да еще и с фальшивыми документами. И хотя его выпустили в августе 1919 г. и он еще некоторое время легально жил в Берлине, опекаемый двумя немецкими полковниками[1] (у одного из них он и жил на квартире), все же нужен был какой-то легальный канал для продолжения переговоров. И он был найден в виде советской миссии по делам русских военнопленных, которая во главе с *Виктором Коппом* (да, да, тем самым, в «чищеных ботинках») весной 1919 г. открылась в Берлине. Копп подписал 19 апреля 1920 г. с соответствующей германской миссией соглашение «О взаимной репатриации военнопленных и интернированных гражданских лиц» (в Москву отправился германский представитель Гельмут Хильгер), а 7 июля 1919 г. полномочия обоих представителей были расширены до полудипломатических миссий, фактически (посольств, поскольку после ноября 1918 г. и изгнания Иоффе Россия и Германия не имели формальных дипотношений) с правом диппочты, пользования шифром и исполнения консульских

[1] Один из этих полковников — Бауэр, бывший контрразведчик и военный пропагандист в кайзеровской армии в штабе Людендорфа, вскоре станет активным участником тайного германо-советского военного сотрудничества, будет публиковать свои статьи в немецких и советских военных журналах, а в 1923 г. приедет в СССР как представитель германских военно-химических сил и проведет переговоры в Реввоенсовете. См. *Горлов С. А.*. Указ. соч., с. 25.

функций. 5 августа 1919 г. ЦК РКП(б) уполномочивает Коппа (в помощь ему направляется Иоффе) начать переговоры о восстановлении дипотношений.

Вскоре со стороны Германии в Москву был послан важный дипломатический сигнал. Дело в том, что Антанта не только навязала немцам тяжелейшие версальские условия, но еще и хотела втянуть Веймарскую республику в вооруженную блокаду Советской России, о чем известила Берлин нотой Верховного совета Антанты 21 августа 1919 г.

И тут случился первый «облом»: правительство Германии направило эту ноту на «ратификацию» в парламент (хотя этого вовсе не требовалось, ведь нота — не международный договор), а тот возьми да и не утверди 24 октября 1919 г. это требование победителей. Что оставалось делать Антанте? Ведь тот же самый парламент 9 июля 1919 г. ратифицировал Версальский договор, да еще 15 июля принял закон об обязательности его исполнения. Словом, Антанта смолчала и проглотила первую пилюлю. Но, как вскоре оказалось, далеко не последнюю.

Надо отдать должное Ильичу — он оценил этот сигнал, и когда его «варшавская авантюра» по прорыву через Польшу в Германию с треском провалилась, Ленин заговорил уже о союзе не с «советской», а с вполне буржуазной Германией, правда, изобразив перед VI Всеросийским съездом Советов в декабре 1920 г. дело так, что это Берлин «толкается на союз с Россией…» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 104).

Военно-политическое сотрудничество давало хорошую основу для такого «толкания».

В начале, используя общую благоприятную конъюнктуру в отношениях с веймарской Германией, большевики занялись банальной контрабандой немецкого оружия, которое они намеревались частично переправить своему «другу» Кемаль-паше в Турцию, а частично — на подготовку «красных бригад» для атаки на Германию. 19 августа 1919 г. член Реввоенсовета Западного фронта *Иосиф Уншлихт* срочной шифровкой сообщает Троцкому из Минска: некий немецкий торговец оружием из германской земли Тюрингии предлагает за 27 млн. немецких марок целый арсенал оружия из запасов кайзеровской армии, которое все равно конфискует Антанта:

— 50 тыс. германских винтовок.

— 10 млн. патронов к ним,

— 15 тыс. 250 револьверов типа «браунинг» и «парабеллум»,

— другое военное имущество (шинели, сапоги и т. д.).

Уншлихт советует немедленно купить, оформив сделку через Коппа. Троцкий докладывает о телеграмме Ленину. Тот полностью соглашается, накладывает резолюцию «Секретно т. Чичерину…. *Спешно!!!* Ленин». Если турки не возьмут — заберем сами. Загвоздка в другом — как доставить 27 млн. бумажных марок в Германию, когда в Польше идет война, а марка круто падает в цене? («Коминтерн и идея мировой революции», с. 190—191).

Политбюро решает произвести оплату золотом, но снова проблема — как незаметно от комиссаров Антанты завезти золото к Коппу в Берлин и, главное, как из Тюрингии вывезти по железной дороге такую кучу оружия? Но на всякий случай под это оружие РВС Западного фронта уже издал приказ: сформировать из немцев-военнопленных, еще не вернувшихся на родину после Брест-Литовского мира, «германскую красную бригаду», во главе которой в августе 1920 г. был поставлен ген. А. И. Верховский, незадачливый военный министр Керенского, в 1919 г. перешедший на службу в РККА в качестве «военспеца». «Чудо на Висле» сорвало эти планы, но, отчитываясь, Верховский писал в конце августа 1920 г. в РВС Западного фронта: «Формируемая мною бригада создавалась на случай революции в Германии, когда означенная бригада могла бы сыграть роль первой организационной, регулярной бригады в будущей Красной Армии Германии» (цит. по: *Краснов В., Дайнис В.* Указ. соч., с. 387).

И мы еще сегодня удивляемся — как это большевикам удалось соблазнить простых крестьян-солдат химерой мировой революции? Что там солдаты, учившие по приказу Троцкого в РККА до 1923 г. язык мировой революции — *эсперанто*! Сами бывшие

царские генералы — Брусилов, Верховский, Сергей Каменев и другие — активно помогали им в этом.

Несмотря на поражение под Варшавой, дело о закупке оружия в Германии продолжается. Поскольку у Коппа в Берлине, по-видимому, первоначально с оплатой не вытанцовывается, к сделке подключается *Леонид Красин*, с весны 1921 г. обретающийся в Лондоне под «крышей» лондонского филиала Московского народно-кооперативного банка. Одновременно он совершает челночные поездки в Берлин. У Красина размах гораздо шире: он уже договорился с немецкими контрбандистами на *один миллион* германских винтовок при *двух миллионах* патронов к ним по цене десять золотых «царских» рублей за винтовку. Оплата — золотом (500 тыс. зол. руб.). «Дело может быть проведено лишь на началах строжайшей конспирации при открытии вами кредита в мое здесь распоряжение», — заключает Красин (там же, с. 388).

Ленин пишет Троцкому с восторгом: «В Азии понадобится и перепродадим подороже»[1]. В конце концов все дела по контрабандной закупке оружия в Германии по решению Политбюро 22 октября 1921 г. передают Красину.

Но этому принципиальному решению Политбюро, положившему начало военному сотрудничеству с Германией (хотя пока и на полулегальной основе), предшествовало чрезвычайно важное личное и «строго секретное» письмо Красина Ленину 26 сентября 1921 г. из Берлина (впервые опубликовано в 1998 г. в сб. «Коминтерн и идея мировой революции», с. 312—319).

В этом письме — весь Красин с его *«втиранием очков всему миру»,* т.е. в данном конкретном случае Антанте и даже коммерческим германским финансово-промышленным кругам, пекущимся о прибыли: «План этот надо осуществить совершенно независимо от каких-либо расчетов получить прибыль, «заработать», поднять промышленность и т. д., — писал Красин Ленину. — Тут надо щедро сыпать деньги, работая по определенному плану, не для получения прибыли, а для получения определенных полезных предметов — пороха, патронов, снарядов, пушек, аэропланов и т. д.».

Конечно, для такой грандиозной программы обучения и перевооружения не только рейхсвера, но и Красной Армии (а именно эта задача составляла ЯДРО всей программы Красина) нужны большие деньги, причем золотом.

«Алтынники и крохоборы» из немецких гражданских торгашей, задавленные контрибуцией Антанты и смертельно ее боящиеся, таких денег, по мнению Красина, никогда внутри Германии не наскребут. Иное дело военные: они жаждут реванша и «освобождения из-под Антанты». Поэтому немецкие генералы и полковники такие деньги найдут, «хотя бы, например, *утаив известную сумму при уплате многомиллиардной контрибуции той же Франции»* (выделено нами. — *Авт.*).

Расчет Красина оказался абсолютно точным: 25 сентября 1921 г. у него состоялось в Берлине тайное свидание с тремя представителями рейхсвера — одним из них был кадровый офицер кайзеровской разведки Оскар фон Нидермайер, который уже съездил в июне 1921 г. в Петроград на предмет изучения русских оружейных заводов и их модернизации с помощью Германии.

Ленин одобрил план Красина, дополненный идеей Чичерина обеспечить военному сотрудничеству дипломатическое прикрытие (им станет германо-советское сепаратное соглашение в Рапалло 16 апреля 1922 г., выдержанное в духе дополнительного финансового протокола, подписанного 27 августа 1918 г. в Берлине, одним из авторов которого был как раз Красин), и даже намеревался заключить такую сделку с рейхсвером еще в январе—феврале 1922 г., для чего в Берлин была направлена целая бригада в составе Карла Радека, Красина и Раковского (на месте к ним присоединился полпред Н. Н. Крестинский). Но все дело испортил длинный язык Радека, который, как мы увидим ниже, не только оскорбил министра иностранных дел Веймарской республики Вальтера Ратенау, но еще и проболтался о некоем сепаратном соглашении с

---

[1] И действительно, германские винтовки транзитом идут в Азию — Турцию и Афганистан: в последний при содействии первого советского полпреда Якова Сурица доставляется 5 тыс. винтовок.

Германией в интервью французской газете «Матэн», что вызвало возмущение Чичерина и распоряжение Ленина от 21 февраля 1922 г. Сталину отстранить Радека от дипломатической работы[1].

В итоге Радека в Геную не пустили, и секретная военная конвенция, как и ее дипломатическое прикрытие — Рапалльский договор, были заключены без него. Разумеется, в тексте «дипломатического прикрытия» ничего не говорилось о секретном военном сотрудничестве: лишь в статье 4 Рапалльского договора содержалось глухое упоминание о «доброжелательном духе», с которым оба правительства будут «взаимно идти навстречу хозяйственным потребностям обеих стран».

В свое время советские историки написали о Рапалло десятки книг[2] и даже издали двухтомник документов по Бресту — Рапалло[3], умудрившись *ни слова* не сказать о том, почему большевики третий раз за пять лет пошли на сепаратные соглашения с Германией в ущерб Антанте?

Между тем это был тот самый «внешнеполитический нэп» без Коминтерна и ОГПУ, который в 20-х гг. пытались с помощью Ленина осуществить на практике Красин и Чичерин и о помехах которому со стороны «10% фанатиков» (Красин) и «врагов внутренних» (Чичерин) они говорили и писали в 1923 и 1930 гг. В отличие от чекистов, всюду и везде искавших «контрреволюционеров», Красин отчетливо понимал — доктринерство коминтерновцев и примитивные «охранные» методы ОГПУ могут лишь сорвать всю ту тонкую дипломатическую игру на Западе, которую с 1920 г. они с Чичериным затеяли в Европе.

Ведь всю весну и лето 1921 г. Красин фактически провел в Германии, ведя сложные и сверхсекретные переговоры с немецкими финансистами и промышленниками о крупном кредите и германских концессиях в Советской России (к февралю 1922 г. более 40 немецких фирм заявили о готовности к экономическому сотрудничеству с большевиками)[4], а также готовился к встрече в Париже в декабре 1921 г. с крупнейшими банкирами и фабрикантами Западной Европы (некий прообраз нынешнего форума в Давосе), где решится судьба Генуи и будет обсуждаться вопрос о создании некоего *международного экономического консорциума* (Антанта — Германия — Советская Россия) как общеевропейского органа по выходу из послевоенного финансового и экономического кризиса.

По вине «пролетарских доктринеров» не все из этого плана (в частности, проект реализации «международного консорциума») удалось осуществить. Но две важные цели — *дипломатическое признание* СССР и *военно-техническое перевооружение* РККА — были все же достигнуты.

Рапалло стало не просто очередным сепаратным соглашением большевиков с Германией: оно стало моделью «нулевого варианта» решения спорных финансово-экономических вопросов. Обе страны отказывались от взаимопретензий по государственным и частным долгам, включая отказ от компенсации за национализированную в Советской России германскую собственность.

Новый «брест-литовский» мир России и Германии существенно усилил позиции советских дипломатов на генуэзско-гаагских переговорах 1922 г. с Антантой, приблизив полосу дипломатического признания СССР.

Еще более существенным для обороноспособности СССР стало десятилетнее военно-техническое сотрудничество с германским рейхсвером: на немецкие деньги большевики начали уже с середины 20-х гг. модернизировать военную промышленность, особенно важную в условиях военной реформы РККА (сокращение контингента в десять раз,

---

[1] См.: *Ленин В.И.* Биохроника, Т. 12. М., 1982, с. 195, 197.

[2] См., в частности, *Кобляков И. К.* От Бреста до Рапалло. Очерки истории советско-германских отношений с 1918 по 1922 г. М., 1954; *Розанов Г. Л.* Очерки новейшей истории Германии (1918–1933). М., 1957; «Рапалльский договор и проблема мирного сосуществования». М., 1963; *А. М. Рудченко.* История становления и развития советско-германских экономических отношений 1917–1925 гг. М., 1972; *Трухнов Г. М.* Поучительные уроки истории: три советско-германских договора (1922–1926 гг.). Минск. 1979.

[3] «Советско-германские отношения. От переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора». Сб. документов. Т. 1–2. М., 1968, 1971.

[4] См.: «Документы внешней политики СССР», т. 5. — М., 1961, с. 121—125.

переход на мобилизационный принцип подготовки, ставку на технические рода войск — танки, авиацию, химвойска). Само военно-техническое сотрудничество родилось не на пустом месте. Ему предшествовало в 1919—1920 гг. усиленное военно-политическое зондирование со стороны рейхсвера (его главком генерал-полковник фон Сект) высшего политического и военного руководства РСФСР на предмет создания «германо-советского фронта» против возрождающейся Польши пана Юзефа Пилсудского (конкретно — в борьбе за сохранение немецкоязычной Верхеней Силезии в составе веймарской Германии).

Дело в том, что, воспользовавшись выходом России из Первой мировой войны еще в ноябре 1917 г. и государственной неразберихой в Германии после Ноябрьской революции в 1918 г. (роспуск 14 ноября 1918 г. пронемецкого регентского имперского совета по управлению оккупированной «русской» Польшей и передача его полномочий «диктатору» Пилсудскому), польские националистические круги еще до официального их признания независимости на Версальской мирной конференции в мае — июне 1919 г. начали «округлять» владения будущего независимого польского государства до границ Речи Посполитой в XVII в., т. е. до польских разделов XVIII в. между Россией, Австрией и Пруссией (Германией). Уже 23 ноября пилсудчики «отбили» у Германии Познань с округом, а 24 декабря захватили «русский» Львов и всю Галицию.

Более того, Пилсудский игнорировал решение Верховного совета Антанты от 8 декабря о восточной этнической границе нового польского государства по «линии Керзона». С молчаливой санкции «тигра Франции» Клемансо, пан Юзеф откровенно пропагандировал лозунг польской шляхты XVII в. — границы «Великой Польши» «от можа до можа» («от моря до моря», т. е. от Балтики до Черного моря). С этой целью он заключил секретное союзное соглашение с «самостийником» Петлюрой против «москалей» и, несмотря на шедшие параллельно в октябре 1918 — декабре 1919 г., а также в январе — марте 1920 г. советско-польские мирные переговоры, 25 апреля 1920 г. без объявления войны Советской России, Белоруссии и Литве двинул свои войска на Восток — на Украину, в Западную Белоруссию и в Виленский округ Литвы. К маю 1920 г. пилсудчики заняли Киев, Минск и Вильнюс (Вильно).

Параллельно на западе Польши в 1919—1920 гг. разворачивалась «партизанская война» (с обеих сторон воевали т. н. «добровольцы») из-за спорной Верхней Силезии. Еще в начале 1919 г. Пилсудский пытался организовать в этой чисто немецкой промышленной провинции «польское восстание», но генерал-фельдмаршал Гинденбург срочно организовал в Бреслау и во Франкфурте-на-Одере т. н. «отряды самообороны», которые быстро рассеяли плохо организованные группы «повстанцев». Германская дипломатическая делегация в мае 1919 г. вынесла «силезский вопрос» на обсуждение Версальской мирной конференции и, преодолевая сопротивление Клемансо (а он еще в ноябре 1918 г. обещал Пилсудскому передать Верхнюю Силезию Польше), добилась там решения провести в Силезии плебисцит под эгидой Лиги Наций. Действительно, в феврале 1920 г. в Верхнюю Силезию прибыла комиссия Лиги Наций во главе с французским генералом Ле Ронди, которая взяла все административное управление в свои руки, фактически введя режим «союзной оккупации».

И хотя Ле Ронди получил строжайшие указания Клемансо всячески помогать полякам, подтасовать результаты плебисцита в пользу Пилсудского, при большинстве этнического немецкого населения это было делом невозможным[1]. Поэтому «диктатор» пошел на войну на два фронта: на востоке он воевал с Советской Россией и независимой Литвой (12 июля 1920 г. Москва и Каунас заключили союзный договор, по которому Виленский округ с 6 августа «навечно» отходил к Литве), а на западе — с Германией из-за Верхней Силезии. Лично Пилсудский обе войны проиграл. К 14 июля 1920 г. пилсудчиков выбили из Киева, Минска и Вильнюса, а 17 августа двухтысячный

[1] Когда, наконец, этот плебисцит все же состоялся 20 марта 1921 г., 60% жителей Верхней Силезии высказались за продолжение пребывания области в составе Германии.

экспедиционный корпус польского комиссара В. Корфанти, вторгшийся в Верхнюю Силезию, был отброшен «отрядами самообороны» и немецкой полиции.

Но территориальные притязания новой Польши к немецким землям (и не только в Верхней Силезии, но и в Померании на побережье Балтики в районе «Данцигского коридора» и в Восточной Пруссии), очень встревожили генералитет рейхсвера, заставив его срочно искать военного союзника на Востоке.

И хотя веймарцы официально 20 июля 1920 г. объявили о своем нейтралитете в советско-польской войне, он скорее был благожелателен для наступавшей на Варшаву РККА им. Коминтерна. Германия официально запретила транзит французского оружия через свою территорию в Польшу, Берлин сквозь пальцы смотрел на участие «сотен и тысяч» (Тухачевский) немецких добровольцев, сражавшихся в рядах РККА им. Коминтерна (и не применило к ним никаких санкций, когда часть из них была интернирована в Восточной Пруссии, отпустив бывших подданных кайзера и граждан республики по домам).

Более того, через два дня после объявления нейтралитета, 22 июля 1920 г. МИД Германии обратился к Чичерину с официальной нотой, в которой содержалось предложение восстановить германо-советские дипломатические отношения и даже разрешить прикомандирование к западному фронту РККА немецкого военного атташе для разрешения пограничных инцидентов на польско-германской границе Восточной Пруссии.

Ключевую роль в определении «восточной политики» веймарской Германии в 1920—1926 гг. начинает играть главком рейхсвера фон Сект, «немецкий Троцкий», как называли его германские газеты. В условиях постоянного давления Антанты на Берлин, правительственной чехарды — то социал-демократы у власти, то католики, то мнимые «беспартийные» — рейхсвер единственный играл роль станового хребта хрупкого веймарского режима. Бескомпромиссные выступления фон Секта как главы группы немецких военных экспертов в составе германской мирной делегации на переговорах в Версале и Спа снискали генералу репутацию жесткого сторонника «великогерманской идеи». Ведь именно Сект железной рукой подавил в 1920—1923 гг. и коммунистические, и фашистские путчи, не остановившись, например, перед тем, чтобы отдать приказ расстрелять демонстрацию нацистов, во время которой едва не погиб сам Гитлер.

Именно фон Сект во время первоначально триумфального наступления РККА им. Коминтерна на Варшаву в июле — августе 1920 г. выдвинул старую пангерманскую идею военно-политического союза Германии и России, независимо от политического режима в последней. Более того, фон Сект не стеснялся (в случае победы большевиков над Польшей) вновь разделить ее, но только между Германией и Советской Россией и тем самым бросить вызов Версальской системе и Лиге Наций. Еще 31 января 1920 г. в личном письме одному из своих единомышленников генерал фон Сект писал: «Я отклоняю поддержку Польши, даже в случае опасности ее поглощения [Россией]. Наоборот, я рассчитываю на это, и если мы в настоящее время не можем помочь России в восстановлении ее старых имперских границ, то мы не должны ей во всяком случае мешать…. Сказанное относится также к Литве и Латвии» (цит. по: *Горлов С. А.*Указ. соч., с. 36).

Но фон Сект не ограничивался только частной и конфиденциальной перепиской. 4 февраля 1920 г. он направил очередному веймарскому правительству свой знаменитый «Меморандум»: «Только в сильном союзе с Великороссией у Германии есть перспектива вновь обрести положение великой державы.… Англия и Франция боятся союза обеих континентальных держав…. Наша политика как по отношению к царской России, так и по отношению к государству во главе с Колчаком и Деникиным была бы неизменной. Теперь придется мириться с Советской Россией — иного выхода у нас нет» (там же, с. 37).

20 февраля того же года Сект не постеснялся выступить в Гамбурге на публичном собрании с откровенно антипольской речью: пусть Советская Россия «большевизирует»

националистическую Польшу — «этого смертельного врага Германии, творения и союзника Франции, разрушителя немецкой культуры…» (там же). Словом, фон Сект твердо стоит, подобно Чичерину и Красину, на традиционных геополитических позициях, полагая, что именно эти геополитические интересы после «Великой войны» диктуют сближение Германии и России.

В конкретных условиях лета 1920 г., когда «в полной победе России над Польшей вряд ли можно больше сомневаться» (фон Сект, записка рейхспрезиденту Ф. Эберту, 26 июля), главком рейхсвера предлагал опередить германских коммунистов и заключить геополитический союз Германии и России не на принципах Карла Либкнехта, а на принципах Отто фон Бисмарка.

Однако фон Сект был достаточно реальным политиком, чтобы понимать — большевики вовсе не традиционные российские геополитические партнеры типа царского премьера Бориса Штюрмера, а некая гремучая смесь из прагматиков и фанатиков мировой пролетарской революции, главным объектом которой является немецкий пролетариат имени Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Здесь фон Сект был бескомпромиссен: «Если же большевизм не откажется от мировой революции, то им следует дать отпор на наших собственных границах» (из письма 31 января 1920 г.). Более того, в геополитике нет ни друзей, ни врагов. Поэтому, писал Сект в своих мемуарах, «мы готовы, в собственных интересах, которые в данному случае совпадают с интересами Антанты, создать вал против большевизма»[1].

Фон Секта можно считать «отцом» декларации веймарской Германии 20 июля 1920 г. о нейтралитете в советско-польской войне: нейтралитет — вот ключ, который «в момент слабости» Германии позволяет сохранить ей как «совершенно лояльную позицию в отношении Антанты и России», так и «полную свободу действий в будущем».

В той же памятной записке 26 июля 1920 г. рейхспрезиденту Ф. Эберту и другим государственным деятелям веймарской Германии фон Сект в других словах, но по Ленину, отразил идею «толкания [Германии] на союз с Россией»: «По всей вероятности, Россия будет искать дружбы с Германией и уважать ее границы, во-первых, потому, что она всегда действует постепенно, до сих пор уважает право на самоопределение тех народов, которые не относятся к ней враждебно, во-вторых, также потому, что она нуждается в рабочей силе и промышленности Германии. Если же Россия нарушит границы Германии 1914 г., то нам из-за этого вовсе не нужно бросаться в объятия Антанты, а скорее следует привлечь на свою сторону Россию путем заключения союза»[2].

Сект был не только человеком слова, но и дела. Встретившись с «узником Моабита» Карлом Радеком, он предложил использовать в качестве посредника в советско-германских переговорах «нейтральное лицо» — одного из трех «диктаторов» режима *младотурок* с 1908 г. и бывшего военного министра Османской империи в 1914—1916 гг. Энвер-пашу, при котором в 1916 г. фон Сект состоял военным советником турецкого Генштаба от кайзеровской Германии. Энвер-паша давно обретался в Берлине в надежде наладить доставку оружия в Турцию, и единственным реальным «коридором» для его транспортировки представлялась ему Советская Россия. Поэтому Энвер-паша просил у «узника Моабита» рекомендации для приема в Москве у Ленина и Троцкого. Фон Сект взялся обеспечить транспортную сторону вопроса — перелет Энвер-паши самолетом из Берлина в Москву (технической подготовкой пролета занимался личный адъютант фон Секта Э. Кестеринг, позднее — военный атташе веймарской Германии в Москве). Летчиком аэроплана, на котором полетел Энвер-паша, «случайно» оказался человек фон Секта, уполномоченный фирмы «Юнкерс» Х. Хессе. При нем находились:

— письмо руководства авиаконцерна «Юнкерс» на имя наркомвнешторга Л. Б. Красина с предложением построить под Москвой (в Кунцеве) авиазавод «Юнкерс» и создать авиалинию Москва — Берлин при обслуживании ее немецкими авиаспециалистами;

---

[1] См. *Von Seekt.* Deutschland zwischen Ost und West. — Hambourg, 1932, s. 328.

[2] «Советско-германские отношения. От переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора», т. 2. — М., 1971, с. 204-208.

— военная карта, подготовленная генштабом рейхсвера на 1 сентября 1919 г. с нанесенными на нее местами дислокации войск Антанты (в Польше, Литве, Латвии, Финляндии и т. д.), нацеленными на Советскую Россию.

24 октября 1919 г. Чичерин по согласованию с Лениным и Троцким дал «добро» на воздушную миссию Энвер-паши, и турецкий эмиссар фон Секта вылетел на «юнкерсе» из Берлина в Москву. Авиационная техника тех времен еще хромала, мотор «юнкерса» забарахлил, и аэроплан совершил вынужденную посадку близ Ковно (Каунаса) на деревенском поле. А в городе как раз находился один из тех вооруженных отрядов Антанты (британский батальон), что был нанесен на военную карту рейхсвера от 1 сентября 1919 г. Англичане обыскали летчика и пассажира, нашли карту и письмо к Красину и обоих арестовали. И сидеть бы паше с летчиком Хессе в каунасской тюрьме, не охраняй ее отряд немецких «добровольцев» под командованием майора Чунке, «случайно» оказавшимся «человеком фон Секта». «Добровольцы» вызволили «шпионов» из тюрьмы, спрятали на глухом хуторе, затем вновь переправили в Германию и после долгих перипетий, почти год спустя, Энвер-паша появился, наконец, 11 августа 1920 г. на аванпостах РККА вблизи польско-германской границы в Восточной Пруссии.

А там уже вовсю действовал бывший кайзеровский военный атташе в царской России майор В. Шуберт, который по команде фон Секта установил прямой контакт с командованием IV и XV армий РККА, наступавших на Варашву и Данциг.

Программа фон Секта начинала осуществляться:

— интенданты IV и XV армий 12 августа представили майору Шуберту длинный список необходимого военного снаряжения, а также потребных паровозов, вагонов, автомобилей, медикаментов, продовольствия и т. д.;

— в тот же день В. Копп от имени Троцкого сообщил фон Секту, что Москва, разгромив Польшу, готова признать доверсальские госграницы II Рейха, т. е. Познанский округ вновь отходит к Германии, а «Данцигский коридор» — к Восточной Пруссии.

13 августа Политбюро ЦК РКП(б) по предложению Троцкого с участием Ленина одобряет все эти предложения, фактически являющиеся программой фон Секта из его записки 26 июля 1920 г. Эневер-паша к этому времени уже в Москве встречается с Чичериным, его принимает Ленин.

Перед этой встречей Чичерин 16 августа 1920 г. пишет Ильичу записку: паша доволен готовностью большевиков признать границы Германии на 1 августа 1914 г.; он уверен — Берлин поможет Советской России оружием, это обещает фон Сект, а без него сегодня в Германии ничего не делается, «если Сект не даст согласия…» (цит. по: *Горлов С. А.* Указ. соч., с. 40).

После встречи Ленина с Энвер-пашой вновь оживляется вопрос о 27 млн. марок в золотом эквиваленте для закупок оружия в Тюрингии. Троцкий 20 августа шлет срочные шифровки Коппу в Берлин, а также торгпреду РСФСР в Ревеле (Эстонии) И. Э. Гуковскому — немедленно ускорьте «отправку апельсинов (золота) бочками».

Эйфория от близкого разгрома «панской Польши» настолько велика (еще бы, сам фон Сект, судя по словам Энвер-паши из беседы с Лениным, абсолютно убежден — до взятия Варшавы остаются не дни — часы), что большевики, как отмечалось выше, игнорируют «ультиматум Керзона» от 11 июля 1920 г., возобновление 4 августа британской блокады и введение британской военно-морской эскадры в Балтийское море в районе Данцинга, а также ультиматум США 10 августа 1920 г. (нота госсекретаря Колби) в защиту Польши (ранее сенат США выделил полякам гигантскую по тем временам сумму в 100 млн. долл. для закупок оружия и военного снаряжения; одновременно в ноте Колби подтверждалось нежелание США дипломатически признавать Советскую Россию)[1].

Но гигантским геополитическим планам двух «Троцких» — большевистского и веймарского (фон Секта) — летом 1920 г. не суждено было сбыться.

16—19 августа 1920 г. под Варшавой случился тот самый ОБЛОМ — полный разгром РККА им. Коминтерна, который почти на целых двадцать лет, до германо-советского

---

[1] «История международных отношений и внешней политики СССР», т. 1, 1917—1939 гг. — М., 1967, с. 120—121.

пакта Риббентропа — Молотова 23 августа 1939 г., похоронил троцкистско-сектовские планы нового раздела Польши, возврата к германо-русским границам на 1 августа 1914 г. и отмены Версальской системы международных отношений в Европе.

Не получилась и «любовь» с Энвер-пашой и всеми его планами германо-советского-младотурецкого союза в целях «похода на Индию», горячо одобренными Лениным в августе 1920 г. (Советская Социалистическая Персидская Республика Раскольникова — Якуб-заде Блюмкина еще на тот момент сущестововала). Энвер-паша, с помпой принятый в сентябре 1920 г. в Баку на Первом съезде народов Востока и пообещавший ранее Ленину и Зиновьеву «поднять народы Туркестана на поход через Афганистан на Индию», обманул большевиков. Получив от них деньги и оружие, он в 1921 г. попытался свергнуть Кемаль-пашу и сесть на его место. Когда же это не получилось, паша собрал большую банду басмачей и пошел в июле — августе 1922 г. войной на Советскую Хорезмскую народную республику (Бухару), но был разбит Красной армией Туркестанского фронта и убит.[1]

Военная катастрофа РККА в Польше надолго похоронила в Германии «эту идею с мечтами о военном выступлении против Франции в союзе с Советской Россией» (В. Копп — Чичерину, Ленину и Троцкому, 7 сентября 1920 г.), но на смену ей пришел долгосрочный план военно-технического сотрудничества с СССР.

МЕЖДУ ФОН СЕКТОМ И ГЕНОССЕ ТЕЛЬМАНОМ: МЕТАНИЯ НАСЛЕДНИКОВ ЛЕНИНА

Как уже отмечалось выше, при характеристике «разбора полетов» (катастрофы РККА им. Коминтерна под Варшавой 16—19 августа 1920 г.) на IX партконференции РКП(б) в сентябре первоначально большинство вождей большевизма, не исключая и Ленина, считали поражение в Польше временным отступлением, «зигзагом» на столбовой дороге к мировой пролетарской революции.

Подсластило «польскую пилюлю» поражение Врангеля в ноябре 1920 г. в Крыму, что позволило большевикам пропагандистки смягчить впечатление от Рижского мира 18 марта 1921 г. с Польшей, больше похожего на капитуляцию: к «пилсудчикам» отходили Западная Белоруссия и Западная Украина (польско-советская граница устанавливалась в 30 км от Минска — знаменитая затем железнодорожная станция Негорелое) с 15 млн. населения, выплачивалась военная контрибуция, возвращались польские перемещенные художественные ценности (картины, книги и т. д.), для поисков которых в СССР в 20-е гг. приезжали многочисленные польские «поисковые комиссии».

Но «обижены» были не одни большевики — Антанта обидела и Литву, поскольку по плану Вудро Вильсона из его «14 пунктов» она должна была быть присоединена к Польше. После поражения и бегства РККА из-под Варшавы Советская Россия ничем не могла помочь Литве, несмотря на советско-литовский договор 12 июля 1920 г., и поляки «заодно» с Западной Белоруссией 9 октября 1920 г. захватили Виленский край с исторической столицей Литвы г. Вильнюсом (Вильно), который все последующие двадцать лет станет объектом пограничных споров двух государств, временами переходящих в войну. Из-за этих споров Литву долго не будут принимать в Лигу Наций, а СССР не раз будет использовать «литовскую карту» в своих дипломатических играх с Антантой и Польшей, пока в развитие пакта Риббентропа — Молотова по новому советско-литовскому договору 10 октября 1939 г. не передаст Виленщину снова Литве.

Удачный эксперимент с Виленским краем ошалевшие от побед «пилсудчики» решили вновь повторить в Верхней Силезии — в декабре 1920 г. там вновь запахло польско-немецкой войной.

Фон Сект бросился к Виктору Коппу — чем может помочь Германии Советская Россия? 2 декабря 1920 г. Копп шлет Чичерину подробнейший отчет об этой беседе:

— новое вторжение Польши в Верхнюю Силезию Берлин будет рассматривать как объявление войны;

---

[1] См. мемуары «невозвращенца»-чекиста *Г. С. Агабекова.* Секретный террор. Записки разведчика. — М., 1996, с. 56—83.

— в ответ Германия «немедленно объявит войну Польше, не считаясь ни с какими последствиями…»;

— в случае такого повтора событий, пишет Копп, «Германия рассчитывает на нашу помощь».

В обмен на советскую помощь фон Сект впервые формулирует долгосрочную программу военно-технического сотрудничества двух стран:

1. Предлагает «установить более тесный контакт между германским генштабом и нашими военными властями».

2. Готов послать немецких военспецов в Советскую Россию для создания там сильной военной промышленности на условиях (как сказали бы сегодня наши «спецы») раздела готовой продукции — «как источник вооружения для разоруженной Германии при столкновении ее с Антантой».

3. Рейхсвер готов также к обмену разведданными с Разведупром РККА относительно военных объектов в Польше.

4. Продолжить прежнюю практику 1919—1920 гг. по закупке готового оружия в Германии и помочь вывезти то, что уже оплачено Москвой (намек на 27 млн. марок, часть из которых была уже переведена через Гуковского Коппу). — *Горлов С. А.* Указ. соч., с. 46.

Взвесив все «за» и «против», Москва от согласия послать Красную Армию на защиту немецкой Верхней Силезии уклонилась и даже не стала (хотя немцы очень об этом просили) переносить на три дня дату подписания Рижского мира с Польшей, дабы не дать в преддверии плебисцита 20 марта 1920 г. в Верхней Силезии полякам повода к националистической эйфории, но сам план фон Секта в принципе не отвергла.

Впрочем, реально в военном отношении Советская Россия в тот момент Германии мало чем могла помочь: 28 февраля 1921 г. в Кронштадте вспыхнуло восстание «красы и гордости революции» — матросов — против большевистского руководства, в стране разразился голод, на носу был пока еще непонятный «термидорианский» нэп — словом, не до силезских шахт и заводов было дело.

И хотя плебисцит, как уже отмечалось выше, дал Германии 60% голосов «за», «силезский вопрос» оказался в тесной увязке с гораздо более важной для Антанты проблемой — отказом Веймарской республики на Лондонской конференции в марте 1921 г. выплачивать даже сокращенную с 269,3 до 226 млрд. марок сумму репараций. Антанта немедленно применила санкции. 7 марта Лондонская конференция была прервана, а 8 марта 1921 г. ее войска демонстративно оккупировали три крупных немецких города — Дюссельдорф, Дуйсбург и Рурорт.

Но Германии удалось-таки «дожать» Антанту — в апреле 1921 г. межсоюзническая репарационная комиссия в Берлине объявила об очередном сокращении суммы репараций почти вдвое — с 226 млрд. до 132 млрд. марок, но 5 мая 1921 г. в Лондоне премьеры Антанты объявили эту сумму *окончательной.*

Давление Антанты и откровенная война из-за Верхней Силезии в мае-июне 1921 г. побудили фон Секта форсировать реализацию военно-технического сотрудничества с Советской Россией. В конце сентября 1921 г. конспиративно, на частной берлинской квартире, состоялась решающая встреча Красина и Коппа с фон Сектом, начальником Генерального штаба рейхсвера генералом В. Хайсе, начальником управления вооружений рейхсвера полковником Л. Вурцбахером, Отто фон Нидермайером и др. Как и предвидел Красин, «рейхсверовцы» нашли не «крохоборов», а солидных спонсоров для финансирования всего проекта, в частности, знаменитый концерн «Крупп» (пушки, снаряды, стрелковое оружие). Финансирование всего этого проекта брала на себя банковская группа во главе с мощным «Дойче Ориентбанком».

В Москве были поражены той прытью, с которой фон Сект проворачивает в Берлине руками Нидермайера и Коппа дело о военно-техническом сотрудничестве. Не обходится и здесь без «языкочешущих». Бывший деятель «рабочей оппозиции» в РКП(б) и Коминтерне Юрий Лутовинов, «сосланный» советником полпредства РСФСР в Берлине, строчит в Политбюро «телеги» на Коппа за «чищеные ботинки» (сам «дипломат»

Лутовинов ходит на приемы в кирзовых сапогах и в косоворотке — как же, пролетарий, гармошки только не хватает…). У Лутовинова в связи с этими ботинками сильное «пролетарское подозрение» — не шпион ли Копп: и сам русский немец, и с немцем Нидермайером якшается.… Политбюро едва не снимает Коппа с должности (заседание 6 апреля 1921 г.) и не отзывает его в Москву, но «шпиона» спасает Чичерин и, более того, добивается повышения Коппа в должности до и. о. посла[1].

Политбюро несколько раз обсуждает проблему тайного военного сотрудничества с рейхсвером. Так, 8 июня 1921 г. в повестке дня заседания вопрос обозначается так — «О переговорах с приехавшими немцами». Постановили: «Предложить тов. Троцкому переговорить с приехавшими немцами, рекомендуя при этом особую осторожность». Еще ранее, 16 апреля, Политбюро посылает Коппу в Берлин директиву: «Никакое решение не должно быть принято без предварительного утверждения Москвой». Наконец, 25 июня 1921 г. высший большевистский ареопаг принимает принципиальное решение: принять «план восстановления… военной и мирной промышленности [РСФСР] при помощи немецкого консорциума, предложенный представителем группы виднейших военных и политических деятелей Германии» (цит. по: *Горлов С. А.* Указ. соч., с. 52).

Чуть позднее Чичерин в записке НКИД 10 июля 1921 г. в ЦК РКП(б) раскрывает мотивы колебаний части членов Политбюро: «пролетарские доктринеры» опасались, как бы фон Сект не использовал это произведенное в «первом Отечестве пролетариата» оружие «против немецких рабочих», когда придет час Коминтерна вновь призвать их восстать во имя мировой пролетарской революции в Германии (этот очередной «час», как мы увидим ниже, придет довольно быстро — уже через два с небольшим года, в октябре — ноябре 1923 г.).

В конце июля 1921 г. Нидермайер инкогнито вновь приезжает в Москву. 4 августа он встречается с Чичериным и вручает по-немецки аккуратно составленный детальный план военно-технического сотрудничества на основе тех идей, что еще за год до этого высказывал фон Сект. С. А. Горлов в своей фундированной монографии впервые приводит *ни разу ранее не публиковавшуюся* переписку Ленина с Чичериным по Архиву внешней политики МИД РФ в связи с этим вторым визитом Нидермайера в Москву.

Из нее видно, что Ильич полностью разделяет идеи фон Секта и даже предлагает Чичерину написать ему одобрительное письмо, переправив его с Нойманом (псевдоним Нидермайера в Советской России). Но Чичерин вновь ставит вопрос о Лутовинове. Оказывается, слесарь-советник по собственной инициативе установил за Коппом в Берлине форменную слежку: топая кирзовыми сапогами, он всюду следует за «чищеными ботинками», угрожает «шпиону» арестом, причем в присутствии Нидермайера и его двух майоров. Чичерин показывает Ленину шифровку Коппа — тот отказывается от дальнейшего ведения переговоров с немцами, пока ему мешает луганский слесарь.

Но Ильич еще меньший дипломат, чем Карл Радек,— сначала он берет «пролетария» Лутовинова под защиту против «интеллигента» Коппа, но требует, чтобы тот продолжал переговоры: «Коппа мы *заставим* (под угрозой исключения из партии) работать *над этим делом и только над ним»*. А вот «Ноймана» (Нидермайера), по мнению Ильича, надо устранить — «выкинем за дверь, как наглеца и дурака» (там же, с. 53). Чичерин осаживает «вождя мирового пролетариата»: Нидермайер — доверенное лицо фон Секта, ключевая фигура переговоров и «оскорблять [его] ни в коем случае не надо» (там же, с. 54). А вот с бузотером Лутовиновым действительно следует разобраться. Он распоясался настолько, что на официальном приеме в посольстве распустил руки и едва не набил Коппу физиономию. И тут Чичерин пишет магическую фразу: Лутовинов — это «партизанщина на дипломатическом фронте». Такую лексику Ильич понимает: ведь еще в марте 1919 г. на VIII съезде РКП(б) он вдоволь нахлебался от «военной оппозиции» во главе с Ворошиловым. Не Ленин ли в своей речи 21 марта 1919 г. на этом

[1] Впоследствии оказывается, что на почве фанатичной веры в мировую пролетарскую революцию, «предательстве» ее интересов «термидорианцем» Лениным (введение нэпа) член ЦК профсоюза металлистов луганский слесарь Ю. Х. Лутовинов запил горькую и в состоянии «белой горячки» («болезни души») застрелился в 1924 г.

съезде заклеймил «военную оппозицию» и «тов. Ворошилова» за то, что «он эту старую партизанщину не хочет бросить»? (цит. по: *Латышев А. Г.* Рассекреченный Ленин.— М., 1996). Не он ли сам в телеграмме на имя предсовнаркома Донецко-Криворожской Советской Республики Артема (А. Ф. Сергеева) 6 января 1919 г. категорически требовал: «Вы можете назначить командующим (армии этой республики. — *Авт.*) кого угодно, только не Ворошилова…» (там же, с. 275).

Тогда Ильича соратники не послушались. Не прислушались и к Предреввоенсовета Троцкому: «Ворошилов может командовать полком, но не армией в 50 тыс. солдат» (из телеграммы Троцкого — Ленину, декабрь 1918 г.). В пику «вождям» назначили 7 июня 1919 г. Ворошилова главкомом XIV-й армии на Украине. А «луганский слесарь», не понимавший разницы даже в военных терминах — «дефиле» или «депо», — возьми да и сдай Деникину через две недели после назначения крупный стратегический узел — Харьков, за что был с треском снят и судим военным трибуналом по статье устава РККА «преступление по должности». Спасло от расстрела «луганского слесаря» только пролетарское происхождение (там же, с. 281).

Аналогии между двумя «луганскими слесарями» — Ворошиловым и Лутовиновым, приведенные Чичериным, убедили Ильича. Он оставил в покое Коппа с «Нойманом» (Нидермайером), а Лутовинова приказал отозвать из берлинского полпредства РСФСР.

И работа сразу закипела. Вместо Лутовинова в Берлине в конце сентября 1921 г. появился наркомвнешторг Красин. Переговоры носили сверхсекретный характер, велись преимущественно по ночам и лишь на частных квартирах германских военных. Красину и Коппу противостоял, как уже отмечалось выше, весь синклит рейхсвера во главе с генерал-полковником фон Сектом: начальник Генштаба ген. В. Хайе, начальник управления вооружений полковник Л. Вурцбахер, теперь уже официальный представитель рейхсвера при РККА РСФСР полковник Оскар фон Нидермайер и другие. Легальному прикрытию переговоров фон Сект — Леонид Красин содействовала «полоса торгового признания» РСФСР: 16 марта 1921 г. — торговый договор с Англией, 6 мая — с Германией, 2 сентября — с Норвегией, 8 декабря — с Австрией, 26 декабря — с Италией[1].

Первая встреча Красина — Коппа с «рейхсверовцами» состоялась в Берлине поздно вечером 25 сентября 1921 г. Содержание обстоятельного разговора и предложения Красина изложены в упоминавшемся выше письме последнего Ленину от 26 сентября. Стороны прежде всего договорились об организационной стороне дела: с «алтынниками» и «крохоборами» (Красин) их германских финансово-промышленных кругов решили при первичной организации дела пока не связываться — еще ни пфеннига не дали, а уже замотали базарной торговлей о возможной прибыли. Поэтому решили пустить переговоры с ними по обычному руслу — через Наркомвнешторг в рамках советско-германского торгового договора 6 мая 1921 г.

Иное дело сотрудничество рейхсвер — РККА: оно идет по прямой линии «Вогру» (русское наименование рейхсверовской немецкой «конторы» «Во[енная] гру[ппа»]) — советский псевдо-«трест сельхозмашин» (оружейных заводов) в Петрограде. Как и предвидел Красин, «рейхсверовцы» согласились найти искомую сумму в золоте на первый военный заказ на реконструируемых фирмами «Крупп» и «Юнкерс» военных заводах в Петрограде, на Урале, на Волге (Рыбинск, Нижний Новгород, Самара, Царицын) в Перми и т. д.

Первый переданный Красиным — Коппом «Вогру» советский военный заказ выглядел весьма внушительно (24 сентября 1921 г.):

— 1000 самолетов типа «Юнкерс»;
— 800 пушек (тяжелых, полевых, зенитных);
— 200 пулеметов;
— 200 броneавтомобилей.

---

[1] См. *Штейн Б. Е.* Торговая политика и торговые договоры Советской России, 1917—1922. — М. —Пг., 1923, с. 164—191.

Отсылая читателя в детали этого советско-германского военно-политического сотрудничества в 1921—1932 гг. к обстоятельной книге *С.А. Горлова*, отметим, что в целом оно оказалось взаимовыгодным для РККА и рейхсвера.

Для РККА важнейшим результатом стало строительство с помощью немецких фирм авиационных заводов, некоторые из которых, например, «Рыбинские» или «Пермские моторы», успешно работают до сих пор.

Для Рейхсвера особое значение имели совместные германо-советские военно-учебные центры подготовки и переподготовки немецких летчиков (г. Липецк, авиашкола), танкистов (г. Казань, танкошкола «Кама» — там стажировался будущий «танковый маршал» Гитлера ген. Гудериан), химспецов (в Подмосковье, полигон в Подосинках; химстанция «Томка» под г. Вольском в Саратовкой области).

Не все удалось в этом сотрудничестве. Так, несмотря на все усилия советской стороны привлечь германскую «рейхсмарине» (ВМФ) к военно-морской программе восстановления «Красного флота» (даже 25 марта 1926 г. в ходе визита зампредреввоенсовета СССР *Иосифа Уншлихта* в Берлин немцам был передан заказ на строительство подводных лодок, сторожевых и торпедных катеров и т. д.), сотрудничество не сложилось. Максимум, чего добились большевики — получили в июле 1926 г. копии чертежей четырех типов устаревших (образца до 1918 г.) дизельных субмарин (оригиналы еще ранее были конфискованы союзной военно-морской контрольной комиссией Антанты), да обещания направить в СССР инженеров-подводников, экспертов по строительству этого типа лодок (которые так и не приехали)[1].

Не в последнюю очередь такая настороженность главного штаба «рейхсмарине» была связана с авантюрой 1923 г., когда среди лиц, непосредственно готовивших «германский Красный октябрь» (т. е. мировую пролетарскую революцию в Германии, приуроченную «пролетарскими доктринерами» в Москве к 9 ноября 1923 г. — пятилетию ноябрьской революции 1918 г.), оказался советский военно-морской атташе в Берлине *Михаил Петров.* Именно через него еще в марте 1923 г. начались первые переговоры о советско-германском военно-морском сотрудничестве (строительстве подлодок, гидросамолетов, производстве морских мин — все это преимущественно на Балтике). Но в связи с провалом путча — «мировой революции» — в Германии начались расследования и аресты «агентов Коминтерна», и среди последних в декабре 1923 г. оказался советский военно-морской атташе Петров, который вдобавок был вовсе не русский, а французский коммунист *Гарнье,* по настоящему паспорту — гражданин Французской республики[2].

Немецкая контрразведка установила, что Петров (Гарнье) с санкции Коминтерна передавал часть закупаемого через «Вогру» у рейхсвера вооружения… немецким коммунистам для их ударных групп (*Краснов В., Дейнес В.* Указ. соч., с. 390). Как сообщал 1 ноября 1923 г. из Берлина Сталину назначенный ЦК РКП(б) и ИККИ руководителем германской революции Георгий Пятаков, Петров (Гарнье) поработал на славу: немецкие коммунисты в конце октября располагали 11 тыс. винтовок, 2 тыс. револьверов и 150 пистолетами-пулеметами (там же, с. 397).

Военные моряки веймарской Германии были настолько шокированы этим — а ведь с Петровым (Гарнье) встречался в 1923 г. адмирал Петер Бенке, что, кстати, явилось

---

[1] «Облом» в Германии большевики компенсировали продуктивным секретным военно-морским сотрудничеством в 20-х гг. с Италией Муссолини. Именно на итальянских верфях были перекрашены и переименованы некоторые суда из военно-морской эскадры Врангеля, стоявшие в 1920—1925 гг. на приколе во французской военно-морской базе в Бизерте (Тунис), которые при содействии дуче большевики купили через подставные итальянские фирмы якобы «на металлолом».

Кроме того, Муссолини продал СССР часть своих военных судов. Главное же — он обеспечил проход этой «итальянской эскадры» (итальянский флаг, итальянские команды, включая капитанов) из Средиземного моря через черноморские проливы Турции в советские порты на Черном море (из рассказа советского «невозвращенца» — участника этой экспедиции 1928 г. автору в Париже в 1969 г. как собкору «Литературной газеты». — *Архив автора. Неопубл. запись беседы 29.01.1969 г.*). На это секретное сотрудничество в 20-х гг. намекала также советская дипломатическая печать. См., в частности, *Кирдецов Г.* Политика Италии в Средиземном море // жур. «Международная жизнь» (орган НКИД. — *авт.*), 1926, № 1.

[2] Всю европейскую сеть шпионов Коминтерна и ИНО ОГПУ в 20-х гг. — первой половине 30-х гг. раскрыл чекист-перебежчик *Владимир Орлов.* См. его книгу «Двойной агент. Записки русского контрразведчика». — М., 1998, с. 114—116.

одной из причин его отставки с поста главнокомандующего ВМФ в следующем году, что когда в начале 1924 г. пришло время участвовать в создании германского авиацентра на побережье Черного моря под Одессой (предполагалось иметь там авиаэскадрилью гидросамолетов «рейхсмарине»), немецкие морские летчики передумали и категорически отказались от участия в этом советско-германском военном проекте (*Горлов С. А.* Указ. соч., с. 141).

Словом, самое время перейти к анализу «двуликого Януса» советской внешней политики и поговорить о «пролетарских доктринерах» и «национал-большевиках» в связи с «красным путчем» 1923 г. в Германии и геноссе Тельманом.

ЭКСПОРТ МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ ИЛИ НАЦИОНАЛ-БОЛЬШЕВИЗМ?

Сегодня о «красном германском октябре» в 1923 г. знают разве что историки-германисты. Но в 20-х гг. о нем ведал каждый комсомолец СССР, зачитываясь публицистическими очерками «Красной Ларисы» (Рейснер) «Гамбург на баррикадах» (1924 г.). С высоты прошедших десятилетий вся авантюра большевиков с «мировой революцией» в Болгарии (сентябрь 1923 г.) и Германии (октябрь — ноябрь 1923 г.) кажется сегодня нормальному человеку каким-то шизофреническим бредом. Ну, в самом деле, чего этим «пролетарским доктринерам» не хватало? «Разгромили атаманов, разогнали воевод и на Тихом океане свой закончили поход»,— пелось тогда в популярной песне. И, действительно, в октябре 1922 г. из Приморья и Владивостока ушли последние иностранные интервенты, а с ними — и остатки колчаковско-семеновских «белогвардейцев».

В стране набирал силу нэп — введена была с 1922 г. твердая валюта — золотой червонец, прекратился голод, деревня, изголодавшаяся за время Гражданской войны и «военного коммунизма» по работе на себя и свою семью, вгрызлась в землю, богатела, набирала силу, получив землю в аренду практически бесплатно.

«Капиталистическое окружение» в 1921—1922 гг. прекратило не только военную, но и торговую блокаду, и к 1923 г. фактически признало существование СССР де факто (подписание торговых соглашений).

Но прав оказался Василий Шульгин (1920 г.) — Ленин и Троцкий не могли сбросить их «мешок — социализм», понимаемый ими тогда как «социализм в мировом масштабе». И еще более прав Павел Милюков (январь 1927 г.) — идеология «мировой пролетарской революции» обеспечивала старой ленинской гвардии власть в СССР. И не случайно председатель Коминтерна Зиновьев незадолго до своего изгнания с этого ключевого поста (ноябрь 1926 г.), блокируясь с Троцким против концепции Сталина — Бухарина «о социализме в одной, отдельно взятой, стране», с тревогой говорил «демону революции» (1926 г.): «При отсутствии мировой революции наша партия держится на честном слове».

1923 год во многих отношениях явился для «пролетарских доктринеров» переломным, в чем-то, по определению Льва Троцкого, *схожим с 1917-м.* Большевики не только *захватили* власть, но и сумели *удержать* ее «всерьез и надолго» (В. И. Ленин). Но что было еще более важным — «капиталистическое окружение» признало *власть большевиков* над народами бывшей Российской империи, и, получив «отступные» в виде «санитарного кордона» бывших западных царских окраин (Финляндия, балтийские государства, «русская» Польша, Бессарабия — Румыния), геополитически *признало* ново-старые царско-большевистские государственные границы над всем евразийским пространством России — СССР по состоянию на 1 августа 1914 г.

Раньше всего это заметили и оценили русские эмигранты-державники, в частности, *Василий Шульгин.* В последней части своей трилогии «Годы» — «Дни» — «1920 год» он писал: «Наш главный, наш действенный лозунг — Единая Россия.… Когда ушел Деникин, мы его не то чтобы потеряли, но куда-то на время спрятали... мы свернули знамя.… А кто

поднял его, кто развернул знамя? Как это ни дико, но это так…: Знамя Единой России фактически подняли большевики. Конечно, они этого не говорят…. Конечно, Ленин и Троцкий продолжают трубить «Интернационал». И будто бы «коммунистическая» армия сражалась за насаждение «советских республик». Но это только так, сверху… На самом деле их армия била поляков, как поляков. И именно за то, что они отхватили чисто русские области» (*Шульгин В. В.* 1920, с. 795).

Шульгин был образованный монархист, как-никак окончил юридический факультет одного из крупнейших дореволюционных университетов — Киевского императорского, где слушал лекции о «термидорианском перерождении» французских якобинцев проф. И. В. Лучицкого, главы тогдашней русской школы историков Великой французской революции. Ведь якобинцы тоже с 1792 г. создавали на границах Французской республики свои «советские» («дочерние») государства-марионетки — Батавскую республику (Голландия — Бельгия), Гельветическую республику (Швейцария) и др.

Отталкиваясь от лекций проф. Лучицкого, бывший его студент (он писал у профессора курсовую работу) Шульгин проецировал «интернационал» якобинцев на III Интернационал: «Красным только *кажется* что они сражаются во славу Интернационала. На самом же деле, хотя и бессознательно, они льют кровь только для того, чтобы восстановить «Богохранимую Державу Российскую»… Они своими красными армиями (сделанными «по-белому») движутся во все стороны только до тех пор, пока не дойдут до твердых пределов, где начинается крепкое сопротивление других государственных организмов…. Это и будут естественные границы Будущей России…. Интернационал «смоется», а границы останутся…» (там же, с. 807).

Сам того не подозревая, Шульгин наносил смертельный удар в самое сердце ленинской доктрины: «Октябрьская революция — начало мировой пролетарской революции». «…Ленин предполагает, а объективные условия, условия, созданные Богом, — как территория и душевный уклад народа, «располагают», — писал Шульгин, — И теперь очевидно стало, что кто сидит в Москве, безразлично, кто это, будет ли это Ульянов или Романов (простите это гнусное сопоставление) принужден… делать дело Иоанна Калиты» (там же, с. 796).

И, наконец, убийственный приговор «пролетарским доктринерам»: «Если это так, то это значит, что Белая Мысль, прокатившись через фронт, покорила их подсознание…. Мы заставили их красными руками делать Белое дело.…

Мы победили.…

Белая мысль победила…». (Там же, с. 807).

Разумеется, «пролетарские доктринеры» из Политбюро прочитали все это уже в 1922 г. — году выхода «1920 года» в Софии в «Российско-болгарском книгоиздательстве». Отрывки из книги еще в конце 1921 г. публикуются в русских эмигрантских журналах в Софии и Белграде (в частности, в жур. «Русская мысль» в Софии, издававшемся бывшим «легальным марксистом», в эмиграции ставшего ярым националистом-государственником *Петром Струве*), а в 1927 г. в ленинградском издательстве «Прибой» с предисловием историка-марксиста С. Пионтковского мемуары «1920 год» публикуются в СССР отдельным изданием.

Собственно говоря, Шульгин пороха не выдумал — сама идея перерождения «пролетарских якобинцев» в «национал-большевиков» со времени начала советско-польской войны 1920 г. уже носилась в эмигрантском воздухе. Ее осмысление шло по двум направлениям — теоретическому (исторические аналогии с «термидором» Французской революции конца XVIII в.) и практическом (призыв 30 мая 1920 г. группы бывших царских генералов во главе с А. Брусиловым вступать в ряды РККА для борьбы с Польшей).

Как обычно, «эмигрантским Лениным» выступил *Павел Милюков.* В вышедшем в том же «Российско-болгарском книгоиздательстве» в Софии, что и шульгинский «1920 год», но годом ранее (1921 г.) первом томе «Истории Второй русской революции» он первым провел широкомасштабное сравнение французской и русской революций и пришел к выводу: причина появления «большевизма» коренилась в *запоздалости* развития

капитализма европейского образца в России. А эта *запоздалость*, в свою очередь, придала и революции и особенно Гражданской войне характер крестьянского «бунта, бессмысленного и беспощадного», когда «в России «буржуем» называют всякого, кто носит крахмальный воротничок и ходит в котелке»[1].

В период кронштадтского матросского восстания милюковские парижские «Последние новости» впервые вводят в публицистический оборот термин «русский термидор»[2].

Еще более отчетливо практическая шульгинская идея — «делать красными руками Белое дело» — прозвучала в генеральском воззвании 30 мая 1920 г., опубликованном всеми большевистскими газетами Советской России: «Свободный русский народ освободил все бывшие ему подвластные народы и дал возможность каждому из них самоопределиться и устроить свою жизнь по собственному произволению. Тем более имеет право сам русский и украинский народ устраивать свою участь и свою жизнь так, как ему нравится, и мы все обязаны по долгу совести работать на пользу, свободу и славу своей родины — матери России».

Обращаясь к тем генералам и офицерам бывшей царской армии, которые все еще отсиживались по кухням, утешая себя своим «нейтральным статусом» (ни с белыми, ни с красными и даже ни с «зелеными»), генералы-патриоты взывали: иначе «наши потомки будут нас справедливо проклинать и правильно обвинять за то, что из-за эгоистических чувств классовой борьбы мы не использовали своих боевых знаний и опыта, забыли родной русский народ и загубили свою Матушку-Россию»[3]. Воззвание было подписано генералами А. Брусиловым, А. Поливановым, А. Зайончковский, А. Верховским, В. Клембовским, Д. Парским, П. Балуевым, А. Акимовым и адмиралом А. Гутором.

Воззвание «брусиловцев» имело действительно широкий отклик среди бывших офицеров. По сведениям крупного военного историка *А.Г. Кавтарадзе*, 50 тыс. «военспецов» РККА (в дополнение к 32 тыс. в 1918—1919 гг.) пришли к большевикам после этого воззвания только в период с 12 июня по 15 августа 1920 г.[4] Даже в рядах «белых» оно вызвало колебания среди офицерства. Известный своей жестокостью к дезертирам, евреям и коммунистам бывший врангелевский генерал *Яков Слащев*, вернувшийся в ноябре 1921 г. из эмиграции и перейдя на службу в Красную Армию (его образ хорошо передан актером В. Дворжецким в роли ген. Хлудова в кинофильме «Бег»), позднее в своих мемуарах вспоминал: вскоре после воззвания Брусилова и других он и еще 30 генералов готовы были пойти на военный пробольшевистский переворот в Крыму и даже начал секретные переговоры с тайными эмиссарами большевиков (летом 1920 г. Врангель выдвинул часть своих войск из Крыма, собираясь соединиться с войсками Пилсудского и Петлюры против большевиков) при условии, что свергнутого Врангеля заменит ген. Брусилов[5], но разгром РККА под Варшавой изменил военные планы большевистского руководства — они решили выбить врангелевцев из Крыма, не прибегая к помощи Слащева и его заговорщиков.

Однако не Шульгин и не Милюков стали для «пролетарских доктринеров» в Москве b□te noire большевистского термидора и страшной для них, марксистов-интернационалистов, каиновой печати — НАЦИОНАЛ-БОЛЬШЕВИКИ. Этой «черной бестией» даже неожиданно для себя соединившей теорию термидора с практикой «сменовеховства», стал *Николай Устрялов* (1890—1937 гг.), молодой юрист и приват-доцент Московского университета, в прошлом активист кадетской партии и глава ее восточного ЦК (с октября 1919 г., г. Омск), а затем идеолог военной диктатуры адм. Колчака, главный редактор колчаковского официоза газеты «Русское дело».

---

[1] *Милюков П. И.* История Второй русской революции, т. 1, вып. 1. — София, 1921, с. 12—22.
[2] *Краус Т.* (Венгрия). Н. В. Устрялов и национал-большевизм // жур. «Россия XXI», 1996, № 1—2, с. 103.
[3] Цит. по: *Агурский М.* Идеология национал-большевизма. — М., Алгоритм, 2003, с. 63.
[4] *Кавтарадзе А. Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов, 1917—1920 гг. — М., 1988, с. 167.
[5] *Слащев Я.* Крым в 1920 году. — М., 1924, с. 165.

После поражения колчаковской армии в январе — феврале 1920 г., выдачи адмирала «союзниками» из Антанты и его расстрела чекистами Устрялов бежит в Харбин, где с лета того же года начнет издавать собственную газету «Новости жизни», вскоре завоевавшую среди харбинской эмиграции такую же популярность, как милюковские «Последние новости» в Париже. Устрялов проживет в Харбине пятнадцать лет, с 1920 по 1935 гг., пока после продажи СССР КВЖД Японии не вернется совсем в СССР, будет репрессирован как «японский шпион» и в июне 1937 г. расстрелян.

И все же не он изобрел термин «национал-большевизм» — его впервые ввел в 1919 г. в политический оборот «пролетарский догматик» и одновременно оппортунист *Карл Радек*, причем (вот уж действительно — фортель!) применительно не к русским, а к германским коммунистам. Дело в том, что после ноябрьской революции 1918 г. в Германии возникли две компартии, и лидеры второй — т. н. Германской коммунистической рабочей партии в Гамбурге — Генрих Лауфенбер и Фриц Вольфгейм выдвинули идею союза немецких коммунистов с правыми националистами из военных против Версаля и Антанты. Радек, принимавший в это время в своем «тюремном салоне» этих самых «военных националистов» (фон Секта и др.) и обсуждавший вместе с ними планы тайного военного сотрудничества с Советской Россией, одновременно разразился разгромной теоретической статьей против «гамбурговцев» под заголовком «К противоречиям немецкого коммунизма и гамбургского национал-большевизма» в немецком издании жур. «Die Internationale» (1919, № 1).

В канун II Всемирного конгресса Коминтерна Ленин выпустил свою ставшую затем знаменитой брошюру «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», где на полную катушку использовал изобретенный «Крадеком» термин, но адресуя его не русским, а иностранным коммунистам.

Но очень скоро, после поражения под Варшавой, капитуляции в Риге перед поляками и с введением нэпа бумеранг вернулся. И запустил его в ноябре 1921 г. из Парижа Устрялов в своей статье «Национал-большевизм» (еженедельник «Смена вех», 1921, № 3, 12 ноября). Но это был отнюдь не германский или французский, а именно *русский национальный большевизм.*

Так с 1921 г. в белой эмиграции и в Советской России возникает и быстро набирает силу т. н. «сменовеховское движение», названное по сборнику статей «Смена вех» (Прага, февраль 1921 г.[1]). Важно также подчеркнуть, что первые «сменовеховцы» активно поддерживаются большевистскими «термидорианскими прагматиками» (Чичериным, Красиным и др.), втягивающими их в работу на «большевистский термидор». *Ю. Ключников*, например, в 1922 г. — активный участник-эксперт советской делегации на Генуэзско-Гаагской международной конференции, с 1921 г. — главный редактор парижского еженедельника «Смена вех», издатель первых нкидовских сборников дипломатических документов, явно направленных против «марксистских» томов М. Н. Покровского «Международные отношения в эпоху империализма» (Чичерин о «школе Покровского» в эти годы пишет не иначе, как о «банде Покровского»).

Лидеры «пролетарских доктринеров» замечают эту новую тенденцию и в эмиграции, и в контролируемой ими стране и на XI съезде РКП(б) в 1922 г. уделяют «сменовеховству» и «устряловщине» много внимания[2].

Что же так взволновало Ленина, Троцкого, Зиновьева, Бухарина и других?

Как это ни покажется странным — *доктринальная правота «сменовеховцев».*

Дело в том, что начиная с внутрипартийной дискуссии о профсоюзах, открытой Л. Д. Троцким его речью на V Всероссийской конференции профсоюзов в начале ноября 1920

---

[1] Сборник объединил авторов, до Февральской революции политически далеко отстоявших друг от друга. Но здесь на одной платформе разделения «русского большевизма» и «интернационального коммунизма», наряду с бывшими кадетами Н. Устряловым, Ю. Ключниковым и Ю. Потехиным (два последних уже служили «спецами» в НКИД РСФСР), выступили бывший обер-прокурор Св. Синода (1909—1911) близкий к Столыпину религиозный философ и поклонник Вл. Соловьева врач С. Лукьянов, монархический публицист А. Бобрищев-Пушкин (псевдоним «Громобой», объект язвительных дореволюционных нападок Ленина), молодой физиолог, ученик великого акад. Ивана Павлова С. Чахотин и др. Симптоматично, что авторы посвящают свой труд ген. А. Брусилову.

[2] Подробней см. *Трифонов И.* Из истории борьбы коммунистической партии против “сменовеховства”. // жур. «История СССР», 1959, № 3.

г. (знаменитые тезисы «демона революции» о «перетряхивании профсоюзов», «завинчивании гаек» и «огосударствлении профсоюзов») и через выступления других фракционных групп в РКП(б) — «децистов» («демократических централистов», действовали с 1918 г. — Сапронов, Оболенский-Осинский, Богуславский, В. Смирнов и др.), «левых коммунистов» (со времен мира в Брест-Литовске — Бухарин, Преображенский и др.) и особенно «рабочей оппозиции» (Шляпников, Коллонтай, Лутовинов и др.), поставившей под сомнение руководящую роль партии в профдвижении и единственной дошедшей в своих разногласиях с Политбюро ЦК РКП(б) до высшего форума мирового коммунизма — III Всемирного конгресса Коминтерна летом 1921 г. в Москве, — все они выходили на проблемы «сменовеховства» (хотя сам термин у этих оппозиционеров еще отсутствовал), обострившиеся в связи с переходом Советской России к нэпу.

По сути своей, и сам нэп был не чем иным, как «сменой вех» («коренной переменой всей нашей точки зрения на социализм», по Ленину) в большевистской партии. Поэтому «харбинский отшельник» и приват-доцент Устрялов попал в самую точку, ибо в своей газете «Новости жизни» и в многочисленных статьях в «сменовеховских» сборниках и собственных книгах[1] открыто говорил то, о чем большевистские «сменовеховцы» даже из числа «термидорианских прагматиков» не договаривали.

Но устряловский подход к «большевистскому термидору» отличался и от остальных эмигрантских. Скажем, Шульгин видел этот «термидор» в трех ипостасях. По его мнению, большевики:

«1) восстанавливают военное могущество России;

2) восстанавливают границы Российской державы до ее собственных пределов;

3) подготовляют пришествие самодержца всероссийского» (*Шульгин В. В.* Указ. соч., с. 769).

Такую программу как русских монархистов, так и либералов (реанимация режима «февральской демократии» через новое Учредительное собрание) Устрялов в своей программной статье «Национал-большевизм» называл не *термидором*, а *реставрацией*, схожей с первой реставрацией 1814 г. во Франции (либерально-кадетской) и со второй реставрацией 1815 г. там же (ультрамонархической, сопровождавшейся «белым террором»).

Ни то, ни другое к Советской России после 1921 г. не применимо. По Устрялову, ее «термидор» — это скорее переход к «бонапартизму»: «Ныне уже наблюдаются первые ласточки этого перехода (разрыв Ленина с «глупостями смольного периода»), — писал он еще 14 июня 1920 г. в своей харбинской газете. — Избежав 9 термидора, благодаря тактической гибкости большевистских вождей, мы словно уже созрели до консулата» (цит. по: *Краус Т.* Указ. соч., с. 101).

Устрялов во весь голос договаривал то, что публично не могли еще произнести большевистские «термидорианские прагматики»: «Якобинцы (во Французской революции. — *Авт.*) не пали — они переродились в своей массе. Якобинцы, как известно, надолго пережили термидорианские события — сначала как власть, потом как влиятельная партия; сам Наполеон вышел из их среды…» — писал Устрялов в пражском сборнике «Смена вех». Вообще Устрялов, сам того не подозревая, с 1920 г. выступил своеобразным катализатором тех идей, вокруг которых в 1921—1927 гг. в РКП(б) и в Коминтерне развернется ожесточенная идеологическая борьба между «коммунистами» (доктринерами мировой пролетарской революции) и «национал-большевиками» (термидорианскими прагматиками), которая в зарубежной историографии для простоты обозначения будет называться борьбой «троцкистов» со «сталинистами», хотя лично Сталина так просто ни к тем, ни к другим не отнесешь — это случай особый.

Устрялов одним из первых среди эмигрантов, продолжавших по-прежнему поносить большевиков за их «проклятые, бесовские опыты социалистические, [за] сатанинскую

---

[1] *Устрялов Н. В.* В борьбе за Россию (сб. статей из газ. «Новости жизни»). — Харбин, 1920; *он же.* Россия (из окна вагона). — Харбин, 1926; *он же.* Под знаком революции. — Харбин (1-е изд. Харбин, 1925, 2-е изд. М., 1927); *он же.* На новом этапе. — Харбин, 1930; *он же.* Наше время. — Шанхай, 1934, и др.

вивисекцию над несчастным русским телом» (В. В. Шульгин[1]), обратил внимание на созидательную силу их Революции: «имперскую централизацию» и возврат к «имперским границам», сильную государственную власть, восстановление внутреннего рынка и новые выходы через нэп на мировую экономическую арену.

В отличие от Шульгина и Милюкова, Устрялов полагал, что Ленин, которого он считал «фантастом и практиком одновременно», своеобразно претворившим в себе «прозорливость Мирабо, и оппортунизм Дантона, и вдохновенную демагогию Марата, и холодную принципиальность Робеспьера» (из устряловского некролога на смерть Ильича, 1924 г.), «чтобы спасти Советы…, жертвует коммунизмом; жертвует, со своей точки зрения, лишь на время, лишь тактически, — но факт остается фактом» (сб. «Смена вех». — Прага, 1921, с. 63). Правда, сам Устрялов убежден, что это не тактика, а внутренняя эволюция («термидорианское перерождение») ленинизма, т. к. в рамках нэпа начинается ликвидация «базиса азиатского коммунизма», который явно «не оправдал себя» (жур. «Смена вех», 1921, № 3, 13. XI, с. 14).

Еще более резко проводит грань между «большевизмом» и «коммунизмом» другой автор сб. «Смена вех», бывший обер-прокурор Св. Синода и сторонник Столыпина С. Лукьянов, придавая этому делению явно антисемитский характер: «большевики» (Ленин, Красин, Бухарин и др.) — это русские, а «коммунисты» — все сплошь евреи (Троцкий, Зиновьев, Каменев, К. Радек и др.). Большевики, по Лукьянову, по-своему хотят возродить Великую, Единую и Неделимую Россию, а коммунисты, во имя химеры мировой революции, ее разрушить. Те же идеи мы ранее встречаем в одесских «Окаянных днях» Ивана Бунина («вся беда от жидов, они все коммунисты, а большевики все русские» — из разговора писателя с красноармейцем, 1919 г.).

Подобные настроения после Гражданской войны — сравнение большевиков с «народными разбойниками» — Стенькой Разиным и Емелькой Пугачевым, противопоставление «механической культуре» Европы «культуры духа» России — типично и для части советской литературы начала 20-х гг. В романе «Голый год» (1921 г.) *Бориса Пильняка,* по определению Троцкого, «народнического попутчика» большевиков, один из героев говорит, что Русская Революция — это «бунт народный», ибо «к власти пришли и свою правду творят — подлинно русские подлинно русскую». А русский мужичонка дед-знахарь Егорка в том же романе высказывает вполне «устряловско-лукьяновскую» мысль: «Нет никакого Интернационала, а есть народная русская революция, бунт и больше ничего. По образу Степана Тимофеевича» [Разина] (цит. по: *Агурский М.* Указ. соч., с. 136).

Долгое время в советской партийной историографии не расшифровывался лозунг восставших в феврале — марте 1921 г. кронштадтских матросов — «Советы без коммунистов!» (но не без большевиков?!). В практическом плане это находило свое выражение в уничтожении под крики «убийца» портретов Троцкого и под крики «мерзавец» Зиновьева. При этом портреты большевиков Ленина и Бухарина не трогали, и они висели на своих местах в кубриках кораблей и «красных уголках» матросских казарм морской крепости[2]. В свое время это произвело большое впечатление на Троцкого, в одной из своих статей в сборнике «Литература и революция» (1923 г.) отметившего: мужик «попытался принять большевика и отвергнуть коммуниста».

Однако сам Троцкий после Кронштадта все же «отвергнул» предложение Ильича возглавить вместо него Совнарком, ссылаясь на свое «еврейство», которое может вызвать недовольство в «мужицкой России»; Ленин в конце концов вынужден был назначить на этот пост главы правительства вместо Льва Бронштейна Алексея Рыкова.

Такое антисемитское «национал-большевистское сменовеховство» набирало силу в стране и партии, особенно после «ленинских» призывов 1924—1930 гг., и широко использовалось Сталиным в борьбе против «троцкистов».

---

[1] См. также: *Горлов М.* Дьявол у руля! Заметки о большевизме. — Берлин, 1920; *Бурцев В.* Будьте прокляты, большевики! — Париж, 1919; *Мережковский Д., Гиппиус З. и др.* Царствование Антихриста. — Мюнхен, 1921.

[2] См.: *Семанов С.* Кронштадский мятеж. — М., Алгоритм, 2003.

Выше мы приводили по мемуарам фон Терне «В царстве Ленина» (1922 г.) эпиграф автора к этой книге — «Пусть 90% населения страны погибнет, лишь бы 10% дожили до мировой революции».

Спустя одиннадцать лет на том же Западе стала гулять совсем другая фраза, сказанная якобы Лениным перед смертью: «К русскому коммунистическому движению присосалось 90% жидовской сволочи». Она воспроизведена в книге «невозвращенца» (по другим данным — сталинского тайного агента) *Магомеда Дзагоева*[1], и призвана была объяснить в значительной степени антисемитски настроенной «колчаковской» и «деникинской» русской эмиграции чистку партии от «троцкистов», их ссылку в Сибирь и Среднюю Азию и их последующее «разоружение».

Разумеется, сам Устрялов, как и большинство его единомышленников — бывших кадетов, — был далек от таких примитивных «погромных» аналогий. Крах доктринеров мировой пролетарской революции он видел не в их «еврействе», а в объективном поражении большевиков-коммунистов политически и экономически сокрушить остальной капиталистический мир. «Факел догорел, а мир не загорелся, — образно писал «харбинский отшельник» в жур. «Смена вех» (1922, № 13,21.I.). — [Но] нужно сделать Россию сильной, иначе погаснет [и этот] единственный очаг мировой революции…. Именно поэтому пролетарская власть начинает принимать меры, необходимые для хозяйственного возрождения страны, не считаясь с тем, что эти меры — «буржуазной» природы. Вот что такое перерождение большевизма».

Однако этот «*тихий термидор*», по Устрялову, вовсе не равнозначен *реставрации*. В принципиально важной статье «Эволюция и тактика», опубликованной в январе 1922 г. в жур. «Смена вех», он писал: «Но революционный облик страны все же останется, и глубоко заблуждаются те, кто еще мечтает о контрреволюции старого, «белого» или «зеленого», типа. Мы вступили на «путь термидора», который у нас, в отличие от Франции, будет, по-видимому, длиться годами и проходить под знаком революционной советской власти».

Поразительна, однако, повторяемость русского «дурного сна» (Мераб Мамардашвили): ведь именно в начале 20-х гг. «сменовеховцы» впервые поставили те самые вопросы «вхождения в мировое экономическое пространство», в «Европейский дом» (тогда понимаемый как Лига Наций), «нового мышления» и т. п., которые 65 лет спустя вновь встанут в период горбачевской ПЕРЕСТРОЙКИ.

Сам Устрялов лишь философски поставил эти проблемы. Развить их в серии своих экономических статей в 1921—1925 гг. на страницах «сменовеховской» печати — жур. «Смена вех» (Париж), газет «Накануне» (Берлин — Москва, 1922—1925 гг.), «Новая Россия» (Петроград, до 1922 г.), «Россия» (Москва, с 1922 г.), «Русская жизнь» (Харбин) и др. — взяли на себя труд единомышленники Устрялова.

Это прежде всего друзья его московской студенческой юности Ю. Ключников и Ю. Потехин. Именно с ними — молодыми кадетами — Устрялов еще в начале 1918 г. начинает издавать в Москве жур. «Накануне», в котором печатаются такие кадеты-корифеи, как Бердяев, Струве, Кизеветтер и др. Уже тогда Устрялов выдвигал некоторые робкие идеи «сменовеховства», в частности, по вопросам внешней политики (предлагал отказаться от односторонней ориентации кадетов на Антанту и признать Брест-Литовский мир большевиков с Германией), но был отвергнут большинством подпольного кадетского съезда в Москве в мае 1918 г. и вскоре уехал на Урал, в Пермь, преподавать. Оттуда перебирается в Омск, становится начальником «Агитпропа» Колчака. В Омске Устрялов неожиданно встречает Ключникова: он уже успел побывать министром иностранных дел Омского правительства, а к моменту встречи с однокашником сидел на чемоданах — направлялся Колчаком в Париж на Версальскую мирную конференцию в качестве личного уполномоченного адмирала.

---

[1] *Дзагоев М.* Козни мирового еврейства. — Берлин, 1933, с. 5. Книга вышла в Берлине уже после прихода нацистов к власти в Германии.

Друзья, как некогда Герцен с Огаревым, дают клятву быть отныне вместе и служить России — «белой» или «красной», неважно — кто победит, но Россия останется навсегда.

С 1921 г. судьба свела их вновь, сначала на страницах сборника статей «Смена вех» (Прага), а затем — одноименного журнала, который в Париже начал издавать *Ключников.* Он же в первом номере этого журнала-еженедельника публикует программную статью «Международное значение России», основанную на «устряловских» философских принципах «сменовеховства», которые автор пока полностью разделяет (позднее взгляды и пути двух друзей резко разойдутся: Ключников вернется из Парижа в Москву и станет «совспецом» в НКИД, Устрялов еще на 10 лет останется в Харбине «вольным философом»).

А пока что же предлагает бывший колчаковский министр иностранных дел, ныне «сменовеховец» и вскоре «попутчик» у большевиков?

А он излагает… «горбачевскую» программу «нового мышления», разумеется, с поправкой на всего четыре года существования СССР, в отношении Запада в виде трех возможных сценариев:

Сценарий № 1. Ключников исходит из принципиальной посылки краха довоенной мировой системы международных отношений, заложенной еще Венским конгрессом в 1814—1815 гг.

Версальская система 1919 г., построенная на принципах маленьких национальных государств, направлена на изоляцию Советской России от европейского и мирового рынка. Это «капиталистическое окружение» будет искусственно поддерживать «высокую революционную температуру» в СССР как «осажденной крепости», порождая у Коминтерна иллюзию, что он надолго останется «учительницей всемирного пролетариата», а это, в свою очередь, позволит «пролетарским доктринерам» долго внушать гражданам, что СССР «и в самом деле явится колыбелью коммунистической эры».

Сценарий № 2. Одномоментный отказ от доктрины мировой пролетарской революции (что, по мнению Ключникова, маловероятно) при отсутствии существенного экономического подъема в СССР благодаря нэпу и заметного улучшения социального положения советских людей приведет к «ужасающей анархии», распаду СССР на удельные княжества и соперничающие регионально-национальные кланы, с которыми западные «версальцы» также не смогут справиться, как они даже с помощью вооруженной интервенции не справились с русской революцией и не справляются с национально-освободительным движением в Китае, где анархия продолжается с 1911 г. Россия окажется тогда отброшенной в XVII в. [1];

Сценарий № 3 (фантастический). В этом варианте Ключников как бы рассуждает с позиции — «по щучьему велению»: «Уж не знаю как, но Россия вдруг (?! — *Авт.*) становится типичной западноевропейской демократией. Учредительное собрание быстро и легко списывает у иностранцев образцовую конституцию…»

Ключников, похоже, и сам не верит в реальность третьего сценария, хотя, если бы он не погиб в годы сталинских репрессий 30-х гг., он изумился бы той прыти, с которой «ельцинские демократы» в начале 90-х гг. тщетно пытались осуществить на практике именно этот третий сценарий…

Впрочем, коллега и единомышленник Ключникова и Устрялова *Ю. Потехин* в том же 1921 г., но только в сборнике «Смена вех», в статье «Физика и метафизика русской революции» напрочь отвергает третий сценарий своего друга и коллеги.

Хлебнув вдосталь «союзной помощи» в период колчаковского движения в Сибири (сдали Колчака и золото большевикам в январе — феврале 1920 г. в Иркутске в обмен на свободный проезд чехословацких эшелонов по Транссибу во Владивосток), Потехин,

---

[1] Именно этот «сценарий» и был осуществлен в декабре 1991 г. в Беловежской пуще, а его последствия на пространстве бывшего СССР не преодолены до сих пор. — *Прим. авт.*

Ключников и Устрялов уже не питали прежнего университетского кадетского пиетета к западным ценностям с их «диктатурой закона».

Кроме того, они убедились, что сибирского мужичка Учредительное собрание столь же мало интересует, как царского городового — соблюдение прав студентов и университетской приват-доцентуры. Отсюда горький практический вывод Потехина: «Надо перестать строить мысленно русскую будущность по западноевропейским образцам. Если теоретический, твердобуквенный коммунизм совсем неприменим к крестьянской России, то едва ли более применим к ней и теоретический параламентаризм…. Даже политическим слепцам становится ясно, что «советизм» есть наиболее отвечающая русским условиям форма народовластия…» (цит. по: *Краус Т.* Указ. соч., с. 108).

«Сценарии» Ключникова и Потемкина развивает и детализирует в том же первом номере «Смены вех» еще один постоянный автор еженедельника экономист *Михаил Григорьев.* В своей статье «Русская экономическая проблема» он теоретически пытается развенчать хозяйственную несостоятельность «коммунизма по Марксу и Ленину» как организацию в 1918—1920 гг. в Советской России «производственных коммун» (к этому движению «коммунаров» примкнули не только российские, но и иностранные рабочие, приехавшие даже из США). По Григорьеву, экономический провал коммун в Советской России — это не просто провал «военного коммунизма», а провал коммунизма вообще, что и предопределило поворот большевиков к нэпу, являющемуся не чем иным, как старым добрым государственным капитализмом, осуществлявшимся в 1914—1918 гг. всеми воюющими державами, в том числе и царской Россией, особенно активно с 1916 г.

Автор называет это вмешательство в экономическую и социальную жизнь «государственным коллективизмом», и большевики здесь пороха не выдумали, разве что навешав на этот общий для всего послевоенного мира экономический процесс «коммунистические» этикетки и лозунги. И если что объективно и мешает большевикам успешно развивать экономику после разрухи «военного коммунизма», это не «кулаки» в деревне и не «нэпманы» в городе, а отсутствие крупных валютных инвестиций с Запада (вспомним, как в это же время Красин вел в Париже и Лондоне упорную борьбу за создание консорциума Антанта — Германия — Советская Россия, а Раковский с Чичериным в 1922—1927 гг. — за французские кредиты в обмен на «царские долги»).

Почти «списанной» с газетно-журнальных статей 1994—1995 гг. выглядит и вторая статья Григорьева «Денационализация (т. е. приватизация.— *Авт.*) промышленности» (жур. «Смена вех», 1921, № 3, 12. XI). И здесь автор подчеркивает, что «большевистская национализация» 1918—1920 гг. ничего общего с «коммунистической» этикеткой не имела: в таком случае «большевиками» следовало бы считать буржуазные правительства Англии (национализация в 20-х гг. угольных шахт), Чехословакии (железные дороги), Франции (почта, телефон, телеграф, радио) и т. д. Даже «царские сатрапы» с 1888 г. — «большевики», раз они за выкуп национализировали до 1914 г. около 85% частных железных дорог России? Но национализация большевиков, по Григорьеву, в отличие от Запада, крайне забюрократизирована — все эти ВСНХ, Госплан, СТО, главки и т. п. в Советской России больше мешают, чем помогают.

Автор выливает ушат холодной воды на главного идеолога «сменовеховства» Устрялова, который, не будучи экономистом, пришел в телячий восторг от нэповских декретов большевиков от 5 и 7 июня 1921 г. о «приватизации» (сдаче в аренду мелких и средних промышленных и торговых предприятий), полагая, что такие декреты свидетельствуют о полной капитуляции коммунистов и возврате России к капитализму в «советском обличье».

Григорьев, наоборот, не видит в этих «нэпманах» (в наше время — «новых русских») возрождающегося буржуазного слоя новых собственников, ибо *аренда* — это совсем не *собственность*, а на реальное введение ее в жизнь большевики никогда не пойдут, т. к. тогда они потеряют политическую власть в стране. Поэтому — максимум «оброк» нэпа вместо «барщины» при военном коммунизме, на что согласен Ленин. Отсюда вся его фразеология о «временном, частичном отступлении», о «прочных мостках (нэпе. — *Авт.*),

ведущих к социализму» и т. п. Григорьев вместе с тем отмечает, что этот большевистский «оброк» явно по душе вчера еще дореволюционным «барщинным» крестьянам и части рабочих, которые в массе «достигли определенных, довольно крупных завоеваний»: бесплатной помещичьей земли, образования, здравоохранения, оплачиваемого отпуска и т. д. Именно эти завоевания, а не коммунистические лозунги, по Григорьеву, обеспечивают «политическое влияние большевиков» в стране[1].

Но «сменовеховцы» смотрели далеко вперед. Они, например, отнюдь не питали иллюзий в отношении «цивилизованного Запада» (чем грешили очень многие «демократы» в ельцинской России 70 лет спустя), полагая, что конечной целью западного капитализма является «ограбление матушки-Расеи» и ее «расхищение» (Ключников, Устрялов, Лукьянов). И как будто написанной в наши дни звучит сентенция из концептуальной статьи Устрялова «После Термидора» (жур. «Смена вех», 1921, № 9, 24. XII) о финансовой зависимости бывших русских «олигархов», тогдашних «березовских», «гусинских» и «потаниных» от западного банковского капитала: «Некоторые банки сохранили русского — одну вывеску и при возвращении в Россию явились бы просто марионетками в руках иностранцев. Шито-крыто «общественные деятели» выработали безопасные формулы, при помощи которых в английские, французские и американские руки перешли русские прииски, заводы, флоты, военный и коммерческий…. Пока советская власть, как осажденная в крепости, отбивается, не питая иллюзий насчет чувств осаждающих, иностранная опасность не страшна. Если же иностранцы проникнут в крепость на спинах новой слабой или неопытной власти, зависящей от них, случится именно и расхищение, и закабаление России…» (цит. по: *Краус Т.* Указ. соч., с. 113).

Видя в большевиках (но не в коммунистах) прежде всего защитников РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА в своеобразной форме «советской власти», «сменовеховцы» исходят из принципиальной посылки, отличающей их от всей остальной «белой» эмиграции: свержение большевизма в настоящих условиях — это гибель России, ибо по сути своей национал-большевики никакие не марксисты-интернационалисты, а прямые наследники русских славянофилов XIX в. (Устрялов). Большевики сумели преодолеть очередное русское «смутное время» (Гражданскую войну 1918—1920 гг.), а их коллективизм вовсе не «пролетарский», а старорусский, идущий от крестьянской общины (Лукьянов). Более того, «большевизм с его интернациональным влиянием, — писал Устрялов, фактически солидаризируясь с Шульгиным, — и всюду проникающими связями становится ныне прекрасным орудием международной политики России».

Публицист «Громобой», столбовой дворянин и потомок декабристов, адвокат эсеровского боевика поручика Е. К. Григорьева (1904 г.) и одновременно ультрамонархиста Пуришкевича (1907 г.), основатель конституционно-монархической партии и активный «октябрист», публицистический рупор партии Гучкова, «настоящий националист», но осуждающий, подобно Шульгину, еврейские погромы *Александр Владимирович Бобрищев-Пушкин* (1875—1937 гг.), пожалуй, лучше всех выразил суть отношения «сменовеховцев» к власти большевиков-коммунистов в Советской России: в конечном счете, «для защитников русской государственности, для патриотов вопрос весь в том, чем явилась для России Советская власть: цементом, склеивающим ее, заполняющим ее трещины, или разъедающей ее кислотой». Для Бобрищева-Пушкина ответ ясен — это только цемент (цит. по: *Агурский М.* Указ. соч., с. 81).

Не все прогнозы «сменовеховцев» выдержали испытание реальной жизнью в «нэповской» России. Не оправдались иллюзии Устрялова *«встроить»* коммунистов-большевиков в систему «русского государственного капитализма», его упования на «новый класс собственников» (нэпманов), которые будто бы вскоре сменят у рычагов

---

[1] Подробней о совпадении взглядов «экономических сменовеховцев» с кейсианством на Западе в те же годы см. в нашей статье «Мировой межвоенный этатизм: Ленин, Сталин, Гитлер, Рузвельт» // Феномен Сталин. Сб. статей — М., — Краснодар, 2003.

управления «партийных литераторов» и «политических наместников коммунизма» (*эти иллюзии в 1921—1922 г. разделял даже Ленин!*).

Как и в наши дни, в годы нэпа не сбылись надежды Устрялова на «новое поколение людей», вышедших из рабочих и колхозных крестьян, обладающих «экономической, деловой жилкой». И Устрялов, и Ленин недооценили силу царско-большевистского (ельцинского) бюрократизма, репрессиями или коррупцией задавившего деловую сметку русского мужичка или советского доцента, натравив на них либо завистливых соседей (коллективизация), либо чиновников-взяточников из многочисленных «думских контор» (ельцинская «фермеризация» и «поддержка» малого бизнеса).

В конкретных исторических условиях 1921—1923 гг. не оправдался и оптимистический прогноз «харбинского отшельника» о том, что «мировой революции никогда больше не будет», ибо «в России идет революционная ликвидация революции» (там же, с. 80). Как показало дальнейшее развитие событий в большевистских верхах, связанных с прогрессирующей болезнью главного «термидорианца» нэпа — Ленина[1], жупел мировой революции отнюдь не был выброшен «пролетарскими доктринерами» на свалку. Наоборот, в связи с прогрессирующим параличом Ильича в Горках этот жупел активно используется на практике (в 1923 г. — В Германии, в 1926 г. — в Англии, в 1927 г. — в Китае) и в борьбе за «кафтан Ленина» среди его преемников у руля власти.

И Устрялов, еще в 1918 г. сравнивавший большевиков с «царскими держимордами», в начале 20-х гг. недооценил роль личного фактора и в царской, и в Советской России. Слишком много зависело в российских реформах от «царя» — Николая II или Ленина. Причем преемники — «временные» в 1917 году или «тройка» в 1922—1924 гг., как правило, больше заботились о собственных властных креслах, чем о благе державы и ее народа.

Личной трагедией Устрялова стало быстрое вырождение «сменовеховства» как интеллектуального заграничного течения духовного национал-большевизма в банальное «возвращенчество» из эмиграции в СССР, нашедшее свое выражение в одной из статей молодого биолога «сменовеховца» *Чахотина*, так и озаглавленной — «В Каноссу!». Как когда-то Максим Горький и Леонид Красин «во имя народа и России» пошли на службу к Ленину, так и сейчас в 1922—1923 гг. Чахотин призывал: «Надо участвовать в поддержке России, надо всем выручать ее, облегчать ей пути прогресса, мира и благосостояния». Чахотин более других подчеркивает вынужденность своей программы. Если бы Россия не была окружена врагами, если бы в мире была солидарность культурных наций, он, вероятно, не защищал бы подобной точки зрения. Но выхода нет. В большевистскую Каноссу! (Там же, с. 82).

Еще раньше в «большевистской Каноссе» оказались маститые учителя молодых «сменовеховских» кадетов, которую, впрочем, они никогда и не покидали, — два старейших члена ЦК партии кадетов академики В. Вернадский и С. Ольденбург, основатель этой партии проф. Н. Гредескул, видный кадетский экономист Н. Кутлер, ставший председателем правления Госбанка СССР и др.

Уже в 1922 г. «сменовеховцы» раскололись на два течения — левое во главе с главным редактором жур. «Смена вех» Ключниковым («возвращенцы») и правое («невозвращенцы») во главе с Устряловым, оказавшееся в явном меньшинстве.

Левые «сменовеховцы» — Ключников, Бобрищев-Пушкин, Лукьянов, Чахотин и др. — в 1922—1923 гг. вернулись в СССР. За ними потянулись некоторые громкие эмигрантские имена, например, писатель граф Алексей Толстой, бывший революционный комиссар «временных» на румынском фронте Виктор Шкловский и даже второй обер-прокурор Св. Синода, но уже при «временных» октябрист *Владимир Львов*, сыгравший зловещую роль в корниловском мятеже в августе 1917 г. Свою

[1] С 1920 г. Ленин все чаще и чаще болел. В первый раз он слег в марте 1920 г., затем долго болел с конца 1921 по март 1922 г., но к XI съезду РКП(б) оправился и даже сделал 27 марта 1922 г. политический доклад на съезде от имени ЦК, где впервые дал оценку «сменовеховству». Но 25 мая того же года он не просто заболел — с ним случился удар,— и до октября 1922 г. он вынужден был надолго отойти от дел. В октябре — ноябре вновь вернулся к делам, но 16 и 23 декабря 1922 г. случились один за другим еще два удара, а в марте 1923 г. — третий. С декабря 1922 г. реальная власть в партии, Коминтерне и СССР переходит к «тройке»: Зиновьев — Каменев — Сталин.

«возвращенческую» позицию Львов печатно формулирует так: «Извлечение максимума реальных выгод для русского народа…».[1]

Устрялов не согласен с такой слишком быстрой идейной эволюцией «сменовеховцев» (сам он капитулирует только десять лет спустя и в 1935 г. станет рьяно защищать национал-большевика Сталина, что, впрочем, не спасет его от пули в затылок) и полемически определяет переход своих бывших соратников на «советскую платформу» не очередной идейной «сменой вех», а «наканунчеством» (по названию газеты «Накануне», которую Ключников начинает издавать в Москве и Берлине и в которой литературное приложение ведет «красный граф» Толстой), т. е., по существу, бытовым «шкурничеством».

В СССР левое «сменовеховство» вырождается в просоветскую идеологию «спецов» на службе у большевиков, и в этом качестве оно имеет широкое распространение в среде инженеров, техников и бывших царских «брусиловских» офицеров в РККА.

Это продолжается до тех пор, пока Сталин, вначале, в 1921 г., довольно сочувственно относившийся к «сменовеховству» в подхалимских интересах понравиться Ленину, не пускает его вместе со «спецами» и нэпом под нож на процессах «вредителей» в 1928—1933 гг.

«МЫ С ВАМИ, НО НЕ ВАШИ…»

Так ответил Устрялов на первые, достаточно восторженные отклики большевистской печати — «Известий» и «Правды», а также выступления Троцкого и Луначарского в 1921 г. на сборник «Смена вех» и «сменовеховские» эмигрантские газетно-журнальные статьи.

Так в большевистском руководстве еще при относительно активном Ленине начался первый период (1921—1922 гг.) заигрывания со «сменовеховством», сразу выдвинувшим доселе неизвестного в Советской России «колчаковца» *Николая Устрялова* на первые полосы советских газет и журналов, трибуны сначала «дочерних» организаций типа Политпросвета, а затем и партийных съездов и партконференций. Связано это было с двумя группами факторов.

Во-первых, кронштадтское матросское и антоновское крестьянское восстание за «Советы без коммунистов» показали, что глубинной русской крестьянской массе совершенно непонятна интернациональная «пролетарская» политика Коминтерна, и если они еще готовы проливать кровь в войне с поляками или японцами на Дальнем Востоке, то умирать за мировую революцию в Германии, Венгрии или Австрии не согласны. Налицо был явный всплеск национал-большевизма, который чутко уловил Устрялов и другие «сменовеховцы».

Косвенным свидетельством появившегося в большевистских верхах интереса к этому новому в эмиграции явлению становятся секретные решения ЦКК при РКП(б) и ВЦИК с апреля 1921 г. начать валютную выписку 20 ведущих эмигрантских газет, включая устряловскую харбинскую «Новости жизни» (позднее «Русская жизнь») и парижского еженедельника «Смена вех». Ленин одним из первых обращает внимание на «сменовеховские» издания и требует через Румянцевскую библиотеку обеспечить ему своевременную доставку в Кремль и в Горки жур. «Смена вех» и газеты «Накануне» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 54, с. 137, 269).

Первоначально идеи «сменовеховства» использовались в чисто пропагандистском плане, в качестве подкрепления, например, осуждения «антисоветского» мятежа в Кронштадте в марте 1921 г.[2]. Однако по инициативе Ленина, усмотревшего в Устрялове и других «сменовеховцах» удобных попутчиков для пропаганды нэпа за границей и

[1] *Львов В. Н.* Советская власть в борьбе за русскую государственность. — М., 1921, с. 5.

[2] Известно, что «сменовеховцы» (Устрялов, Бобрищев-Пушкин, Лукьянов) резко осуждали кронштадтский и антоновский мятежи как подрывающие основы русской государственности. Поэтому «Правда» в разгар кронштадтского восстания 15 марта 1921 г. опубликовала передовую статью, заимствовав основную аргументацию против мятежников из сборника статей Устрялова «В борьбе за Россию» (Харбин, 1920) и даже снабдив передовицу заголовком, взятым у «харбинского отшельника», — *Patriotika!*

расширения социальной базы РКП(б) в стране, на Политбюро было принято решение поддержать «сменовеховство». Как справедливо писал один из крупнейших зарубежных исследователей идеологии национал-большевизма в СССР, «сменовеховство соблазняло возможностью привлечь на свою сторону новые широкие массы, до сих пор стоявшие в оппозиции» (*Агурский М.* Указ. соч., с. 159).

Во-вторых, на почве «сменовеховства» столкнулись личные политические интересы соперничающих групп в Политбюро ЦК РКП(б) в борьбе за «кафтан Ленина», прежде всего Троцкого и Сталина.

Что Сталин в конце концов оказался национал-большевиком — это аксиома, никем не опровергнутая.

Но Троцкий, «демон» мировой пролетарский революции? Между тем Лев Давыдович был не менее «гениальный оппортунист» (Луначарский), нежели Ленин. И не случайно один из бывших большевиков-«невозвращенцев» А. Нагловский, очень точно подметил: самым первым «сменовеховцем» был не Устрялов, а Троцкий. Именно он еще в 1918—1919 гг. во время Гражданской войны выдвинул и обосновал теорию и практику т. н. «красного патриотизма», на основе которой сумел убедить и привлечь в РККА тысячи бывших царских офицеров-«военспецов». В устряловском «сменовеховстве» Троцкий сразу увидел продолжение своей практики «красного патриотизма» времен Гражданской войны, который, однако, можно использовать также и в интересах Коминтерна и мировой революции для «броска» либо на Индию (1919 г.), либо на Польшу (1920 г.), либо на Германию (1923 г.), т. к. в природе любого офицерства, «красного» или «белого», заложено главное — исполнение приказа любого «главковерха» неважно какого режима, но лучше все же национально-русского, патриотического.

Поэтому, выступая 26 октября 1921 г. на II Всероссийском съезде политпросвета в Москве, «демон революции» сразу взял быка за рога: «Сменовеховцы, исходя из соображений патриотизма, пришли к выводам, что спасение России в советской власти, что никто не может охранить единство русского народа и его независимость от внешнего насилия в данных исторических условиях, кроме советской власти, и что нужно ей помочь…. Они подошли не к коммунизму, а к советской власти через ворота патриотизма». Троцкий рекомендовал самым широким образом пропагандировать «Смену вех». Особо важно, сказал он, питать этими идеями военных.

«Речь Троцкого, — справедливо отмечал М. Агурский, — является первым заявлением, исходившим от одного из вождей, и указывает на него как на первого адвоката сменовеховства в руководстве, хотя он, видимо, действовал в этом вопросе в полном согласии с Лениным» (*Агурский М.* Указ. соч., с. 160).

Команда была дана, и «Известия» (13 октября 1921 г.), а затем и «Правда» (14 октября 1921 г.) бросились соревноваться в восхвалении «сменовеховства», считая, правда, это своей крупной идеологической победой по расколу антисоветского фронта белогвардейской эмиграции. Похоже, в тот период Ленин и Троцкий надеялись сделать из «сменовеховства» едва ли не целую «нэповскую идеологию» в Советской России, поскольку, как писал главный редактор «Известий» *Юрий Стеклов* (Нахамкис), авторы сборника «Смена вех» выражают «истинное настроение и интересы широких интеллигентских кругов, если не сегодняшнего, то завтрашнего времени».

Однако подлинным адвокатом «сменовеховства» (скорее всего, по подсказке Ленина) стал *Анатолий Луначарский.* Сначала он дал обширное интервью «Известиям», в котором заявил: «Мы будем очень рады, если эта часть эмиграции вернется в Россию и будет сотрудничать с советской властью». Интервью Луначарского звучит как официальное приглашение «сменовеховской» патриотической эмигрантской интеллигенции вернуться на Родину: нарком просвещения выступает не как частный литератор, а от имени «руководящих правительственных и партийных кругов», в которых «с большим интересом наблюдают произошедшую перемену в части русской эмиграции».

Затем, в преддверии XI съезда РКП(б) в марте 1922 г., где с анализом «смены вех» выступает Ленин, Луначарский публикует обширную статью о «сменовеховстве» (жур.

«Культура и жизнь», 1922, № 1). В статье делается обстоятельный разбор сборника «Смена вех» (Прага), сборника статей Устрялова «Под знаком революции» (Харбин) и материалов, опубликованных к тому времени в еженедельнике «Смена вех» (Париж) Юрия Ключникова.

Прежде всего Луначарский задается главным вопросом: как могло случиться, что «правые патриоты» и «активные контрреволюционеры» могли пойти на союз с большевиками? Ответ его таков: «Они потому хватали винтовки против нас, что принимали нас за губителей России как великой державы». Луначарский дает «сменовеховцам» следующую характеристику: «Это национал-либералы, порой почти национал-консерваторы на славянофильской подкладке, выразители наиболее жизненных кругов, наиболее сильных групп средних и только отчасти, может быть, господствующих классов».

Но Лунчарский идет даже дальше того, на что осмелился Ленин два месяца спустя на XI съезде партии, вынужденный балансировать между «пролетарскими доктринерами» из Коминтерна и «термидорианскими прагматиками» из НКИД и Внешторга, — он принимает почти всю «сменовеховскую» концепцию национал-большевизма: «Сейчас сменовеховцы убедились, что советская конституция не противоречит «великодержавности». Присмотревшись к тактике Коминтерна, хотя «криво и ошибочно», они убедились, что эта тактика «идет на пользу великодержавности России, создавая ей на Западе и Востоке друзей среди миллионов угнетенных».

Луначарский идет и еще дальше, указывая на национализм как на социальную силу, которая может сотрудничать с коммунизмом. «Может быть, кроме коммунизма в России есть еще настоящий подлинный буржуазный патриотизм, остаток жизненной силы индивидуалистических групп и классов? Если он есть, то он сгруппируется вокруг своеобразного знамени, выброшенного рыцарями «Смены вех»». Луначарский считает, что сменовеховцы могут надолго оказаться спутниками коммунизма.

В целом это был настоящий панегирик «большевистскому термидору», фактически развивавший мысль Ленина из его беседы с Жоржем Садулем в мае 1921 г. о «самотермидоризации рабочих-якобинцев» и аргументацию в интервью французской журналистке Луизе Вейс в ноябре того же года Чичерина о том, что нэп «есть *настоящий пролетарский термидор*», о чем уже говорилось выше.

Конечно, в позиции Троцкого и Луначарского в их отношении к «сменовеховству» было немало личных мотивов. Оба пришли к большевизму и в большевистскую партию только в августе 1917 г., когда их «межрайонную» меньшевистскую фракцию чохом приняли на VI съезде в РКП(б). А до этого много лет оба ожесточенно полемизировали с Лениным по текущим политическим и фундаментальным философским вопросам, оба были «белыми воронами» в партии (особенно Троцкий) и оба в 1917—1922 г. сохраняли свои позиции в государстве только благодаря личной поддержке Ленина. Оба, как впрочем, и Ленин, к началу 1921 г. хорошо понимали, что большевистская революция, начатая в ноябре 17-го года как «первый этап мировой пролетарской революции», зашла в тупик: в соревновании догматического интернационализма и «буржуазного» национализма последний брал явно верх.

И тут «устряловцы» бросают большевикам некий «спасательный круг» в виде почти марксистской концепции «национал-большевизма», позволяющий большевикам продержаться на плаву до начала мировой революции на Западе (Германия) или Востоке (Китай), которая пока «запаздывает».

Значит, впереди уже не месяцы, а годы жизни и борьбы в «осажденной крепости», и пора искать «попутчиков» не только среди «военспецов» РККА (Троцкий) или богемствующих футуристов (Луначарский), а в более широких социальных интеллигентствующих слоях на платформе некоего синтеза интернационализма и национализма. Но национализма не «почвенного», крестьянского, для которого Троцкий всегда останется «жидом пархатым», а Луначарский «поляком», т.е. все равно «жидом», что действительно будут муссировать их «товарищи по партии» — Сталин, Молотов и

К° после смерти Ильича, а интеллигентные националисты из кадетов типа Устрялова, Ключникова или Потехина и даже Бобрищева-Пушкина из монархистов.

И как справедливо отмечает крупнейший современный американский специалист-историк *Роберт Такер*, вряд ли кому Сталин и сталинисты так обязаны созданием цельной концепции национал-большевизма, как Устрялову, Троцкому, Луначарскому да еще Карлу Радеку[1].

В этом феномене, когда в разработке национальной доктрины («национальной идеи»?) принимают участие «инородцы», в XX веке не было ничего удивительного. Израильский ученый покойный *Михаил Агурский* еще в 1980 г. справедливо отметил, что в подготовке немецкого национал-коммунизма «гамбургской» компартии с 1919 г. принимал участие один из ее лидеров еврей Вольф Гейм (после 1933 г. многие рядовые члены этой партии вступят в гитлеровскую НСРПГ и в 1941 г. с оружием в руках пойдут воевать против «Первого Отечества Мирового Пролетариата» — СССР), с 1923 г. к этому процессу в Германии подключился Карл Радек (за что в 1925 г. был исключен Зиновьевым из секретариата ИККИ). Вообще «сменовеховство» в межвоенной Европе было явлением интернациональным. Нечто подобное Устрялову в «боярской» Румынии делал наполовину поляк Кодряну, в Венгрии — армянин по рождению и вождь фашистских «Скрещенных стрел» Салаши и т. д.

Да и в самой России — кто с 1905 г. создавал черносотенный Союз русского народа»? Разве не крещеные евреи В. Грингмут и Г. Бутоми-Кацман, обрусевшие француз Л. Доррер и немец П. Булацель да еще молдаванин Петру Крушеван? (*Агурский М.* Указ. соч., с. 156).

То-то Устрялов даже несколько напугался, прочитав панегирик Луначарского и хвалебные отзывы Стеклова и Троцкого, но ответил всем им достойно: «Мы с вами, но мы не ваши.… Мы признаем красное знамя только потому, что оно расцветает национальным цветом» (т. е. современным российским триколором, до 1917 г. официальным знаменем Российской империи. — *Авт.*) — *Устрялов Н. В.* Под знаком революции. — Харбин, 1925, с. 49.

ЛЕНИН — ТЕРМИДОРИАНЕЦ?

Французская исследовательница «призрака термидора» в большевистском руководстве 20-х гг. *Тамара Кондратьева* установила, что Ленина в этот период после его «варшавской ошибки» очень волновала проблема интернационального и национального, соотношения мировой и национальной революций, роли золота и денег в условиях нэпа, функций «спецов» — чтобы «спецам, как особой социальной прослойке… жилось при социализме лучше, чем при капитализме, в отношении и материальном, и правовом…» (из «Проекта тезисов о роли и задачах профсоюзов в условиях нэпа», написанных Лениным и опубликованных в «Правде» 17 января 1922 г. — *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 117).

Ленин весь 1921 год внимательно изучал статьи Устрялова и других «сменовеховцев», готовясь к XI съезду РКП(б) в марте 1922 г. Т. Кондратьева указывает, что по «сменовеховству» Ленин подготовил четыре варианта раздела этого доклада — от «мягкого» до «жесткого», но во всех ленинских вариантах неизменным оставался один принципиальный вопрос из устряловской статьи «Эволюция или тактика?»: похоже, Ильич склонялся к принятию *эволюции*, ибо напротив устряловского тезиса-заголовка в одном из черновых набросков плана доклада есть краткая ленинская приписка — «Устрялов в «Смене вех» лучше, чем сладенькое комвранье» (*Ленин В. И.* Планы политического отчета ЦК РКП(б). — Полн. собр. соч., т. 45, с. 409—418. См. также: *Кондратьева Т.* Указ. соч., с. 89).

---

[1] *Robert Tucker*. Stalinizim. — New-York, 1977, p. 605.

И хотя в конце концов Ленин по тактическим внутрипартийным мотивам остановился на «жестком» варианте («враг говорит классовую правду», сменовеховство — это «идеология буржуазного перерождения» и т. п.), если взять все ленинские устные и письменные выступления и особенно его конфиденциальную переписку с «термидорианскими прагматиками» (Красиным, Чичериным, Сокольниковым и др.) за год — с марта 1921 г. (декларация о введении нэпа на X съезде) до марта 1922 г. (программа нэпа на XI съезде), то картина существенно изменится.

Вот как выглядит «сменовеховская» программа В. И. Ленина в 1921—1922 годах:

Июнь — июль 1921 г. — III Всемирный конгресс Коминтерна в Москве. Из выступления Ленина на конгрессе: «Свобода торговли означает свободу капитализма, но вместе с тем новую его форму. Это значит, что мы, до известной степени, заново создаем капитализм. Мы делаем это совершенно открыто. Это — государственный капитализм». — *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т.45, с. 48.

Ноябрь 1921 г. — «Правда», статья Ленина «О значении золота теперь и после полной победы социализма» [ответ на «сладенькое комвранье»]: «Настоящие революционеры погибнут (в смысле не внешнего поражения, а внутреннего провала их дела) лишь в том случае... если потеряют трезвость и вздумают, будто “великая, победоносная, мировая” революция обязательно все и всякие задачи при всех обстоятельствах во всех областях действия может и должна решать по-революционному». — Там же, т. 44, с 223.

Февраль 1922 г. — Ленин пишет записку главному редактору «Правды», предлагая перепечатать очередную статью Ю. Ключникова из парижского жур. «Смена вех» о предстоящей Генуэзской конференции (там же, т. 44, с. 380), а затем записку Чичерину — включить «сменовеховца» Ключникова в состав экспертов советской делегации в Генуе. — Там же, т. 54, с. 157.

Март 1922 г. — Из выступления Ленина на XI съезде РКП(б) в ответ на завуалированную критику председателя Коминтерна Г. Е. Зиновьева, что нэп с его госкапитализмом и поддержка «сменовеховца» есть отступление от Маркса: «Никакой Маркс и никакие марксисты не могли бы этого (т. е. нэпа. — *Авт.*) предвидеть. И не нужно смотреть назад». — Там же, т. 45, с. 117.

Но в целом доклад Ленина на XI съезде непоследователен: в отличие от Троцкого и Луначарского, он не берет «сменовеховство» под безусловную защиту — доктринер мировой революции продолжает в нем тяжелую внутреннюю борьбу с «термидорианским прагматиком», борьбу, которая в конце концов погубит Ильича физически, завершившись в декабре 1922 г. двумя ударами и параличом.

И действительно, на XI съезде Ленин столкнулся хотя и с закамуфлированной обычной марксистской фразеологией, но мощной оппозицией противников «буржуазного перерождения» во главе с Зиновьевым. Последний, считавшийся как бы «официальным учеником» Ленина и едва ли не его преемником (как же, в шалаше в Разливе с Ильичем скрывались, вместе «Государство и революцию» там писали!?), в критике «сменовеховства» был бескомпромиссен: это очередная идеологическая атака мировой буржуазии на большевиков.

Но, пожалуй, только один *Давид Рязанов* из всех делегатов XI съезда осмелился публично назвать доклад Ленина «сахарными пряниками» за его примиренчество в отношении грозящего партии «буржуазного перерождения».

Но в выступлениях ряда делегатов съезда звучали и чисто конкретные опасения за кадровую политику Ленина и Политбюро. Один из лидеров украинских коммунистов и будущий «национальный уклонист» *Н. А. Скрыпник* прозрачно дал понять, что «сменовеховство» есть возрождение русского шовинизма, лозунга «единой и неделимой России» деникинцев и врангелевцев, что на практике ведет «к ликвидации… государственности рабочих и крестьян», т. е. к преобладанию в управлении СССР эпохи нэпа *интеллигенции* («спецов»).

Принятая XI съездом резолюция «Об укреплении и новых задачах партии» явно носила характер компромисса и колебаний самого Ленина, оставляя проблему «сменовеховства» как бы в подвешенном состоянии. Она была сведена, как уже говорилось выше, к тезису Ленина о «нехватке культурности тому слою коммунистов,

который управляет» [страной] (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 95). Но вот с «культурностью» в партии дело как раз и обстояло из рук вон плохо. Чем дальше продвигалась страна по пути нэпа, тем больше рос культурный разрыв между фактическими руководителями экономики страны — партийной интеллигенцией и спецами — и партией в целом, состоящей в основном из малообразованной массы, набранной по анкетному признаку из «рабочих от станка» (при 6-месячном кандидатском стаже). Подготовка собственных «партспецов» только начиналась, и в партии усилиями аппаратчиков во главе со Сталиным, лишенных реальной возможности прямо влиять на рыночную экономику, *росло неприятие нэповской модели социализма*.

К тому же в центральном и губкомовских аппаратах сохранился распределительный «талонный» режим. Ссылаясь на то, что партмаксимум — от 125 до 200 руб. жалованья в месяц — не позволяет работникам аппарата покупать продукты и промтовары на рынке (квалифицированный рабочий, к примеру электромонтер, зарабатывал до 300 руб. в месяц), Сталин добился сохранения для партийной верхушки режима «военного коммунизма»: ее обеспечение шло через Управление делами ЦК ВКП(б) в виде пайков, госдач, путевок в санатории и т. д. Характерно, что вскоре после введения нэпа секретариат ЦК РКП(б) ввел для партноменклатуры (75 тыс. человек вместе с членами семей) свой «нэп» — продуктовый месячный паек: 1,2 *кг* мяса, по 1,2 *кг* масла и сахара, 162 папиросы и три коробки спичек (все это бесплатно!). Наркомфин *Григорий Сокольников* в 1924 г. предлагал отменить партмаксимум и пайки, повысить аппарату жалованье, поставив его в зависимость от эффективности руководства экономикой, но Сталин ограничился повышением партмаксимума для коммунистов, занятых в экономике, до 360 руб.

Таким образом, с 1921 г. вся страна жила по законам нэпа, а партаппарат — по правилам «военного коммунизма». Аппаратчик (особенно в провинции на уровне уезда) оказался в положении советского туриста времен Брежнева за границей: прилавки и витрины ломились от изобилия, а валюты в кармане — кот наплакал. Можно себе представить, как он ненавидел и мировую, и нэповскую буржуазию!.

Сейчас стало модным вспоминать сталинское определение партии как своего рода ордена меченосцев. Но мало кто обращает внимание на то, что этот образ возник у Сталина в июле 1921 г., т. е. с началом крутого поворота к нэпу. Еще реже пишут о том, что эта ультрасектантская концепция «меченосцев» — завоевателей в собственной стране — широко поддерживалась рядовой партийной массой, этими рядовыми «протопопами аввакумами» с маузерами и криком — «партбилет на стол!». Герои классиков советской литературы — платоновский Пашинцев, хранитель «революционного заповедника» военного коммунизма в годы нэпа из романа «Чевенгур», и шолоховский Макар Нагульнов из «Поднятой целины» с наганом в одной руке и англо-русским словарем в другой — взяты авторами из реальной жизни.

В дни борьбы с «новой оппозицией» Г. Зиновьева и Л. Каменева, выступавших под флагом защиты доктрины мировой революции и противодействия «перерождению партии», Бухарин получил письмо от молодого рабочего с требованием немедленной отмены нэпа и объявления революционной войны международному империализму. «Конечно, — писал рабочий, — нас может ждать и поражение, но без риска до коммунизма не дойдешь — или пан, или пропал». Но что там молодой ленинградский пролетарий, когда в самой верхушке партии, в ее аппарате через полгода после смерти Ленина начался откровенный саботаж основного нэповского лозунга «учиться торговать». Тот же Сталин на XIII съезде партии сам сказал об этой антинэповской тенденции: «Обычно у нас делят партийную работу на две категории: категорию высшую — это чисто партийная работа в губкомах, обкомах, ячейках, в ЦК — и категорию низшую, называемую «партийной работой» в кавычках — это работа во всех советских органах, особенно торговых». Понятно, почему слушатели Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова при сообщении, что ЦК намерен 10 тыс. партработников передвинуть в торговлю, захохотали. «Не желают торговать!» — рассказывал на XIII съезде РКП(б) Сталин.

Фактически же нарочито обостренная Лениным через Троцкого и Луначарского проблема «сменовеховства», понимаемая Ильичем как «смена вех» (кадров) в партии в пользу партийной интеллигенции и их «попутчиков» — спецов, без чего невозможно было успешное функционирование внутреннего и внешнего нэпа, объективно привела к острой борьбе в верхушке партии по вопросу — а что же делать с этой «сменовеховской» интеллигенцией внутри и извне страны?

В этом отношении 1922 год оказался показательным, ибо одновременно в этом году происходят *четыре противоречивых события*:

В январе в Берлине начинаются переговоры «**трех интернационалов**»: II «соглашательского» (штаб-квартира в Брюсселе), 2 1/2 «компромиссного» (Вена) и «р-р-революционного» III Коминтерна (Москва). Основные переговоры Радека и Бухарина в Берлине проходили в апреле — мае, но из-за позиции II Интернационала в защиту судимых в Москве эсеров и отказа Ленина уступить в этом вопросе (не выносить на суде смертных приговоров) конференция закончилась ничем — координационный совет трех интернационалов в Берлине так и не был создан[1];

Процесс над 34 правыми эсерами (из них — 11 члены ЦК РПСР, в том числе А. Гоц) проходил 8 июня — 17 августа в Москве и был первым «показательным» процессом, подготовленным ГПУ. По замыслу устроителей, процесс должен был разоблачить «соглашателей», продолжающих практику индивидуального террора против руководителей РСФСР. Были соблюдены все судебные формальности — подсудимых защищали не только их адвокаты, но и «общественные защитники» от ЦК РКП(б) — Бухарин, Луначарский и др., а также специально приехавшие в Москву представители II Интернационала. Однако в ходе процесса стало выясняться, что 12 «подсудимых» — «подсадные утки» ГПУ, предавшие своих товарищей (Г. Семенов, Л. Коноплева и др.).

Поскольку на суде вначале присутствовали иностранные социал-демократы из II Интернационала в качестве «общественных защитников» и наблюдателей, слухи о «подсадных утках» стали просачиваться за рубеж. В частности, эмигрировавший в 1920 г. *Ю. Мартов*, один из учредителей 2 1/2 Интернационала, еще в феврале опубликовал во французской меньшевистской газете «Народник» статью о подозрительной роли Г. Семенова и Л. Коноплевой на предстоящем процессе, к тому же состоявших в родственных отношениях (Коноплева была гражданской женой Семенова). Откровения Мартова неожиданно и с большой помпой «озвучил» на XI съезде РКП(б) в марте председатель ИККИ Зиновьев (позднее оказалось, что Семенов перебежал от эсеров к большевикам еще в 1919 г. и был завербован как секретный агент Разведупром РККА, а его разоблачительная книга «Военная и боевая работа социалистов-революционеров в 1917—1918 гг.» — главный обвинительный «документ» на процессе — была написана им по заказу ВЧК — ГПУ, там же редактировалась и была издана на деньги чекистов в рекордно короткие сроки в феврале 1922 г. в Берлине в «сменовеховском» издательстве)[2].

Чувствуя, что спектакль срывается, большевики, как и в январе 1917 г. на Учредительное собрание, натравили на процесс «народные массы». Сначала перед зданием суда (Дом Советов в Москве) стали проходить многотысячные демонстрации с требованием «смерти убийцам Урицкого и Володарского», «тяжело ранившим тов. Ленина» и т. п. Затем массам дали возможность несколько раз «ворваться» в Колонный зал Дома Союзов — одна из таких попыток едва не закончилась трагедией: «массы» чуть не убили не только «эсеров-террористов», но и их адвокатов, а заодно и… судей?!

В конце концов спектакль свернули. Адвокатов от II Интернационала выдворили из суда (предварительно избив) и из страны, 12 провокаторов оправдали, а остальных во главе с Гоцем приговорили к смертной казни, но Президиум ВЦИК отсрочил

---

[1] См.: «Международная социалистическая конференция [в Берлине]. Стенографический отчет». — М., 1922.

[2] Подробней см.: *Журавлев С.* Человек революционной эпохи (судьба эсера-террориста)// «Хранить вечно» — Спецприложение № 1 к «Независимой газете», 31 марта 2000 г, с. 14.

исполнение приговора на неопределенное время, и Гоц проведет в советских тюрьмах и лагерях почти 20 лет, пока не умрет от болезней и голода 4 августа 1940 г. в одном из лагерей Красноярского края[1].

Но генеральная репетиция — спектакль «суда» — была, тем не менее, проведена: с 1928 г. при Сталине такие «спектакли» станут нормой.

В январе 1922 г. из Советской России **высылается большая группа «левых» меньшевиков** во главе с *Федором Даном;* перед этим они почти год сидят в Москве в Бутырке за «идейное вооружение» участников Кронштадтского матросского мятежа в ожидании смертного приговора (навещаемые, впрочем, членом Политбюро ЦК РКП(б) Л. Б. Каменевым).

Параллельно ГПУ по команде из Политбюро начинает составлять списки «нежелательных интеллигентов», которых лидеры большевиков намерены навсегда выслать за границу. В большинстве своем — это гуманитарии, судя по беседе Дзержинского с Бердяевым в 1922 г., «внутренние сменовеховцы». Тем не менее многих из них (философов, историков, писателей, музыкантов и т. д.), а также деятелей «Прокукиша» (общественного комитета помощи голодающим в Поволжье) сначала в августе сажают под домашний арест, а осенью **на «философском пароходе» через Петроград высылают в Германию**, да вдогонку еще и лишают гражданства РСФСР.

Но в том же году идет и **обратный процесс**: «философские пароходы» везут в Советскую Россию реэмигрантов, в том числе и «сменовеховцев». Причем в этом движении туда-обратно трудно усмотреть какую-либо логику, даже «классовую». Чем, скажем, «внешний сменовеховец» Бобрищев-Пушкин, монархист и консерватор, лучше «внутреннего веховца» Бердяева, либерала и республиканца, непонятно. Но «философские пароходы» снуют туда и обратно, причем ГПУ высылает, а Совнарком, наоборот, принимает (постановление 21 августа 1921 г. о порядке реэмиграции). Причем число высылаемых почему-то сокращается, а принимаемых явно растет. При СТО (Совета Труда и Обороны) в 1922 г. создается даже специальная комиссия по реэмиграции, которая с октября 1922 г. по август 1925 г. выдает персональные разрешения на въезд для 2689 крестьян, 3249 рабочих и 1773 интеллигентов[2] (как минимум четыре под завязку загруженных «философских парохода» того типа, на котором высылали Бердяева и К°).

* * *

Объяснение такому феномену может быть только одно — большевики, и главное — сам Ленин, никак не могут до конца определиться — «самотермидоризироваться» ли им по рецептам Устрялова до конца или все же попытаться «подтолкнуть» мировую революцию в Европе, прежде всего в Германии? Сам Ильич, похоже, вначале пытается играть сразу на нескольких «шахматных досках», кроме одной — «доске» мировой революции. Здесь и «доска» встречи с Антантой в Генуе, намеченной на весну 1922 г. и одновременно «германская доска» с Рапалло и фон Сектом (военное сотрудничество). Внутри страны — «доска» суда над эсерами и параллельно «доска» готовящегося суда над Белавиным (патриархом Тихоном, который уже арестован и сидит в тюрьме в ожидании «расстрельного» приговора), активное ограбление в 1921—1922 гг. церквей и монастырей под лозунгом «помощи голодающим Поволжья».

При этом «шахматист» Ленин очень спешит — он чувствует, что времени у него остается все меньше — и без того он все чаще и чаще (с декабря 1921 и до конца марта 1922 г. и с 25 мая по 30 октября 1922 г. лежит в Горках, а с 23 декабря 1922 по 6 марта 1923 г. только с натугой диктовал тексты) с трудом руководит партией, Коминтерном и страной из Горок фактически с больничной койки.

---

[1] Подробней о процессе эсеров в 1922 г. и их дальнейшей судьбе см.: *Енсен Марк (Нидерланды).* Суд без суда. 1922 год. Показательный процесс социалистов-революционеров. — М., 1993.

[2] Сведения даются по: *Костиков В.* Не будем проклинать изгнанье… (пути и судьбы руской эмиграции). — М., 1990, с. 38.

Между тем его соратники видят все это, они в Политбюро уже в курсе секретного медицинского заключения международного консилиума врачей после удара 25 мая 1922 г., что дело со здоровьем у Ильича очень плохо, и начинают уже поодиночке примеряться к «кафтану Ленина», в то же время образуя внутри Политбюро, а затем и в партии и Коминтерне, свои временные фракции и коалиции. При этом общепартийные и общегосударственные дела у этих соратников начинают явно отходить на второй план, хуже того — решение конкретных проблем начинает ставиться в зависимость от личной политической выгоды того или иного большевистского «вождя».

Вначале, на примере подготовки к очень важному для большевиков «саммиту» в Генуе, от которого во многом зависит дипломатическое признание СССР Антантой, Ленин убеждается, что устряловская программа «Великой России» встретит бешеное сопротивление доктринеров мировой пролетарской революции даже внутри ЦК РКП(б). 18 октября 1921 г. (Чичерин подготовил циркулярную ноту Антанте о готовности СССР в принципе признать «царские долги») член ЦК *Евгений Преображенский* предлагает опубликовать через Коминтерн вместо ноты Чичерина «Обращение к мировому пролетариату», который методом забастовок должен заставить (?! — *Авт.*) буржуазию Антанты «открыть широкий товарный кредит Советской власти» («Коминтерн и идея мировой революции», с. 321).

13 февраля 1922 г. своими соображениями по Генуе делится с Лениным незадачливый организатор «мировой революции» в Германии в 1918 г. *Адольф Иоффе*. Что же предлагает большевистский полпред, не забывающий упомянуть в этом письме о своем «дипломатическом опыте»? А вот что: «Нельзя упустить такой трибуны, как Генуя, не изложив нашей программы, тем более что мы обязаны делать это в интересах мировой революции» (там же, с. 339). Реакция больного Ленина (в феврале 1922 г. он еще в Горках) на такое предложение показательна: на полях абзаца с этим предложением он делает пометку — «Ха-ха!» (там же, с. 341).

Зато Ленин явно одобряет предложения Чичерина, направленные в Горки 25 февраля 1922 г. Они явно «термидорианские» и вполне «сменовеховские»: спекуляция на мировой революции в Генуе навсегда закроет Советской России доступ к иностранному капиталу на Западе. Вывод Чичерина прямо противоположен предложениям Иоффе: «Иностранный капитал должен из всей совокупности фактов и, в частности, из всей совокупности наших выступлений в Генуе сделать вывод о том, что наш курс на сделку с капиталом является прочной и длительной системой. Если наши выступления в Генуе будут идти с этим вразрез, результатом будет то, что мы будем продолжать гибнуть без транспорта и с разоренным сельским хозяйством» (там же, с. 348).

Как известно, в конечном итоге Ленин поддержал Чичерина и других «прагматиков», а не Преображенского, Иоффе и Радека, тоже предлагавшего устроить из генуэзской конференции некое шоу с разжиганием мировой революции.

Борьба «пролетарских доктринеров» и «термидорианских прагматиков» продолжалась и на «внутреннем фронте». Едва 25 мая 1922 г. Ленин снова серьезно заболел и слег в Горках, как Зиновьев начал открытую атаку на «внутреннее сменовеховство» в Петрограде, своей партийной вотчине. По его команде Петроградский исполком закрыл «сменовеховский» журнал «Новая Россия», издававшийся тогдашним единомышленником Устрялова *Исаем Лежневым.* Об этом каким-то образом стало известно больному Ленину, и он, не мешкая, вступился за Лежнева. Ильич предпринял такой ход: он потребовал от членов Политбюро за три дня прочитать очередной номер лежневского журнала и вынести затем свои суждения в виде решения. В итоге Политбюро отменило решение Петроградского исполкома. Но Зиновьев закусил удила. Он заставил исполком — неслыханное в практике СССР дело! — обжаловать решение Политбюро в ЦК РКП(б). И начались типичные для тех времен игры во внутрипартийную демократию. Решение вопроса о беспартийном журнале Политбюро передало на рассмотрение Госиздата, а тамошние «мудрецы» предложили бюрократический компромисс — решение исполкома оставить в силе, но по большевистской традиции разрешить Лежневу издавать в Петрограде тот же журнал, но под новым названием.

Но Зиновьев и здесь — ни в какую. Тогда уже Политбюро пришло в ярость — оно передало вопрос во ВЦИК, и тот в июне 1922 г. отверг зиновьевскую фанаберию, оставил первоначальное решение Политбюро в силе, но перенес издание журнала в Москву под «новым» названием — не «Новая Россия», а просто «Россия» и с тем же главным редактором Лежневым. С августа 1922 г. журнал начал регулярно выходить в Москве (все перипетии этого дела кратко даны в комментариях к: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч.. т 54, с. 265—266). И снова «доктринеры» в борьбе с «термидорианцами» потерпели пусть и частное, но поражение.

Еще один удар был нанесен Зиновьеву при закулисной поддержке Ленина в вопросе высылки «сменовеховской» интеллигенции из России осенью 1922 г. Правда, Ленин и сам был замешан в этом деле. Ведь именно по его прямому указанию был закрыт журнал «Экономическое возрождение» как «антисоветский». Не нравились ему и писания философов Бердяева, Франка и Степуна. Короче, на Политбюро было принято принципиальное решение выслать «философских смутьянов» за границу (но при этом почему-то историков будущей «антимарксистской школы Тарле — Платонова» в Петрограде не тронули?), причем рьяным сторонником изгнания выступал прежде всего Зиновьев.

Но исполнение решения Политбюро далее пошло по бюрократическим каналам. Составление списков высылаемых поручили ГПУ (куда посыпались доносы завистливых коллег), а контроль за «содержательную» сторону возложили на специально созданную при Секретариате ЦК РКП(б) комиссию партийных публицистов, у которых к Бердяеву и К^{o} были свои претензии. Словом, списки раздули до таких размеров, что хоть всех имевших хотя бы гимназическое образование, но беспартийных, высылай! А когда в августе 1922 г. потенциальных «высылантов» стали отстранять от работы и сажать под предварительный домашний арест, тут уже заволновались в ВСНХ, Госплане, Совнаркоме, СТО и наркоматах — оказывается, ГПУ вкупе с комиссией Секретариата ЦК решили выслать едва ли не всех «спецов»!

Наркомы побежали к Ленину, и одним из первых — наркомфин Г. Сокольников: у него «замели» самого «отца» финансовой реформы (золотой червонец) проф. Л. Н. Юровского, ученого-финансиста с мировым именем, чьи труды только что были переведены и изданы в Англии и Германии. Что же ему инкриминировалось? Да ни мало ни много «вредительство» — он, видите ли, требует полного разоружения СССР и ликвидации РККА….

Ленин понял — начинается нешуточная борьба малограмотных партфункционеров при поддержке лакействующих «партлитераторов» против беспартийных интеллигентов — «спецов». Он поручил Сокольникову разобраться с Юровским. Вскоре коллегия Наркомфина, членом которой был Юровский, установила: в основе всего — банальный печатный донос (статья в «марксистском» журнале «Народное хозяйство») одного из членов комиссии партийных публицистов В. Н. Саробьянова, усмотревшего в статье Юровского, опубликованной ранее в журнале «Экономическое возрождение», выпад против РККА: видите ли, профессор предлагает сократить бюджетный дефицит страны за счет намечающегося правительством сокращения РККА (что, как известно, и было сделано в 1924—1925 гг. в ходе военной реформы)[1].

Словом, даже Ленин понял — заставь партийного дурака или приспособленца из «партлитераторов» богу молиться, он… всех нужных советской власти «спецов» разгонит. А с кем тогда нэп строить? С Зиновьевым или Саробьяновыми? И Юровского и еще несколько десятков «спецов» немедленно вычеркнули из проскрипционных списков и восстановили на прежней работе. Иное дело — философы. Этих Ленин не жалел: ни червонец придумать не могут, ни ГОЭЛРО осилить, ни Днепрогэс спроектировать. Да что там — на коммунистическом субботнике вдвоем одну совковую

---

[1] *Голанд Ю.* Л. Н. Юровский. Портрет на фоне эпохи (предисловие) // *Л. Н. Юровский.* Денежная политика советской власти, 1917—1927. // Избранные статьи. — М., 1996, с. 8.

лопату не поднимут, не то что «ленинское» бревно. Туда им и дорога, хлюпикам-интеллигентам…

И вдруг снова — новый удар судьбы: 16 и 23 декабря 1922 г. один за другим два инсульта. Ленин парализован, и вся его программа «самотермидоризации» идет под откос. Его соратники начинают смертельную борьбу за власть, за дележ «кафтана» Ленина, и им уже не до мировой революции и не до устряловской «великой и неделимой» России.

1923 ГОД. ПОДКОП ПОД НЭП

Столкновение Зиновьева с Политбюро (а фактически с больным Лениным) в мае — июне 1922 г. из-за лежневского журнала «Новая Россия» было не единственным и далеко не случайным. Гораздо большее значение во внутрипартийной борьбе «вождей» за «кафтан Ленина» имела предыдущая интрига председателя Коминтерна против Политбюро в связи с планировавшимся процессом над эсерами в Москве.

Как стало известным только в 2000 г. по Архиву Президента РФ (бывший фонд Политбюро), «сценарий» суда был утвержден специальным постановлением Политбюро 23 марта 1922 г. (присутствовали Троцкий, Каменев, Сталин, Молотов, Калинин, Рыков, Цурюпа; докладывал начглавразведупра РККА Уншлихт: Ленин отсутствовал по болезни, Зиновьев — по непонятным причинам, хотя был в Москве в связи с XI съездом РКП(б). Главное, что прозвучало на этом заседании из уст Уншлихта, — бывший эсер Г. Семенов — «наш человек», почти «большевистский Азеф», ключевая фигура для политической дискредитации А. Гоца и К^{о}, но надо осадить пыл «партлитераторов» и бывших левых эсеров — ныне членов РКП(б), понятное дело, не знающих об истинной роли Семенова на процессе как «подсадной утки» и поэтому громко осуждающих его «разоблачения» по морально-этическим революционным соображениям.

Исходя из пресловутого большевистского принципа «революционной целесообразности», Политбюро соглашается с Уншлихтом и принимает следующее постановление: «1. Поручить Оргбюро составить циркуляр, согласно предложению т. Уншлихта; 2. Поручить тт. Преображенскому и Ярославскому написать статьи относительно Семенова. О характере и тоне статей переговорить с т. Троцким» (цит. по: *Журавлев С.* Указ. статья, с. 14). Но именно этот последний пункт — «переговорить с т. Троцким» — вызывает ярость Зиновьева. Почему опять с ним, с этим «Иудушкой»? По «сменовеховцам» выступает он, по эсерам — опять он, а где же формально первое лицо в мировом коммунистическом движении — председатель Коминтерна?

И Зиновьев берет на себя роль бывшего начальника Департамента полиции Лопухина, как известно, выдавшего трем членам ЦК партии эсеров в 1909 г. провокатора охранки Евно Азефа, с той разницей, что Зиновьев выдает «Азефа» — Семенова не трем, а сразу всем членам ЦК РКП(б), да еще и рядовым делегатам XI съезда партии. Но делает это весьма иезуитски: Зиновьев, конечно, не говорит открыто, что Семенов и Коноплева «подсадные утки» Уншлихта (у него на руках, как члена Политбюро, постановление от 23 марта 1922 г.). Но он клеймит этих «уток» с трибуны съезда публично как едва ли не убийц Володарского и Урицкого, «тех самых террористов, от рук которых т. Ленин до сих пор носит две пули в своей груди…».

И не беда, что ни Семенов, ни Коноплева не участвовали в 1917—1918 гг. в этих покушениях — все равно, по Зиновьеву, они оба «самая оголтелая террористическая группа эсеров»[1]. Главное — «уесть» Троцкого, показать Ильичу, что его будущий преемник (а Зиновьев знал, что Ленин все более и более склоняется в пользу «демона революции») никчемный болтун, партийный литератор типа «богоискателя» Луначарского, неспособный выполнить решение Политбюро, не чета ему, Григорию Евсеевичу, твердокаменному марксисту-ленинцу, главе мирового коммунистического движения за всемирную пролетарскую революцию.

---

[1] «Одиннадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет». — М., 1961, с. 225—226.

С этого выступления на XI съезде партии в марте 1922 г. Зиновьев уже не останавливается в своих пока закамуфлированных атаках на Ленина и Троцкого, избрав в качестве прикрытия «идеологию буржуазного перерождения-сменовеховства» и встречая полную поддержку доктринеров мировой революции в партии и партийных литераторов типа «школы Покровского». Поводом для возобновившихся атак партийной печати на «сменовеховство» стал все тот же судебный процесс над эсерами в Москве. В июле 1922 г. в газете Ключникова «Накануне» появилась довольно нейтральная заметка о процессе, где робко высказывалось пожелание соблюдать на суде общепринятые юридические процессуальные нормы. Тут же в передовой «Правды» 23 июля звучит резкая отповедь — а, собственно, с кем вы, «сменовеховцы»? Вы кто — «приживальщики революции» или борцы за нее? Уже звучит намек, позднее выраженный М. Н. Покровским в его докладных в Политбюро относительно того, что для всех «попутчиков» «дверь в Чека всегда гостеприимно открыта»….

Но это было только начало. Через четыре дня, 27 июля 1922 г. «Правда» публикует большую статью *Андрея Бубнова*, заведующего Агитпропом ЦК РКП(б), с развернутой критикой «сменовеховства» с позиций Зиновьева. Пока Бубнов иносказательно критикует только Луначарского и Троцкого, не трогая Ленина. Но умеющим читать между строк партийцам уже ясно — началась партийная атака сторонников Зиновьева на «сменовеховскую» идеологию нэпа, причем устряловские идеи произвольно толкуются расширительно: в «сменовеховцы» зачисляются и фракционные группы в РКП(б) — «децисты» и «рабочая оппозиция».

Более того, к «сменовеховцам» начинают подключать вообще всех лояльных советской власти «спецов», в частности, двух крупных экономистов — промышленного проф. *Николая Кондратьева* и аграрного проф. *Александра Чаянова*, которых партийные публицисты пока объявляют всего лишь лидерами «кооперативного сменовеховства» (жур. «Большевик», 1925, № 15). Время, когда оба они сядут на скамью подсудимых на сталинских процессах «спецов-вредителей» начала 30-х гг., еще впереди, но идеологическая подготовка к этому под руководством Зиновьева уже идет с 1922 г.

Свой первый реванш за поражения на Политбюро в марте и мае — июне 1922 г. Зиновьев берет на XII партконференции РКП(б) в августе того же года в докладе, симптоматично озаглавленном «Об антисоветских партиях и течениях». Ленин с 25 мая болен, лежит в Горках, сформирован уже «триумвират» — Зиновьев, Каменев, Сталин, и председатель Коминтерна начинает открытую атаку на «сменовеховский» нэп Ленина, пока по-прежнему не называя его имени и с опаской поглядывая на Троцкого, сидящего в зале конференции.

Зиновьев явно атакует ленинское понимание «смены вех» (партийных кадров), прикрывая этот ключевой тезис доклада ссылками на устряловское «сменовеховство»: «Было бы коренной ошибкой ждать (от «сменовеховцев». — *Авт.*), что они действительно… станут поддерживать коммунистов». При этом Зиновьев сознательно искажает мысль Ленина: он никогда не говорил, что намерен *заменять* все кадры партии на вернувшихся в Советскую Россию «сменовеховцев» (да это практически было невозможно — два десятка «устряловцев» никак не могли в одночасье заменить 400 тыс. членов РКП(б)). Ленин предлагал *выдвигать* в условиях нэпа на руководящие посты образованную, «культурную» партийную интеллигенцию типа Красина, Чичерина или Сокольникова, сочетая это выдвижение с лояльными советской власти «сменовеховскими спецами». Но возразить Зиновьеву было некому: Ленина не было, а Троцкий почему-то предпочел промолчать.

Впрочем, до полного отрицания ленинской концепции «смены вех» в партийном аппарате на этот раз на конференции дело не дошло. В резолюции, составленной по принципу партийной эквилибристики — «с одной стороны», но «с другой стороны» — сам принцип привлечения «спецов» к социалистическому строительству не отрицался, но нагнетались страхи в отношении «идеологической зловредности» в устряловском движении: «сменовеховцы» — это и буржуазные реставраторы, и объективные

союзники меньшевиков и эсеров, а за уступками в экономике «сменовеховцы» потребуют уступок в политике в сторону буржуазной демократии и т. п.[1]

Но конференция создала все же атмосферу подозрительности к «спецам», и высылка Бердяева и других «философских смутьянов» воспринималась рядовыми членами партии как прямое выполнение директив форума РКП(б). Тем более, что Зиновьев после конференции еще и выступил на страницах «Петроградской Правды» против декрета Совнаркома об амнистии рядовым участникам «белого движения».

Такова была обстановка в партии и государстве накануне решающего для «пролетарских доктринеров» 1923 года. В нем доминируют два главных события:

— 17—25 апреля 1923 г. — XII съезд РКП(б) как «съезд победителей» над ленинской «сменовеховской» концепцией нэпа;

— октябрь — ноябрь 1923 г. — авантюрная попытка Зиновьева — Сталина искусственно поднять мировую пролетарскую революцию в Германии, закончившая грандиозным провалом, сопоставимым разве что с военной катастрофой под Варшавой в августе 1920 г.

На XII съезде уже полностью господствовала «тройка», и отчетный доклад от имени ЦК РКП(б) впервые делал не Ленин, а Зиновьев как член Политбюро и председатель Коминтерна (хотя первоначально Сталин на Политбюро предложил сделать доклад Троцкому, как второму лицу в партии после Ленина, но «демон революции» почему-то категорически отказался).

Роли были заранее распределены. Зиновьев теоретизировал, Сталин, впервые выступивший с крупным докладом по национальному вопросу (в декабре 1922 г. был создан СССР, и с 1923 г. началась подготовка его конституции, которая, однако, была принята только в июле 1924 г.), громил «сменовеховство» как своеобразную форму русского великодержавного шовинизма, а заодно — в скрытой форме — «попутчиков» Устрялова в руководстве партии, т. е. Ленина, Троцкого, Луначарского и др. На деле все это выглядело верхом лицемерия: ведь именно Ленин из Горок прислал на съезд письмо (оно было скрыто от рядовых делегатов), где не кто иной, как Сталин обвинялся в великодержавном шовинизме за свой проект «автономизации» СССР.

И хотя Сталин, а за ним — и Зиновьев, еще раз выступивший в прениях по докладу «Кобы», говорили об угрозе великорусского шовинизма в партии и в стране, целили они в «нэповскую» партийную интеллигенцию и ее союз с беспартийными «спецами». Особенно свирепствовал Зиновьев: надо «каленым огнем» выжечь, топором «подсечь головку нашего русского шовинизма», иначе через два-три года нэпа «пролетарские доктринеры» потеряют «все, что мы имеем».

Один из ораторов-зиновьевцев расшифровал понятие «русские шовинисты». Оказывается, он сосредоточен в советском госаппарате, в наркоматах, и проводится не столько великороссами, сколько «русифицированными евреями» (явный намек на Троцкого).

Исходя из общей тайной установки «тройки» (как мы увидим ниже, позднее сильно напуганной «завещанием» Ленина, прочитанным Каменевым на закрытом пленуме ЦК РКП(б) накануне открытия XII съезда 15 апреля 1924 г. и предлагавшей сместить Сталина с поста генсека), что развитие нэпа автоматически означает их поражение как лидеров партии, Коминтерна и СССР, резолюция XIII съезда гораздо резче осуждала «сменовеховство» как идеологию нэпа, чем предыдущая партконференция: «пережитки [великодержавного шовинизма]… получают подкрепление в виде новых сменовеховских великорусских шовинистических веяний, все более усиливающихся в связи с нэпом» (там же, т. 1, с. 713).

Забегая вперед, отметим, что хотя Троцкий косвенно, через защиту близкого к «сменовеховству» нового идейного движения эмиграции — «евразийства», взял Устрялова под защиту, фактически ответ Зиновьеву и Ко он дал через семь месяцев после XII съезда, в декабре 1923 г. уже после провала авантюры с мировой революцией в

[1] «КПСС в резолюциях и решениях», т. 1. — М., 1960, с. 671.

Германии, к которой, впрочем, он был очень даже причастен. Троцкий, по-видимому, после консультации с Лениным в Горках до 6 марта 1923 г., попытался «перевести стрелку» с партийных разговоров о «*буржуазном* перерождении» и «*термидоре*» в условиях нэпа на угрозу *бюрократического* перерождения, что шло в русле последних ленинских статей на ту же тему.

Выступление Троцкого совпало с серией крупных рабочих забастовок на промышленных предприятиях летом и осенью 1923 г. Дело в том, что нэп не сразу (как это изображалось в некоторых советских книгах и кинофильмах, показывавших заваленные черной икрой и осетриной прилавки магазинов) принес основной массе граждан достаток, особенно в городах. Да, «нэпманы» уже с 1921 г. могли покупать икру, но рабочие от перехода к рынку вначале существенно пострадали. Раньше, при «военном коммунизме», им гарантировался «партмаксимум» — столько-то хлеба, крупы, мяса, папирос и т. д. — и все бесплатно: «распределиловка». Теперь большевики предлагали все покупать за деньги. А настоящих денег, золотых червонцев (они появятся только с 1924 г.), еще не было — их по-прежнему заменяли «совзнаки». В октябре 1921 г. головотяпы из Наркомфина напечатали их столько, что началась гиперинфляция — цены к маю 1922 г. возросли в 50 раз! И никакая «получка» рабочих за ними не успевала, хотя тогда уже был введен индекс роста зарплаты с учетом роста цен. Это-то и вызвало рабочие забастовки в 1922 г. (около 200 тыс. человек) и в 1923 г. (около 170 тыс.).

И как результат — в партии и профсоюзах возникли новые фракционные чисто пролетарские оппозиционные группы, которые возглавили старые члены партии «от станка» — «Рабочую правду» петроградский металлист Богданов, участник рабочих марксистских кружков еще в 1889 г., а «Рабочую группу» — мотовилихинский «пушкарь», член партии с 1906 г., участник расстрела вел. кн. Михаила Александровича *Гавриил Мясников* (1889—1945 гг.)[1].

Сначала Троцкий в серии больших статей «Новый курс» в «Правде» (11, 28 и 29 декабря 1923 г.), а затем в отдельной брошюре под тем же названием, дополненной новой главой «Бюрократизм и революция» и вышедшей в начале 1924 г., пытался убедить партийцев, что угроза *«перерождения»* (термидора) исходит не от «сменовеховцев» с их действительно великорусским шовинизмом и не от нэпа, а от *«бюрократизации»* аппарата партии и государства, к тому же никак не могущих разделить свои хозяйственные функции от политических. Конечно, такая «уводящая в сторону» постановка вопроса о причинах «самотермидоризации» большевиков не снимала саму проблему о перерождении пролетарских якобинцев в национал-большевиков, но новая постановка вопроса о *бюрократизации* в СССР переживет и Троцкого, и Сталина, и Горбачева с Ельциным, и почти в том же виде, что и у Троцкого в 1923 г., войдет в XXI век в России и других странах СНГ, о чем свидетельствуют очередные реформы госаппарата уже при Путине с весны 2004 г.

Но тогда, в 1923 г., еще были широко распространены иллюзии, что все трудности в СССР исходят только из двух источников: проклятого царского прошлого (его мы преодолеем сами) и «капиталистического окружения», откуда и идет основная волна идей шовинизма (через «сменовеховство»), национализма, термидора и т. п. Вот сокрушим с помощью мировой революции эту цитадель мирового капитализма хотя бы в одной крупной, промышленно развитой стране — например, в Германии, а за ней — в Англии, Италии и на Балканах — и тогда сразу заживем «по-коммунистически».

Эта химера — для рядовых членов партии типа Пашинцева и Нагульнова. Для себя же «тройка» ставила вполне конкретную задачу: пока существует нэп — будет угроза борьбы за власть между «спецами» и партийными функционерами, а сам нэп вызван прежде всего международной обстановкой — Версальской системой, «санитарным

---

[1] Фигура «пролетарского бунтаря» Мясникова, председателя Пермского губкома РКП(б) в 1920 г., первым выступившего против «бюрократического перерождения» большевиков (в феврале 1922 г. был за это исключен из партии, за организацию «Рабочей группы» в Москве в мае 1923 г. арестован ГПУ и вскоре… выслан в Берлин, как Бердяев и К°) интересна прежде всего разочарованием пролетария в большевизме и его «Исповедью убийцы». — См.: *Мясников Г.* Философия убийства // «Минувшее». Исторический альманах, т. 18. — М. —СПб., 1995.

кордоном», отсутствием необходимых валютных кредитов на развитие экономики СССР.

Ждать еще два-три года (вспомним доклад Зиновьева на XIII съезде), как предлагают Чичерин и Красин, вести с Антантой затяжные дипломатические переговоры (а «царские долги» все равно отдавать нечем) — «потеряем все (т. е. руководящие кресла. — *Авт.*), что мы имеем».

Иное дело — лихой бросок, штурм Берлин, как «штурм» Зимнего: быстро, дешево и эффективно.

«МИРОВАЯ» РЕВОЛЮЦИЯ В ГЕРМАНИИ

Хотя сам Ленин, пока он мог еще выступать, и на III конгрессе Коминтерна в июле 1921 г., и на IV 4 ноября 1922 г., призывал международное коммунистическое движение «учиться нэпу», созданная им же громадная махина под названием «Коминтерн», подобно гигантскому бронепоезду, «стояла на запасном пути», готовая по первому приказу из ИККИ «вперед лететь» и остановка его — только в «коммуне», т. е. на станции «Всемирная пролетарская революция».

Поскольку мировая революция «запаздывала», на IV конгрессе Коминтерна Зиновьев и другие члены ИККИ (но без участия Ленина, который сумел с трудом только раз выступить, да и то поддерживаемый на трибуне Бухариным) решили ее «подтолкнуть». С этой целью в последний день работы IV конгресса, 2 декабря 1922 г., на совершенно закрытом заседании было принято секретное постановление о реорганизации всей структуры Коминтерна. Реорганизация состояла в том, что в ИККИ создавался целый новый аппарат по «нелегальной работе», который возглавила «Комиссия ИККИ по нелегальной работе» под личным кураторством Зиновьева. Общей задачей Коминтерна с 1 января 1923 г. становилась «усиленная подготовка [коммунистических] партий к… нелегальной работе» («Коминтерн и идея мировой революции», с. 415). Иными словами, ставилась чисто бланкистская задача: не хочет мировой пролетариат восставать, так мы его ЗАСТАВИМ…

В Комиссию по нелегальной работе вошли секретарь ИККИ Иосиф Пятницкий, секретарь ЦК РКП(б) Емельян Ярославский, сотрудник секретного отдела ИККИ (позднее — руководитель ИНО ОГПУ) Михаил Трилиссер, немецкий коммунист сотрудник аппарата ИККИ Гуго Эберлейн и секретарь Комиссии Винцас («Витя») Мицкевич-Капсукас, в 1918—1919 гг. — глава советского правительства Литвы.

На Комиссию возлагалось текущее руководство «военок» — военных комиссий секций Коминтерна в странах мира (обычно они носили кодовое название: «военка» при ЦК Германской компартии, например, называлась «Библиотека»). Комиссия руководила также целой сетью секретных военно-подрывных школ ИККИ в СССР (структура которых, кстати, очень походила на «школы рейхсвера» на советской территории в 1923—1932 гг.) и за границей[1].

В общем, вся стратегия подготовки «мировой пролетарской революции» с 1923 г. была механически списана с революции октябрьской — реальные чаяния масс при этом мало учитывались. Раз «контора» — Комиссия по нелегальной работе — создана, а Коминтерн принял постановление — «за работу, товарищи!».

И уже 21 января 1923 г. в Москве собирается закрытое совещание «генштаба» мировой революции в составе руководства ИККИ, ЦК РКП(б) и ЦК Германской компартии. Готов ли немецкий рабочий класс к мировой пролетарской революции именно в 1923 г., — это Зиновьева совершенно не интересует. Если он, «главковерх» миллионных отрядов мирового пролетариата, приказал,— германский пролетарий обязан выполнить! Ленин на заседании «генштаба» отсутствует — он лежит на больничной койке в Горках.

---

[1] Описание посещения таких школ в Подмосковье Иосифом Пятницким подробно дается его сыном Владимиром — См.: *Пятницкий Вл.* Заговор против Сталина. — М., 1998, с. 194—198, 205—208.

Но дискуссия все же возникает — на какую конкретную *дату* назначить начало мировой пролетарской революции и в какой из земель Германии? Одни предлагают приурочить к дню рождения Карла Маркса (май), другие — Ильича (раньше, в апреле), но в конце концов сходятся на 9 ноября 1923 г. — к 5-летию начала Ноябрьской революции 1918 г. Уверенность в победе была столь велика, что «оперативный отдел Реввоенсовета Республики составил даже *календарный план* (выделено нами. — *Авт.*) проведения германской революции, т. е. серии вооруженных восстаний в городах и регионах Германии» (*Пятницкий Вл.*. Указ. соч., с. 326—327).

А начать решили с Саксонии — там в земельном правительстве социал-демократов находятся министры-коммунисты, они «подмогнут» вооруженным отрядам саксонских пролетариев[1], а уж из Лейпцига революционный вал покатится по всей Германии.

Со стороны, из Москвы, ситуация в Германии действительно выглядела предреволюционной. В Веймарской республике с конца 1922 г. началась такая гиперинфляция, которая Советской России в 1922—1923 гг. и не снилась. Цены возросли не в 50, а в 5 тыс. раз!!! Коробка спичек стоила 5 млн. марок, булка хлеба — 25 млн. и т. д. Самой расхожей была банкнота в 100 млн. марок. Разумеется, никаких репараций Германия платить Антанте из-за гиперинфляции не могла. В порядке военных санкций за это Франция в январе 1923 г. ввела в Рурский угольный бассейн свои войска, надеясь компенсировать денежные невыплаты углем, но немецкие шахтеры объявили забастовку. При этом французы намеревались отчленить Рурский бассейн путем создания там марионеточного правительства местных сепаратистов (совсем как большевики в Персии в 1920 г.).

Действительно, гиперинфляция вызвала центробежные тенденции в Веймарской республике. Бавария, памятуя о своей независимости до 1871 г., грозилась выйти из состава республики. В Пфальце местное социал-демократическое правительство тайно вступило в переговоры с приграничной Францией и готовилось «пригласить» французские войска для защиты своей «независимости» (совсем как Польревком в 1920 г. приглашал РККА для «советизации» Польши). Аналогичные настроения распространялись у местных сепаратистов в Рейнской области. Словом, Франция вновь намеревалась создать на своих восточных границах кольцо из «дочерних республик» времен войн Французской революции конца XVIII в. Французское лобби в веймарском парламенте начало проталкивать проект новой конституции — о широком федеративном устройстве Германии. Канцлер Веймарской республики крупный промышленник *Густав Штреземанн* уже объявил о будущем изменении конституции республики в сторону ее федеративного устройства, но Франция тем не менее не отказалась от своего плана разделения западной Германии на «дочерние» провинции под своим протекторатом (за модель брался Рейнский союз Наполеона в 1806—1812 гг.).

О катастрофическом положении в Германии доносили в Политбюро ЦК РКП(б) и большевистские спецслужбы. Весной 1922 г. ИНО ОГПУ (играло тогда роль современной внешней разведки), обобщив сведения агентов Разведупра РККА, ОМС (Отдел международных связей — нелегальная разведка Коминтерна, созданная 15 сентября 1920 г.) ИККИ, шифровки НКИД и собственных агентов, представило в Политбюро ЦК РКП(б) обобщенный доклад о перспективах мировой пролетарской социалистической революции в Германии и других странах Западной Европы. Доклад писался специально для членов советской делегации в Генуе и лег в основу выступления Чичерина на этом первом «саммите» Запада и Советской России. Впоследствии многих историков по Генуэзской конференции удивлял крайне резкий тон доклада наркоминдела РСФСР, якобы постоянного борца за мир, но они тогда еще не знали, что фактический материал доклада был целиком заимствован из «бумаги» ИНО ОГПУ, а текст самого доклада был утвержден на Политбюро с участием Ленина.

---

[1] Неподготовленное выступление в Саксонии за несколько часов подавили броневики рейхсвера под командованием ген. А. Миллера, посланные из Берлина фон Сектом, «другом» СССР по тайному военно-техническому сотрудничеству. Заодно Миллер разогнал и саксонское правительство социал-демократов и коммунистов.

В сей «бумаге» утверждалось, что Западная Европа полностью созрела для мировой революции, особенно в Германии, Польше и Италии («бумага» ИНО ОГПУ подробно изложена в кн: *Пятницкий Вл.*. Указ. соч., с. 325—326). Как позднее оказалось, многие из этих большевистских агентов различных спецслужб, в революционном нетерпении (помните у Ленина — «детская болезнь «левизны» в коммунизме»?) нередко в своих донесениях в Москву выдавали желаемое за действительное.

Карл Радек, назначенный ИККИ ответственным за германскую революцию и не вылезавший из Берлина, совершая изредка «челночные» поездки в Москву, в своих отчетах в ИККИ был явно менее оптимистичен — поддержит ли решение IV конгресса Коминтерна 2 декабря 1922 г. *весь* немецкий рабочий класс? Пока, доносил он в конце октября 1923 г., в бой с капитализмом рвутся лишь те, кто потерял работу, но их явное меньшинство: «Другая [большая] часть мечется, ищет еще выхода без боя» (письмо Радека в Политбюро и ИККИ о положении в КПГ, 29. X 1923 // «Коминтерн и идея мировой революции», с. 430).

Привлечь остальное большинство мог бы националистический антифранцузский лозунг, скажем, «Долой лягушатников!», но КПГ и Коминтерн по принципиальным теоретическим соображениям — как же, ведь они ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ! — не могут призвать немецких рабочих к этому. Но «принципиальность» пролетарского интернационалиста Карла Радека, как и его коллег по ИККИ и ЦК РКП(б) (вспомним их подсадных уток на процессе эсеров 1922 г. в Москве) вытеснялась большевистской «революционной целесообразностью».

Поскольку за полгода пребывания в Германии Радек хорошо изучил настроения немецких рабочих, исходя из этой самой пресловутой «целесообразности», он неожиданно предложил 20 июня 1923 г. на расширенном пленуме ИККИ в Москве и невинность соблюсти (оставаться пролетарскими интернационалистами), и капитал приобрести (вступить в военно-политический союз с нацистами против Антанты). А что, в самом деле, разве фон Сект с его офицерами из рейхсвера — не националисты? И разве не против Антанты они собираются готовить кадры летчиков, танкистов, моряков на территории СССР? Но ведь некоторые офицеры рейхсвера уже стали членами гитлеровской нацистской партии, не правда ли?

В качестве повода для братания немецких коммунистов с немецкими же нацистами Радек предлагает избрать совместную вооруженную борьбу с французскими оккупантами Рейнской демилитаризованной зоны, где за попытку организации теракта против оккупантов был судим военно-полевым судом и расстрелян французами молодой фашист Лео Шлагетер: «Мы не должны замалчивать судьбу этого мученика германского национализма, — заявил Радек, — имя его много говорит немецкому народу… Шлагетер, мужественный солдат контрреволюции, заслуживает того, чтобы мы, солдаты революции, мужественно и честно оценили его…»

Но Радек пошел еще дальше. Он, похоже, искренне считал, что без помощи национал-социалистов успех пролетарской революции в Германии невозможен, поскольку в тот период Гитлер и его рэмовские штурмовики усиленно демонстрировали свой антикапитализм.

«Против кого хотят бороться германские националисты? — спрашивал Радек. — Против капитала Антанты или против русского народа? С кем они хотят объединиться? С русскими рабочими и крестьянами для совместного свержения ига антантовского капитала или с капиталом Антанты для порабощения немецкого и русского народов?… Если патриотические круги Германии не решаются сделать дело большинства народа своим делом и создать таким образом фронт против антантовского и германского капитала, тогда путь Шлагетера был дорогой в никуда»[1].

---

[1] *Радек К.* Портреты и памфлеты, т. 2. — М., 1927, с. 9. Судя по тому, что и в переиздании этого сборника выступлений и статей (1934 г.) автор сохранил свою речь на пленуме ИККИ в 1923 г., он не отказался от своей идеи союза коммунистов и фашистов, что подтверждается и его практикой: в 30-х гг. по заданию Сталина он совершал тайные «челночные поездки» в Берлин к Гитлеру и К°.

Бежавший в 1938 г. в США от Коминтерна и гестапо «двойной агент» Ян Валтин (коминтерновский псевдоним — Рихард Кребс) еще в 1948 г. опубликовал на Западе в своих мемуарах секретную инструкцию секретаря ИККИ Георгия Димитрова (январь 1931 г.) о срочной необходимости тесного союза нацистов и германских коммунистов с целью свержения режима Веймарской республики.

Кажущееся сегодня кощунственным «братание» ИККИ и РКП(б) с фашистами (Великая Отечественная война, газовые камеры нацистов и т. д.) тогда, в 1923 г., представлялось некоторым большевикам лишь тактическим приемом. В конце концов, заключила же Советская Россия 16 марта 1921 г. договор «о мире и дружбе» с Мустафой Кемаль-пашой, хотя «Ататюрк» по своим националистическим взглядам был ближе к Муссолини и Гитлеру, чем к Ленину и Троцкому….

А китайский националист из Гоминьдана Чай Канши, функционеры партии которого с 1921 г. учились в Москве в коминтерновском Коммунистическом университете трудящихся Востока и еще больше, с 1925 г., — в Коммунистическом университете трудящихся Китая им. Сунь Ятсена? И с Чай Канши 31 мая 1924 г. СССР установил дипломатические отношения, а VII расширенный пленум ИККИ («малый конгресс» Коминтерна) в ноябре — декабре 1926 г. вообще объявил будущего китайского генералиссимуса ведущим «Поднебесную» по «некапиталистическому пути» (при Хрущеве то же самое будет делать Международный отдел ЦК КПСС в отношении националистических партий Азии и Африки) и обязал компартию Китая организованно войти в движение Гоминьдан и даже в правительство Чан Кайши («ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае». Документы, 1996, с. 539—540).

И только когда Чан Кайши совершил государственный антикоммунистический переворот 12 апреля 1927 г., а компартия в ответ подняла в Шанхае восстание, Бухарин и Сталин поняли, что они просчитались: скрестить «ужа» (националистов) и «ежа» (коммунистов) не удается ни в Китае, ни в Германии.

А не говорил ли «любимец партии» Николай Бухарин за два месяца до Радека на XII съезде РКП(б) в апреле 1923 г. о «похожести» политических методов большевизма и фашизма, имея, правда, больше в виду Италию Муссолини?[1]

И поэтому неудивительно, что даже «бабушка мировой пролетарской революции» немецкая коммунистка Клара Цеткин выразила свое одобрение речи Радека на пленуме ИККИ[2]. Поскольку, однако, на пленуме далеко не все русские и иностранные коммунисты согласились с предложением Радека, 13 июля 1923 г. он выступил на том же собрании с разъяснением своей позиции. Оказывается, речь не идет о *действительном союзе* с фашистами — это «брак по расчету» (революционная целесообразность? — *Авт.*), но подчеркнул, что «люди, которые могут погибнуть за фашизм», лично ему, Радеку, все же «гораздо симпатичнее людей, которые лишь борются за свои кресла» (цит. по: *Агурский М.* Указ. соч., с. 193).

Но самое удивительное — *председатель Коминтерна пролетарский доктринер-интернационалист Григорий Зиновьев на этом пленуме ИККИ поддержал (?!) Радека — уж так ему хотелось выиграть эту партию любыми, даже краплеными, картами….*

Более того, Зиновьев тогда даже подбросил Радеку «теоретическое» обоснование важности тактического союза немецких коммунистов с нацистами — надо громить социал-демократов как общего врага.

Другое дело, что когда, несмотря на братание немецких коммунистов и немецких нацистов в августе — октябре 1923 г. (ходили друг к другу на партсобрания в пивные, печатали взаимно статьи в своих партийных газетах и т. п.), оба путча — коммунистический и нацистский, в ноябре 1923 г. с треском провалились, Зиновьев тут же отмежевался от Радека, припомнил ему «фашистские» речи на пленуме ИККИ в июне — июле 1923 г. и вообще именно его сделал «козлом отпущения».

На одном из самых первых «разборе полетов» по германской революции 1923 г. (расширенном президиуме ИККИ в январе 1924 г.) Зиновьев обрушился на Радека и руководство компартии Германии (Г. Брандлер, А. Тальгеймер и др.), обвинив их в «оппортунизме» и «не тех» союзниках (нацистах и социал-демократах).

Инструкцию привез в Берлин Карл Радек, а сам Ян Валтин именно для практической работы по установлению твкого союза был направлен в Германию и внедрен в гестапо. — «Вместо мемуаров. Памяти М. Я. Геллера».— М., МИК, 2000, с. 249.

[1] «Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет». — М., 1961, с. 273.

[2] *Raphael Abramovitch.* The Soviet Revolution. — New-York, 1962, p. 257.

На V Всемирном конгрессе Коминтерна в своем докладе 18 июня 1924 г. Зиновьев пошел еще дальше: он уже объединил германских нацистов и германскими социал-демократами в одну партию — «социал-демократия стала крылом фашизма» («Коминтерн против фашизма». Сб. док.— М., 1999, с. 135).

В своей статье по итогам этого конгресса в журнале «Большевик» (1924, 20. IX) Сталин вторит Зиновьеву: «социал-демократия есть объективно умеренное крыло фашизма» (*Сталин И. В.* Соч., т. 6, с. 282).

Любопытно, что когда Сталин уже разгромит «троцкистскую оппозицию», а «разоружившегося троцкиста» Зиновьева хотя и восстановит в партии (1928 г.), но сошлет всего лишь рядовым членом редколлегии журнала «Большевик» он активно использует бредовую идею о «социал-фашистах» (X пленум ИККИ в июле 1929 г.) и военной угрозе СССР со стороны Антанты и европейских социал-демократах как ее прихлебателях, что пропагандистски укрепляло его концепцию «осажденной крепости» (социализма в одной стране).

Именно в 1931 г. немецкие социал-демократы ответили на все эти экзерсисы Зиновьева — Сталина тезисом о «красно-коричневой угрозе» («большевизм и фашизм — это братья» из речи тогдашнего лидера СДПГ Отто Вельса на партийном съезде).

Этот лозунг пережил всех, и в 1993 г. будет возрожден ельцинской командой «демократов» при танковом расстреле «Белого дома», а в 2003 г. уже совсем карикатурно — у лидеров СПС (Чубайс, Немцов, Хакамада) на думских выборах в телевизионной критике блока «Родина» С. Глазьева и Дм. Рагозина.

Поскольку Радек огрызался, и весьма активно, — выступил на V конгрессе Коминтерна летом 1924 г. с двухчасовой речью лично против Зиновьева как «авантюриста мировой революции»[1] да вдобавок выпустил еще двухтомник своих антизиновьевских речей и статей[2], Зиновьев окончательно рассвирепел и расквитался с ним по полной программе.

Весной 1925 г. на очередном расширенном пленуме ИККИ, посвященном «разбору полетов» (провалу «мировой» революции в 1923—1924 гг. в Германии, Болгарии, Польше и Эстонии) он «пристегнет» Радека к руководству ГКП (Брандлер, Тальгеймер — помните, «и примкнувший к ним Шепилов» у Хрущева в 1957 г.?) и за «провал мировой революции в Германии» заодно с немцами отстранит его от работы в Коминтерне[3].

XIII съезд РКП(б) уже официально санкционирует отзыв Радека из русской делегации в ИККИ, но злопамятный Зиновьев добьет его окончательно — съезд не выберет Радека и в состав ЦК, в котором он состоял с 1919 г., будучи заочно выбранным в него по предложению Ленина (Радек в это время сидел в берлинской тюрьме «Моабит» за первую попытку поднять в январе 1919 г. мировую революцию в Германии).

Но все эти «разборки» будут потом, в 1924—1926 гг., и в конце концов они выйдут Зиновьеву боком: на следующем расширенном пленуме ИККИ в феврале — марте 1926 г. против него выступит уже не один Радек, а целая группа иностранных коммунистов — членов ИККИ (Клара Цеткин, Эрколи-Тольятти и др.). Но обвинения будут «по Радеку»: «левак», «авантюрист», «губит святое дело Коминтерна» и т. д.[4] И хотя за всеми этими обвинениями стояла закулисная режиссура Сталина (в 1925 г. «тройка» распалась окончательно, и на XIV съезде ВКП(б) Зиновьев и Каменев вкупе с Крупской уже выступили против «Кобы» как лидеры ленинградской «новой оппозиции»), «лохматому Григорию» от этого не стало легче. А в декабре 1926 г. на VII расширенном пленуме ИККИ уже не Радека, а его отзывают из делегации ВКП(б) в ИККИ и снимают с поста «вождя мирового пролетариата» — председателя Коминтерна.

Но Сталину ленинский Коминтерн как «надсоветская надстройка» (напомним, что ВКП(б) считалась всего лишь «русской секцией» этого главного штаба мировой революции) уже смертельно надоел, особенно, с 1925 г., когда Зиновьев и его новые

---

[1] «Нам предстоит еще завоевать 5/6 земной суши, чтобы во всем мире был Союз Советских Социалистических Республик» — из доклада Зиновьева на конгрессе. См.: «V Всемирный конгресс Коминтерна. Стенографический отчет», ч. 1. — М. —Л., 1925, с. 172.

[2] См.: *Радек К.* Пять лет Коминтерна, т. 1—2. — М., 1924.

[3] «V расширенный пленум ИККИ. 21 марта — 6 апреля 1925 г. Стенографический отчет». — М. —Л., 1925, с. 587.

[4] «VI расширенный пленум ИККИ. Стенографический отчет». — М.-Л., 1926, с. 190—201, 222—231.

друзья — «троцкисты» стали использовать пленумы ИККИ для яростной критики сталинской «кельи под елью» (Зиновьев) — «теории» социализма в одной стране.(см. «Пути мировой революции». Стенограммы VII пленума ИККИ 12 ноября — 16 декабря 1926 г., ч. 1—2. — М.-Л., 1927).

Поэтому, выгнав вместе с Бухариным «Коминтерновского главнокомандующего» — Зиновьева, он одновременно в декабре 1926 г. упразднил и пост председателя ИККИ. Вместо поста одного «вождя» создается «коллективный секретариат» Коминтерна, в котором до октября 1928 г. верховодил Н. И. Бухарин. Но затем как «правого уклониста» отодвинули и его, и все бразды правления захватили «сталинисты» — Молотов, Мануильский, Димитров, Морис Торез, Тольятти-Эрколи и др.

* * *

А пока, летом 1923 г., в Москве — полная эйфория от совсем близкой победы мировой революции в Германии. В середине августа в Москву неожиданно приезжает делегация ГКП во главе с бывшим каменщиком, а ныне лидером немецких коммунистов *Генрихом Брандлером.* Вместе с делегацией прибывает и Карл Радек. У него по-прежнему большие сомнения в успехе выступления — ведь только что, в июле, не удалась всеобщая забастовка рабочих как пролог мировой революции, несмотря на все призывы руководства ГКП.

Однако делегация не согласна с Радеком и несмотря на лето и период отпусков требует немедленного созыва ИККИ. Вопрос только один — немедленная вооруженная поддержка Коминтерном, РККА и ГПУ восстания немецкого пролетариата, который больше не может ждать — он готов к мировой пролетарской революции!

В Москве никого из руководства Коминтерна и РКП(б) нет — «на хозяйстве» один Сталин. Он не решается пока брать на себя одного такие вопросы, как начало мировой революции в Германии. С Лениным не посоветуешься — он очень плох и находится в Горках. А Зиновьев и Бухарин — в отпуске, отдыхают в Кисловодске. Там же и Троцкий, а без него, председателя Реввоенсовета и главы РККА, какая может быть вооруженная помощь германским пролетариям? Да и Радек подзуживает — «не спеши, Коба, не спеши…». Сталин уже один раз с ним согласился — без ведома «тройки», но по совету Радека сообщил руководству ГКП о своем несогласии с всеобщей забастовкой в Германии как несвоевременной. А вдруг на этот раз, в отличие от 1918—1919 гг., в Германии выгорит? Что же, снова слушать упреки Троцкого о том, что он, как и в канун Великого Октября 17-го года, опять проявлял колебания? Ну уж нет, Лев Давыдович, второй раз я тебе такой козырь не дам.

И Сталин шифровками ЦК срочно вызывает всех членов и кандидатов в члены Политбюро, включая и отпускников Зиновьева, Бухарина и Троцкого, в Москву на заседание 21 августа 1923 г. в Кремле. *Борис Бажанов*, только что продвинутый Сталиным в технические секретари Политбюро (он останется им три года, до 1926 г.), оставит в своих эмигрантских «Воспоминаниях» колоритное описание этого заседания. Первым выступил Троцкий. Он словно снова на тачанке перед многотысячной армией РККА им. Коминтерна где-нибудь в Гомеле, накануне ее броска на «труп панской Польши» весной 1920 г., а не перед полутора десятками членов Политбюро и приглашенных (Радек, Пятаков, Уншлихт, Цурюпа и др.): «Вот, товарищи, наконец, эта буря, которую мы столько лет ждали с нетерпением и которая призвана иметь колоссальное значение. Германская революция — это крушение капиталистического мира. Но надо видеть действительность, как она есть. Для нас это игра ва-банк (слышите знакомое ленинское — «сначала ввяжемся в бой, а там посмотрим»? — *Авт.*). Мы должны поставить на карту не только судьбу германской революции, но и существование Советского Союза. Если германская революция удастся, капиталистическая Европа не сможет ее допустить и попытается раздавить ее силой оружия. Мы со своей стороны должны бросить в борьбу все наши силы, так как исход

борьбы решит все. Или мы выиграем, и победа мировой революции обеспечена, или мы проиграем, и тогда проиграем и первое пролетарское государство в мире, и нашу власть в России. Значит, мы должны проявить огромную энергию. Мы слишком запоздали с нашей подготовкой. Германская революция идет. Не слышите ли вы ее железную поступь?.. Не чувствуете ли вы, что это уже вопрос недель?» (Цит. по: *Бажанов Б.* Указ. соч., с. 65—66.)

Это позднее, с 1925—1926 гг., когда Сталин начнет укреплять свои аппаратные позиции в ВКП(б) и ИККИ, он станет говорить о «троцкистской перманентной революции» как о призывах ее «демона»: не «гнить на корню в ожидании мировой революции» (*Сталин И. В.* Соч., т. 6, с. 368). Но в 1923 г. еще очень многие рядовые члены РКП(б), не говоря уже об аппарате Коминтерна, вполне разделяли мысли венгерского интернационалиста и будущего советского академика Е. Варги (20 лет, с 1927 по 1947 г., был директором Института мирового хозяйства и мировой политики АН СССР, лауреат Ленинской премии 1963 г. — Сталин почему-то оставил его в живых, хотя всех его друзей-«троцкистов» расстрелял), который еще в январе 1921 г. писал: «…Существует опасность, что Россия перестанет быть двигателем международной революции. Ибо нельзя умолчать о следующем: в России есть коммунисты, у которых не хватает терпения ждать европейской революции и которые хотят взять курс на окончательную изоляцию России. Это означает заключение мира с империалистами, регулярный товарообмен с капиталистическими странами и организацию всякого рода концессий… Это течение, которое стремиться к тому, чтобы пролетарское государство Россия и его пролетарское хозяйство стабилизировались внутри капиталистического мира, сегодня еще слабо и незначительно. Однако оно может стать сильным, если пролетарская Россия останется длительное время в изоляции»[1].

Но Бажанов видит, что не все члены Политбюро разделяют установку на «или пан, или пропал» (см. выше письмо молодого рабочего Бухарину), и последний, хотя и сочинит в 1928 г. «Программу мировой революции», все же предлагает пока не спешить, а двигаться к ней «черепашьим шагом».

Тем не менее Политбюро выносит вопрос на закрытый пленум ЦК РКП(б).

Личные наблюдения Бажанова подкрепляются опубликованным только в 1995 г. протоколом этого судьбоносного пленума ЦК в августе 1923 г. (см. жур. «Источник», 1995, № 5, с. 117—122).

Разумеется Зиновьев «за» и уже представляет пленуму свои тезисы о формировании мировой революции в Германии. Гораздо более осторожен Сталин: он совсем не хочет, подобно Троцкому, «или выиграть, или проиграть» — он хочет только *выиграть*, но не в Германии, а в СССР. Поэтому осторожно педалирует доктрину неизбежной в этом случае войны Советской России с Францией и Польшей. Скрыто разделяет эти опасения и Каменев, а А. И. Рыков вообще против авантюры в Германии и явно разделяет сталинское дополнение к «тезисам» Зиновьева: «нужно ясно сказать немецким коммунистам, что им одним придется взять власть в Германии».

Карл Радек, конечно, «за», но с той оговоркой, что в этом случае «мы (т. е. Коминтерн. — *Авт.*) должны идти на коалицию с левыми социал-демократами».

Характерная деталь: никто не хочет показывать, что он «празднует труса». Поэтому в конце концов августовский пленум 1923 г. принимает оптимистическую резолюцию: «На основании имеющихся в ЦК материалов … [он] считает, что германский пролетариат стоит непосредственно перед решительными боями за власть»[2].

В развитие этой резолюции:

— Формируется и утверждается секретная комиссия ЦК РКП(б) и ИККИ («четверка») в составе *Карла Радека* (псевдоним «Андрей» — руководитель); *Георгия Пятакова* («Арвид» — зам. руководителя, зам. Председателя ВСНХ и Госплана РСФСР, но одновременно «идейный противник» нэпа как «реформистского отступления от истинно большевистского духа Октября», как «тормоза в выполнении пролетариатом его исторической освободительной миссии»; цит. по: «Политические партии России

---

[1] Цит. по: *Пантелеев М. М.* Коминтерны: взгляд из третьего тысячелетия // Жур. «Антернативы», [М.], 2003, № 2, с. 85.

[2] «Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки», 1923—1939». — М., РОССПЭН, 2001, с. 19.

(энциклопедия)», с. 494); *Василий Шмидт* («Вася» — из петербургских рабочих-немцев, нарком труда РСФСР и СССР, заменил заболевшего Яна Рудзутака); *Иосиф Уншлихт* («Ганс», «Степанов» — в момент утверждения первый заместитель председателя ГПУ, в Германии — руководитель «боевых групп»). В Берлине к «четверке» присоединится пятый — член Политбюро ЦК РКП(б), с 1922 г. полпред РСФСР в Германии *Николай Крестинский* (еще одна «коллизия» НКИД и Коминтерна; в отличие от Раковского, немцы его не объявят «персоной нон грата» за участие в этом подрывном «штабе», и Крестинский пробудет в Берлине до 1930 г., пока его не отзовут в Москву и не назначат замнаркоминдел).

— Троцкого как главу Реввоенсовета срочно вводят в состав русской делегации в ИККИ и поручают подготовить проект формирования «2-й РККА им. Коминтерна» в 200 тыс. конников.

— На финансирование мировой германской революции выделяется гигантская сумма в 300 млн. зол. руб., образующая огромную дыру в бюджете, которую стали затыкать за счет печатания старых совзнаков, что едва не сорвало всю финансовую реформу нэпа (Сокольников и Юровский спасли положение только тем, что пустили в свободную продажу на черном рынке царские «рыжики» и иностранную валюту).

— По всему СССР была объявлена секретная мобилизация всех коммунистов немецкого происхождения (свободное владение немецким — первое условие), а со специального («подрывного») факультета Военной академии РККА были отозваны все слушатели-немцы и направлены в распоряжение Уншлихта — Крестинского в Берлин (в частности, отозван был и руководитель «Библиотеки» ЦК ГПК Герхард Шотт, находившийся в 1922—1923 гг. на стажировке); ставилась задача перебросить 50 тыс. таких «нелегалов» в Германию для подготовки тайных складов с оружием и военного инструктирования «немецких пролетариев».

— Морфлотам РСФСР и СССР был отдан секретный приказ срочно и скрытно собрать в балтийских портах десятки транспортных морских судов-сухогрузов и подготовить их к загрузке зерном и продовольствием со складов РККА[1], а наркомату железных дорог составить график движения «литерных» воинских эшелонов к границам с Польшей и Литвой и Петроградскому морскому порту.

Одним словом, на Политбюро 21 августа 1923 г. и на последовавшем за ним закрытом пленуме ЦК РКП(б) как будто бы принимается серьезное политическое и военное решение о *«броске на Германию»*, что, конечно же, неминуемо вызвало бы крупную войну СССР с Антантой в Европе, *исход* которой был (судя даже по словам фанатика мировой революции Троцкого) *далеко не предопределен.* Тем не менее второй закрытый пленум ЦК РКП(б) в сентябре, хотя и не без колебаний, соглашается с этим решением Политбюро и одобряет тезисы председателя Коминтерна Зиновьева «О германской революции».

Насколько серьезно обстояло дело с германской революцией в 1923 г., свидетельствует и такой факт. Помимо «выносной» комиссии во главе с Радеком в Берлине, Политбюро создает в Москве собственный «штаб германской революции». На Политбюро 23 августа в «штаб» включают Троцкого, Радека, Сталина (затем его заменит Бухарин), Чичерина, позднее подключат Пятакова, Сокольникова и Дзержинского. Именно на этом «штабе» детально обсудят тезисы Зиновьева «О германской революции», внесут в них существенные коррективы (особенно Троцкий), и только после этого Политбюро вынесет тезисы на сентябрьский (1923 г.) пленум ЦК РКП(б), где они принимаются единогласно.

Троцкий рьяно берется за дело. Он отдает приказ приостановить демобилизацию в Красной Армии (осенью 1923 г. намечалось сократить РККА на 50 — 100 тыс. чел.) и начать передислокацию частей (особенно, конницы) из глубинных районов СССР к польской и литовской границам.

«Демон революции» мобилизует и свои «сменовеховские» связи. Дело в том, что еще в 1921 г. он получает весточку из Парижа не от кого-нибудь, а от самого бывшего

---

[1] 13 сентября Политбюро постановляет отправить морем в Германию 10 млн. пудов зерна.

военного министра «временных» *Александра Гучкова,* тоже меняющего «вехи» подобно Устрялову. «Кружок Гучкова» объединяет военных, политиков и философов (в него, в частности, позднее войдет ныне знаменитый философ-эмигрант *Иван Ильин*), которые пытаются «навести мосты» прежде всего с «военспецами» в РККА «брусиловского призыва» 1920 года. Троцкий втайне от Политбюро и ИККИ направляет к Гучкову своего доверенного порученца *Евгения Беренса* (вторым таким порученцем был у него Яков Блюмкин, но он специализировался по Востоку), но не для обсуждения теоретических вопросов «сменовеховства», а для совершенно конкретной задачи: использовать связи Гучкова в русских эмигрантских кругах Литвы и Польши для «броска» 200-тысячного корпуса красных конников через Литву и польский «Виленский коридор» (Виленский край, отторгнутый Польшей у Литвы в 1920 г.) в Восточную Пруссию, а оттуда — в саму Германию и далее к границам Франции.

Григорий Беседовский, с января 1923 г. поверенный в делах Украинской ССР в Варшаве (с сентября того же года — советник объединенного российско-украинского посольства СССР там же), по-видимому, был в курсе этих «наполеоновских» планов «демона революции». Во всяком случае, в своей книге «Сталин» он приводит услышанные от самого Троцкого такие слова: «Германия, основная база европейской экономики, может быть захвачена нами одним ударом. Из провинциальной Москвы, из полуазиатской России мы выйдем на широкую дорогу европейской революции. Она приведет нас к революции мировой. Вспомните о миллионах немецкой мелкой буржуазии, жаждущих момента реванша. В них мы получим резервную армию и перебросим нашу кавалерию с этой армией на Рейн, чтобы двигаться дальше в порядке революционной пролетарской волны. Мы повторим французскую революцию, но в обратном географическом направлении: не с Запада на Восток, а с Востока на Запад будут двигаться революционные армии. Наступил решительный момент. Почти физически можно услышать шаги истории. Она шагает быстро вперед, к революции, к нашей окончательной победе» (цит. по: *Беседовский Г.* Указ. соч., с. 356 — отрывок из кн. «Сталин»).

Авторское отступление

Через почти 80 лет, читая эти откровения Троцкого, возникает сильное желание услышать, как и в случае с Протопоповым, компетентное мнение врачей о «разжижении мозгов» либо, как и с разоблачениями нашего современника Виктора Суворова (Резуна) по поводу Сталина, списать весь этот откровенный военно-революционный бред на писания «предателей-невозвращенцев».

На самом же деле это не «разжижение мозгов» и не «бред», а та самая квинтэссенция доктрины мировой пролетарской революции, под флагом которой Ленин и Троцкий повели большевиков в ноябре 17-го на захват власти. Именно во имя этой доктрины был создан Коминтерн и все его филиалы, включая и нелегальные, брошены гигантские финансовые средства и даже создан сам СССР как пролетарская база мировой революции.

А она все не наступает. Ни через неделю после Великого Октября, ни через месяц-два, ни даже через шесть лет. Между тем частичные успехи пролетарской стратегии налицо — «советизирована» Средняя Азия, Закавказье, даже в Иране недолго просуществовала «Персидская Советская Социалистическая Республика».

И везде там решающий фактор — не местное восстание трудящихся масс против эксплуататоров, а вооруженная сила армий РККА. Даже неудача в Польше в 1920 г. не отрезвила пролетарских доктринеров. Помните, на Девятой партконференции РКП(б) — «Попытка не удалась в этот раз — удастся в следующий» (Лев Каменев).

Да и Ленин, как мы помним, на той же конференции заклинал: «Мы еще раз и еще раз перейдем от оборонительной политики к наступательной, пока мы всех не разобьем до конца».

Вот и верный ленинец Троцкий предлагал их всех «разбить до конца». Но, не очень веря в 1923 г. в спонтанное восстание немецкого пролетариата, он намеревался «советизировать» Германию, а за ней — и Францию по модели «советизации» Закавказья — 200 тыс. красных конников (в Закавказье их роль исполняла XI армия РККА) огнем и мечом из Восточной Пруссии пройдут по остальной Германии вплоть до Рейна. А роль резерва для прорыва Красной Армии сыграют вовсе не пролетарии, а те «миллионы немецкой мелкой буржуазии, жаждущие момента реванша». Как мы помним, у Радека это были национал-социалисты Гитлера. Вот именно их Троцкий и намеревался взять в союзники большевиков, а вовсе не «рабочие дружины» Брандлера или Тельмана.

Конечно, экспансионистская программа Троцкого, прикрытая лозунгом «экспорта революции на штыках», не имела ничего общего ни с Марксом, ни с Энгельсом. И, конечно, прав был еще в 1920 г. старик Шульгин — «Ленин и Троцкий продолжают трубить Интернационал…» («1920 год»). Собеседник Шульгина в этой книге дает очень точный ответ на программу Троцкого 1923 года: «*Фактически Интернационал оказался орудием расширения территории для власти, сидящей в Москве*» (*Шульгин В. В.* Указ. соч., с. 795. — выделено нами. — Авт.)

Но поразительно другое — Сталин, сделавший в 1923 г. все, чтобы не дать Троцкому реализовать его военно-революционный план «броска на Германию», в 1944—1945 гг. осуществит в Восточной Европе именно эту «троцкистскую» программу. В своем выступлении на Политбюро ЦК ВКП(б) с участием руководства ИККИ 19 августа 1939 г. в Москве[1], обосновывая необходимость заключения пакта о ненападении с гитлеровской Германией (пакт Риббентропа — Молотова 23 августа 1939 г. как «пакта нейтралитета» в войне Гитлера с Польшей, Францией и Англией), давал оценку международного положения почти в тех же терминах, что и Троцкий в 1923 г.: «Опыт двадцати последних лет показывает, что в мирное время невозможно иметь в Европе коммунистическое движение, сильное до такой степени, что большевистская партия смогла бы захватить власть. Диктатура этой партии становится возможной только в результате большой войны» («Другая война, 1939—1945», с. 73).

Троцкий предлагал «перебросить нашу кавалерию на Рейн», а Сталин — в случае победы гитлеровской Германии над Францией, где тогда «коммунистическая революция неизбежно произойдет», — «прийти на помощь Франции и сделать ее нашим союзником». Более того, оказывается, «позже все народы, попавшие под «защиту» победоносной Германии, также станут нашими союзниками. У нас будет широкое поле деятельности для развития мировой революции» (там же, с. 75).

Разумеется, в 1945 г. это была бы уже не «конница-буденница», а танки Т-34 маршала Жукова, но что в 1944—1947 гг. советская пропаганда (французские коммунисты входили в правительство генерала Шарля де Голля, а генсек ФКП Морис Торез был в нем вице-премьером) называла Францию, наряду с Польшей, Чехословакией, Югославией, уже «страной народной (новой) демократии», это факт.

* * *

Но вернемся вновь в 1923 год, к половинчатому, как оказалось, решению Политбюро 21 августа. Дело в том, что, с *другой стороны,* проект «броска на Германию» Троцкого встретил почти единодушное внутреннее возражение всех остальных членов

---

[1] Текст этого сенсационного выступления Сталина по секретному фонду трофейных документов бывшего Особого архива КГБ СССР (ныне Центр хранения историкро-документальных коллекций, ф. 7, оп. 1, д. 1223) впервые был опубликован архивистом *Татьяной Бушуевой* в 1994 г. (жур. «Новый мир», 1994, № 12, с. 232—233), и затем перепечатан в коллективном труде под ред. Ю. Н. Афанасьева «Другая война, 1939—1945» (М., РГГУ, 1996, с. 73—75). В этом коллективном труде — ревизии всей истории Второй мировой войны — приняли участие историки из России (в том числе и военные: генерал-полковник Ю. А. Горьков, покойный полковник в отставке М. И. Семиряга и др.), Германии (быв. президент ФРГ Р. Вайцзеккер), Польши (акад. Ч. Мадайчик), Великобритании (известный военный историк Лиддел Гарт) и др.

Однако большинство гражданских и военных историков РФ считают этот документ — речь Сталина в 1939 г. на Политбюро — *апокрифом* и не верят в его подлинность. — *Прим. авт.*

Политбюро, ЦК РКП(б) и ЦКК РКП(б), а также большинства членов ИККИ. Почему? Здесь также имелась целая группа объективных и субъективных причин. И уже в начале октября 1923 г. у Троцкого началась «внутренняя война» с партбюрократией РКП(б) и Коминтерна.

БОЯЗНЬ КРУПНОЙ ВОЙНЫ С АНТАНТОЙ ИЗ-ЗА ГЕРМАНИИ

Еще 8 мая 1923 г. НКИД РСФСР получил очень резкую ноту британского МИДа (т.н. третий «ультиматум лорда Керзона»), в котором содержалась угроза разрыва англо-русских торговых отношений, если Советская Россия не прекратит подрывную революционную антибританскую деятельность в странах Востока, не отзовет своих полпредов в Афганистане и Иране (Персии), не выплатит финансовую компенсацию семьям расстрелянных ВЧК еще в 1920 г. «английских шпионов», не прекратит преследование британских рыболовных судов, ведущих промысел вблизи побережья Кольского полуострова и т. д. На удовлетворение всех этих требований нота отводила десять дней.

Едва с большим трудом к июню 1923 г. НКИД удалось урегулировать этот межгосударственный конфликт, как в сентябре Троцкий вновь поставил отношения СССР со странами Антанты на грань разрыва.

«Демон революции» исходил из того, что раз уж еще в августе 1923 г. ЦК РКП(б) и ИККИ решили форсировать революцию в Германии, то и в «бирюльки» с Антантой играть не следует — разрыв с ней все равно неизбежен, а по сему ультиматум Керзона надо отвергнуть. Но на Политбюро Троцкий остался в меньшинстве.

Тогда, после заседания Политбюро 21 августа, председатель Реввоенсовета решил дать открытый бой второму колеблющемуся, пленуму ЦК РКП(б) в сентябре 1923 г. Первоначально спор возник из-за Польши: Троцкий еще до пленума требовал от Чичерина направить в Варшаву ноту с ультимативным требованием немедленно заключить советско-польский договор о «невмешательстве» в германские дела. Фактически речь шла о дипломатическом прикрытии «революции извне» — броске 200-тысячной конной Красной Армии через «Виленский коридор» в Восточную Пруссию. В развитие этого дипломатического демарша Троцкий подготовил даже проект приказа по РККА о «броске» красных конников через Польшу в Германию.

Однако Политбюро в споре Реввоенсовета с НКИД поддержало Чичерина (такая «польская нота» приведет лишь к разрыву СССР с Антантой и, по мнению Чичерена, спровоцирует новую крупную войну в Европе), а публикация приказа по РККА решением того же Политбюро была задержана (в конце концов он так и не был отдан), хотя обстановка в Польше, казалось бы, способствовала проходу красной конницы через польскую территорию: в сентябре в Кракове начались баррикадные бои рабочих с войсками Пилсудского, а в соседней Литве началась массовая забастовка.

Но по каналам разведок РККА, ИНО ГПУ и Коминтерна как раз к сентябрю 1923 г. начали поступать сведения, что Верховный Совет Антанты каким-то непостижимым образом информирован о всех секретных решениях Москвы относительно экспорта мировой революции в Германию. Антанта предприняла превентивные военные меры. Французский оккупационный корпус в Рурском бассейне был усилен танками и броневиками. По согласованию с бароном П. Н. Врангелем Антанта оказала финансовую и военную помощь воинским подразделениям РОВС (Российского общевоинского союза), расквартированным в Польше, усилила их за счет переброски белогвардейских частей из других стран Восточной и Балканской Европы (Разведупр РККА полагал, что к 15 сентября 1923 г. Врангель будет иметь в Польше до 50 тыс. штыков), а также направил в эти части свыше пятидесяти «белых» генералов и обер-офицеров из Югославии, главной страны пребывания РОВС.

В «Виленском коридоре» поляки начали срочные инженерные работы против возможной атаки красной конницы: рыли рвы, ставили заграждения из колючей проволоки, оборудовали пулеметные гнезда. Одним словом, экспортеру мировой революции Троцкому готовили второе «чудо на Висле» (Немане) на дальних подступах к Берлину, Гамбургу и Лейпцигу.

Таким образом, момент внезапности (на нем строил всю стратегию «броска в Германию» Троцкий) был утерян. Получалось, что до похода в Германию надо снова «ломать Польшу», а призрак разгрома РККА в августе 1920 г. был еще очень памятен в воспоминаниях будущих национал-большевиков.

И одно дело воевать на Востоке — в Персии, Закавказье или в Средней Азии, где РККА противостояли фактически не регулярные армии, а ополчения или басмачи, и совсем другое — на Западе: пока дойдешь до Германии, увязнешь а «Виленском коридоре», имея перед собой войска всей Антанты.

И бросок тихо спустили на тормозах (приказ Троцкого сначала Политбюро приостановило, а после авантюры тельмановцев в Гамбурге — и отменило вообще). Характерен и такой штрих: когда на августовском Политбюро ЦК РКП(б) Г. Брандлер попросил направить в Германию «начальником штаба» мировой революции не К. Радека, а Троцкого, ему было отказано.

Да и «мировая революция» с осени 1923 г. начиналась не в Гамбурге, а в Москве, благо и сам Троцкий невольно ее туда перенес.

ТРОЦКИЙ О НЕПОДГОТОВЛЕННОСТИ ГКП К РЕВОЛЮЦИИ

Но поначалу «демон революции» не сдавался. Отстаивая свой план конного броска на Германию через Польшу, в последний день работы сентябрьского пленума ЦК РКП(б) он взорвал «бомбу» — выступил с пламенной речью против руководства ГКП, которое якобы совершенно не готово к революции у себя в стране и лишь вводит ИККИ в заблуждение (но объективно эта «бомба» сработала против Троцкого).

Последующее развитие событий в ГКП показало, что во многом Троцкий оказался прав. В руководстве компартии шла не подготовка к революции, а беспринципная борьба за власть и за то, какая из группировок будет получать финансовые субсидии от ИККИ.

«Правым» в ЦК ГПК (Г. Брандлер, А. Тальгеймер и др.) противостояли «левые» (Рут Фишер — Аркадий Маслов), свою игру вели «гамбургцы» (Э. Тельман и др.), которые вообще в конце концов подняли 23—25 октября 1923 г. свою досрочную отдельную мировую революцию в одном, отдельно взятом городе, наплевав на директивы из ЦК ГКП.

Доводы Троцкого подтверждали и донесения представителей ЦК РКП(б) и ИККИ с мест, т. е. из самой Германии. 29 октября Радек сообщал из Берлина в Москву: «В ожидании восстания партия (германская. — *Авт.*) ничего не делала. Мы (т. е. Радек и Пятаков. — *Авт.*) теперь попытаемся взять в свои руки руководство отпора…». Пятаков настроен еще более пессимистически, нежели Радек. К донесению Радека он сделал приписку: «Положение еще более трудное, чем его обрисовал Андрей (Радек. — *Авт.*). Кризис очень острый. В Берлине дело обстоит из рук вон плохо» («Коминтерн и идея мировой революции», с. 433, 434).

1 ноября 1923 г. «Арвид» (Пятаков) направляет Сталину и Троцкому из Берлина резкое и предельно откровенное письмо. Из него следует, что германская революция идет, но борьба развивается не между пролетариатом и немецкой буржуазией, а между «левыми» и «правыми» вождями в ЦК ГКП. Они собирают свои партконференции и на них исключают друг друга из ЦК и из ГКП. Фактически революцией руководят не немецкие коммунисты, а Радек с Пятаковым, которые одновременно мирят враждующие фракции «правых», «левых» и «гамбургцев» в ГКП. (С тех давних времен Коминтерну и Международному отделу ЦК КПСС еще не раз придется мирить враждующие фракции

национальных компартий, особенно, в «третьем мире»: через полвека такие «разборки» в Афганистане — фракция «Парчам» против фракции «Хальк» — привели к гибели лидеров этих фракций — Тераки и Амина и вводу советского вооруженного «ограниченного контингента» в Афганистан в конце 1979 г., где он затем воевал с моджахедами еще десять лет.)

Общий вывод Пятакова откровенно негативный: «Наша армия (вооруженные рабочие немецкие дружины. — *Авт.*) еще не собрана для нанесения решительного удара. Это печально, но факт» (цит. по: *Краснов В., Дайнес В.* Указ. соч., с. 398). Похоже, что Пятаков совсем не верит в силу германского пролетариата и его компартии, поэтому он возлагает надежды на… рейхсвер (фон Секта? — *Авт.*): «Величайшее заблуждение, будто с рейхсвером ничего нельзя сделать. Можно сделать... надо только во много раз усилить эту работу» (там же).

Но «Арвида» волнует самое главное: «Только, ради бога, не устраивайте драку (между Троцким и большинством Политбюро. — *Авт.*). Если вы будете драться, то мы бросим работу здесь (это не угроза, а вывод из того, что при таких условиях наша работа здесь бессмысленна)».

БОРЬБА ЛИЧНО С ТРОЦКИМ ВАЖНЕЕ ЛЮБОЙ МИРОВОЙ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

На самом же деле, по сравнению с борьбой за «кафтан Ленина» в руководстве РКП(б) и ИККИ, в которой Троцкий в 1923 г. претендовал на роль «дофина», все остальное, включая и германскую революцию, отступало на второй план. Этого не скрывали и сами участники «драки» в 1923—1927 гг.

Зиновьев, которого вслед за Троцким в 1925—1926 гг. Сталин начнет отстранять от руководства Коминтерном и СССР, в октябре 1926 г. на совещании оппозиционеров-«троцкистов» (к тому времени он и Каменев уже блокируются с Троцким) откровенно говорил: «Ведь надо же понять то, что было — а была борьба за власть. Все искусство состояло в том, чтобы связать старые разногласия с новыми вопросами. Для этого и был выдвинут троцкизм».

Радек, метавшийся между Троцким и Сталиным до конца 20-х гг., был еще более откровенен. После того как его вместе с еще 120 членами «троцкистской» оппозиции исключили 18 декабря 1927 г. на XV съезде ВКП(б) из партии, он по просьбе Троцкого 25 декабря письменно зафиксировал ход кулуарной подготовки особого течения в партии — «троцкизма», якобы всегда противостоявшего «ленинизму»: «Присутствовал при разговоре Каменева о том, что Каменев рассказывает на пленуме ЦК, как они (т. е. Каменев и Зиновьев), совместно со Сталиным, решили использовать старые разногласия Троцкого с Лениным, чтобы не допустить после смерти Ленина т. Троцкого к руководству партией. Кроме того, много раз слышал из уст Зиновьева и Каменева о том, как они «изобретали» троцкизм как актуальный лозунг».

Так же Зиновьев, пока он был членом «тройки», еще 4 января 1925 г. предлагал исключить Троцкого из Политбюро и снять с поста председателя Реввоенсовета (Сталин пока оставит «демона революции» в Политбюро, а вот пленум ЦК ВКП(б) 17—20 января 1925 г. заочно снимает Троцкого с поста председателя Реввоенсовета). Но оттеснять «демона» от руководства РККА Сталин начнет еще в 1921 г. Тогда он «подложит» под Троцкого своего человека — С. И. Гусева (Якова Драбкина), назначив его через Оргбюро ЦК РКП(б) в январе 1921 г. начальником Политуправления (ПУРа) Реввоенсовета. Троцкий, однако, быстро раскусит этот маневр и при поддержке Ленина (записка Сталину 7 ноября 1921 г.) «сплавит» Гусева в Среднюю Азию членом РВС Туркестанского фронта.

Но Сталин не бросит «нужного человека» и в 1923 г. заберет Гусева к себе — секретарем ЦКК РКП(б) и членом коллегии Наркомата рабоче-крестьянской инспекции. Гусев «отработает» это повышение, накатав в 1925 г. антитроцкистскую брошюрку «Наши разногласия в военном деле» («наши» — это он, Сталин и Ворошилов против Троцкого в 1918—1920 гг.). Гусев также помогает Сталину через ЦКК. 2 июня 1923 г. пленум Центральной контрольной комиссии принимает решение провести тотальную проверку всего военного ведомства СССР. Создается специальная «военная комиссия» ЦКК, во главе которой в сентябре 1923 г. Сталин ставит все того же Гусева.

Еще раньше, 23 августа, на том самом секретном заседании Политбюро, где решался вопрос о помощи германской революции, в «разном», как бы между делом, утверждаются директивы этой комиссии. В сентябре 1923 г., под флагом реорганизации РККА и приостановки ее демобилизации в связи с помощью германской революции (как же — сам Троцкий предлагает подтянуть красную конницу к границам Польши и Литвы, значит — надо усилить ее политсостав), Сталин пытается провести через пленум ЦК РКП(б) решение о полном обновлении Реввоенсовета Республики. Троцкий решительно возражает и предложение Сталина не проходит. Тогда Сталин на ходу «меняет лошадей» и предлагает усилить РВС за счет включения в него шести новых фигур (Ворошилова, Лашевича, Пятакова, Орджоникидзе, Муранова) во главе с самим Сталиным. Кто же будет возражать против «усиления», особенно членами ЦК (Сталин, Пятаков, Ворошилов, Орджоникидзе)? Пленум утверждает новых членов Реввоенсовета.

Троцкий, конечно, сразу раскусил тактику Сталина: под крики о помощи германской революции и угрозе новой войны с Антантой, в которую Троцкий своим броском через Польшу в Восточную Пруссию хочет втравить СССР, сместить «демона революции» с ключевого военного поста — председателя Реввоенсовета. Конечно, будь Ленин дееспособным, он пресек бы эту аппаратную интригу Сталина, как он это сделал в ноябре 1921 г., одной короткой запиской Сталину прервав закулисные игры генсека, поддержав Троцкого и выгнав интригана Гусева. Увы, Ленин уже ничем не мог помочь своему «дофину». И Троцкий в одиночку бросается в бой против всего аппарата «тройки».

8 октября 1923 г. он пишет совершенно секретную записку членам ЦК и ЦКК РКП(б), в которой в духе предоктябрьских «писем издалека» самого Ильича разоблачает интриги «тройки». Попутно он камня на камне не оставляет от политики «тройки» в германском вопросе, утверждая, что у Политбюро «нет линии» в вопросе помощи немецкой революции.

Вначале «тройка» пыталась отписаться, поручив председателю ЦКК В. Куйбышеву ответить на письмо Троцкого. Но эта отписка вызвала второе, еще более яростное, письмо Троцкого 10 октября 1923 г. Здесь уже «демон революции» не стеснялся в выражениях, разоблачая аппаратные интриги Сталина. «Тройка» оказалась перед тяжелым выбором — она пыталась устранить Троцкого с поста Реввоенсовета чисто аппаратными методами, путем изменения состава РВС за счет «цекистов» во главе со Сталиным, но Троцкий раскусил эту тактику и навязывал «тройке» новую широкую дискуссию в партии, к которой «тройка» не была готова — «троцкизм» еще не был изобретен.

Кроме того, Сталин, Зиновьев и Каменев понимали, что просто так заткнуть рот Троцкому не удастся — он ведь и в открытой партийной печати выступить может! Опубликовал же он в «Правде» 23 сентября 1923 г. большую статью «Можно ли контрреволюцию или революцию сделать в срок?», имея в виду сроки германской революции. Что ему мешает и свои письма от 8 и 10 октября «придать тиснению» (т. е. печати) в той же «Правде», благо в ней есть специальный вкладыш — «Дискуссионный листок»?

И «тройка» решила устроить Троцкому партийную ловушку: *пустить всю дискуссию с «демоном революции» по каналам закрытых «партийных писем» только для членов*

ЦК и ЦКК, благо и сам председатель Реввоенсовета обращается только к ним (а не к рядовым членам партии или Коминтерна) и только *совершенно секретно*. Увы, сам Троцкий поймет эту тактику не сразу. Всю осень и начало зимы 1923 г. он будет строчить гневные письма в партийные инстанции, да еще весь 1924 г. разбираться в причинах поражения германской революции.

Между тем еще 15 октября 1923 г. Президиум ЦКК РКП(б) под председательством Куйбышева в ответ на письма «демона» 8 и 10 октября примет *секретную резолюцию* — критику Троцкого в адрес «тройки» оценить как «*платформу, противостоящую проводимой Центральным Комитетом политике*» (цит. по: *Краснов В., Дейнес В.* Указ. соч., с. 473). А 19 октября 1923 г. эта «*платформа*» была уже сформулирована в виде закрытого письма для членов ЦК и ЦКК, подписанного всеми членами и кандидатами в члены Политбюро, кроме Троцкого (Сталин, Бухарин, Зиновьев, Каменев, Калинин, Молотов, Рыков, Томский).

В этом огромном письме (десять разделов, более сотни «пунктов обвинений») «тройка» свалила в одну кучу все действительные и мнимые ошибки Троцкого; все его обвинения «притянуты за волосы», хотя сам «тов. Троцкий», оказывается, ничего не понимает:

— в хозвопросах, но «дергает партию»;

— во внешней политике, но хочет «ввергнуть страну в военную авантюру»(?!);

— во внутрипартийном строительстве, ибо становится центром антибольшевизма;

— «тов. Троцкий не знает партии, ее внутренней жизни и, по-видимому, не может ее понять»;

— «недооценивает роль крестьянства»;

— «ослабляет Реввоенсовет и отрывает его от партии».

И, наконец, самое страшное обвинение: «тов. Троцкий в решающий для Республики и для мировой революции момент колеблет единство партии» (там же, с. 475).

Тщетно Троцкий пытался в своих письмах в Политбюро 23 октября и 17 декабря 1923 г. доказать, что все обвинения «тройки» в его адрес высосаны из пальца. 31 декабря Политбюро разослало членам ЦК и ЦКК второе «закрытое письмо», где повторило прежние обвинения в адрес Троцкого.

«Демон революции», наконец, понял, что идет скрытая от рядовых членов партии, но целенаправленная дискредитация его как «пролетарского революционера». Сам он пока остается на посту председателя Реввоенсовета, но его сторонников в руководстве РККА удаляют одного за другим. Первым падет *Владимир Антонов-Овсеенко*, начальник ГлавПУРа, за свое письмо 27 декабря 1923 г. в Политбюро в защиту Троцкого (12 января 1924 г. Оргбюро сняло Овсеенко с поста начальника Политуправления РККА, усмотрев в этом письме рядового мировой революционной армии — мы «никогда не будем… царедворцами партийных иерархов» — ни много ни мало как… «угрозу по адресу ЦК»). В марте 1924 г. пленум ЦК по докладу все того же Гусева снял с поста заместителя Троцкого его верного соратника и зама *Э. М. Склянского*, а также беспартийных «военспецов», бывших царских генералов — главкома *Сергея Каменева* и начштаба РККА *Петра Лебедева.*

Вместо них в РВС были окончательно введены Ворошилов (одновременно ставший командующим ключевым Московским военным округом) и Михаил Фрунзе, заменивший Склянского. Тухачевский стал с июля 1924 г. заместителем начальника штаба РККА.

Троцкий еще будет огрызаться. В июле 1924 г. он уже не в письме «совершенно секретно», а в публичной лекции в Военно-научном обществе в Москве снова вернется к германской революции 1923 г., косвенно полемизируя с Политбюро и сфабрикованной им «троцкистской платформой». Впрочем, Троцкий уже в декабре 1923 г. понял, что «тройка» заманила его в ловушку, и, как уже отмечалось выше, выступил теперь в «Правде» (11, 28 и 29 декабря 1923 г.) с открытым забралом, опубликовав свой знаменитый

антибюрократический «Новый курс» (в начале января 1924 г. он выйдет отдельной брошюрой).

Но это — уже другая тема — тема внутрипартийной борьбы «старой ленинской гвардии» за власть в партии, Коминтерне и СССР против «сталинской бюрократической пехоты», борьбы, которую «гвардия» в 1924—1927 гг. начисто проиграет.

Авторское отступление

В период горбачевской перестройки, когда вдруг возрос спрос на историков и стирание «белых пятен», я опубликовал в «Известиях» в марте 1989 г. в двух номерах большую «подвальную» статью «Уроки нэпа». Как это было принято и при Горбачеве, статья была приурочена редколлегией «Известий» к очередному пленуму ЦК КПСС по сельскому хозяйству. Более того, она отражала общую концепцию перестройки до 1990 г. — «назад, к Ленину!», ибо имела подзаголовок «Размышления о ленинской концепции движения к социализму»[1].

Конечно, сегодня, через пятнадцать лет после опубликования статьи, очевидно явное преувеличение «прорабами перестройки» экономического значения новой экономической политики большевиков, особенно по укоренению рыночных основ госкапитализма в СССР.

Во-первых, нэп в реальной жизни действовал очень короткое время — с января 1924 (финансовая реформа — золотой червонец) и до мая 1927 г. (разрыв дипотношений с Англией и начало паники среди «нэпманов»: они скупают червонцы и пытаются отправить их за границу), т. е. неполных три с половиной года.

Во-вторых, еще в августе 1921 г. Ленин по просьбе Чичерина лично занимался распределением продуктовых пайков для голодающих сотрудников НКИД (вопрос стоял на Политбюро, 13 августа выделили «100 пайков обычных» и «200 усиленных»; 12 сентября дополнительно выделили еще 650 пайков «обычных» — «Ленинский сборник», т. XXXVIII. — М., 1975, с. 384); «пайковое распределение» свидетельствовало — до продуктового «нэповского» изобилия в СССР было еще далеко.

В-третьих, в 1923 г. из-за подготовки к мировой революции в Германии нэп был заморожен.

В-четвертых, из-за «ножниц» на промышленные и сельскохозяйственные товары нэп дважды — в 1925 и 1927 гг. — переживал острый экономический кризис; последний завершится тем, что Сталин пошлет нэп «к черту» (см.: *Голанд Ю.* Кризисы, разрушившие нэп. — М., 1998, с. 82—86).

Но с середины 80-х гг. в СССР царила полная эйфория от нэпа как столбовой дороги перестройки, как возврата на «ленинский путь». Ведь тогда, в 1989 г., только что на экраны телевидения вышел документальный фильм «Больше света» о Ленине, подготовленный тогдашними «обновленцами» от марксизма-ленинизма — Егором Яковлевым, Владленом Логиновым, Отто Лацисом и др.

Казалось бы, и моя статья шла в том же русле «марксистского обновленчества». И этого было достаточно, чтобы сразу после выхода статьи в «Известиях» меня пригласил в свою передачу «До и после полуночи» популярный телеведущий Владимир Молчанов, и я за один вечер стал известен всему Советскому Союзу и отныне иначе, как «прорабом перестройки» в печати не именовался. Но не прошло и суток, как мне в панике звонит домой Молчанов и в явном смущении спрашивает: «Профессор, что мы такого в моей передаче наговорили? Тут такая буча…».

Оказалось, что тогдашний «перестроечный» монополист на телевизионную трактовку образа Ильича известный драматург Михаил Шатров (Маршак) почему-то страшно возмутился нашей с Молчановым передачей о нэпе, тотчас побежал к «перестроечному»

---

[1] В доработанном и значительно расширенном варианте «известинская» статья «Уроки нэпа» была включена в мой первый сборник «перестроечных» статей «Вехи отечественной истории» (М., 1991, с. 162—182).

секретарю ЦК КПСС по идеологии Вадиму Медведеву (а куда еще бежит советский сервильный интеллигент, когда он хочет утопить в помойном ведре «троцкистов», «правых уклонистов», «буржуазных националистов» и т. п., сиречь любого, с кем он просто художественно не согласен?) и тот («проф. Сироткин фальсифицирует политическое наследие Ленина»?..) дал команду в «Останкино» — срочно выпустить Шатрова в прямой эфир первого канала вне всякой очереди в передаче «Взгляд», да еще в сопровождении основателя этой тогда очень популярной телепередачи Анатолия Лысенко.

Откровенно говоря, не только рядовые телезрители, но и я с Молчановым ничего не поняли из этого выступления автора пьесы «Большевики» и кинофильма «6 июля» — ради чего оно? Шатров даже не упомянул ни молчановскую телепередачу, ни мою фамилию. Но и Лысенко не протянул руку помощи драматургу — ограничивался неопределенным хмыканьем в духе Кисы Воробьянинова типа «да уж…».

По-видимому, телевизионное выступление Шатрова не удовлетворило даже его единомышленников — «обновленцев» ленинизма. Фактический теневой соавтор драматурга и главный поставщик фактов для его пьес по «лениниане» мой тезка Владлен Логинов в самых тогда «перестроечных» «Московских новостях» обрушился на меня с разгромной статьей как на фальсификатора кристально чистого идейного наследия Ильича.

Спустя некоторое время логиновскую эстафету в «Правде» подхватил уже отнюдь не «обновленец», а твердокаменный догматик Александр Совокин, заведующий самым «секретным» сектором Института марксизма-ленинизма (ИМЛ) при ЦК КПСС — сектором произведений Ленина.

На заседаниях редколлегии «Известий» ему вторил «обновленец» Отто Лацис, требовавший больше не публиковать в газете статей «фальсификатора» Сироткина (впрочем, когда с КПСС и марксизмом-ленинизмом после Беловежской пущи было покончено, Лацис с тем же пылом стал служить новым хозяевам — ельцинским антикоммунистическим «демократам», и уже не возражал против публикации моей «антиленинской» статьи «Как мы оказались в осажденной крепости: о синдроме капиталистического окружения». — «Известия», 5. IX 1992 г.).

Что же тогда, в 1989—1990 гг., так взволновало и «обновленцев», и догматиков из КПСС в моей статье «Уроки нэпа» и в ее телевизионном переложении в передаче «До и после полуночи»?

Взволновала вот эта цитата, якобы продиктованная Лениным в 1923 г. в Горках своему личному техническому секретарю-стенографистке Марии Гляссер: *«Конечно, мы провалились. Мы думали осуществить новое коммунистическое общество по щучьему велению. Между тем это вопрос десятилетий и поколений. Чтобы партия не потеряла душу, веру и волю к борьбе, мы должны изображать перед ней возврат к меновой экономике, к капитализму как некоторое временное отступление. Но для себя мы должны ясно видеть, что попытка не удалась, что так вдруг переменить психологию людей, навыки их вековой жизни нельзя. Можно попробовать загнать население в новый строй силой, но вопрос еще, сохранили бы мы власть в этой всероссийской мясорубке»* (цит. по: *Сироткин В. Г.* Вехи…, с. 253).

Цитату эту я давал по «Воспоминаниям» Бориса Бажанова, а впервые он опубликовал ее еще в 1930 г. на страницах милюковских «Последних новостей» в Париже. Любопытная деталь: если эти мемуары были сфальсифицированы, зачем бы тогда Сталину понадобилось каждый день гонять специально арендованный германский самолет по маршруту Москва — Берлин — Париж и обратно, чтобы привезти один экземпляр этой газеты?

Помимо своих записей Бажанов, по-видимому, увез за границу копии протоколов некоторых заседаний Политбюро (не забудем — он был протоколистом заседаний) и даже ряд ленинских диктовок, которые будто бы — это надо еще проверить! — передала ему М. Гляссер. У меня нет сомнений в точности передачи мысли Ленина его

секретарем — я говорю о вышеупомянутой записи «Конечно, мы провалились…»; на нее, кстати, есть ссылка и в «The Trotzky's Papers, 1917—1922» (vol. 2, Гаага, 1972). Но в наиболее полном виде эта запись воспроизведена пока лишь в воспоминаниях Бажанова. Как известно, сам Бажанов прожил долгую жизнь (умер в начале 80-х годов). Мне довелось встречаться в Париже с людьми, хорошо его знавшими, и они не склонны видеть в нем фальсификатора.

Между тем и Логинов, и особенно Совокин напирали главным образом на то, что Бажанов — «невозвращенец», «перебежчик», и поэтому его мемуарам верить нельзя (аналогичная аргументация применяется ныне к трудам другого «перебежчика» — Виктора Суворова-Резуна).

Но и труды и мемуары Троцкого или Бухарина много десятилетий были закрыты в спецхранах, т. к. их авторы были будто бы «шпионами» и «врагами народа». Но как только в 1988 г. было снято «табу» на Бухарина (были изданы его «Избранные произведения»), а в 1990 г. — на Троцкого (переиздана его «Сталинская школа фальсификации», Берлин, 1932 г.), наши «обновленцы» и догматики взяли под козырек, хотя относительно Б. Бажанова такой же команды не последовало.

Между тем не кто иной, как Н. Бухарин намекал в 1936 г. в Париже на существование второй, неопубликованной, части «завещания» Ленина, т. н. «добавлений» («конечно, мы провалились…») меньшевику Борису Николаевскому, подчеркивая, что идеи этих «добавлений» легли в основу его статьи «Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз» (1925 г.) и доклада к пятилетию со дня смерти Ильича «Политическое завещание Ленина» (1929 г.).

Отметим главную мысль Ленина так, как ее излагает Бухарин: центр тяжести мировой революции с 1923 года переместился в СССР как «отечество мирового пролетариата»; строить эту новую модель «движения к социализму» надо на принципах нэпа в условиях гораздо более длительных, чем предполагал Ленин, стабилизации капитализма и «равновесия»; мировая революция, скорее всего, придет из Азии в связи «с началом гигантского революционного брожения среди сотен миллионов восточных народов», союз которых и решит в конечном счете исход исполинской борьбы между капитализмом и коммунизмом[1].

Еще одним упреком моих тогдашних критиков, который они, как средневековые схоласты, широко использовали, было следующее обстоятельство: во второй части статьи в «Известиях» было сказано, что упоминаемая Бажановым «вторая часть завещания» была продиктована Марии Гляссер Лениным в октябре 1923 года. Мои оппоненты утверждали, что Ленин не мог ничего диктовать в октябре 1923 г., т. к. был полностью парализован с марта и не двигался, а лишь лежал в постели и «разговаривал» глазами. В подтверждение своей правоты они ссылались на непререкаемое мнение сестры Ленина А. И. Ульяновой-Елизаровой — «После удара в марте 1923 г. В. И. ничего не писал и не диктовал» (жур. «Пролетарская революция», 1925, № 1, с. 250) и вдовы покойного Н. К. Крупской, во всех переизданиях широко известных «Воспоминаний о В. И. Ленине» в пяти томах утверждавшей: «не только не мог писать, но и сказать ни слова» (изд. 2, т. 1. — М., 1979, с. 246).

Так что, утверждали мои оппоненты, ссылаясь на столь компетентное мнение двух очень близких к Ильичу женщин, «конечно, мы провалились» не могло быть продиктовано ни в октябре, ни тем более в ноябре — декабре 1923 г.

Но что это? Открываем официальную «Биографическую хронику» В.И. Ленина (т. 12. — М., Политиздат, 1982), отражающую по дням жизнь «вождя» в Горках с декабря 1921 по 21 января 1924 г., и читаем:

— середина августа 1923 г. Запись в «Журнале дежурных секретарей» В.И. Ленина в Горках: «Состояние здоровья Ленина улучшилось настолько, что отменяются постоянные дежурства врачей» (т. 12, с. 626.) Характерно, что эта запись воспроизводится и в

[1] *Raphael Abramovitch.* The Soviet Revolution. — New-York, 1962, p. 257.

«Воспоминаниях о В. И. Ленине» Н. К. Крупской, (2-е изд., т. 3, с. 322); но как же так — в первом томе тех же «Воспоминаний» Крупская пишет о полном параличе «не мог писать, но и сказать ни слова», а в третьем — что он уже поправляется?

— сентябрь, не ранее 13. «В связи с улучшением здоровья Ленина прекращаются дежурства медсестер» — т. 12, с. 633.

— октябрь 18 (фактически еще и 19. — *Авт.)*. Ленин едет в Москву в сопровождении жены, сестры, врача проф. В. П. Осипова, начальника охраны Горок и др. В Кремле парализованный Ильич «поднимается (?! — *Авт.)* сам в свою квартиру, отдыхает с дороги, сидя в кресле, затем осматривает всю квартиру, книжные шкафы» (там же, с. 646). Правда, составители «Биохроники» забывают добавить, что в домашнем кабинете Ильича кто-то в его длительное отсутствие устроил уже «шмон»: закрытые им самим на ключ ящики письменного стола взломаны, многие бумаги Ленина исчезли….

Но дальше еще большие чудеса — «живой труп» вдруг:

— декабрь 18. «Запрашивает счета и писчую бумагу» — там же, с. 651. Зачем? Он же, судя по воспоминаниям жены и сестры, ПАРАЛИЗОВАН?

— декабрь 31. «Ленин запрашивает тетради (!!! — *Авт.)* и ряд книг из новых поступлений» — там же, с. 652.

Есть в «Биохронике» и другие важные уточнения, позволявшие думать, что вдова и сестра Ленина под давлением Сталина лукавили. Например, такая запись дежурных секретарей еще 28 июля 1923 г.: «Ленин начинает регулярные упражнения по восстановлению навыка писать, *пишет левой рукой*» (выделено нами. — *Авт.)* — там же , с. 620.

И, наконец, апофеоз — 19 января 1924 г. «всероссийский староста» М.И. Калинин на XI съезде Советов торжественно объявляет: «Крупные специалисты, лечащие Ленина, выражают надежду на его возвращение к государственной и политической деятельности». Делегаты встречают это заявление бурными аплодисментами и возгласами «ура!». — там же, с. 661.

И вдруг «оживший» Ильич через трое суток… УМИРАЕТ(??).

Но, действительно, судя по «Биохронике», выходит, что Ленин мог не только диктовать, но и писать левой рукой продолжение своего «завещания».

Так, он диктовал стенографисткам начало этого знаменитого «Завещания» в Горках с 23 по 26 декабря 1922 г. (основной текст. — *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 343—348). Но в январе — феврале 1923 г. Ленин продолжил диктовки «добавлений» к «Завещанию». Одно из этих «добавлений» от 4 января 1923 г.: «Сталин слишком груб... я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить… другого человека», ибо такая мера — «предохранение от раскола» (там же, с. 348) — хорошо известна.

Гораздо менее известно содержание диктовок-добавлений 27 января, 18, 19, 20, 25 и 27 февраля 1923 г. (целых шесть!), хотя сам факт этих диктовок отмечается и в «Биохронике» («27 января Ленин вечером диктует стенографистке…»), и в «Журнале дежурных секретарей» Ленина в Горках[1].

Из бесед писателя А. А. Бека со стенографистками теперь известно, что Сталин очень внимательно следил за ленинским «Завещанием», особенно за диктовками-добавлениями, хотя Ильич строго-настрого предупреждал стенографисток: диктовки — абсолютно секретны, хранить их в особом месте, под особой ответственностью и т. п. (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 474).

---

[1] Правда, упоминается почти всегда одна стенографистка — *Лидия Фотиева,* хотя она считалась, по словам Бажанова, как бы «второй» стенографисткой, т. к. обслуживала Ленина как главу Совнаркома; «первой» являлась *Мария Гляссер,* ибо она обслуживала еще и заседания Политбюро. Но в июне 1923 г. Сталин заменил ее на этом посту на «своего» человека — Бориса Бажанова. Впрочем, «смена лошадей» при больном Ленине ничего не меняла: судя по «архиву А. А. Бека» (1902—1972 гг.), советского писателя, еще в 1967 г. беседовавшего со всеми шестью ленинскими стенографистками (Л. Фотиевой, М. Володичевой, М. Гляссер и др.), все они через Генриха Ягоду были завербованы Сталиным и немедленно сообщали ему «все самые секретные диктовки Ильича («Москоские новости», № 17, 23.04.1989). Как утверждает *Юрий Фельштинский,* и сам «Журнал дежурных секретарей» при больном Ленине был заведен исключительно для фиксации визитеров в Горки по прямому указанию Сталина, велся втайне от Ильича, а его расшифровка прекратилась на дате 6 марта 1923 г. (М. Володичева расшифровала свои последующие записи лишь спустя 33 года, в июле 1956 г.). — *Фельштинский Ю.* Тайна смерти Ленина // «Новый журнал», [Нью-Йорк], 1998, кн. 210.

И все-таки Ильич остался чеховским «гимназистом»: он ведь и мысли не допускал, что та же «верная» Володичева спустя 43 года после его смерти признается писателю Беку: «Боясь волновать Ленина, я не сказала, что с первым отрывком письма Ленина к съезду Сталин уже ознакомился « («МН», № 17, 23.04.1989 г.).

Большой знаток архива Троцкого Ю. Фельштинский, анализируя «показания» стенографисток (Володичевой, Фотиевой) в 1967 г. идет еще дальше: *«Заговор против Ленина в тот период имел столь широкий характер, что Сталин действовал открыто. Написанные против Сталина статьи и письма немедленно относились секретарями Ленина Сталину, и он сам решал, как с ними поступить. Когда «Завещание» Ленина, продиктованное Володичевой, было доставлено Сталину, тот, в присутствии нескольких партийных руководителей, приказал «Завещание» сжечь, причем Володичева так и поступила (однако еще четыре копии завещания лежали в ленинском сейфе)».*

Более того, по Фельштинскому, Сталин еще 27 января 1923 г. через секретариат Оргбюро рассылает по губкомам РКП(б) секретную «указивку»: последние статьи Ленина в «Правде» не воспринимать всерьез — Ильич болен и за свои слова уже не отвечает (?!).

Поскольку «несколько партийных руководителей» (Зиновьев, Каменев?) позднее со Сталиным резко разошлись и встали к нему в оппозицию, вопрос о «Завещании» Ленина, включая и скрытые от партийцев диктовки-добавления, например, о письме Сталину 5 марта 1923 г. о разрыве с ним всяческих личных отношений за грубые личные оскорбления, нанесенные им Н. К. Крупской в телефонном разговоре 22 декабря 1922 г., если он не принесет ей извинений, очень остро встал в партии в 1925—1927 годах.

Но сначала «тройка» (Сталин, Зиновьев, Каменев) нарушила волю покойного Ленина и не зачитала «Завещание» в запечатанном пакете с личной подписью Ильича — «вскрыть только после моей смерти», — переданное Крупской на пленум ЦК ВКП(б) накануне XIII съезда партии в мае 1924 г. Но «тройка», прочитав диктовки Ленина из пакета (не исключено, что в нем лежали и «добавления» за январь — декабрь 1923 г.,) насмерть перепугалась, по-видимому, главным образом из-за того, что в одном из «добавлений» Ленин в конце концов рекомендует своим официальным преемником Троцкого[1]. Во всяком случае, ни на пленуме ЦК, ни на самом XIII съезде «полное завещание» так и не было зачитано.

Выборочно (?!) его зачитал Каменев только перед узкой группой делегатов съезда — на т. н. «сеньор-конвенте» — узком собрании руководителей провинциальных глав делегаций, причем даже им запретили делать какие-либо записи.

Затем на съезде «тройка» разыграла комедию: Сталин как бы согласился с критикой Ленина и демонстративно отказался от поста генсека партии. Но его «уломали» Зиновьев с Каменевым и другие кандидаты в члены ЦК (все это очень напоминало комедию с «уламыванием» Керенского на ночном заседании «первого» Временного правительства ночью 25 октября 1917 г. после известного «вотума недоверия» предпарламента). Поломавшись и обещав, что он учтет критику Ильича, Сталин согласился остаться на прежнем посту.

Но шила в мешке не утаишь — в 1926 г., в разгар борьбы «троцкистов» и «сталинистов» в партии, «Завещание» в урезанном виде, без «добавлений», было опубликовано во Франции (Борис Суварин[2]) и в США (американский журналист Макс Истманн, близкий к Троцкому). Последний, дабы не быть обвиненным в раскрытии «партийной тайны», вынужден был на страницах жур. «Большевик» публично

---

[1] Троцкий в своих эмигрантских трудах («Моя жизнь», «Сталин», «Дневники и письма») неоднократно будет потом ссылаться на это «полное завещание» Ильича, утверждая, что именно его Ленин прочил в преемники: «Бесспорная цель завещания: облегчить мне руководящую работу»; основная цель «Завещания» — «создать наиболее благоприятные условия для моей руководящей работы либо рядом с Лениным, если бы ему удалось оправиться, либо на его месте, если бы болезнь одолела его». — *Л. Д. Троцкий.* Моя жизнь, т. 2. — Берлин, 1930, с. 217, 226. По-видимому, «демон революции», через одного из лечащих врачей в Горках — *Федора Гетье* (и одновременно — домашнего врача семьи Троцкого) и особенно через Крупскую и Гляссер, был в курсе этих «добавлений».

[2] Судя по воспоминаниям Б. Суварина, он тайно с оказией получил текст «Завещания» в 1924 г. непосредственно от вдовы Ленина Н. К. Крупской с просьбой опубликовать его в Париже по-французски. Точно так же, по его собственной инициативе, он переводит и публикует в том же году брошюру Троцкого «Новый курс».

отмежеваться от Истманна, обозвав его «фальсификатором»; это вызвало обвинение «троцкистов» в беспринципности их вождя. Сначала «сталинисты» объявили обе публикации «фальшивками». Но в 1927 г. скрывать от членов партии даже неполное «завещание» было уже невозможно. И на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) сам Сталин вынужден был зачитать «завещание», в том числе и добавление от 4 января 1923 г., но повернул ленинское обвинение в грубости в свою пользу: «Да, я груб, товарищи, в отношении тех, которые грубо и вероломно разрушают и раскалывают партию» (цит. по: *Медведев Р.* О Сталине и сталинизме. — М., 1990, с. 66).

Но и в 1927 г., несмотря на требования делегатов XV съезда, где, как мы помним, «сталинисты» исключили из партии 121 «троцкиста», в стенографический отчет съезда текст «Завещания» не вошел даже без «добавлений», — «Завещание» опубликовали лишь в приложении к «Бюллютеню съезда № 1» с пометкой «только для делегатов съезда».

После XVI съезда в 1930 г. «Завещание» уже официально снова было объявлено фальшивкой, а в период кровавых чисток 1935—1938 гг. те делегаты XV съезда партии, кто сохранил «Бюллютень № 1», получали срок в ГУЛАГе «за хранение контрреволюционного документа, т. н. Ленинского завещания» (там же, с. 67).

И тем не менее вплоть до перестройки в КПСС существовало устойчивое мнение, что «полное» завещание Ленина от партии было скрыто.

Николай Петренко, автор очень фундированной, но так и оставшейся в СССР и РФ малоизвестной капитальной работы «Ленин в Горках — болезнь и смерть (источниковедческие заметки)», еще в 1986 г. писал: «До сих пор продолжают ходить слухи, со ссылкой на самые информированные круги, что известное ленинское ПИСЬМО К СЪЕЗДУ и сегодня опубликовано лишь частично». (Это мнение разделяет и Ю. Фельштинский; более того, он полагает, что вся т. н. «третья часть завещания» — добавления Ленина, была уничтожена стенографистками по приказу Сталина). И далее Петренко, ссылаясь на эти самые «информированные круги», пишет, что в одном из «добавлений» на место Сталина Ленин якобы прочил Яна Рудзутака (в подтверждение Петренко отмечает действительный факт: на XII съезде партии в апреле 1923 г. Рудзутака неожиданно и сразу избрали на три должности в партии — секретарем ЦК, членом Оргбюро и кандидатом в члены Политбюро)[1]. Кроме того, в диктовке-добавлении 25 февраля 1923 г. Ленин будто бы рассуждал о моральном облике коммуниста в условиях «термидора» и угрозы «перерождения»[2].

Не исключено, что в тех же «добавлениях» было и нечто о перспективах мировой пролетарской революции, о которых глухо упоминает Бухарин в своих статьях 1925 и 1929 гг. Во всяком случае, более чем поразительно, но ленинская идея мировой пролетарской революции в бухаринской интерпретации переживет и самого ее отца и ее эпигонов — Бухарина и Троцкого — и стараниями советников Никиты Хрущева (прежде всего, Федора Бурлацкого) возродиться вновь после смерти Сталина в конце 50-х — 60-х гг. XX века.

Роль «нового Коминтерна» начнет играть Международный отдел ЦК КПСС, снова начнутся давно забытые споры работников этого отдела с МИДом СССР, возродятся некоторые «коминтерновские» учреждения и издания («Ленинская школа» при ЦК КПСС, жур. «Проблемы мира и социализма» и др.), будет вновь введена «коминтерновская» специальность МКД (кафедры международного коммунистического и национально-освободительного движения в партийных и комсомольских высших школах) и, главное, вновь станут проводиться «большие» и «малые» «конгрессы Коминтерна», правда, под другим названием — «совещания» и «встречи». Наиболее

[1] Думается, что мнение *Н. Петренко* все же ошибочно: Рудзутака толкал наверх не Ленин, а Сталин (как и Ворошилова с Калининым), и в декабре 1927 г. на XV съезде он полностью «отработал» эту милость генсека — именно Рудзутак являлся главным «вышибалой» троцкистов на предпоследнем заседании съезда, где их исключали из партии.

[2] «Минувшее. Исторический альманах», т. 2. Под ред. Вл. Аллоя. — Paris, 1986, с. 157.

крупными из них стали международные «совещания» коммунистических и рабочих партий в Москве в 1957, 1960 и 1969 гг., а также «встречи» в Карловых Варах в Чехии в 1967 г., Будапеште в 1968 г. и т. д.; последняя по времени при Брежневе попытка сплотить разбегающиеся по «национальным квартирам» компартии Европы и мира, произошла на «встрече» в Берлине в 1976 г., но и она закончилась лишь показным единством.

Любопытно, что и М. С. Горбачев в своей первоначальной программе «назад, к Ленину!» попытался возродить «коминтерновские начала» перестройки: в 1987 г. он провел в Москве «встречу» идейных наследников II и III Интернационала. Затея оказалась мертворожденной — идеи даже «обновленного» коммунизма пока никак не стыковались с идеями мировой социал-демократии, кроме традиционной «борьбы за мир».

Один из старейших партработников Международного отдела ЦК КПСС член-корреспондент РАН покойный Георгий Шахназаров, отдавший МКД в 50—80-х гг. не один десяток лет своей трудовой деятельности, в результате пришел к печальному выводу: «Соглашаясь в свое время на роспуск Коминтерна, Сталин считал, что ничего не теряет, пролетарская солидарность будет существовать и без формальных уз, как обходятся без брака многие семейные пары. Но, просуществовав в таком состоянии по инерции два десятилетия, МКД все-таки начало распадаться»[1].

По сути, новая книга Г. С. Шахназарова — это глубокое философское осмысление трагического вывода Ленина накануне смерти: «конечно, мы провалились».

«Провалились» с идеей неизбежности мировой пролетарской революции.

«Провалились» в конструкции СССР как базы этой мировой революции — «Отечества мирового пролетариата».

«Провалились» с надеждами на национально-освободительное движение на Востоке как главного резерва этой революции.

«Провалились» в надежде, что нэп позволит «дотянуть» до мировой революции.

И, наконец, «провалились» с обещанием построить «бесклассовое общество», в котором отомрет государство.

В итоге Коминтерн и его «дочерние» организации превратились в огромный бюрократический механизм, трансформированный Сталиным с 30-х гг. в придаток внешней разведки и внешней политики СССР.

ТРОЦКИЙ — НАСЛЕДНИК ЛЕНИНА?

Ленин раньше всех своих соратников понял, что большевики, авантюрно захватившие власть в ноябре 1917 г., «провалились», ибо объявленной ими утопической цели — создания «Мирового Союза Советских Социалистических Республик» — они не достигнут. Лихорадочные попытки Ильича в 1920—1923 гг. найти теоретический и практический выход из этого концептуального ПРОВАЛА привели его к физической катастрофе — инсультам, параличу и смерти.

Но надо отдать должное Ильичу — несмотря на болезнь, за свои идеи он боролся до конца. После визита к нему Сталина в Горки 11 июля 1922 г. (этот эпизод с потрясающей художественной силой отражен в киноленте режиссера *Александра Сокурова* «Телец», март 2001 г.), объявившего о решении Политбюро лишить Ленина возможности читать даже газеты (разумеется, под предлогом «защиты его здоровья»), «вождь» якобы с сарказмом заявил: «Я еще не умер, а они, со Сталиным во главе, меня уже похоронили»[2]. *Николай Валентинов* (Вольский) сообщал также, что ко времени визита Сталина Ленин уже знал — «чудесный грузин» с его «тройкой» после майского

---

[1] *Шахназаров Г.*. После Коминтерна // «НГ-сценарий», 2001, № 2, 14 февраля, с. 15. Из книги «С вождями и без них» (М., «Вагриус», 2001).

[2] *Валентинов Н.* (Вольский). Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. Воспоминания. — М., 1991, с. 40.

удара 1922-го списали Ленина из числа «действующих штыков». Кстати, Сталин с потрясающим лицемерием отразил этот визит к больному вождю — его воспоминания были озаглавлены… «Тов. Ленин на отдыхе». («Воспоминания о В. И. Ленине», т. 4, с. 400—403.).

Ленин начинает отчаянную борьбу за выход из изоляции от внешнего мира, на которую его обрекает «тройка» — никаких газет, никаких телефонных звонков, никаких визитеров. 18 июля 1922 г. он одерживает маленькую победу, о чем не преминул ядовито сообщить «чудесному грузину»: «т. Сталин…. Поздравьте меня — получил разрешение на *газеты.*» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 54, с. 273).

В декабре 1922 г. с Лениным случился новый удар, ему было уже не до газет, но «тройка» еще более усилила свой контроль за его жизнью и контактами в Горках: 18 декабря 1922 г. пленум ЦК РКП(б) возложил на Сталина как генерального секретаря партии персональную ответственность за соблюдение медицинского режима, установленного врачами (там же, с. 608).

Между тем, как уже отмечалось выше, именно в декабре 1922 г. Ленин начал первые диктовки своего «Завещания». Сталин пытался было этому помешать. Но тогда Ленин пригрозил «забастовкой» — «откажусь лечиться!». Сталин временно отступил, а в феврале 1923 г. уже напустил на Ленина врачей, в частности, выписанного из Германии немца Форстера (знал ведь, шельмец, с каким пиететом Ильич относится к «тевтонам»!).

Фотиева в «Журнале дежурных секретарей» зафиксировала слова сестры Ленина: «Его расстроили врачи до такой степени, что у него дрожали губы. Форстер накануне отъезда (в Германию. — *Авт.)* сказал, что ему (Ленину. — *Авт.)* категорически запрещены газеты, свидания и политическая информация. [Но] у Владимира Ильича создалось впечатление, что не врачи дают указания ЦК, а ЦК дал инструкции врачам» (там же, т. 45, с. 485). Ленин сразу почувствовал здесь тяжелую руку Сталина: ведь еще в январе 1923 г. у него разгорелся с ним скрытый конфликт по т. н. «грузинскому делу» — Сталин категорически отказывался выслать в Горки документы по этому «делу», ссылаясь на запрет Политбюро. Лишь вмешательство Каменева решило конфликт в пользу Ленина (там же, с. 485—486).

«Грузинское дело» — частный конфликт посланца Москвы Орджоникидзе (разругался с большинством членов ЦК КП(б) Грузии по проблеме независимости и набил одному из них физиономию) в только что (февраль 1921 г.) «советизированной» Грузии — стало составной частью более широкого конфликта Ленина со Сталиным в 1922 г. по проблеме т. н. «автономизации» — на каких принципах государственного устройства создавать будущий СССР?

Суть всей проблемы кратко изложил сам Ленин в записке Каменеву 6 октября 1922 г. в дни пленума ЦК РКП(б) 5—6 октября (сам Ленин на нем не присутствовал — у него неожиданно разболелись зубы): «Великорусскому шовинизму объявляю бой не на жизнь, а на смерть» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 214). Пленум должен был утвердить партийную установку по национально-государственной структуре СССР, создание которого было запланировано на I Всесоюзном съезде Советов в декабре 1922 г.

Между тем с 1920 г. в партии шла скрытая борьба (очень напоминавшая аналогичную борьбу во времена горбачевского «новоогаревского» процесса о реорганизации СССР, стоившая первому Президенту СССР власти) между «конфедератистами», «федералистами» и «автономистами».

Сталин открыто поддерживал «автономистов» (единый и неделимый Союз, но «советский») и даже представил в комиссию ЦК по образованию СССР специальную записку: включить три независимых «советских государства» — своеобразных членов «пролетарского СНГ» — в состав РСФСР (речь шла об Украине, Белоруссии и Закавказской СФСР. — *Авт.*)[1].

Ленин был категорически против «единого и неделимого» СССР — «вся эта затея с «автономизацией» в корне была неверна и несвоевременна…» (из диктовки осенью 1922

---

[1] Записка по архиву Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС впервые полностью была опубликована в 1990 г. *Роем Медведевым* (указ. соч., с. 53).

г. «К вопросу о национальностях». — Полн. собр. соч., т. 45, с. 360—361). Ленин предлагал при формировании СССР сохранить принцип «пролетарской федерации» четырех независимых государств — РСФСР, Украинской СФСР, Белорусской СФСР и Закавказской СФСР, т. е. прежнего «пролетарского СНГ».

Странно, что даже серьезные отечественные исследователи этого конфликта Ленина со Сталиным в 1922 г. по «грузинскому» и вообще национальному вопросу (Рой Медведев, Дм. Волкогонов и др.) не заметили этой *принципиальной* разницы в подходах двух вождей большевизма. Сталин уже в 1922 г. отстаивал концепцию «социализма в одной стране», т. е. восстановления дореволюционной Российской империи, но в «советском» обличье (к чему его толкали монархист Шульгин и «сменовеховец» Устрялов).

Ленин же, наоборот, нес свой «мешок» пролетарского интернационализма и мировой революции до конца. Для него сохранение «пролетарского СНГ» было вопросом принципа — ведь еще в январе 1920 г. в своих тезисах по национальному и колониальному вопросам ко II Всемирному конгрессу Коминтерна Ленин предлагал принцип федерации как переходную форму к полному единству трудящихся всего земного шара. При этом в 1919 г. — начале 1920 г. Ленин был уверен, что первыми «пролетарскими государствами», воссоединившимися с четырьмя членами образовавшегося де-факто «пролетарского СНГ», станут советские Германия, Польша, Венгрия и Финляндия (см. *Роберт Такер.* Указ. соч., с. 232).

И хотя в 1922 г. было уже ясно, что «советизация» Польши, Венгрии и Финляндии откладывается до «греческих календ» (иллюзии относительно Германии сохранялись еще до осени 1923 г.), тем не менее Ленин сумел навязать октябрьскому пленуму ЦК РКП(б) в 1922 г. свою точку зрения. Поэтому даже после его смерти в преамбуле «Декларации об образовании СССР» первой Конституции СССР, принятой в июле 1924 г., были отражены ленинские мечты о «мировом» СССР: «…доступ в Союз открыт всем социалистическим советским республикам, как существующим, так и имеющим возникнуть в будущем», а «новое союзное государство… послужит верным оплотом против мирового капитализма и новым решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику».

Вплоть до принятия в 1936 г. другой, «сталинской», Конституции, где уже никаким упоминанием о «мировом» СССР и «мировой революции» и не пахло (даже на гербе СССР лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», ранее написанный на европейских языках — немецком, английском и т. д., был заменен на языки союзных республик), в стране даже не было праздника Великой Октябрьской социалистической революции: вместо него в календарях значилось: «7-е ноября — День пролетарской революции»[1].

Судя по ряду косвенных свидетельств, в противодействии «тройке» и лично Сталину Ленин из Горок пытался опереться на поддержку *Троцкого.* Известно, что Ленин 21 декабря 1922 г. через Крупскую отправил личное письмо Троцкому с жалобой на Сталина. Содержание письма тотчас же стало известно «чудесному грузину», а он очень боялся возобновления «блока Ленин — Троцкий», который дорого обошелся «партизану» Сталину в годы Гражданской войны, о чем уже говорилось выше. 22 декабря Сталин в телефонном разговоре с Крупской крупно нахамил ей за это письмо. Жена Ленина вначале ничего не рассказала мужу, но 23 декабря письменно пожаловалась Каменеву (разумеется, тот, как член «тройки», тут же «стукнул» об этом Сталину). 5 марта 1923 г., узнав, наконец, от Крупской о хамском поведении Сталина, Ленин вновь диктует письмо Троцкому против Сталина, прося «демона революции» взять защиту «грузинского дела» в ЦК РКП(б): «Дело это сейчас находится под «преследованием» Сталина и Дзержинского, — писал Ленин, — и я не могу положиться на их беспристрастность. Даже совсем напротив» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 54, с. 329). Троцкий, однако, ссылаясь на болезнь, от арбитража в «грузинском деле» отказался (там же, с. 329, 674).

---

[1] Цит. по: «Ежегодник НКИД на 1929 год» (справочник для иностранных дипломатов в СССР на русском и французском языках). — М., 1929, с. 6.

В тот же день Ленин пишет самому Сталину, но совсем по другому, личному, вопросу (копия Зиновьеву и Каменеву). Это — то самое резкое письмо в защиту жены: «Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать ее…. Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано»[1]. Ленин предложил Сталину дилемму: «извиниться» или «порвать между нами отношения» (там же, т. 54, с. 329).

Долгое время в советской партийной литературе после XX съезда КПСС и «секретного доклада» Н. С. Хрущева на нем, господствовало мнение, что Сталин смертельно напугался этого ультиматума больного Ильича из Горок и немедленно извинился перед Крупской.

Реальная же ситуация была иной. Володичева, стенографистка и курьер Ленина, в 1967 г. поведала писателю Беку совсем другую историю: «Передавала письмо из рук в руки. Я просила Сталина написать письмо Владимиру Ильичу, так как тот ожидает ответа, беспокоится. Сталин прочел письмо стоя, тут же при мне, лицо его оставалось спокойным. Помолчал, подумал и произнес медленно, отчетливо выговаривая каждое слово, делая паузы между ними: «Это говорит не Ленин, это говорит его болезнь». И продолжал: «Я не медик, я политик. Я Сталин. Если бы моя жена, член партии, поступила неправильно и ее наказали бы, я не счел бы себя вправе вмешиваться в это дело. А Крупская член партии. Но раз Владимир Ильич настаивает, я готов извиниться перед Крупской за грубость» («МН», № 7, 23.04.1989 г.).

В конце концов по настоянию Володичевой Сталин 7 марта 1923 г. написал Ленину короткую «записку с извинениями» за свой хамский разговор с Крупской в декабре 1922 г., но эта записка по невыясненным до сих пор причинам так и не дошла до Ильича, хотя Володичева показала записку предварительно Каменеву, и тот санкционировал ее передачу Ильичу в Горки (текст «извинений» Сталина так до сих пор и не найден).

Зато со слов все той же Володичевой в 1967 г. известен услышанный ею телефонный разговор сестры Ленина Марии Ульяновой-Елизаровой со Сталиным где-то между 5 и 8 марта 1923 г.: сестра Ильича кричала в трубку: «Тогда я обращусь к помощи московский рабочих!.. Они научат вас, как нужно заботиться о Ленине!»

Конечно, Сталина волновали не Крупская с Марией Ульяновой — после смерти Ленина он сломает обеих, и они будут во всем поддакивать «вождю» относительно болезни и смерти Ленина. А вот блок Ленин — Троцкий , наметившийся в 1922—1923 гг., — это было серьезно: выздоровей Ленин, этот «блок» загнал бы «чудесного грузина» куда-нибудь в Туркестан, как Ленин при жизни загнал туда за строптивость «профсоюзника» Михаила Томского, будущего «правого уклониста», а также Гусева, «подсадную утку» Сталина.

А основания для таких размышлений у Сталина были, и серьезные.

Судя по целому ряду мемуарных свидетельств людей, окружавших Ленина в Горках (Крупская, Ульянова-Елизарова, кухарка Ильича А. Кузнецова и др.), Ленин, например, полностью поддержал публикацию статей Троцкого «Новый курс» и очень возмущался тем, что «Правда» сознательно затягивала печатание продолжения статьи, а третью часть «загнала» на последнюю страницу, поместив перед ней статью Бухарина «Долой фракционность (ответ редакции т. Троцкому)»[2].

В дискуссии на XIII партконференции в январе 1923 г., где Зиновьев, Каменев, Бухарин, Сталин громили Троцкого и сумели провести «антитроцкистские» резолюции, Ленин также был на стороне «демона революции». Характерная деталь: посетив 18 октября 1923 г. свою кремлевскую квартиру, Ленин отобрал из своей домашней библиотеки и велел взять в Горки тома Гегеля и... работы Троцкого. Уже в Горках, вычитав в «Правде» о выходе в свет новой работы Троцкого «Литература и революция»,

[1] Характерная деталь: эту последнюю адресованную ему записку — автограф Ленина — Сталин хранил *всю жизнь.* Ее обнаружили в его письменном столе после его смерти — по странному стечению обстоятельств Сталин умер в день написания этой записки — 5 марта, но 30 лет спустя.

[2] Московский журналист *М. Фастовский,* допущенный в Горки как репортер при выносе тела Ленина и перевозке его в Москву, 30 января 1924 г. писал, что за сутки до смерти Ленин «читал... «Новый курс» т. Троцкого» (брошюра вышла из печати 6 января 1923 г.) — См.: *Петренко Н.* Указ. соч., с. 170.

он 1 декабря 1923 г. просит доставить ее в Горки, как и более раннюю работу того же автора «Как вооружалась революция?».

«Тройка», несомненно, была в курсе всех этих «троцкистских» интересов больного Ильича и в конце 1922 г. даже одно время обсуждала вопрос: а ну как Ленин выздоровеет и снова, как в годы гражданской войны, воссоздастся «блок» Ленин — Троцкий? Ведь многие в руководстве партии, государства и Коминтерна знали, что совсем недавно, в апреле 1922 г., Ленин сказал Троцкому: «Я предлагаю вам блок: против бюрократов вообще, против Оргбюро (его возглавлял Сталин. — *Авт.*) в частности». И в подтверждение серьезности своего намерения Ленин предложил Троцкому пост своего зама в Совнаркоме, от которого, впрочем, «демон революции» отказался (*Медведев Р.* Указ. соч., с. 89).

Та же тема обсуждалась в августе 1923 г. на «пещерной встрече» отдыхавших в Кисловодске Зиновьева, Бухарина, Ворошилова и др. Вместо «блока» Ленин — Троцкий Зиновьев предложил тогда создать «триумвират» (Троцкий — Сталин — Зиновьев). Вместо себя он предлагал также либо Каменева, либо Бухарина, а Политбюро ликвидировать вообще. Договориться в пещере не удалось. Запросили мнение Сталина. А тот вместо ответа вызвал всех «заговорщиков» 23 августа в Москву под предлогом обсуждения на Политбюро вопроса о германской революции («XIV съезд ВКП(б). Стенографический отчет». — М. — Л., 1926, с. 506. — Выступление Сталина).

Отражением интереса Ленина в последние месяцы жизни к теоретическому наследию Троцкого, включая и проблемы мировой революции (а Ленин в октябре 1923 г. внимательно следил по газетам за развитием германской революции, будучи, по-видимому, заранее информированным Троцким о «броске» 200-тысячной красной конницы в Европу)[1], является письмо Крупской к «демону революции», написанное вскоре после того, как тело Ленина было помещено во временный мавзолей на Красной площади в Москве: «Дорогой Лев Давидович! Я пишу, чтобы рассказать Вам, что приблизительно за месяц до смерти, просматривая Вашу книжку, Владимир Ильич остановился на том месте, где Вы даете характеристику Маркса и Ленина, и просил меня перечесть это место, слушал очень внимательно, потом еще раз просматривал сам» (цит. по: *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь, т. 2. — Берлин, 1930, с. 251).

И нам представляется, что именно провал усилий Троцкого совершить то, что Ленин задумал еще в 17-м году в Петрограде — начать мировую революцию в России, но продолжить ее в Германии — и вызвало это горькое «добавление» в октябре 1923 г. относительно того, что — «конечно, мы провалились».

Но изо всех ближайших соратников Ленина только *Троцкий* попытался продолжить ленинский поиск как практически («бросок в Германию» в 1923 г.), так и теоретически (брошюра «Новый курс», январь 1924 г.).

Некоторые современники и свидетели этих усилий Троцкого в одиночку, без реальной поддержки Ленина на Политбюро и в ЦК решить большевистскую квадратуру круга, находили их в конкретных условиях 1923 г. продуктивными. Так, все тот же «невозвращенец» советский дипломат *Г. Беседовский* в начале 30-х гг. в своей книге «Сталин» считал проект Троцкого о «броске в Германию» вполне реальной военной акцией. «Конница-буденница», уже «бросавшаяся» в 1919—1920 гг. на Хиву и Бухару, в Закавказье и Персию, проделавшая в 1920 г. марш-бросок от Новороссийска через все Приазовье, Донбасс и Украину до польского Львова, охотно бы ворвалась в богатую Европу, еще раз, как и в 1814 г., напоив своих коней из Сены.

---

[1] На XIV партконференции РКП(б) в апреле 1925 г. Зиновьев значительную часть своего отчетного доклада о работе Коминтерна посвятил отстаиванию тезиса о том, что покойный Ильич был противником «*кельи под елью*» (социализм в одной стране), а всегда стоял «за победу в международном масштабе»: в 1918 г. он думал, что мировая революция победит одновременно в России и Германии (статья «О левом ребячестве»), в 1921 г. — что через десять лет, «лишь в случае победы пролетарской революции в таких странах как Англия, Германия, Америка» (из брошюры «О продналоге»). Поэтому, по Зиновьеву, и план электрификации (ГОЭЛРО), и сам нэп — это лишь тактически видоизмененный план ленинской столбовой дороги большевиков к мировой революции, базой которой остается СССР («XIV конференция РКП(б). Стенографический отчет». — М. — Л., 1925, с. 236—239). О том, что в своем «Завещании» 1922—1923 гг. Ленин «пересмотрел всю нашу точку зрения на социализм», Зиновьев предпочел умолчать.

«Между тем предложение Троцкого было, несомненно, обоснованное, — писал Беседовский, — Польша лежала парализованная, раздираемая всеобщей забастовкой, угрожаемая с тылу восстанием в Восточной Галиции. Уже прозвучали первые выстрелы народного восстания в Кракове, где полки польской кавалерии были разоружены в первых схватках уличных боев (напомним, что в 1923 г. Беседовский был советником полпредства СССР в Варшаве. — *Авт.*). 200 тысяч советской конницы, как саранча, могли пронестись через Виленский коридор, опустошая все на своем пути и врываясь в Германию. Опираясь на эту военную силу, немецкая коммунистическая партия в несколько дней могла сделаться берлинским правительством…» (*Беседовский Г.* Указ. соч., с. 357).

Но именно этого варианта победы мировой пролетарской революции в Германии и не хотела «тройка»: «Они понимали, — совершенно справедливо писал Беседовский, — что успех этой попытки сделает Троцкого кумиром европейской и мировой революции, всесильным диктатором, всевластным распорядителем ее судеб» (там же, с. 356—357). И хотя «тройка» в своем «секретном письме» членам ЦК и ЦКК от 19 октября 1923 г. намекала на то, что Троцкий рвется в «красные Бонапарты», это, конечно, была гипербола: местечковый херсонский *еврей* по определению не мог стать корсиканским местечковым, но все же *дворянином* — херсонскому еврею не хватало бонапартистской решительности.

А ведь еще в октябре 1923 г. командующий Московским военным округом (март 1921 — май 1924 г.) *Николай Муралов*, старый большевик, сторонник «демона революции», предлагал председателю Реввоенсовета Троцкому *арестовать* всю «тройку» интриганов, а затем расстрелять «при попытке к бегству». И поскольку красноармейцы Муралова, включая «красных курсантов» пулеметных курсов Верховного Совета РСФСР, несли охрану Кремля и аппарата ЦК РКП(б), арест Сталина и К^{о} тогда не выглядел фантастической авантюрой. Тем более, что Троцкий (но как всегда, с опозданием) фактически признал правоту Муралова, хотя к тому времени последнего уже окончательно списали в резерв РВС «для особо важных поручений» (в брежневские времена эти отставные маршалы при министре обороны СССР будут именоваться «райской группой»).

В ноябре 1927 г., когда на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) Троцкого и Зиновьева накануне XV съезда по предложению Сталина исключали из Политбюро и партии, «демон революции» произнес знаменитую речь, которая еще долго ходила в виде листовки среди его сторонников в партии и комсомоле: «Вы — группа бездарных бюрократов. Если станет вопрос о судьбе советской страны, если произойдет война, вы будете бессильны организовать оборону страны и добиться победы. Тогда, когда враг будет в 100 километрах от Москвы, мы сделаем то, что сделал в свое время Клемансо, — мы свергнем бездарное правительство; но с той разницей, что Клемансо удовлетворился взятием власти, а мы, кроме того, расстреляем эту тупую банду ничтожных бюрократов, предавших революцию. Да, мы это сделаем. Вы тоже хотели бы расстрелять нас, но вы не смеете. А мы посмеем, так как это будет совершенно необходимым условием победы» (цит. по: *Бажанов Б.* Указ. соч., с. 160).

Гораздо слабее у Троцкого обстояло дело с теоретическим осмыслением того, что произошло с партией, Коминтерном и СССР после поражения германской революции осенью 1923 г.. Открыв дискуссию в «Правде» в декабре 1923 г. серией своих статей «Новый курс», он дальше «угрозы бюрократизации» и «термидора» не пошел. Так, выступая на «партийном судилище» — заседании президиума ЦКК РКП(б) под председательством Серго Орджоникидзе в июне 1927 г., Троцкий говорил: «Осенью 1923 года у нас был грандиозный подъем в партии, параллельно с подъемом Германской революции. А после поражения ее и у нас наступил отлив. Из этого отлива выросла сталинская теория социализма в одной стране, упадочная теория, которая в корне противоречит основам марксизма» (*Троцкий Л. Д.* Сталинская школа фальсификаций. — М., 1990, с. 161).

На том же «суде» Троцкий, в отличие от прежних лет, обрушился с критикой на идейного главу «сменовеховства» *Николая Устрялова* за то, что с осени 1926 г. тот

поддержал Сталина в его беспринципной борьбе с «троцкистской» оппозицией, выдвинув лозунг *нео-нэпа*. Иначе, по Устрялову, победят фанатики мировой пролетарской революции. Поэтому, писал Устрялов, «мы *сейчас… определенно за Сталина*» и «так должна подходить к делу внутрироссийская интеллигенция, деловая, спецовская среда, идеологи *эволюции*, а не *революции*» (выделено мной. — *Авт.*).

На этом «суде» Троцкий впервые, ссылаясь на Устрялова, публично обвинил «сталинистов» в термидорианстве, ведущих дело к буржуазному перерождению и реставрации дореволюционной внутренней и внешней политики: «Термидорианцы (Французской революции. — *Авт.*) думали, что дело идет о смене лиц, а не о классовом сдвиге». Далее «демон революции» цитирует манифест «термидорианских революционеров», изданный сразу после решения Конвента отправить Робеспьера и группу его соратников на гильотину, явно сравнивая себя с «Неподкупным»: «Повинуйтесь голосу Родины, не становитесь в ряды злонамеренных аристократов». Аристократы — это друзья Робеспьера, — воскликнул Троцкий. — И разве не слышали мы сегодня той же клички «аристократ» по моему адресу?» (Там же, с. 151).

И *нигде*, ни до своей высылки из СССР в 1929 г., ни в эмиграции в 1930—1940 гг., Троцкий, в отличие от Ленина, *никогда не признает, что большевики ПРОВАЛИЛИСЬ*. Наоборот, Троцкий фанатично верил в неизбежность прихода мировой пролетарской революции, начатой Лениным и им в октябре 17-го года. На том самом «судилище» в президиуме ЦКК в июне 1927 г. он убежденно говорил, формулируя *кредо* троцкизма: «Мы можем победить только как составная часть мировой революции. Нам необходимо дотянуть до международной революции, даже если бы она отодвинулась на ряд лет. Направление нашей политики имеет в этом отношении решающее значение. Правильным революционным курсом мы укрепим себя на ряд лет, укрепим Коминтерн, продвинемся по социалистическому пути вперед и достигнем того, что нас возьмет на большой исторический буксир международная революция» (*Троцкий Л. Д.* Указ. соч., с. 163).

Общим у «донэповского» Ленина и Троцкого после 1923 г. будет лишь одно: оба, будучи, казалось бы, твердокаменными *материалистами-марксистами*, в своей идейной и фракционной борьбе в РСДРП(б) и ВКП(б) на практике оказались полными *идеалистами*, сводя нестыковку доктрины и жизни к чисто субъективному фактору — *к личностям*, стоящим во главе II «желтого» или III «красного» Интернационалов.

У Ленина в провале марксистской идеи интернационализма и мировой пролетарской революции виноват «ренегат Каутский» и другие «социал-шовинисты», предавшие рабочих Европы и мира в 1914 г., у Троцкого — Сталин и его «национал-большевики» в ВКП(б) и ИККИ после 1923 г.

Именно поэтому у Троцкого все сведется к тому, что «свинцовый зад бюрократии перевесил голову Революции», а главной «свинцовой чушкой» в этом «заду» станет генеральный секретарь ВКП(б): «Сталин… — это наиболее выдающаяся посредственность нашей партии…. Победоносная контрреволюция может иметь своих больших людей. Но первая ступень ее, термидор, нуждается в посредственностях, которые не видят дальше своего носа». (*Троцкий Л. Д.* Моя жизнь, т. 2, с. 255).

Однако и *термидорианские прагматики* (Красин, Чичерин, Сокольников и др.) после окончательного отхода Ленина от руля государства ничего не выиграли. Да, в сентябре 1923 г. Чичерину с помощью большинства в Политбюро удалось отбить наскоки Троцкого и не дать спровоцировать Польшу на войну с СССР в случае «броска» РККА через Виленский коридор в Германию. Но в 1927 г. тот же Сталин срывает выгодный СССР договор с Францией о долгах и кредитах только потому, что переговоры в Париже ведет «троцкист» Раковский.

И Красин в связи с затяжной болезнью Ленина уже на XII съезде РКП(б) в апреле 1923 г. забил тревогу. Он раскритиковал бодряческий тон отчетного доклада Зиновьева («все останется по-старому», как при Ленине) и заявил: «…Когда мне говорят, что какая бы то ни была тройка или пятерка заменит т. Ленина и что мы «все оставляем по-старому», то я говорю: нет, тт., по-старому мы оставить не можем, и старого этого не

будет до того момента, пока Владимир Ильич снова не возьмет в свои руки руль государственного корабля»[1]. И тут же Красин показал, что «тройка» — это «не по-старому»: она не занимается серьезной политикой, а навешивает политические ярлыки. В частности, от Зиновьева Красину достался ярлык «уклона к меньшевизму», на что наркомвнешторг на весь зал съезда объявил: Зиновьев — это не Ленин, а «панический демагог». Конечно, для Красина, как и для Чичерина, отход Ленина от текущих государственных дел был большим ударом. Красин вообще старался не иметь дел ни с «Гришей» (Зиновьевым), ни с «Кобой» (Сталиным) — он писал или шел напрямую к Ленину и почти всегда получал его поддержку.

Но затяжная болезнь, а затем и смерть Ленина обнаружили *главный дефект всей созданной им же партийно-советской системы: она начинала давать сбои и разваливаться, как только главный «машинист» покидал капитанский мостик.* Пресловутая «советская социалистическая демократия» оборачивалась без Ленина в игру партийных амбиций, когда реальный государственный вес по уровню компетенции или знаниям подменялся числом «ходок» в царскую тюрьму, ссылку или даже на каторгу. Кроме того, Ленин и сам пожинал плоды своей эмигрантской политической борьбы — ведь вокруг него к 1917 г. *не осталось ни одного соратника, равного не только по уровню политического «веса», но даже по возрасту*, за исключением Красина, Чичерина да Рязанова, которые, однако, не были ни членами, ни кандидатами в члены Политбюро — высшего «штаба» руководства партией и Коминтерном — и считались как бы большевиками «второго эшелона» (зато малограмотный петроградский слесарь Калинин или «сын батрака» с церковно-приходским образованием Рудзутак входили в Политбюро).

Пресловутая борьба за единство партии оборачивалась мелочным сведением счетов, манипулированием кандидатурами делегатов при выборах на съезды партии, прямым «подкупом должностью», а с 1926 г. — и использованием Сталиным настроений антисемитизма среди рядовых «партпризывников».

Словом, «орден меченосцев» был хорош для захвата власти и для Гражданской войны, но для условий мирного хозяйственного строительства он оказался непригодным.

Ленин слишком поздно понял это. Его лихорадочные попытки через «письма к съезду» 23—26 декабря 1922 г. и 5 января 1923 г. установить «баланс сил» в Политбюро (прежде всего между Троцким и Сталиным), увеличить количество «цекистов» до 50—100 человек, а также путем усиления контрольных функций ЦКК и РКИ (статьи «Как нам реорганизовать Рабкрин?» и «Лучше меньше, да лучше») эффекта не дали.

В самом деле — ну, что могли сделать избранные в Рабкрин рабочие «от станка» и крестьяне «от сохи» на заседаниях Политбюро, даже если им дали бы право «невзирая на лица», ни на чей авторитет «ни генсека, ни кого-либо из других членов ЦК», — «сделать запрос, проверить документы» и т. п.? (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 387). Ведь все «вожди» не только не хотели иметь в РКИ и Политбюро «ленинских надсмотрщиков», но даже печатать в «Правде» ленинскую статью о Рабкрине. И кто тормозил публикацию? «Любимец партии» главный редактор «Правды» *Николай Бухарин*, которого Ленин в Горках называл своим «приемным сыном»! А председатель ЦКК РКП(б) Куйбышев вообще «отмочил»: на заседании Политбюро предложил отпечатать статью «Как нам реоганизовать Рабкрин?»… в одном экземпляре «Правды» и «для успокоения» Ильича отправить этот экземпляр в Горки (*Медведев Р.* Указ. соч., с. 58). Тогда даже Сталин не поддержал такую «ложь во спасение», но запомнил оригинальное предложение: в 1934—1936 гг. он именно в одном экземпляре будет печатать «успокоительные» экземпляры «Правды» и «Известий» и отправлять их в Горки, но только больному Горькому, наглухо отрезанному от внешнего мира.

В конце концов обе статьи Ленина были напечатаны в «Правде» — о Рабкрине 25 января, а «Лучше меньше…» — 4 марта 1923 г. Но предложение Ленина о реорганизации

---

[1] См.: *B. Nikolayvsky.* Power and Soviet elite: a letter of «old bolshevik» and other essays. — New-York, 1965. См. Также: *Коэн С.* Бухарин. — М., 1988, с. 434; *Бухарин Н. И.* Избранные произведения. — М., 1988, с. 424—427.

Рабкрина по решению Политбюро так и не было внесено в повестку дня XIII съезда РКП(б), а стало быть, никакой радикальной реформы не последовало. Единственное организационное предложение Ленина из его «Завещания», принятое его наследниками, — это увеличение состава ЦК до 50 чел., что и было осуществлено на XIII съезде, но и оно обернулось против Ленина, ибо Сталин аппаратными мерами увеличил в этом «новом ЦК» число своих сторонников и противников Ленина — Троцкого.

Не дала эффекта и комиссия ЦКК по борьбе с бюрократизмом, которую Сталин по предложению Ленина создал в феврале 1923 г., но которая заработала без двух главных ее «моторов» — Ленина и Троцкого. По-видимому, Ленин еще надеялся, что он лично сможет присутствовать на XII съезде РКП(б) в апреле 1923 г. и наведет порядок, поскольку в январе — марте его состояние было относительно стабильным: он хотя все больше лежал, но мог еще читать, диктовать и даже писать левой рукой свои «письма издалека». А поездка в Москву 18—19 октября 1923 г. его просто вдохновила — авось выкарабкаюсь…

Ленинскую эстафету уже после смерти Ильича пытался было подхватить Дзержинский. 5—6 октября 1925 г. он написал большое и резкое письмо Сталину и Орджоникидзе, прямо указывая — борьба за «единство партии» все больше и больше превращается в борьбу партийных клик и амбиций: «Ленинцы, как пауки в банке, будут пожирать себя, по предвидению меньшевиков и Троцкого» (цит. по: *Краснов В., Дайнес В.* Указ. соч., с. 489). Сам «железный Феликс» в этом письме заявил, что он выходит из всяческих фракций, в том числе и из фракции «ленинцев» (Сталин — Бухарин), ибо не желает участвовать в расколе партии.

Однако оба крыла в партии — и «пролетарских доктринеров», и «термидорианских прагматиков» — в 1926 г. постигает тяжелый удар: 20 июля в Москве умирает от инфаркта *Дзержинский*, а 24 ноября в Лондоне от белокровия — *Красин.*

«Пауки в банке» продолжают пожирать друг друга, пока на XV съезде партии в декабре 1927 г., через десять лет после «Великого Октября» не побеждает один из них — СТАЛИН.

Пророчество *Шульгина* сбылось — «НЕКТО» пришел...

Часть II

СОЦИАЛИЗМ В ОДНОЙ СТРАНЕ

СТАЛИНСКИЙ НАЦИОНАЛ-БОЛЬШЕВИЗМ. ЛИЧНОСТЬ СТАЛИНА

У очень многих из уцелевших жертв большевизма и сталинизма всегда был велик соблазн найти простые решения — объявить Ленина и Сталина главарями «шайки бандитов», да и дело с концом.

Особенно заметен этот соблазн в отношении Сталина[1], и даже в 90-х гг. прошлого века, читая курс русской истории XX в. в Принстонском, Кембриджском и Парижском (Сорбонна) университетах, я на семинарских занятиях со студентами сталкивался с такой упрощенной схемой, навеянной, безусловно, переводами на многие языки солженицинского «Архипелага ГУЛАГ»: при Сталине одна половина жителей СССР сидела в лагерях, а другая половина — охраняла их на сторожевых вышках….

Конечно, у всех тоталитарных диктаторов были свои государственные и личные, семейные тайны. К государственным, например, у Сталина относилась тайна болезни, лечения и смерти Ленина в подмосковных Горках. Частное же всплывает до сих пор. Только в марте 2001 г. в английских и российских СМИ случайно всплыл более чем

---

[1] См., например, *Бим-Бад Б. М.* Сталин (исследование жизненного стиля). — М., УРАО, 2002.

полвека скрываемый факт: оказывается, и у Муссолини, и у Сталина накануне Первой мировой войны были совсем не те жены и дети, которых позднее в Италии и в СССР все знали. У Бенито это была владелица косметического кабинета, которая дала ему деньги на издание журнала, принесшего duce первую известность. Позднее и ее, и рожденного ею сына Муссолини навсегда упрятал в психиатрическую лечебницу под чужими фамилиями, где они погибли.

Иосиф Сталин, как говорили на Руси, также «прижил» от одной местной сибирской крестьянки в ссылке в Красноярском крае сына и обоих потом бросил. Только в начале 2001 г. сибирские журналисты в городе Новокузнецке обнаружили «сталинского внука» — инженера-конструктора *Давыдова* пятидесяти двух лет, подтвердившего на экранах телевидения путем показа семейных фотографий (в частности, своей бабки, сожительницы Сталина в период туруханской ссылки) свое родство с «вождем всех времен и народов».

Практически никто из семейного окружения Сталина, кроме сбежавшей при Брежневе за границу его дочери *Светланы Аллилилуевой*, не оставил личных воспоминаний о нем. Тем интересней пусть субъективные, но непосредственные впечатления «с близкого расстояния» о поведении Сталина на службе и в быту таких свидетелей, как не раз упоминавшийся на страницах этой книги личный секретарь Сталина и протоколист заседаний Политбюро в 1923—1926 гг. *Борис Бажанов.*

Авторское отступление

В 1989 г. в трех номерах «перестроечного» журнала «Знание — сила» (№ 7, 8 и 9) я опубликовал большие отрывки из «Воспоминаний бывшего секретаря Сталина». До этого в том же году отдельные цитаты из этой книги появились лишь в жур. «Огонек». В «Послесловии» к этой давней публикации я писал: «У этих «Воспоминаний» есть как бы второй план: хотя личные оценки Бажанова тенденциозны и субъективны, в последние три года они стали возрождаться (без ссылок на Бажанова) в нашей перестроечной публицистике и художественных произведениях.

Для примера укажем на одну из них, а именно: никакой идейной, политической и организационной борьбы, по Бажанову, у лидеров большевиков не было, а была банальная драка за власть, как в любой другой стране или любой другой партии». По Бажанову, в 1917—1927 гг. за власть в партии и в стране в «верхах» у большевиков дрались три группы: «первая — Ленин и Троцкий — фанатики догмы; они доминировали в годы 1917—1922, но сейчас они уже представляли прошлое. У власти и в борьбе за власть были две другие группы, не фанатики догмы, а практики коммунизма. Одна группа — Зиновьев и Каменев, другая — Сталин и Молотов. Для них коммунизм был методом…. Зиновьевы и Каменевы были практиками пользования властью; ничего готового не изобретя, они старались продолжать ленинские способы. Сталины и Молотовы стояли во главе аппаратчиков, постепенно захватывавших власть…. Для обеих групп, представлявших настоящее и будущее партии и власти, вопрос о благе народа никак не стоял, и его как-то даже неловко было ставить. Наблюдая их весь день в повседневной работе, я должен был в горечью заключить, что благо народа — последняя их забота. Да и коммунизм для них только удачный метод, который никак нельзя покидать.

Пришлось сделать вывод, что социальная революция была произведена не для народа. В лучшем случае (Ленин и Троцкий) — по теоретической догме, в среднем случае (Зиновьев и Каменев) — для пользования благами власти ограниченной группой, в худшем случае (Сталин) — для едва ли не преступного и голого пользования властью аморальными захватчиками». (*Бажанов Б.* Указ. соч., с. 117—118).

И далее в своем «Послесловии» я писал: «Почитаешь некоторые нынешние публицистические статьи, романы или посмотришь пьесы на общую тему «Борьба за лидерство в партии» и ловишь себя на мысли: а ведь все это Бажанов живописал гораздо ярче, хотя ни он, ни его эпигоны истину так и не раскрыли. Так не лучше ли

ознакомиться с уникальным документальным первоисточником, оставленным нам одним из первых авторов «антисталинианы», чем читать то же самое из вторых и третьих рук?» (жур. «Знание — сила», 1989, № 9, с. 43).

Надо сказать, что и эта публикация (но особенно мое замечание в «Послесловии» о кладези мудрости наших тогдашних «марксистских обновленцев» — Егора Яковлева, В. Логинова, М. Шатрова и др., давно ознакомившихся в бажановскими мемуарами в партийных спецхранах и списывавших из них для своих «перестроечных» статей и пьес образ Сталина-«зверя»), внесла свою лепту в копилку критиков «фальсификатора» Сироткина.

Между тем еще в 1989 г. в «Послесловии» к публикации «Из «Воспоминаний» бывшего секретаря Сталина» я отмечал: «Мемуары Бажанова ни при жизни Сталина, ни 30 лет спустя после его смерти никогда в СССР официально не были опровергнуты».

Самым ярым критиком воспоминаний Бажанова в 1930—1940 гг. был… Троцкий. Конечно, Л. Д. Троцкому, ревностному поборнику марксистской доктрины мировой пролетарской революции, создавшему для ее продолжения в 1938 г. в Париже IV Интернационал, претил антикоммунизм и антисемитизм Бажанова, которого он считал банальным ренегатом и карьеристом. В последнем случае Троцкий отчасти прав — сам Бажанов откровенно пишет, что он не чужд был вначале карьерных устремлений (чего стоит, например, первоначально изобретенный им новый устав партии «под Сталина», который, к удивлению 22-летнего Бажанова, неожиданно был одобрен и Лениным, и ЦК, и специально созванной в августе 1922 г. партконференцией), охотно пользовался благами (заграничные поездки) как один из руководителей Спортинтерна.

Но главное, думается, было в другом: Бажанов обладал острым взглядом и цепкой памятью и подмечал чисто человеческие недостатки, ядовито высмеивая их («не совсем чистая шевелюра» у Зиновьева, барство и тягу к роскоши у Каменева, орфографические ошибки Кагановича в русском письме, исправлению которых Бажанов и обязан своим «вознесением на Олимп» и т. д.). Он, конечно, подметил позерство Троцкого «для истории» и на конкретных примерах высмеял его (чего стоит сцена в Тронном зале Кремля в 1923 г., когда Троцкий, окончательно разрывая с «тройкой», пытается хлопнуть шестиметровой железной массивной дверью зала…). Такие вещи мемуаристам не прощают. Не простил этого Бажанову и Троцкий. Но его личная неприязнь к «ренегату» имела и другие последствия: Троцкий (безусловно, гораздо более авторитетный для Запада свидетель, чем никому не известный в 1929 г. технический аппаратчик Бажанов) зародил сомнение: «а был ли мальчик?», не подставная ли это фигура белогвардейцев, публикующая очередную фальшивку в духе пресловутых «писем Зиновьева» из Коминтерна?

Аргументация Л. Д. Троцкого, конечно, субъективна: Бажанов действительно был не только личным секретарем Сталина, но и техническим секретарем-протоколистом Орг- и Политбюро в 1923—1926 годах, что, кстати, подтверждается стенографическими отчетами съездов партии.

Спустя 15 лет после убийства Троцкого сомнения в подлинности личности Бажанова возродились как бы с другой стороны. У Троцкого он был «ренегат коммунизма», хотя членство в РКП(б) и идейная убежденность — не одно и то же. В период хрущевской «оттепели» на Бажанова навешивался другой ярлык — предателя, предтечи Власова. Вспоминаю, как на одной из идеологических встреч в МГУ в 1956 году, вскоре после XX съезда, кто-то спросил ответственного представителя Агитпропа ЦК КПСС: кто такой Бажанов и правда ли, что он первым за границей начал разоблачать культ личности Сталина? Агитпропщик, видимо, уже читавший первое издание мемуаров Бажанова с грифом «для служебного пользования» 1930 г., небрежно ответил: «Антисоветчик. Предатель. Воевал против нас в Финляндии в 1940 году». Действительно, Б. Бажанов не скрывает, что во время советско-финской войны 1939—1940 гг. он пытался сформировать в Финляндии из советских военнопленных антибольшевистский легион (хотя и неудачно), но он же в другой главе своих мемуаров пишет, что в 1941—1942 гг., подобно А. И. Деникину и П. Н. Милюкову и в отличие от генерала Краснова и

атамана Шкуро, — категорически отказался от предложений немецких фашистов пойти к ним на службу (там же, с. 42).

И получается, что при всем субъективизме Бажанова, его «Воспоминания» о Сталине — наиболее ценный источник о политической и личной физиономии «вождя всех времен и народов» середины 20-х гг., во всяком случае, гораздо более достоверные, чем мемуары «невозвращенцев»-дипломатов Беседовского, Дмитриевского и др., а также перебежчиков-разведчиков Игнатия Райса, Агабекова или Орлова, никогда не наблюдавших жизнь и деятельность Сталина с такого близкого расстояния, как Бажанов.

Вот, скажем, его оценка реального отношения Сталина к Ленину: «Я видел насквозь фальшивого Сталина, клявшегося на всех публичных выступлениях в верности гениальному учителю, а на самом деле искренне Ленина ненавидевшего, потому что Ленин стал для него главным препятствием к достижению власти. В своем секретариате Сталин не стеснялся, и из отдельных его фраз, словечек и интонаций я ясно видел, как он на самом деле относится к Ленину. Впрочем, это понимали и другие, например Крупская, которая в 1926 году говорила: «Если бы Володя был жив, то он теперь сидел бы в тюрьме» (свидетельство Троцкого из его книги о Сталине)». — Там же, с. 113.

Личные наблюдения Бажанова косвенно подтверждает другой свидетель эпохи болезни и смерти Ленина, бывший меньшевик-«спец» Николай Валентинов-Вольский, на мемуары которого мы еще не раз будем ссылаться ниже. Именно он донес до потомков фразу Сталина — *Ленину капут*. Вот как Валентинов-Вольский объясняет возникновение этой фразы: «Не могу указать… с кем, с какими врачами, иностранными или русскими, Сталин беседовал. Но, их расспрашивая, прибегая для большего уяснения вопроса к медицинским книгам, добавляя сюда свои наблюдения за давно падающим здоровьем Ленина, Сталин пришел к выводу, что Ленин не протянет долго, за первым ударом последуют другие. Главным образом, для проверки своего заключения он и ездил в Горки, где, — это можно установить по данным других источников, — был 11 июля, 5 августа и 30 августа. В два первых туда приезда он узнал, что, несмотря на бюллетени, успокоительно извещающие, что больной на пути к выздоровлению и «чувствует себя хорошо», припадки продолжались, выражаясь в кратковременном параличе конечностей и неожиданной, временной, иногда на 20—30 минут, потери речи или ее затруднении. Подкрепляясь этими наблюдениями, Сталин решил, что: «интересы страны, революции, партии властно требуют не рассчитывать на дальнейшее пребывание Ленина в качестве вождя партии и главы правительства. Политбюро должно работать так, как будто Ленина уже нет среди нас, ждать от него директив и помощи не приходится, и соответственно этому положению умело распределить между членами Политбюро все руководство страной».[1]

Отсюда понятна невидимая для посторонних взглядов, но нескрываемая перед «своими» радостная реакция Сталина на смерть Ленина 21 января 1924 г., которую фиксирует Бажанов: «…Тяжелое впечатление производит на меня Сталин. В душе он чрезвычайно рад смерти Ленина — Ленин был одним из главных препятствий по дороге к власти. У себя в кабинете и в присутствии секретарей он в прекрасном настроении, сияет. На собраниях и заседаниях он делает трагически-скорбное лицемерное лицо, говорит лживые речи, клянется с пафосом в верности Ленину. Глядя на него, я поневоле думаю: «Какой же ты подлец» (*Бажанов Б.* Указ. соч., с. 113).

Но Бажанов, на наш взгляд, верно определяет общую «родовую» черту Ленина и Сталина — «у обоих была маниакальная жажда власти; всю деятельность Ленина пронизывает красной нитью лейтмотив: «во что бы то ни стало прийти к власти, во что бы то ни стало у власти удержаться». Можно предположить, что Сталин просто стремился к власти, чтобы ею пользоваться по-чингизхански[2], и не очень отягощал себя другими соображениями.… В то время, как Ленин жаждал власти, чтобы иметь в руках

[1] *Валентинов (Вольский) Н.* Нэп и кризис партии после смерти Ленина (годы работы в ВСНХ во время нэпа). Воспоминания. — М.. 1991, с. 77.

[2] Бажанов явно использует услышанное им от Бухарина определение методов власти у Сталина — «Чингисхан с телефоном». — *Прим. авт.*

мощный и незаменимый инструмент для построения коммунизма…» (там же, с. 114—115).

Однако по уровню «культурности» и ума Сталин, конечно, ни в какое сравнение с Лениным не шел. Вот как характеризовал Бажанов своего «Хозяина»: «Всегда спокоен, хорошо владеет собой. Скрытен и хитер чрезвычайно. Мстителен необыкновенно. Никогда ничего не прощает и не забывает — отомстит через двадцать лет. Найти в его характере какие-либо симпатичные черты очень трудно — мне не удалось.

Постепенно о нем создались и легенды. Например, о его необыкновенной воле, твердости и решительности. Это — миф. Сталин — человек чрезвычайно осторожный и нерешительный. Он очень часто не знает, как быть и что делать. Но он и виду об этом не показывает. Я очень много раз видел, как он колеблется, не решается и скорее предпочитает идти за событиями, чем ими руководить.

Умен ли он? Он не глуп и не лишен природного здравого смысла, с которым он очень хорошо управляется….

Сталин малокультурен, никогда ничего не читает, ничем не интересуется. И наука, и научные методы ему недоступны и неинтересны. Оратор он плохой, говорит с сильным грузинским акцентом. Речи его малосодержательны. Говорит он с трудом, ищет нужное слово на потолке. Никаких трудов он, в сущности, не пишет: то, что является его сочинениями, — это его речи и выступления, сделанные по какому-либо поводу, а из стенограммы потом секретари делают нечто литературное (он даже и не смотрит на результат: придать окончательную статейную или книжную форму — это дело секретарское)» (там же, с. 146—147).

Добавим от себя: конечно, на фоне большевиков 20-х гг. — членов ЦК, окончивших хотя бы дореволюционную гимназию или реальное училище (Троцкий, Каменев), да еще вдобавок один-два курса отечественных (Бухарин) и даже заграничных (Зиновьев в Швейцарии) университетов, не говоря уже об «остепененных» (доктор экономики Григорий Сокольников-Бриллиант, Сорбонна) Сталин выглядел как «валенок из инородцев». Но по сравнению с Кагановичем, Калининым, Ворошиловым или Буденным он вполне мог сойти за «Маркса — Энгельса — Ленина», вместе взятых, — эти вообще были «азбучно» необразованными и являлись «шестерками» в большой политике. Вот когда в России в полном смысле проявился крестьянский здравый смысл в противовес «барскому» интеллигентскому уму, привитому в гимназиях.

Борис Бажанов первым сообщил еще в 1929—1930 гг. за границей «городу и миру», что его «Хозяин» еще в 1923—1926 гг. не брезговал весьма грязными методами устранения своих потенциальных политических соперников в партии и РККА. Для этих «дел» у него в секретариате был даже специальный секретарь по «темным делам» Григорий Каннер (расстрелян в 1937 г.).

Благодаря «Повести о непогашенной луне» Бориса Пильняка (о смерти Михаила Фрунзе на операционном столе от двойной дозы хлороформа 31 октября в 1925 г. — тираж журнала с повестью был в 1926 г. даже конфискован цензурой!) слухи о грязных приемах Сталина распространялись по Москве еще со второй половины 20-х гг. Тем более что за год до смерти Фрунзе в аналогичных обстоятельствах — от операции аппендицита — в мае 1924 г. умер от послеоперационного перитонита старый большевик Виктор Ногин (1878—1924 гг.). В обоих случаях операцию делал хирург Владимир Розанов, личный доверенный врач Сталина (в 1921 г. Розанов и ему делал сложнейшую операцию запущенного аппендицита, но будущий генсек остался жив). Впоследствии современники и исследователи сталинизма обратили внимание на странное совпадение в обоих случаях: и Ногин, и Фрунзе за два-три дня до операции почему-то переводились из Кремлевской больницы в Солдатенковскую (Боткинскую), главврачом которой был… Розанов[1].

---

[1] Подборку важных документов о странной неожиданной смерти Фрунзе см.: *Медведев Р.* К суду истории. Генезис и последствия сталинизма. — New-York, 1974, с. 112—119. Противоположную версию — Фрунзе умер случайно — см. жур. «Шпион», 1994, № 13, с. 78—81.

В том же 1925 г. в морском заливе Нью-Йорка странно и трагически утонул Эфраим Склянский (1892—1925 гг.), с сентября 1918 по март 1924 г. являвшийся первым заместителем Троцкого в Реввоенсовете. Официальная версия гибели — поехал один на моторной лодке удить рыбу, перевернулся и утонул.

Но Бажанов, свидетель назначения Склянского на «тройке» председателем совместной советско-американской торговой миссии «Амторг», вначале был крайне удивлен: пост этот чрезвычайно важен — СССР не имеет с США официальных дипломатических отношений. Поэтому «Амторг» — и «посольство», и одновременно «крыша» для Коминтерна и ИНО ГПУ. Но и как «торгпредство» эта миссия была крайне важна для большевиков — в 1921/22 гг. именно через «Амторг» Советская Россия после провала сделки Троцкого в 1920 г. в Швеции уже закупила в США две сотни паровозов, переделанных под широкую «русскую» железнодорожную колею. И вдруг — Сталин на «тройке» настаивает на назначении на этот важный пост какого-то 33-летнего «пацана» из «местечковых экстернов» (Г. Е. Зиновьев), ни уха, ни рыла не понимающего в торговле, да еще «капиталистической».

Каменев недоумевает — вся партия знает, что в Гражданскую войну именно Склянский был техническим исполнителем воли Троцкого по искоренению «партизанщины» в Красной Армии и именно руками Склянского он в конце концов изгнал Сталина и Ворошилова из РККА. Но Сталин настаивает. Его поддерживает на Политбюро Зиновьев: на Склянского ему, в сущности, наплевать, но это — удар по Троцкому (Зиновьев не может простить «демону революции» 1919 год — время наступления ген. Николая Юденича на Петроград: будущий председатель Коминтерна тогда настолько перетрусил, что в буквальном смысле от страха обмочился, и был заклеймен Троцким, срочно прибывшим в Питер спасать положение, как «паникер», «трус» и «местечковый жиденок»).

Смысл этой комбинации Сталина Баженову становится ясным только после получения секретариатом генсека шифрованной телеграммы из США о гибели Склянского вскоре после его приезда в Америку. Бажанов немедленно пошел к секретарю Сталина «по темным делам» Каннеру и спросил: «Гриша, это ты утопил Склянского?» Гриша прямо не признался, но Бажанову и другим личным секретарям «чудесного грузина» стало очевидным, что «Склянский утоплен по приказу Сталина и что «несчастный случай» был организован Каннером и Ягодой» (*Бажанов Б.* Указ. соч., с. 91).

Однако самые сенсационные предположения по использованию «убийц в белых халатах» (термин антисемитской кампании Сталина в 1951—1953 гг. против врачей в СССР. — прим. *авт.)* опубликовал уже не раз цитированный в этой книге Н. Петренко в его очень интересной объемной статье «Ленин в Горках — болезнь и смерть» (альманах «Минувшее», т. 2, Paris, 1986).

Автор выдвинул и обосновал версию о том, что Сталин приставил к Ленину в Горках в 1922—1924 гг. своих доверенных «врачей-вредителей» — хирурга В.Н. Розанова и невропатолога В. П. Осипова.

О странной роли первого в смерти Ногина и Фрунзе уже говорилось выше. Не менее странным было привлечение хирурга к лечению Ленина — ведь больной ни в каком хирургическом вмешательстве не нуждался…. Между тем именно Сталин после очередного удара у Ильича 11 марта 1923 г. лично позвонил Розанову и попросил его «подключиться» к лечению Ленина в Горках. Много лет спустя Сталин, до самой своей смерти державший обстоятельства болезни, лечения и смерти Ленина под своим личным контролем, специально принудил младшую сестру Ильича Марию Ульянову объяснить в некрологе на смерть Розанова («Известия», 18 октября 1934 г.), почему это вдруг он «прикрепил» к парализованному Ильичу… хирурга. Оказывается, генсек сделал это едва ли не по личной просьбе… самого Ленина (напомним, что больной видел «чудесного грузина» последний раз за полгода до «прикрепления» Розанова — 30 августа 1922 г.!).

Не лишне отметить, что в самом начале 30-х гг. и снова по рекомендации Сталина Розанов становится профессором-консультантом центральной больницы ОГПУ в

Москве. Показательны и «маршальские» похороны Розанова в октябре 1934 г., устроенные «его» врачу Сталиным: вереница автомобилей с венками, над траурной процессией — эскорт аэропланов, в «Правде» и «Известиях» — большие некрологи, а у гроба в почетном карауле — Крупская и Мария Ульянова.

Еще более странная роль была отведена Сталиным Виктору Петровичу Осипову (1871—1947 гг.). Тут сомнений вроде бы быть не могло — он известный в 30—40-х гг. советский врач по прогрессивному параличу и «душевным заболеваниям», однако в 20-х гг. не настолько опытный невропатолог, как мировые величины типа проф. Владимира Бехтерева (1857—1927 гг.) или проф. Григория Россолимо (1860—1928 гг.), имя которого и сегодня носит психоневрологическая клиника в районе Пироговских улиц (бывшее «Девичье поле») в Москве. Обоих приглашали в Горки только на разовые консультации, тогда как Осипов находился при Ленине неотлучно. И это при том, что Осипов был из Ленинграда, где он заведовал кафедрой нервных болезней Военно-медицинской академии, откуда специально был вызван и поселен Сталиным в Горках.

Н. Петренко очень внимательно изучил не только биографию Осипова, но и проанализировал все его специальные медицинские труды по психиатрии, опубликованные в 20-х — начале 30-х гг. И вот какая любопытная картина обрисовалась. Оказывается, и Розанов, и Осипов в 1918—1921 гг. «баловались» политикой, причем Розанов (петербуржец по происхождению и первоначальному месту жительства) примыкал к меньшевикам и летом 1918 г. вошел в петроградское отделение полуподпольного «Союза возрождения России», основанного кадетами, эсерами и народными социалистами, лидеры которых (В. А. Мякотин и С. П. Мельгунов[1]) и возглавили этот «Союз». ЧК быстро «замело» всех «возрожденцев», и многие из них в тюрьме довольно скоро «раскололись», дав подробные показания (особенно усердствовал Розанов, написавший подробную «историческую справку», где выдал политические планы многих своих не арестованных «подельников» — Милюкова, Авксентьева и др.)[2]. Очевидно, за это он был прощен ЧК, выпущен, но, скорее всего, был в период заключения завербован чекистами — вряд ли Сталин в 1921 г. лег бы под нож к незавербованному и непроверенному врачу-хирургу из «бывших»….

Позднее, в мае 1921 г,. в Петрограде, как бывший кадет, был арестован и профессор Осипов, но почему-то подозрительно быстро выпущен[3]. Скорее всего, и его завербовали, и при определении врачей, которых надо было приставить к Ильичу в Горках (напомним, что по решению ЦК Сталин в декабре 1922 г. был назначен «куратором» лечения Ленина, а значит — за ним закреплялся и контроль за врачами) Осипов попал в число «проверенных» ВЧК[4].

В этой связи Петренко поразила не сама методика Осипова по лечению парализованного Ленина (здесь сохранилось мало медицинских документов), а то, как с 1923 г. Осипов отражал в своих многочисленных специальных медицинских статьях, а также в явно ориентированных Сталиным «Воспоминаниях» в 1927 г. эту методику лечения и сам характер заболевания Ильича: фактически проф. Осипов доказывал, что Ленин был болен наследственным сифилисом мозга, от которого и умер (?!). Никто из других, более опытных врачей-невропатологов (Бехтерев, Россолимо, немецкий врач Готфрид Форстер и др.), также опубликовавших после смерти Ильича свои воспоминания о том, как они лечили Ленина, ничего подобного не писали.

Петренко задается вопросом — как мог «социально чуждый» (бывший кадет!) и сравнительно малоизвестный петроградский врач-невропатолог, далеко не мировое

---

[1] Не от своего ли «подельника» Мельгунов, тоже избежавший расстрела, но после освобождения высланный в октябре 1922 г. на «философском пароходе» за границу, узнал об истинной болезни Ленина — «сифилисе мозга», о которой он потом будет писать в своих эмигрантских трудах?

[2] «Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет, 17—25 апреля 1923 г.». — М., 1923, с. 115.

[3] «Красная книга ВЧК», т. 2. Изд. 2, уточнен. — М., 1990, с. 87—94.

[4] Исследователи феномена *сталинизма* (Роберт Такер из США, Рой Медведев, Дм. Волкогонов и др.) давно обратили внимание на иезуитскую способность Сталина умело использовать в своих политических целях борьбы за личную власть в партии и государстве «бывших», например, меньшевиков — Вышинского, Трояновского, Майского и др. Но они почему-то не продлили эту аналогию до врачей, лечивших Ленина в Горках в 1922—1924 гг.— *Прим. авт.*

«медицинское светило», публиковать о покойном «вожде мирового пролетариата» такой КОМПРОМАТ?

Ведь куда как более известному врачу-психиатру Бехтереву, действительно мировому медицинскому светилу, в декабре 1927 г. не то что статья — одна неосторожно брошенная фраза после обследования Сталина — «типичная паранойя» — немедленно стоила жизни. Кстати, пост директора Института мозга в Москве сразу после смерти и кремации Бехтерева — без вскрытия! — занял почему-то все тот же Осипов. На этом посту генерал-лейтенант медицинской службы и член-корреспондент Академии медицинских наук Виктор Петрович Осипов бессменно просидит целых двадцать лет, а в 1939 г. без обязательного кандидатского стажа будет еще и принят ЦК ВКП(б) сразу в члены партии (после него при Хрущеве такой чести будет удостоен только первый космонавт Юрий Гагарин!) и умрет своей смертью в 1947 году.

Так чем же бывший кадет заслужил такую милость «вождя всех времен и народов»?

* * *

Здесь необходимо сделать одно очень важное отступление, наглядно иллюстрирующее более позднее (1925 г.) откровенное заявление Дзержинского из письма Сталину — Орджоникидзе о «пауках в банке» — о борьбе в верхушке большевистского руководства за «кафтан Ленина» в последние месяцы жизни и сразу после смерти Ильича.

Дело в том, что после неожиданного визита Ленина 18—19 октября 1923 г. в свою кремлевскую квартиру, во время которого Ильич воочию убедился, что «пауки» уже списали его из числа живых и начали дележ его «кафтана» («шмон» в рабочем кабинете ленинской квартиры и похищение ряда важнейших документов из письменного стола[1]), его «соратники» не на шутку испугались. Во-первых, из-за появления «парализованного» Ленина в Кремле (значит, *начинает выздоравливать?*), во-вторых, из-за пропажи «бумаг» (*списали!*). Поэтому «тройка» с 20 октября 1923 г. и вплоть до смерти Ленина 21 января 1924 г. буквально прорывалась к Ленину в Горки, но *неизменно получала отказ*, хотя в тот же промежуток времени Ленин почему-то принимал большевиков «второго плана». Так, 29 ноября 1923 г. — главного редактора «Правды» И. П. Скворцова-Степанова и секретаря ИККИ *Осипа Пятницкого*, 16 декабря 1923 г. — главного редактора жур. «Прожектор» А.К. Вронского и полпреда в Берлине *Н. Н. Крестинского,* одного из организаторов «мировой революции» в Германии[2], в конце ноября — начале декабря 1923 г.— дважды! — *Евгения Преображенского*, одного из редакторов газ. «Правда», публициста и писателя-фантаста, в 1922 г. выпустившего роман о мировой революции в Европе, имевший симптоматичный подзаголовок — «От нэпа к социализму». Впоследствии Преображенский отразил эти визиты и последние разговоры с Ильичем в статье «Немного

---

[1] История «кражи» у Ленина какого-то очень важного документа (возможно, первого чернового наброска «Письма к съезду»), обнаруженной им лично во время посещения 19 октября 1923 г. своей кремлевской квартиры, что вызвало у него нервный припадок («начал хрипеть, у него появились конвульсии»; испуганные «Крупская и [Мария] Ульянова… свели его вниз, посадили в автомобиль и привезли [снова] в Горки» — Валентинов-Вольский), со слов В. Н. Малянтовича, бывшего министра юстиции Временного правительства, после октябрьского переворота перешедшего на службу к большевикам (а ему, в свою очередь, рассказал домашний доктор *Василий Кремер*, лечащий врач Ленина в Горках), подробно изложена в «Воспоминаниях» *Ник. Валентинова-Вольского.* Указ. соч., с. 109—113. Малянтович рассказывал автору эту историю дважды — в 1923 г. в Москве и в 1930 г. в Париже, где Валентинов в это время был советником торгпредства СССР, а Малянтович приехал во Францию в кратковременную служебную командировку. «*Вы же знаете*, я вам рассказывал, — говорил Малянтович в 1930 г., — что Сталин выкрал из квартиры Ленина весьма неприятную вещь, написанную о нем Лениным, а Крупская, боясь мести Сталина, сделала все, чтобы замять, похоронить эту историю, чтобы никто и никогда о ней не говорил. Сталин за это сделал ее членом Центрального Комитета партии». — Там же, с. 112.

[2] Крестинский приехал в Горки с женой и маленькой трехлетней дочерью, которой Ильич подарил кукольные сандалики, такие же кукольные полуботиночки и красный флажок (см. *Ленин В. И.* Биохроника, т. 12. — М., 1982, с. 654). Впоследствии, 67 лет спустя, кандидат медицинских наук и заслуженный врач РСФСР *Наталия Крестинская* описала этот эпизод со слов позднее погибших родителей (Н. Н. Крестинский в 1938 г. был одним из главных фигурантов на процессе Бухарина — Рыкова и, по некоторым сведениям, на первом же заседании публично отказался от своих ранее данных показаний как выбитых следователями НКВД недозволенным путем; заседание суда прервали, Крестинского дополнительно «обработали», и далее он уже послушно играл отведенную ему роль). — «Дипломатический ежегодник. 1989». — М., 1990, с. 490—491.

о психологии (гений и одиночество)», вошедшей в его очередную книгу «В. И. Ленин (социологический набросок)» (М. — Л., 1924).

Характерно, что на всех этих беседах как врач обычно присутствовал *Осипов* (а, значит, и Сталин), не преминувший подчеркнуть это обстоятельство в своих многочисленных воспоминаниях и медицинских статьях о последних месяцах жизни «гения» в Горках (см., например, жур. «Наша Искра», 1924, № 1 — о визитах Крестинского и Преображенского). Оставили свои воспоминания об этих последних встречах с Ильичем в Горках и Крестинский с Пятницким, причем последний особо подчеркнул: «Во время моего рассказа о Германии он не отводил глаз от меня…» (*Пятницкий О. А.* У Ленина в Горках // В. И. Ленин. Воспоминания, т. 4, с. 454).

Сталин, разумеется, через Осипова был хорошо информирован о содержании всех этих бесед, но находился вне себя от ярости — его, «куратора» за здоровьем Ильича от ЦК, больной упорно не допускает к себе с августа 1922 г., причем даже в компании с Зиновьевым, главой Коминтерна!? Зато каких-то «поповичей» (Преображенский был родом из семьи православного священника) и прочих «жиденят» (Пятницкий, Вронский) привечает. Как и «Колю Балаболкина», который постоянно «шмыгает» в Горки (известно, что Бухарин случайно оказался свидетелем агонии и смерти Ленина в 18 час. 50 мин. 21 января 1924 г., т. к. в это время изо всех кандидатов и членов Политбюро единственный находился в Горках в санатории МК РКП(б) — ОГПУ, где лечился от гриппа).

Явное раздражение Сталина его неудачей в октябре — декабре 1923 г. проникнуть к Ленину в Горки одному или в компании с Зиновьевым проявилось в его заключительном слове по поводу т. н. «троцкистской» оппозиции в партии на XIII партконференции РКП(б) в первой половине января 1924 г.

Изо всех участников оппозиции он почему-то выделил *Преображенского* и издевался над ним (лицемер, постоянный политический оппонент Ленина и т. п.) даже больше, чем над Троцким. Но и «демону революции» Сталин отплатил весьма своеобразным способом. Врач-терапевт *Федор Гетье* (1863—1938 гг.), домашний доктор Ленина и Крупской с 1919 г. и одновременно лечащий врач семьи Троцкого, профессор-консультант Лечсанупра Кремля с конца 1921 г. по личной рекомендации Ильича и одновременно с 1920 г. главврач подмосковного «цековского» санатория «Химки», с мая 1922 г., после первого инсульта Ленина, безвылазно живущий в Горках (с Ильичем «под одной крышей около восьми месяцев во время его болезни» — из воспоминаний Ф. А. Гетье «Самый великий и самый скромный» // газ. «Рабочая Москва», 21.I 1935 г.), в середине ноября 1923 г. неожиданно отзывается «куратором ЦК» из Горок. Правда, в декабре 1923-го — январе 1924 г. Гетье время от времени появляется в Горках для разовых консультаций (хотя уже не живет там «под одной крышей» со своим пациентом), но *Н. Петренко* обращает внимание на одну важную деталь: подписи Гетье нет под «Актом патолого-анатомического вскрытия тела В. И. Ульянова (Ленина)» («Известия», 25. I 1924 г.), хотя домашний врач Ильича и Троцкого числится в составе комиссии, производившей вскрытие тела вождя[1].

Чем объясняется такой «прокол»? Технической ошибкой наборщиков правительственных «Известий» (что маловероятно)? Или при анатомическом вскрытии тела Ленина действительно были обнаружены аномальные изменения (например, следы яда в кишечнике и желудке?), но Гетье не дали высказать по этому поводу свое особое мнение? Ведь вопрос о вскрытии тела умершего вождя специально обсуждался на секретном заседании Политбюро ЦК РКП(б) в Кремле в ночь с 21 на 22 января 1924 г. И не исключено, что таким образом (отсутствием подписи домашнего врача Ленина и члена официальной медицинской комиссии) Троцкий отомстил Сталину за то, что тот

---

[1] Позднее, главным образом в зарубежной литературе, такого рода факты (заявление Калинина 19 января 1924 г. на съезде советов о скором выздоровлении Ленина, отсутствие подписи домашнего врача Гетье под актом вскрытия тела Ильича и т. п.) породили устойчивую версию о том, что Сталин через Розанова, Осипова и кухарку Кузнецову… отравил Ленина в Горках. См. *Elisabeth Lermolo.* Face of a victim. — New-York, 1955, p. 132—137; *Robert Payne.* The life and death of Lenin. — New-York, 1964, p. 603; *Луис Фишер.* Жизнь Ленина. — London, 1970, c.976—978.

послал ему на юг в сухумский санаторий телеграмму с ложной датой похорон Ильича — в результате «демон революции» опоздал.

Правда, много лет спустя, уже в эмиграции в Мексике в 1939 г., за семь месяцев до своей гибели от рук наемного сталинского убийцы, Троцкий глухо намекнет, что он не приехал на похороны Ленина еще и потому, что сам в 20-х числах января 1924 г.... едва не умер от «таинственной инфекции, характер которой врачи не разгадали до сих пор». А если принять во внимание, что рядом с этим признанием помещен раздел «Лаборатория ядов» [в Кремле], станет ясным источник этой «инфекции»[1]. Во всяком случае, вернувшись, Троцкий перестал брать в кремлевской аптеке любые лекарства, выписанные врачами Лечсанупра на его имя[2].

Вообще, в этой статье о кремлевском «Сверх-Борджия» Троцкий рассказал много такого, о чем он почему-то в период ожесточенной борьбы со Сталиным в партии в 1925—1927 гг. умолчал. Например, «когда я спрашивал врачей в Москве о непосредственных причинах смерти [Ленина], они неопределенно разводили руками. Вскрытие тела, разумеется, было произведено.., [но] яду врачи не искали (?!)... *(Троцкий Л.* Указ. соч., с. 78). Хотел искать, возможно, один Гетье, но его, скорее всего, к вскрытию не допустили — поэтому и подписи его нет...

Даже Каменев и Зиновьев, с которыми Троцкий с 1925 г. вновь вступил в «блок», на удивление «демона революции» молчали: «Они явно избегали разговоров об обстоятельствах смерти Ленина... отводя глаза в сторону... Точно свинцовая туча окутывала историю смерти Ленина» (там же).

А ведь Гетье был *единственным врачом* в Горках, который, по почти единодушному отзыву всех других врачей — отечественных и иностранных, — пользовался полным личным доверием Ленина как домашний доктор. Вот как вспоминал в жур. «Наша Искра» (1925, № 3, с. 34—35) врач-психиатр *Сергей Доброгаев*, с середины мая по середину ноября 1923 г. живший в Горках и пытавшийся научить Ленина заново говорить, отношение Ленина к врачебному синклиту, пытавшемуся его лечить: «…У Владимира Ильича ко всем нам, лечившим его врачам, обычно устанавливалась отрицательная реакция. Он настойчиво, иногда с эмотивным возбуждением, удалял от себя каждого из нас, более или менее вскоре после вступления в коллегию лечивших его врачей. И всем нам приходилось производить свои наблюдения в известной мере скрытно, наблюдая больного из соседней комнаты или же расспрашивая о состоянии его здоровья Надежду Константиновну, Марию Ильиничну или ухаживавших за больным сестер милосердия и санитаров. Только один из врачей — Ф. А. Гетье — не вызывал против себя этой отрицательной реакции больного, и это делало возможным осуществление более непосредственного, систематического врачебного наблюдения за больным» (цит. по: *Петренко Н.* Указ. соч., с. 185).

Не был ли Ленин кем-то (Троцким?) заранее информирован, что в этот «синклит» вмонтированы «агенты» Сталина?[3] И почему, судя по свидетельству проф. В. М. Бехтерева, больной категорически отказывался с конца июля 1923 г. брать лекарства (хинин, йодистые медикаменты и др.) даже из рук доверенного Гетье? И, может быть, сталинская легенда — Ленин якобы просил у него яд, чтобы разом покончить со своими мучениями, — была не более чем чекистским прикрытием истинного намерения Сталина действительно его отравить? И в этой связи не покажется фантастическим

---

[1] *Лев Троцкий.* Портреты революционеров. — М., 1991, с. 77 (статья «Сверх-Борджиа в Кремле»).

[2] *Н. В. Валентинов (Вольский).* Наследники Ленина. — М., 1991, с. 214.

[3] Косвенным подтверждением подозрений Ленина и сомнений Троцкого — тех ли врачей привлекает «куратор ЦК тов. Сталин» в Горки? — стало специальное заседание Политбюро 24 марта 1923 г., после того как с Лениным случился в начале марта очередной удар и он оказался парализованным и лишенным речи. Заседание, в отличие от обычной практики, вел не Каменев, а сам Троцкий. И уже совсем сенсационным было приглашение на это заседание шести немецких (помимо постоянных консультантов Г. Клемперера и Г. Фрестера, из Германии были приглашены О. Минковски, М. Нонне, О. Бумке и Адольф фон Штрюмпелль) и одного шведского врачей, которых попросили провести всесторонний консилиум у постели больного в Горках, обещав хорошо заплатить в валюте (сын шведского врача *Соломона Хеншена* (1847—1930 гг.), в 1957—1959 гг. опубликовал в Швеции воспоминания своего отца об этом заседании Политбюро и консилиуме в Горках). Этот факт приглашения иностранных врачей к Ленину в Горки тогда не скрывался (см. *Семашко Н.* Кто лечит Ленина? // «Правда», 22.III 1923 г.). По-видимому, Троцкий через Гетье уже знал какие-то детали истинной роли Розанова и Осипова в Горках, и путем приглашения опытных и незавербованных ВЧК иностранных врачей пытался нейтрализовать усилия Сталина «залечить» Ленина.

свидетельство бывшего коменданта усадьбы и одновременно повара в «Горках» *Гавриила Волкова*, только из рук которого Ильич (а не официальной кухарки Кузнецовой, якобы завербованной Сталиным — во всяком случае, она умерла своей смертью в Риге уже в 60-х гг.) принимал пищу. Будучи арестованным ОГПУ, в 1935 г. в Челябинском изоляторе он будто бы цитировал, по Элизабет Лермоло, слова Ленина, сказанные утром 21 января 1924 г., за несколько часов до неожиданной смерти: «Гаврилушка, меня отравили!.. Сейчас же поезжай и привези Надю... Скажи Троцкому... Скажи всем, кому сумеешь...» (E. Lermolo. Op. cit, p. 132—137).

Одно несомненно — Сталин отомстил и Гетье за его «особое» мнение и за возможную «записку Ильича» через четырнадцать лет, на процессе Бухарина — Рыкова в 1938 г.: домашнего врача Ленина и Крупской «присовокупили» к другим врачам — «отравителям» Горького, Менжинского, Куйбышева и, как и другого ленинского врача в Горках — Левина, наверняка бы расстреляли, если бы он не умер в ходе предварительного следствия.

«Тройка», претендовавшая на роль наследников Ильича и продолжателей ленинизма, не могла допустить утечки информации об истинном положении дел — о том, что ни Сталина с Зиновьевым, ни Каменева их УЧИТЕЛЬ и ВОЖДЬ *три с половиной месяца не принимал в Горках* и так и умер, никого из них не приняв, но успев, однако, продиктовать «добавления» к своему «Завещанию», в которых, как предполагалось выше, отразил свое весьма нелицеприятное мнение о «тройке», санкционировавшей (в этом Ленин был убежден) «шмон» в его домашнем кабинете в Кремле.

Поэтому создание «ленинской легенды» началось через сорок минут после того, как в 19 час. 30 мин. 21 января 1924 г. Бухарин позвонил из Горок в Кремль. Тон задал сам Зиновьев в своей в то время очень знаменитой статье «Шесть дней, которых не забудет Россия» («Правда», 30 января 1924 г.). Ложь была уже во второй фразе статьи: «Через час мы едем в Горки к уже к мертвому Ильичу: Бухарин, Томский, Калинин, Сталин, Каменев и я (Рыков лежит больной)». Бухарин никуда не ехал — он уже был в Горках, дежуря у тела мертвого ВОЖДЯ (через год, в первую годовщину смерти Ленина, он в своей статье «Памяти Ленина» 21 января 1925 г. напомнит эту свою невольную привилегию — «принимал последний вздох Ильича»). Однако «тройке» важно было представить партии и стране монолитное единство Политбюро после смерти Ленина, в котором единственной «паршивой овцой» был Троцкий, но он якобы высокомерно проигнорировал смерть Ильича и в Горки не поехал (как — на реактивном самолете? Но таковых в 1921 г. еще не было, а тогдашние аэропланы могли долететь из Сухуми, где в этот момент лечился «демон»: за два световых дня, а поезд-паровоз из Сухуми «плюхал» до Москвы» трое суток…).

Поздно вечером «пятерка» членов Политбюро на аэросанях выехала из Москвы в Горки. Но перед этим Зиновьев вызвал к себе на кремлевскую квартиру официального летописца Кремля уже известного нам *Владимира Бонч-Бруевича* и дал ему установку — как освещать первые сутки «коллективного руководства» без Ильича. Затем Бонч поездом вместе с врачами (включая Гетье), старшей сестрой Анной Ульяновой-Елизаровой и братом Дмитрием Ильичем и другими выехал в Горки…. Через год, к первой годовщине смерти Ленина, в серии статей «Смерть и похороны Владимира Ильича» в жур. «Красная новь» (вышли затем в конце 1925 г. отдельной брошюрой) Бонч-Бруевич выполнил указания Зиновьева. Бухарина в Горках уже «не было», он «ехал» вместе со всеми в аэросанях в «Большой дом» — усадьбу в Горках, «пятерка» вошла сплоченной колонной (но в первом издании «документальных» записок управделами Совнаркома впереди шествовал Зиновьев, а уже в последующих — Сталин, который якобы первым и подошел к бездыханному телу Ильича, дал перед телом «клятву» и поцеловал Ленина в лоб). Дальше вся эта история с прощанием членов Политбюро поздним вечером 21 января 1924 г. в Горках напоминала известный анекдот — кто вместе с Лениным нес пресловутое «бревно» на первом коммунистическом субботнике в Кремле?

В разгар острейшей борьбы с «троцкистами» «дуумвирату» (Сталин — Бухарин) выгодно было оттеснить Зиновьева и Каменева от «гроба Ильича». Поэтому к шестой годовщине со дня смерти Ленина в «Правде» (21 января 1927 г.), контролируемой сталинско-бухаринским большинством в ЦК партии, появляется статья очередного свидетеля смерти Ильича в Горках — некоего *В. Г. Сорина*, бывшего в 1918 г. «левым» коммунистом и противником Брест-Литовского мира, позднее одного из директоров Института Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б). Сорин впервые на страницах центрального партийного печатного органа пишет — первым из высшего партийного руководства СССР о смерти Ленина узнал Бухарин. Он же и оповестил об этом Кремль, ибо безотлучно, не хуже любого врача, находился в Горках при больном Ильиче. Сталин запомнил и это «предательство»: в 1939 г. Сорин будет арестован, в 1944 г. убит в лагере, в 1957 г., уже при Хрущеве, его мемуары включат в трехтомные воспоминания о Ленине, но факт присутствия Бухарина при последних минутах жизни Ильича вычеркнут; эта купюра останется и при всех последующих переизданиях этого труда в 60-х — 80-х гг.

Но под «бревно» подставили плечо и другие. *Анастас Микоян*, которого вообще в эти дни не было в Москве, в 1975 г. в своих мемуарах «В начале двадцатых…» сочинил собственную «лениниану». «27-й бакинский комиссар» и «слуга всех господ» сочиняет самозабвенно. Бухарин у него — не в Горках, а в Кремле, сам Микоян, разумеется, находится в кремлевской квартире Сталина, а не Зиновьева, куда «врывается крайне взволнованный Бухарин», крича — «скончался Ленин»…. И Микоян, который еще в 1925 г. на XIV съезде ВКП(б) относил себя к «членам ЦК — середнякам», сидящим там «в качестве городовых» только для того, «чтобы вожди не передрались», спустя полвека зачисляет себя в 1921 г. в «вожди»: «мы (!? — *Авт.*) мгновенно оделись и поехали в Горки»[1].

Верного холопа Сталина, а затем прислужника Хрущева (что не помешает ему вероломно предать «нашего Никиту Сергеевича» в октябре 1964 г. — этот эпизод хорошо отражен в кинофильме «Серые волки»), не смутила даже официальная публикация — брошюра «Отчет комиссии ЦИК СССР по увековечению памяти В. И. Ульянова (Ленина)» — М., 1925, что и в 1975 г. хранилась, в отличие от «Воспоминаний» Бажанова, не в партийных спецхранах, а в открытых доступах Ленинской или Исторической библиотек в Москве. А в официальном документе в аэросанях никакого Микояна и близко не было, как, впрочем, и Бухарина.

* * *

Понятное дело, что в этой борьбе за «кафтан» уже мертвого и потому неопасного Ильича Сталин не мог оставаться в стороне. Но вначале он действует не сам лично, а через доверенных лиц. Кому партия поверит больше? Ясное дело — лечащему врачу, безотлучно находившемуся при Ленине в Горках. И на авансцену партийной и советской печати после 21 января 1924 г. выпускается все тот же «агент ВЧК» проф. *Осипов.*

Внешне его многочисленные интервью и статьи не отличаются от аналогичных публикаций советских и иностранных врачей, лечивших Ленина в Горках, тем более что в «Правде» после публикации установочной статьи Зиновьева 30 января о «шести днях» заводится постоянная рубрика — «Врачи о болезни и кончине тов. Ленина» (первым в ней публикуется 31 января 1924 г. немецкий врач Фрестер, в том же номере — Елистратов, дежурный врач Борис Вейсброд и др.).

Но Осипов выступает раньше всех — даже раньше «главврача Коминтерна» Григория Зиновьева. Уже через неделю после кончины Ильича, 28 января 1924 г. в «Вечерней Москве» появляется обширное интервью «История болезни В. И. Ленина», взятое репортером газеты Г. Граевым у В. П. Осипова и Д. В. Фельдберга и имеющее

---

[1] *Микоян А. И.* В начале двадцатых… — М., 1975, с. 375.

подзаголовок «Наблюдения профессоров». Давид Фельдберг здесь — с боку припека. Он прибыл из Петрограда в конце ноября 1923 г. и провел в Горках всего два месяца, сменив врача Доброгаева, неожиданно отозванного из Горок, несмотря на его явные успехи по обучению Ленина разговорной речи. Фельдберг ничему Ильича не учит, да он и не умеет это делать, т. к. давно уже не практикующий врач, а профессор Петроградского института социального воспитания (модной тогда науки «социальная медицина»), которая Ленину совершенно не нужна. Скорее всего, он прислан Сталиным в помощь Осипову — генсеку ведь вовсе не нужно, чтобы Ильич снова заговорил….

Основная задача обоих профессоров — опровергнуть слухи о том, что Ленин в конце 1923 — начале 1924 г. якобы начал выздоравливать: стал самостоятельно читать газеты и уже произносить отдельные фразы. Осипов авторитетно опровергает эти слухи в «Вечерней Москве»: «Заголовки статей в газетах и подписи он мог прочитывать, но читать длинные тексты не мог…»

Фельдберг, вернувшись в Петроград, в свою очередь в интервью «Петроградской Правде» (12 февраля 1924 г.) выражается еще более витиевато: оказывается, у Ленина появился только навык «партитурного чтения» (?!), т. е. просматривая книгу или статью в газете, положенные на пюпитр, он тыкал пальцем и заставлял Крупскую «прочесть ему ту или иную статью из газеты или главу из книги».

Общий контекст рассуждений этих двух ставленников Сталина ясен: перед смертью Ленин был если и не «живой труп», то все равно «безнадежный инвалид», неспособный на диктовку никаких «добавлений» к своему пресловутому «Завещанию» в декабре 1922-го — начале марта 1923 г., т. е. не мог требовать перемещения Сталина физически. При этом обеих «подсадных уток» нимало не смущает, что их информация кардинально расходится с той, что ранее сообщали «Правда», «Петроградская Правда» и даже сама Крупская из Горок: «Врачи разрешили ему читать телеграммы» (К. Радек в «Правде» 11. IX 1923 г.); «с разрешения врачей он начал читать газеты» (Молотов в «Правде», 9. X 1923 г.); «читаем с В.[олодей] ежедневно газетки, вычитал и вытянул из нас все, что от него скрывали, — убийство Воровского, смерть Мартова и пр». (Крупская из Горок в письме Инессе Арманд 31. X. 1923 г. — «В. И. Ленин. Воспоминания», т. IV, с. 338).

Нет, утверждает Осипов в интервью телеграфному агентству РОСТА 22 января 1925 г., «после третьего обострения (6 марта 1923 г. — *Авт.*), унесшего способность произвольной речи, почти уничтожившего возможность самостоятельного чтения…», Ленин якобы превратился в «живой труп». Все это Осипов более детально повторяет в обширной статье в жур. «Наша Искра» (1925, № 1), упоминавшейся выше.

Как известно, в официальном «Сообщении о болезни и кончине В. И. Ульянова (Ленина)», подписанном наркомздравом Н. А. Семашко и лечащими врачами (включая и Осипова, но при отсутствии подписи Розанова и Гетье) и опубликованном в «Правде» 24 января 1924 г., говорилось, что по итогам вскрытия смерть наступила из-за «давнего склероза сосудов мозга, явившегося последствием чрезмерной мозговой деятельности и в связи с наследственным предрасположением к склерозу».

Последующие исследования мозга Ленина в Институте мозга у Бехтерева подтвердили этот диагноз, который первым еще в марте 1923 г. у живого пока Ильича установил шведский врач С. Хеншен на основе анализа крови больного (пять из шести немецких врачей, приглашенных Троцким на Политбюро, тогда с этим диагнозом не согласились).

Диагноз этот просуществовал в СССР десять лет, пока с 1934 г. не был заменен Сталиным по конъюнктурным политическим соображениям («обострение классовой борьбы по мере продвижения СССР к окончательной победе социализма») в связи с убийством Кирова 1 декабря 1934 г. в Ленинграде на версию о смерти Ильича от «отравленных» пуль Фани Каплан, стрелявшей в Ленина 30 августа 1918 г.[1].

---

[1] Сталин и здесь привлек своего верного агента: именно Осипов участвовал в Ленинграде в начале декабря 1934 г. в психологической обработке убийцы *Леонида Николаева* с тем, чтобы он раскрыл имена своих сообщников — Сталину непременно

Между тем «наследственное предрасположение к склерозу» было фамильной болезнью семьи Ульяновых. От него в 1931 г. вслед за Лениным пострадала Анна Ульянова-Елизарова (инсульт): четыре года она, как и Ленин в 1922—1924 гг., пролежала в параличе и умерла в 1935 г. От инсульта и паралича умерла в 1937 г. младшая сестра Ильича Мария, и от него же в 1943 г. — младший брат Дмитрий. Самое же парадоксальное — от склероза сосудов головного мозга, как и Ленин, страдал и Троцкий. Конечно, он никому и никогда, кроме своей жены Натальи Седовой, не признавался, а в своей автобиографии «Моя жизнь» с показным оптимизмом писал, цитируя своего исторического идейного противника Прудона, «отца» учения о мелкобуржуазном социализме: «Судьба — я смеюсь над тобой!». Но в реальной жизни в эмиграции к началу 1940 г. Троцкий был так измучен прогрессирующим склерозом сосудов головного мозга, что подумывал о самоубийстве. Во всяком случае, вряд ли случайно, что в написанном в том же году завещании он отметил: «Если склероз сосудов примет затяжной характер и мне будет грозить длительная инвалидность... то я сохраняю за собой право самому определить срок своей смерти».

Однако почти одновременно с официальной версией об атеросклерозе сосудов головного мозга у Ленина возникла и другая — неофициальная: Ильич умер от прогрессирующего паралича сосудов мозга, но не в результате атеросклероза, а из-за … наследственного сифилиса (?!). Скорее всего, эту неофициальную версию распространили за границей те самые немецкие врачи, что были приглашены 24 марта 1923 г. на Политбюро, а затем в конце марта — начале апреля — на консилиум 12 иностранных и отечественных врачей в Горки. Среди этих врачей из Германии был крупный берлинский терапевт Георг Клемперер (1865—1946 гг.), еще в феврале 1922 г. производивший обследование Ленина в Кремле. Летом того же года его вторично пригласили в Москву, и он несколько недель жил в Горках, наблюдая Ленина вблизи после удара 25 мая.

В марте 1923 г. Клемперера вместе с еще пятью германскими медицинскими светилами пригласили вновь на то самое знаменитое секретное заседание Политбюро 24 марта 1923 г., где обсуждался вопрос о диагнозе болезни Ленина и путях ее лечения. Как уже отмечалось, на семидневном консилиуме 12 «светил» в Горках в конце марта — начале апреля мнения разделились: русские врачи, один немец М. Нонне и швед С. Хеншен склонялись к атеросклерозу, другие немцы во главе с Клемперером — к прогрессирующему параличу как последствию наследственного сифилиса; при этом весь «синклит» ежевечерне ездил в Москву и обратно всю неделю обследования — в Москве медицинские светила отчитывались перед Политбюро в Кремле (см. *Луис Фишер*. Указ. соч., с. 873; *Петренко Н*. Указ. соч., с. 201).

По-видимому, вернувшись в Германию, немецкие доктора не очень блюли клятву Гиппократа — слухи о «сифилисе мозга» у большевика № 1 проникли в немецкую печать. Впрочем, они гуляли по газетам Европы уже после удара 25 мая 1922 г. Да и в самой Советской России после смерти Ленина некоторые лечившие его врачи, например, Розанов, делали аналогичные намеки (см. *Розанов В.* Воспоминания о Владимире Ильиче // жур. «Красная новь», 1924, № 6, с. 157—158).

Наркомздрав Николай Семашко вынужден был в своей статье «Что дало вскрытие тела Владимира Ильича?» («Известия», 25. I. 1924 г.) давать косвенное опровержение этим слухам: протокол вскрытия «кладет конец всем предположениям (да и болтовне), которые делались при жизни Владимира Ильича и у нас и за границей относительно характера заболевания» (цит. по: *Н. Петренко*. Указ. соч., с. 196).

К опровержению слухов о «неприличной болезни», от которой будто бы умер «вождь мирового пролетариата», подключается Зиновьев, все еще считающий себя наиболее достойным преемником Ленина. Для него все эти слухи — «глупые легенды», распускаемые «классовыми врагами» мировой пролетарской революции за рубежом (из

был нужен «заговор». Очевидно, Осипов и здесь выполнил задание своего «Хозяина», ибо в 1936 г. бывший кадет был награжден орденом. См. *Лидия Норд.* Маршал М. Н. Тухачевский. — Paris, 1978, с. 111.

речи 7 февраля 1924 г. на Петроградском совете), все это — «гнуснейшие легенды» (из статьи в «Петроградской Правде», 10. II 1924 г.), «глупые измышления» (из книги: *Зиновьев Г.* Ленин. — Пг., 1924, с. 176).

Однако, очень скоро выяснилось, что «классовые враги» здесь ни при чем: распространитель «глупых измышлений» окопался внутри «Первого Отечества Мирового Пролетариата», и им оказался один из лечащих врачей Ильича и ставленник Сталина доктор ОСИПОВ.…

* * *

Раскрыл «вредителя» все тот же *Н. Петренко.* Он сделал, казалось бы, совсем простую вещь: сравнил чисто медицинский трактат «Частное учение о душевных болезнях» (Пг., 1923), в котором Осипов представляет самого себя как врача-психиатра, специалиста по изучению прогрессивного паралича как последствия позднего сифилитического психоза, и его же воспоминания о болезни, лечении и смерти Ленина в Горках (опубликованы в Петрограде в печатном органе Военно-медицинский академии жур. «Наша Искра», 1925, № 1), в основу которых положено публичное выступление Осипова 14 марта 1924 г. в Доме просвещения им. Плеханова в Петрограде. Наложив один текст на другой, автор с удивлением обнаружил, что все симптомы абстрактного медицинского «сифилитического паралича» поразительным образом совпадают с конкретными симптомами болезни Ленина («немела правая нога», «частые припадки», «кратковременная потеря сознания», «продолжительные головокружения», во время которых, если Ильич шел, он «неожиданно падал», и, наконец, главный симптом — «расстройство речи». — *Петренко Н.* Указ. соч., с. 198—201).

Весь этот диагноз совершенно не совпадал с официальным «Сообщением о болезни и кончине В. И. Ульянова (Ленина)», которое подписал проф. Осипов в качестве члена официальной врачебной комиссии в Горках. Возникает законный вопрос — когда же лгал профессор? Когда подписывал опубликованное в «Правде» 24 января 1924 г. официальное сообщение о причинах смерти Ленина (атеросклероз), или ровно год спустя, когда в январе 1925 г. печатал свои «Воспоминания» в жур. «Новая Искра» («сифилис мозга»)?

Более того, через год после смерти Ленина из публикаций проф. Бехтерева и других лечивших Ильича в Горках врачей было уже хорошо известно, что тяжело больной вождь категорически отказывался принимать предписываемые Осиповым лекарства даже из рук своего домашнего врача Гетье. Тем не менее тот же профессор на страницах редактируемой им в Петрограде «Врачебной газеты» в собственной статье «О лечении прогрессивного паралича» (?!) вновь назвал эти лекарства, не забыв упомянуть, что именно их он прописывал покойному Ильичу.

Свою расходящуюся с официальной версию о смерти Ленина не от атеросклероза, а от прогрессивного паралича мозга как результата «неприличной» болезни Осипов неоднократно тиражировал в 1924—1930 гг. в своих многочисленных интервью, статьях и книгах, как в специальных медицинских (например, в учебном пособии «Руководство по психиатрии»), так и в мемуарных публикациях, не боясь обвинений в разглашении врачебной тайны.

Руководство Военно-медицинской академии в Петрограде явно не одобряло такой «самодеятельности» заведующего одной из ее кафедр и, похоже, пыталось вначале помешать активности Осипова, в частности, на страницах своего ведомственного журнала «Наша Искра», но потерпело фиаско. У Осипова почему-то настойчиво и постоянно брали интервью петроградские репортеры из телеграфного агентства РОСТА, ему заказывали статьи-воспоминания «толстые» журналы, в частности, «Красная летопись» и др. А на намеки коллег о нарушении врачебной тайны профессор ответил с твердокаменных позиций «беспартийного большевика»: «Врачебная тайна, особенно в

социалистическом государстве, весьма ограничена, настолько ограничена, что некоторые (уж не товарищ ли Сталин? — *Авт.*) и не без основания говорят не столько о врачебной тайне, сколько о врачебном такте»[1]. Иными словами, есть «буржуазная» клятва Гиппократа («тайна»), а есть «социалистическая» («такт»). Своим же хулителям из Военно-медицинской академии Осипов ответил еще более определенно: «нет ни одного врача... который не подвергался бы различным нареканиям и более или менее серьезным обвинениям, связанными с его врачебной деятельностью»[2].

Петренко, на наш взгляд, делает совершенно верное предположение: столь смелое и целенаправленное поведение Осипова по внушению специалистам и широкой публике мысли о том, что Ленин после 25 мая 1922 г. (именно в мае Сталин приставил его к Ильичу в Горках) от прогрессирующего паралича мозга «повредился в уме» («разжижился мозгом», как А. Д. Протопопов в 1917 г.), возможно было только при наличии «авторитетных и могущественных покровителей Осипова…» (*Петренко Н.* Указ. соч., с. 202).

Как обычно для тех времен, все точки над і расставил в эмиграции *Лев Троцкий*, явно бывший в курсе сталинских интриг с врачами в 1922—1924 гг. в Горках. В 1933 г. в Париже в оппозиционном бюллетене «троцкистов» он опубликовал довольно объективную статью «Почему Сталин победил оппозицию?», где среди прочих «побед» была и такая: «Уже при жизни Ленина Сталин вел под него подкоп, осторожно распространяя через своих агентов (Розанова, Осипова? — *Авт.*) слух, что Ленин — умственный инвалид, не разбирающийся в положении и проч. Словом, пустил в оборот ту самую легенду, которая ныне стала неофициальной версией Коминтерна для объяснения резкой враждебности между Лениным и Сталиным за последние год-полтора жизни Ленина»[3].

И, действительно, Карл Радек, еще в 1923 г. публиковавший в «Правде» статьи-панегирики в честь верного ленинца, «вождя пролетарских армий» Льва Троцкого, боевого соратника Ленина, уже в 1929 г., как «разоружившийся троцкист», заново восстановленный в ВКП(б), бегал по коридорам сталинского ЦК и обзывал Ильича не иначе как «гениальным дураком», прозрачно намекая, что в Горках он умер от «сифилиса мозга»[4].

Петренко справедливо заключает: «Заявлению Троцкого, кажется, можно доверять. Никто из членов Политбюро не был так заинтересован в низложении интеллекта Ленина последнего периода жизни, как Сталин. С этой целью, по-видимому, и была предпринята «сифилитическая кампания». В случае ее успеха легко объяснить всем заинтересованным лицам нелогичность завещательных статей Ленина.… Можно будет без труда доказать, что сближение Ленина с Троцким в конце 1922 и идея совместного с ним блока против Сталина, — в самой сути носят маниакально-болезненный характер. Окружающие уверятся, что письмо Ленина Сталину от 5 марта 1923 г. с угрозой разрыва личных отношений написано в состоянии болезненного гнева. И уж совершенно очевидно, что предложение Ленина освободить Сталина от обязанностей генсека, высказанное в «Письме к съезду», демонстрирует полную несостоятельность Ленина не только как когда-то способного государственного деятеля, но и как личность в целом» (там же, с. 205).

В этом, несомненно, и состояла *суть* устных и письменных выступлений врачей Розанова и Осипова в 1923—1933 гг. Однако сам главный *медицинский* вопрос — от чего в конце концов умер Ленин — от атеросклероза, прогрессивного паралича, вызванного наследственным сифилисом, или от подсыпанного ему в пищу яда (вариант

---

[1] *Осипов В. П.* Врачебная этика и врачебная тайна // «Врачебная тайна и врачебная этика». Сб. статей. — Л., 1930, с. 19.
[2] *Осипов В. П.* К вопросу об ответственности врачей // «Судебная ответственность врачей». Сб. статей. — М. — Л., 1926, с. 73.
[3] «Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев)», Paris, 1935, № 46, с. 4.
[4] Предисловие Бориса Суворина к кн.: *Валентинов В.* Малознакомый Ленин. — Paris, 1972, с. 9.

— в лекарства?) — *так и остался открытым.* И вряд ли будет закрыт и в XXI веке, составив одну из многочисленных тайн века минувшего о сильных мира сего[1].

Авторское отступление

Сталинская «удача» с «лечением» Ленина в Горках явно вдохновила его, к тому времени уже всесильного диктатора, на использование «медицинского сценария» на последнем московском политическом процессе — т. н. «Антисоветского «право-троцкистского блока» (чаще всего в литературе называемого «бухаринским»), состоявшегося в Москве 2—13 марта 1938 г.

Сам этот процесс-спектакль, как и два предыдущих — в августе 1936 г. над Зиновьевым — Каменевым и 14 их «подельниками» и в январе 1937 г. над Пятаковым — Радеком — Сокольниковым и еще 14 их якобы «сообщниками», уже давным-давно детально разобраны в мировой исторической литературе, причем установлен не имеющий прецедента в судебной практике феномен — сотрудничество палачей и жертв с целью сделать эти кровавые спектакли «образцовой» театральной постановкой. Чего стоит только один факт этой трагедии: Сталин в мае — июне 1937 г. лично проверял заранее обсужденный текст признательных показаний Бухарина и через своих эмиссаров (Ворошилова, Ежова) возвращал «любимцу партии» на «доработку»[2], как если бы он за десять лет до того правил «Программу мировой революции», подготовленную Бухариным к VI Всемирному конгрессу Коминтерна в Москве.

Но от многочисленных отечественных и зарубежных исследователей феномена сталинизма странным образом ускользнула одна деталь — привлечение к суду на «бухаринском» процессе группы высокопоставленных и квалифицированных московских врачей во главе с Львом Григорьевичем Левиным (1870—1938 гг.), ровесником Ленина, заведующим терапевтическим отделением Лечсанупра Кремля, с 25 апреля 1922 г. — еще одним лечащим врачом Ильича в Горках, в 1923 г. постоянно подписывавшим все медицинские бюллетени о состоянии его здоровья и оставившим об этих днях воспоминания[3]. После смерти Ленина Левин был куратором лечащих врачей Феликса Дзержинского, его зама по ОГПУ Менжинского, Валериана Куйбышева и, особенно, с 1932 г. домашним врачом у Максима Горького и его семьи (в частности, лечил его сына Максима Пешкова).

В 1926—1936 гг. все эти крупные большевистские деятели, а также писатель Горький и его сын Максим Пешков уже умерли, но теперь по дьявольскому сценарию Сталина на процессе следовало доказать, что все они (кроме Дзержинского) умерли не своей смертью в результате различных болезней, а были… отравлены. В группу «отравителей», помимо Левина, Сталин, собственноручно составлявший детальный сценарий процесса 1938 г., включил еще проф. Д. Д. Плетнева, лечившего с 1933 г. Менжинского и Горького, и доктора Игнатия Казакова, пользовавшего Менжинского собственноручно приготовленными медицинскими препаратами от грудной жабы, которой давно страдал глава ОГПУ (1926—1934 гг.). В «резерв» на скамью подсудимых для «врагов народа» были зачислены доктор А. И. Виноградов из медсанчасти ОГПУ, изредка пользовавший Горького, и домашний доктор Ленина и Крупской проф. Федор Гетье (не дожил до процесса — умер в тюрьме от побоев: ему уже было 75 лет).

Возглавлял все это преступное врачебное сообщество будто бы сам чекистский «комиссар» Генрих Ягода, бывший глава ОГПУ в 1934—1937 гг., который, по сценарию Сталина, и давал через Левина указания врачам — кого убить сегодня, кого отравить завтра, а с кем пока погодить. Для «доказательств» карьеристских устремлений Ягоды ему и врачам дополнительно «подвесили» еще и якобы неудачную попытку отравить

---

[1] Другие версии болезни Ленина и роли Сталина в его «лечении» в Горках см.: *Шатуновская Л.* Жизнь в Кремле. — New-York, 1982; *Автарханов А.* Убил ли Сталин Ленина? / «Новый журнал (Нью-Йорк), 1983, кн. 152; *Николаевский Б.* Тайные страницы истории. — М., 1995.

[2] *Коэн С.* Бухарин. Политическая биография, 1888—1938. М., 1988, с. 445.

[3] *Левин Л. Г.* Из моих воспоминаний. Вып. 1. — Л., 1925, с. 145—159.

наркома НКВД Николая Ежова («отравили» ртутью шторы в его квартире), посаженного Сталиным на место Ягоды в марте 1937 г.[1].

Правда, доказательства методов «вредительства» даже по тем беспредельным временам выглядели на суде более чем странно. Левин, например, на допросе его Вышинским в зале суда признался в таком преступлении: в 1935 г., будучи с Горьким в Крыму, он не запрещал писателю разводить на берегу Черного моря костер: «Горький стоял около этого костра, было жарко, и все это вредно действовало на его здоровье»[2]. Не менее нелепую околесицу нес и доктор Игнатий Казаков, личный врач Менжинского. По словам этого подсудимого-врача, в смерти начальника ОГПУ виноват… неправильный ремонт его нового дома-особняка на одной из Мещанских улиц в Москве, куда семья Менжинских переехала 6 ноября 1933. Почему-то глава сталинской охранки, страдавший бронхиальной астмой, был столь беспомощным, что не мог отказать своему ХОЗУ и поехал в дом, воняющий свежей краской. Астматик Менжинский от запаха краски едва не задохнулся, и вовремя подоспевший Казаков его тогда откачал. И все это, по словам Казакова, якобы подстроил Ягода.

Вышинского, однако, все это — дом, краски, запахи — явно мало интересует: ему важно «озвучить» главный заказ Сталина — яды. Ведь у Казакова под рукой целая современная медико-химическая лаборатория, по существу, фармацевтическая фабрика, на оборудование которой ему еще в начале 30-х гг. правительство выделило немалые средства, в том числе — и валютные. Поэтому неистовый сталинский прокурор бьет в одну точку, загоняя в угол насмерть перепуганного врача: какие препараты вы давали от бронхиальной астмы Менжинскому, были ли они ядовиты, в каких дозах давали их больному? И, самое главное, — какова во всем этом роль Ягоды? Наконец, Вышинский добивается главного. Трясущийся Казаков произносит ключевую фразу из сталинского сценария: Ягода «требовал такого метода лечения, который ускорил бы смерть Менжинского» («Судебный отчет...», с. 270).

Вышинский сразу же объявляет получасовой перерыв, по окончании которого приглашает в зал суда главу группы экспертов по анализу медикаментов (т. н. лизатов) Казакова, которыми он в 1933 — мае 1934 гг. лечил покойного Менжинского. Разумеется, группа медицинских экспертов — четыре профессора, два из которых заслуженные деятели науки РСФСР и один доктор медицины, тут же признают, что эти изобретенные Казаковым лизаты — не что иное, как ядовитые вещества, Казаков производство их в своей лаборатории-фабрике засекретил, этим «ядом» по указанию Ягоды врач и «лечил» Менжинского. В результате такого «лечения» (а по сути — отравления) это привело «к истощению сердечной мышцы больного», от чего «в ночь с 9 на 10 мая [1934 г.] Менжинский скончался при явлениях упадка сердечной деятельности» (там же, с. 273).

При чтении этого заключения Левин кричал со скамьи подсудимых: «Я не мог контролировать лизаты, потому что я никогда не верил в метод лечения Казакова… Я считал это авантюризмом. Никто не знал, как Казаков приготовлял лизаты» (там же, с. 270). В итоге загнанный в угол Казаков во всем признался — «я отравил Менжинского», и был приговорен к расстрелу.

Но не спаслись и Левин с Ягодой — их тоже расстреляли, наряду с Бухариным, Рыковым, Крестинским, Розенгольцем и еще 13 обвиняемыми на этом целиком сфабрикованном Сталиным и его подручными процессе. Из врачей один проф. Плетнев, как «не принимавший непосредственного активного участия в умерщвлении тт. В. В. Куйбышева и А. М. Горького, хотя и содействовавшего этому преступлению», получил 25 лет тюрьмы (20 лет получил и Христиан Раковский, которого НКВД расстреляет позднее вместе с Марией Спиридоновой и Ольгой Каменевой-Бронштейн в Орловском централе в октябре 1941 г. во время прорыва немецких танков к городу Орлу).

[1] Ежов немедленно 18 марта 1937 г. на собрании руководящего состава в клубе НКВД на Лубянке объявил с трибуны, что, оказывается, Ягода с 1907 г. (тому было всего 10 лет) был завербован царской охранкой, затем стал германским шпионом, а посему — уже арестован и ждет суда. См.: *Геллер М., Некрич А.* Утопия у власти. — М., 2000, с. 298.

[2] «Судебный отчет по делу Антисоветского «правотроцкистского блока». Краткая стенограмма. М., 1938, с. 237.

Словом, процесс прошел гладко, по заранее разработанному сценарию. Случай с Крестинским — досадное недоразумение: все равно на другой день во всем признался, хотя по сию пору упорно ходят слухи — это был не он, а его двойник — см.: *Медведев Р.* Указ. соч., с. 333—334; у Сталина на каждого подсудимого заранее было приготовлено по двойнику[1].

И все же до сих пор остается непонятным — зачем нужно было выводить на «сцену» эту группу врачей-«отравителей», городить огород с «ядами» и лабораториями? Припаяли бы, как и всем остальным, «шпионаж» и «терроризм», на худой конец — «вредительское» лечение Левиным раненного в 1918 г. Ленина — да и дело с концом, сиречь — расстрелом. Так нет же — такое кадило развели: целых три заседания провели, только медицинских «экспертиз» шесть штук зачитали. Зачем? Тем более что по «делу врачей» главных обвиняемых, кроме Ягоды, не трогали — ни Бухарина, ни Рыкова, ни Крестинского с Раковским.

Но Сталин ничего просто так не делал. Значит, «врачи-отравители» ему были зачем-то нужны. Зачем? А вот зачем.

К марту 1938 г. Сталин физически уничтожил всех соратников Ленина, все еще помнивших, что Ильич никогда не выступал за «социализм в одной стране», что он жил и умер доктринером мировой пролетарской революции, ради которой и был создан СССР — первое Отечество мирового пролетариата.

Из живых свидетелей старой большевистской гвардии, помнивших и знавших истинные отношения Ленина и Сталина в последние два года жизни Ильича в Горках, сталинское «кураторство» за его лечением, контактами, перепиской и чтением газет и, что самое страшное для «гения всех времен и народов», через одного из лечащих врачей доктора Федора Гетье и личную секретаршу Ленина в Горках Марию Гляссер, располагавших рядом убийственных документов (как Сталин через своих агентов-врачей Розанова и Осипова «залечил» Ильича в Горках до смерти) — оставался один Троцкий.

Конечно, на московских процессах старых большевиков в 1936—1938 гг. Сталин попытался идейно дискредитировать Троцкого и «троцкизм» — «демон революции» незримо сидел на скамье подсудимых и рядом с Зиновьевым — Каменевым в 1936 г., и с Пятаковым — Радеком — Сокольниковым в 1937 г., и с Бухариным — Рыковым в 1938 г.

Но все это годилось для внутреннего употребления — для пропагандистского развенчания и арестов «троцкистов» внутри ВКП(б) и СССР. На заграницу московские процессы не действовали, несмотря на то, что Сталину удалось обмануть ряд крупных интеллектуалов Запада (Бернарда Шоу, Ромена Роллана и др.), а один из них — крупнейший немецкий писатель Лион Фейхтвангер (1884—1958 гг.) — купился настолько, что удостоверил в своем репортаже «Москва. 1937 год. Отчет о поездке для моих друзей» (оригинальное немецкое издание вышло в 1937 г. в Амстердаме) подлинность судебных процессов над «врагами народа», написав буквально следующее — «вина подсудимых… доказана исчерпывающе»! Книгу писателя молниеносно перевели в СССР[2], а его исторический роман из другой эпохи — «Жозеф Фуше» — уже использовали на «бухаринском» процессе 1938 г. как «вещдок» против Ягоды.

Скорее наоборот — чем больше Сталин дискредитировал «троцкистов» как «иностранных шпионов» и «убийц», тем активней Троцкий в своем изгнании в Мексике набирал политические очки. Ведь именно в 1938 г. его сторонники создали, наконец, в Париже «истинно марксистско-ленинский» IV Коммунистический Интернационал и заочно избрали Троцкого его председателем. И хотя этот Интернационал, существующий и по сей день, объединяя по всему миру сегодня около 100 тыс. чел., в

---

[1] Версии о «двойниках» (и не только на московских процессах 1936—1938 гг., но и у самого Сталина) сегодня в большом ходу у росийских историков и мемуаристов. Утверждается, что у Сталина было не менее десятка двойников: малограмотный грузинский крестьянин *Рашид* (его якобы обучал сам актер А. Дикий, исполнитель роли Сталина в кино), *Евсей Лубицкий*, еврей-бухгалтер из Винницы, *Христофор Гольштаб* (будто бы сопровождал вместо Сталина гроб с телом Кирова в поезде Ленинград — Москва) и др. См.: *Красиков С.* Возле вождей. — М., 1997, с. 15; *Гордеева В.* Расстрел через повешение. — М., 1995, с. 345.

[2] Перепечатано в сборнике «Знаменитые евреи». — М., 1997.

момент его создания насчитывал не более 3 тыс. членов, политически его создание было крупным поражением Сталина.

Полемизировать с Троцким на равных — а последний в 1937—1938 гг. выпустил целый «водопад» антисталинских книг («Перманентная революция», 1930; «Моя жизнь» в двух томах, 1930; «Сталинская школа фальсификации», 1932; «История русской революции» в двух томах 1931—1933; «Преданная революция»[1], 1936) — Сталин, конечно, не мог: не то образование, не та эрудиция, не то перо.

Но и использовать, как прежде, таланты своих временных «попутчиков» — бойкое перо Карла Радека или марксистскую эрудицию Николая Бухарина, на которого работал целый ИКП — Институт красной профессуры в старинном особняке у Крымского моста в Москве (ныне в нем размещается Дипломатическая академия МИД РФ), — Сталин в борьбе с Троцким с 1938 г. уже не мог: Радек находился в тюрьме, а Бухарин 15 марта был расстрелян. Расстрелян был тот самый «Бухарчик», которому Сталин был обязан не только своей победой над Троцким в 1924—1927 гг., но самой «теорией» о возможности построения социализма в одной стране (у Бухарина она, правда, называлась несколько по-другому — «об одной стране в изоляции» — февраль 1924 г., и этот тезис трактовал нэп лишь как более долгую и извилистую дорогу к по-прежнему неизбежной мировой революции). Годом ранее Сталин приказал расстрелять и своего домашнего учителя — лектора по диалектике Гегеля латыша Яна Стэна (1899—1937 гг.), завсектором агитпропа Коминтерна (1924—1927 гг.) и замзав агитпропа ЦК ВКП(б) в 1927—1928 гг., с 1930 г. — профессора ИКП. В 1931 г. он попал вместе с акад. Дебориным в «меньшевистскую школу» философов-идеалистов, разгромленную вместе с редакцией жур. «Под знаменем марксизма». В октябре 1932 г. за связь с «контрреволюционной группой Рютина» исключен из партии и сослан в Казахстан. Все это, впрочем, не помешало Сталину присвоить авторство Стэна и поместить анонимно его статью о диалектическом материализме в свой «Краткий курс ВКП(б)[2].

Оставался один, уже почти двумя десятилетиями проверенный метод — плаща и кинжала. На дальних подступах к разгадке смерти Ленина — еще в 1927 г. — Сталин ликвидировал двух важных медицинских свидетелей — всемирно известного профессора Бехтерева и еще одного ленинского лечащего врача Павла Елистратова.

И вот теперь «демон революции», с опозданием в 14 лет, решил, наконец, взорвать свою главную «атомную бомбу» — издать итоговые книги: «Сталин» (в двух томах) и «Преступления Сталина»[3], а в документальном приложении к ним — опубликовать все «добавления» Ильича к политическому «Завещанию» 1922—1923 гг. Кроме того, Троцкий собрал большой материал для книги «Преступления Сталина» (издана по-русски в Москве в 1992 г.). Таким образом, Троцкий попытался в 1938—1940 гг. выполнить данное им еще в 1932 г. в «Сталинской школе фальсификации» обещание: «Сталин завел нас в тупик. Нельзя выйти на дорогу иначе, как ликвидировав сталинщину.... Надо, наконец, выполнить последний настоятельный совет Ленина: убрать Сталина»[4].

И Троцкий в 1938—1940 гг. в Мексике начал усиленно выполнять этот ленинский «последний настоятельный совет» —лихорадочно писать книгу «Сталин».

Увы, он и на этот раз опоздал, и теперь уже окончательно: вечером 20 августа 1940 г. в момент, когда он писал заключительные страницы своего «Сталина», сталинский

---

[1] В первоначальном варианте книга называлась по-другому — «Что такое СССР и куда он идет?». Автор располагает в своей домашней библиотеке уникальным изданием этого первого варианта (ротапринт) с собственноручной правкой Л. Д. Троцкого. Книгу эту ему еще в 1969 г. подарил в Париже известный французский историк троцкизма и профсоюзный функционер *Жан-Жак Мари.* Книгу использовал также Дм. Волкогонов, одним из первых в ельцинском окружении получивший доступ к секретным кремлевским архивам. Ротапринт этой книги Волкогонов обнаружил в личной библиотеке Сталина в Кремле. См.: *Волкогонов Дм.* Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина, т. 2. — М., 1990, с. 662.

[2] *Солдатенков В. Д.* Политические и нравственные последствия усиления власти ВКП(б). 1928—1941. Спб., 1994, с. 63—64.

[3] Первый отрывок, подготовленный Троцким 11. X. 1939 г. для жур. «Life», так и не был опубликован. Отчаявшись, Троцкий отдал сокращенный вариант статьи о ядах Сталина для Ленина в Горках в малотиражный журнал американских троцкистов «Liberty», где она и была опубликована 10.VIII 1940 г., за десять дней до гибели «демона революции» (перепеч. — *Лев Троцкий.* Портреты революционеров. Под ред. Ю. Фельштинского. — М., 1991).

[4] Цит. по: *Васецкий Н.* Л. Д. Троцкий: политический портрет (предисловие) // *Троцкий Л. Д.* К истории русской революции. — М, 1990, с. 53.

убийца испанец Рамон дель Рио Меркадер нанес ему сзади смертельный удар ледорубом по голове, от которого Троцкий, не приходя в сознание, скончался 21 августа.

Перед этим сталинские спецы по «темным делам « (Павел Судоплатов и другие — см. его «Разведка и Кремль: записки нежелательного свидетеля») «вытоптали газон» вокруг Троцкого: в сентябре 1937 г. в окрестностях Лозанны террористическая группа завербованных НКВД эмигрантов-«младороссов» во главе с мужем известной русской поэтессы Марины Цветаевой убила Игнатия Рейсса, «перебежчика» из ИНО ОГПУ и сторонника Троцкого, незадолго до этого пославшего в ЦК ВКП(б) и в швейцарские газеты свое «Открытое письмо» с осуждением сталинщины.

В мае 1937 г. агенты НКВД похищают и убивают в Испании личного секретаря Троцкого чеха Эрвина Вольфа, а в июле 1938 г. в Париже — технического секретаря секретариата IV Интернационала немца Рудольфа Клемента. При загадочных обстоятельствах в одной из парижских больниц гибнет сын Троцкого Лев Седов, правая рука отца с 1930 г. по изданию «Бюллетеня оппозиции (большевиков-ленинцев)» и трудов Троцкого в Европе.

Круг сужается — после любительской попытки «партизан» мексиканского художника-монументалиста Альфара Сикейроса 24 мая 1940 г. убить Троцкого и его жену Наталию Седову лихой атакой на их дом в тогдашнем пригороде Мехико — Койакане (Троцкий и его жена тогда чудом уцелели), Сталин возвращается к планомерной осаде убежища Троцкого. Возобновляются попытки похитить рукопись книги «Сталин» (особенно документальных приложений к ней) и, одновременно, покушений на «демона». Ведь еще в 1938—1939 гг. совершалось несколько неудачных попыток покушений (например, через почтового «посыльного» с пакетом, в котором было спрятано взрывное устройство), пока, наконец, 20 августа 1940 г. вся эта многолетняя тайная операция Сталина под кодовым названием «Утка» не увенчалась успехом.

А книга Троцкого «Сталин» в двух томах все-таки вышла из печати: сначала по-английски (1941, 1967), затем — по-русски. Правда, по-русски — через 45 лет после гибели автора и через 32 года после смерти «заказчика» — Сталина, в американском русском издательстве «Chalidze Publication» под редакцией Юрия Фельштинского в Вермонте в 1985 году.

Но Сталин подпрыгнул бы в Мавзолее или перевернулся бы в гробу в своей могиле у Кремлевской стены в Москве, если бы узнал: никаких «секретных документов» в приложении к изданию Фельштинского не публиковалось; там помещена анонимная статья «Три концепции русской революции» с мягкой критикой в адрес Троцкого да одно, хотя и очень характерное, письмо английского переводчика книги «Сталин» Чарльза Маламута от 30 января 1939 г. издателю американской версии Кэнфильду. Письмо это интересно тем, что оно подтверждает сведения об усилиях агентов НКВД в Америке любой ценой «украсть рукопись» (Маламут). Переводчик даже излагает возможные приемы ГПУ (он называет НКВД по-старому. — *Авт.):* «Если они не смогут стащить рукопись, они могут попробовать организовать нападение толпы, якобы фашистской или антисемитской, и громить резиденцию Троцкого до тех пор, пока не найдут книгу о Сталине» (*Троцкий Л. Д.* Сталин, т. 2, с. 303).

Маламут также сообщает, что Троцкий постоянно трудится над доработкой уже отосланной переводчику и издателю рукописи книги «Сталин», и его секретарь сообщил из Мексики, что «Троцкий нашел дополнительный материал для первых трех глав, что может вынудить его существенно изменить, а возможно, и переписать их». Однако Троцкий боится не этих доработок — они могут всего лишь несколько задержать выход книги из печати. Гораздо опаснее другое — усилия сталинских чекистов похитить всю или часть рукописи, убив при этом автора. Маламут цитирует письмо секретаря Троцкого к нему: «Если хоть какая-нибудь часть рукописи исчезнет после всей той огромной работы, которая была проделана, и всех тех трудностей, которые были преодолены им, [автор] не будет уже в состоянии начинать все с начала, не говоря уже о

невозможности вторичного сбора большей части источников. Весь труд будет погублен» (там же, с. 303).

Общие впечатления и Троцкого с его ближайшим окружением, и сторонних наблюдателей-иностранцев одинаково: Сталин еще не видел книги, но очень боится ее публикации. И готов пойти на все — от кражи ее рукописи и документальных приложений к ней до физической ликвидации автора. Чего, казалось бы, бояться всесильному диктатору? А вот чего: «Небольшое число хорошо посвященных людей, и я в том числе, всегда подозревали, что Сталин содействовал ускорению смерти Ленина» (там же, т. 2, с. 253). И, наконец, самое главное: «Я и сейчас готов доказать это при помощи ряда косвенных улик (отчета своего домашнего врача Гетье, лечившего Ленина в Горках? — *Авт.)* и соображений, которые в совокупности своей были бы, пожалуй, достаточны для судебного приговора, не оставляя места для сомнений» (там же).

В 1938—1940 гг. Троцкий не только писал об «убийце Ленина» — он усиленно пропагандировал эту версию в среде левой социал-демократической общественности Запада, в том числе — и среди русских эмигрантов-меньшевиков. Среди них тогда оказался Борис Николаевский, известный историк социалистического движения в России.

Вот как он зафиксировал свою беседу с Троцким незадолго до гибели последнего. «Троцкий [...] рассказал один крайне важный эпизод, который, возможно, заставит историков признать Сталина убийцей Ленина не только через оскорбление его жены, но и в более непосредственном значении этого слова, убийцей-отравителем. [...] Самый факт обращения Ленина с этой просьбой к Сталину (дать ему яд. — *Авт.*) вызывает большие сомнения; в это время Ленин уже относился к Сталину без всякого доверия, и непонятно, как он мог с такой интимной просьбой обратиться именно к нему» (*Николаевский Б. И.* Тайные страницы истории, с. 228).

Вот почему Сталин, зная, что все это правда, но не зная, какие это будут «улики» (документы), поспешил организовать отвлекающий судебный спектакль в рамках «бухаринского « процесса в Москве с двойным дном.

Да, на поверхности были «отравленные» Горький, Куйбышев, Менжинский и «полуотравленный» железный нарком в «ежовых рукавицах» и их «отравители» — о Горках и Ленине не было сказано ни слова. Но Ильич незримо присутствовал на этом спектакле, как и Троцкий. Их тень всплывала каждый раз, когда в Колонном зале Дома Союзов допрашивали Ягоду и Левина.

Аналогию сразу уловил Троцкий: «Процесс Ягоды и других (т. е. Бухарина — Рыкова в 1938 г. — *Авт.*) заставил меня снова пересмотреть эту главу в истории Кремля. ... Ягода уже имел в то время (1922—1924 гг. — *Авт.*) ближайшее отношение к охране Ленина и был очень хорошо посвящен в виды и опасения своего покровителя и союзника» (Сталина. — *Авт.*) (Там же, с. 255).

Принял Троцкий и версию о «лаборатории ядов», но не фармацевтическую с кустарными лизатами доктора Казакова, а «богатую лабораторию ядов и штат медиков, которые под видом лечения устраняют неугодных Сталину лиц» (там же, с. 252). Но Троцкий не додумался до того, чтобы сценой о «врачах-отравителях» и их дирижере Ягоде в общем судебном спектакле 1938 г. о «врагах народа» Сталин, как обычно, перекладывал ответственность за смерть Ленина на других (Ягоду, Левина, замученного костоломами Ежова Гетье), одновременно как бы подчеркивая: ну что там Троцкий пишет, трясет какими-то бумажками — я же разоблачил вредителей, судил их публично и покарал; Ленина не вернешь, но я за него отомстил — а вы, тов. Троцкий, как отомстили убийцам тов. Ленина?

В этом заочном споре Сталина с Троцким у последнего был свой козырный туз: «Можно ли, однако, от 1938 года, когда Сталин успел развить в себе все черты тирана, делать выводы к 1924 г., когда он только еще боролся за власть? Вопрос вполне законный. Никто, во всяком случае, не сомневался, что появление Ленина на предстоящем через несколько недель съезде партии (имеется в виду XII съезд РКП(б)

17—25 апреля 1923 г. — *Авт.*) означало бы устранение Сталина с поста генерального секретаря и тем самым его политическую ликвидацию. Больной Ленин находился в состоянии подготовки открытой непримиримой атаки против Сталина, и Сталин слишком хорошо знал это. В комитете старейших 12-го съезда Сталин говорил уже о завещании Ленина как о документе больного человека, находящегося под влиянием «баб».

Сталин успел зайти слишком далеко, чтобы отступиться. Страшась того наступления, которое готовил против него Ленин, Сталин решил пойти напролом, открыто вербовал сторонников раздачей советских постов, терроризировал тех, которые примыкали к ленинской группе, и настойчиво распространял слух о том, что Ленин не отвечает за свои действия. Такова та атмосфера, из которой выросла записка Ленина о полном разрыве со Сталиным всяких товарищеских отношений. Это было последнее письмо, которое Ленин вообще написал в своей жизни, точнее продиктовал. Об этом письме Каменев говорил в ту же ночь, когда оно было написано (с 5 на 6 марта 1923 года). Зиновьев рассказывал об этом письме на Объединенном Пленуме ЦК и ЦКК. Существование этого письма подтверждено в стенограмме свидетельством М. И. Ульяновой: «Документы по поводу этого инцидента имеются» (из заявления М. И. Ульяновой в Президиум Пленума). Никому тогда не могло прийти в голову оспаривать факт этого письма. Не только хронологически, но и политически, и морально оно подвело последнюю черту под отношениями Ленина и Сталина. Факты свидетельствуют о том, что Ленин не мог видеть в Сталине своего преемника» (*Троцкий Л. Д.* Указ. соч., т. 2, с. 253).

Троцкий, конечно, несколько передергивал. Как мы показали выше, в письме, продиктованном в ночь с 5 на 6 марта 1923 г., Ленин действительно угрожал Сталину порвать все личные отношения, если тот официально не извинится перед Крупской. И Сталин поспешил извиниться, т. е. восстановить с Лениным внешне товарищеские отношения.

Другой вопрос, как это происходило на деле. А на деле с августа 1922 г. Ленин так и не принял Сталина в Горках и уж, конечно (тут Троцкий абсолютно прав) «не мог видеть в Сталине своего преемника».

ПАРТИЯ-ГОСУДАРСТВО

Авантюрная ленинская установка в момент захвата власти 7 ноября 1917 г. — «сначала ввяжемся в бой, а там посмотрим…» — базировалась, безусловно, на почти маниакальной уверенности Ильича, что эта авантюра в условиях глубокого социального кризиса в Европе и мире, вызванного Первой мировой войной, почти немедленно будет поддержана мировым пролетариатом, прежде всего германским. Многочисленные публичные заявления самого Ленина, а также Зиновьева, Троцкого, Радека и других большевистских «отцов-основателей» Коминтерна в 1918—1923 гг. о скором объединении Советской России с «Советской Германией», свидетельствуют о буквально религиозно-сектантской вере «старых большевиков» в химеру мировой революции, несмотря на пессимистические прогнозы Каутского, Плеханова и даже Розы Люксембург.

Оказалось, что одно дело строить виртуальные планы всеобщего переустройства мира на базе абстрактных идей мировой революции за столиками кафе в Париже, Женеве или Цюрихе и даже обрамлять эту утопию на страницах книги «Государство и революция» в шалаше на станции Разлив в Финляндии, и совсем другое — конкретно управлять огромной страной-континентом в условиях Гражданской войны, полной экономической разрухи, голода и реальной угрозы гибели всего генофонда бывшей Российской империи в 1918—1921 гг.

После неудачной попытки прорваться в будущую «Советскую Германию» через Польшу в июне — августе 1920 г. Ленин, как уже неоднократно отмечалось выше, понял

— «конечно, мы провалились». Он еще продолжает, как образно выразился Шульгин, «трубить Интернационал», но «для себя мы должны ясно видеть, что попытка не удалась…». И «не удалось» не столько в чисто военном отношении под Варшавой, а много шире — польский и германский пролетариаты свое «Первое Отечество» не поддержали — верх взял национализм и дух мещанского бюргерства.

И хотя «на людях» — на IX партконференции РКП(б) в сентябре 1920 г., успокаивая делегатов («чтобы партия не потеряла душу, веру и волю к борьбе…»), Ленин продолжает «трубить Интернационал», фактически он начинает искать «запасной аэродром» для аварийной посадки запущенного им самим 7 ноября 1917 г. в небо без навигационных приборов и связи с землей огромного аэроплана «мировой революции» — «бензин» (людские ресурсы Советской России) у того уже был на исходе…

А Ленин не для того столько лет рвался к власти, чтобы вдруг так нелепо, когда уже не то что синица — журавль в руках, со всего маху шмякнуться об землю: ведь в его аэроплане никто, даже он сам, не запаслись парашютами «социализма в одной стране» — а зачем: сначала «ввяжемся в бой» (взлетим), а там….

Скорее всего, если бы пилотом этого «аэроплана» был Зиновьев, так оно и случилось — «летадло», как говорят чехи, врезалось бы в землю, как только кончилось горючее.

Но «пилот» Ленин сумел спланировать и посадить «зракоплав» (это уже хорваты) на поляну нэпа, да так, что и все пассажиры остались живы, кроме самых фанатичных доктринеров, которые, выйдя целыми и невредимыми из аэроплана, тут же покончили самоубийством в знак протеста, что их «авион» (французы) не долетел до «Советской Германии».

Менее чем через два месяца после IX партконференции, 3 ноября 1920 г. в речи на Всероссийском съезде политпросветов Ленин впервые начинает объяснять массам «перемену всей нашей (т. е. его лично! — *Авт.*) точки зрения на социализм»: пока большевики отбивали «наследие буржуазного строя» и разрушали «попытки Советскую власть» сокрушить извне. Теперь задача у партии совсем другая — «задача строительства». Строительства чего? Первого Отечества мирового пролетариата или восстановления прежнего многонационального государства, или, (в марксистской упаковке Бухарина), — строить нечто «в одной стране в изоляции»?

Ленин ни в ноябре 1920 г., ни уже при провозглашении названия этого «запасного аэродрома» — нэпа, в1921—1923 гг. *определенного ответа не дает,* как бы отсылая любопытствующих к первой «вынужденной посадке» аэроплана большевиков — «похабному» Брест-Литовскому миру 3 марта 1918 г. с кайзеровской Германией. Помните — этот мир позволяет «обеспечить социалистической революции возможность укрепиться или *хотя бы продержаться в одной стране»* (выделено нами. — *Авт.*).

Известный современный французский историк и политолог *Ален Безансон*, многолетний борец с ленинизмом и коммунизмом, в своей речи в феврале 1998 г. по случаю избрания его «бессмертным» — действительным членом Французской академии, без ложной скромности сказавшим — это я разрушил коммунизм и СССР своими многочисленными трудами,— тем не менее, на наш взгляд, ближе всех подошел к феномену Ленина и ленинизма: это была, по Безансону, гремучая смесь утопической идеологической доктрины и реальной «земляной» прагматики.

В одной из своих капитальных работ, лишь недавно впервые переведенной на русский язык и изданной в Москве, Безансон, повторяя мысль Устрялова (1924 г.) пишет: «В тысячу раз более пропитанный идеологией, нежели Робеспьер и Марат, неспособный видеть мир таким, какой он есть, полностью во власти ирреальных видений, он в то же время столь же проницателен, несгибаем и циничен, как и макиавеллевский Государь, так же стоек в неудачах, как Фридрих II, так же точен в своих расчетах, как и Бисмарк, столь же решителен и дерзок, как Цезарь и Наполеон. Но как можно быть одновременно и Маратом, и Бисмарком? В этом тайна Ленина»[1].

---

[1] *Безансон А.* Интеллектуальные истоки ленинизма. — М., МИК, 1998, с. 5, 191 (французский оригинал вышел в 1987 г.).

То, что собирается с 1921 г. строить Ленин в СССР, по нашему мнению, конечно, не социализм по Марксу, а *германский государственный капитализм* образца Первой мировой войны 1914—1918 гг., столь неудачно скопированный Николаем II в 1916 г. (помните, в «Очередных задачах Советской власти» в 1918 г. — учиться управлять экономикой у «немецких капиталистов»). Как в своей теории империализма Ленин пользовался идеями и фактическим материалом немецкого профессора *Ф. Ратцеля* из его «Политической географии» (1897 г.), так и в концепции «нэп — госкапитализм» он заимствовал утопию другого немецкого профессора *Карла Баллода* (ныне совершенно забытого), еще в 1898 г. выпустившего в Германии под псевдонимом «Атланикус» свой роман-утопию «Государство будущего, или Производство и потребление в социалистическом государстве» (в 1906 г. переведен в России). Осень 1920 г. Ленин лично пригласил профессора в Москву, где с ним носились как с писаной торбой, еще раз переиздали его книгу на русском языке и многие его идеи затем вошли в практику большевиков, например, план электрификации ГОЭЛРО[1]. В 1922 г. Баллод еще раз приезжал в РСФСР.

Сказалось и раннее увлечение Ильича «легальным марксизмом» (ленинское «Развитие капитализма В России», 1899 г.), тогдашние адепты которого (М. Тутан-Барановский, П. Струве и другие, включая и Ленина) видели образец развития российской экономики в XX в. в «государственном социализме» германского канцлера князя Отто фон Бисмарка[2].

При реализации «задумок» Баллода и «легальных марксистов» Ленин вначале был очень уверен, что в строительстве этого «государства будущего» в России ему помогут рабочие и инженеры из «Советской Германии», куда он так настойчиво посылал большевиков-агитаторов и красноармейцев РККА в 1918—1920 гг. Кумиром же *практической* реализации модели германского государственного капитализма в СССР для Ильича становится еще один немец (точнее — немецкий еврей) *Вальтер Ратенау* (1867—1922 гг.), банкир и экономист, «отец» организации военной экономики Германии в Первую мировую войну (создатель и руководитель первого в мире «госплана» в 1914—1916 гг.) и ее восстановления после войны (министр восстановления в Веймарской республике в 1921—1922 гг.), затем министр иностранных дел. Именно в этом качестве он подписал германо-советское сепаратное соглашение в Рапалло в апреле 1922 г. и секретный «протокол о намерениях» к нему о начале интенсивного тайного военно-политического сотрудничества с Советской Россией.

Ленин еще больше, чем с «Атлантикусом», жаждал после «рапалльской победы» встретиться с Ратенау в Москве и, по некоторым сведениям тех лет из ИНО ГПУ и НКИД, такая встреча интенсивно готовилась на осень 1922 г. (с Ратенау уже встретился в Берлине Красин). Но в июне того же года Ратенау был неожиданно убит боевиком из монархически-фашистской тайной организации, обвинившей банкира за Рапалло в «предательстве национальных интересов Германии» и попытке включить ее в международный «иудо-масонский заговор Коминтерна».

Поэтому у Ильича ни с германским пролетариатом, ни с Ратенау *ничего не вышло*.

Пришлось сооружать «прочные мостки к социализму» — нэп, опираясь на «внутреннюю силу» — ту партию, которая была им же самим нацелена на *разрушение* и *мировую революцию*.

Вначале Ленин настроен оптимистически. Хорошо известно его заявление о том, что после 1905 г. Россией управляли 130 тыс. помещиков. Так неужели Россией «не смогут управлять 240 000 членов партии большевиков…»?

Но оказалось — *не могут*. Нэпом — не могут; шашкой махать и из маузера стрелять в «контрреволюционеров» — да, а вот «учиться торговать» — нет, «паршивая коммунистическая обломовщина» этого не умеет, причем даже на уровне ЦК РКП(б).

---

[1] Впервые на «нэповский кладезь мудрости» Ленина еще в 1990 г. обратил внимание демократ первой «ельцинской» волны, а затем торгпред РФ во Франции *Виктор Ярошенко* (жур. «Новый мир», 1990, № 2), и мы отразили этот приоритет уже тогда в сборнике наших «перестроечных» статей. — См.: *Сироткин В. Г.* Вехи отечественной истории. — М., 1991, с. 77.

[2] См., например, *Бернацкий М. В.* Теоретики государственного социализма в Германии и социально-политические воззрения князя Бисмарка. СПб., 1911.

Характерный пример приводит Троцкий. Как-то, в конце 1921 г., «железный Феликс» поплакался «демону революции» в жилетку — Ильич не считает его «организатором, государственным человеком». Почему? Оказывается, «он упорно отказывается принять мой доклад как народного комиссара путей сообщения» (Дзержинский, как и многие другие «старые большевики», имел много партийных поручений — кроме руководства ВЧК он еще в 1921—1924 гг. возглавлял Наркомпуть). Троцкий меланхолично замечает: «Ленин, видимо, не был в восторге от работы Дзержинского на этом посту» (*Троцкий Л. Д.* Сталин, т. 2, с. 197). Но «демон революции» не поясняет, почему у Ильича не было «восторга» от работы «железного Феликса» в Наркомпути. Да главный чекист просто не справлялся с этой работой, требовавшей специальных технических знаний и опыта хозяйственного руководства, предпочитая наводить порядок на железной дороге все тем же маузером, т. е. расстрелами «саботажников». Но маузером подвижной состав не восстановишь и паровозы не отремонтируешь.

Забыл Троцкий упомянуть лишь одну «маленькую» деталь: ведь именно он в 1920 г. и до назначения Дзержинского в апреле 1921 г. был направлен Политбюро, помимо председательства в Реввоенсовете, еще и в Наркомпуть, и тоже… провалился: порядка навести не сумел, да вдобавок обмишурился — как говорилось выше, заказал в Швеции за золото паровозы, да забыл указать, что надобно переделать у них колесные тележки — ж. д. колея-то в России шире, чем в Европе. Пришлось Ленину самому срочно выправлять положение: смещать Троцкого, бросать в апреле 1921 г. в прорыв главного чекиста страны да вдобавок приглашать из-за границы и вводить в коллегию Наркомпути беспартийного «спеца» старого инженера-путейца *Ю. В. Ломоносова*, еще с дореволюционных времен возглавлявшего Российскую железнодорожную миссию за границей («Ленинский сборник», т. XXXVIII. — М., 1975, с. 403).

Такие провалы в управлении конкретной хозяйственной отраслью — не печальная привилегия одних большевиков начала XX в. В его середине в аналогичную ситуацию на «Острове свободы» попал неистовый кубинский революционер *Че Гевара*, назначенный Фиделем Кастро министром тяжелой промышленности первого революционного правительства. «Че» одним махом закупил за границей оборудование для нескольких металлургических заводов, затратив на это едва ли не половину валютных резервов и без того небогатой страны. Как и в случае с Троцким, валюта была выброшена на ветер: ни сырья, ни кадров для такой тяжелой промышленности аграрная Куба не имела. Разочарованный «Че» вышел из правительства Фиделя, покинул Кубу и снова уехал к боливийско-колумбийским партизанам, где и погиб в борьбе с «американским империализмом».

Но вернемся в начало XX в., к «геварам» отечественным. Аналогичная, как и с Дзержинским размолвка происходит у Ленина в 1922 г. и с Орджоникидзе, и не только из-за «грузинского дела». По Троцкому, Ильичу в условиях нэпа претила «необузданность и грубость» Серго, его неумение работать с людьми в мирных условиях, хотя ранее, в годы Гражданской войны, Ленин ценил его «мужество» и «самоотвержение» (*Троцкий Л. Д.* Указ. соч., т. 2, с. 196). Зато Сталина эти отрицательные, по мнению Ленина, качества Орджоникидзе вполне устраивали и, как пишет Троцкий, он «немедленно подобрал» Серго в свою антиленинскую команду.

В условиях дефицита компетентных специалистов Ленин явно искал «чужие руки» для строительства нэпа. Баллод был хорошим теоретиком, но для практической работы годился мало. Дополнить его теорию практикой В. Ратенау не удалось — его убили в Германии. Тогда в конце 1922 г. Ленин решил опереться на книгу русского профессора *В. Н. Гриневецкого* «Послевоенные перспективы русской промышленности», которую еще в 1919 г. принес ему Леонид Красин. Именно из этой книги Ильич вычитал идею настоятельной необходимости промышленного планирования в послевоенной России, а также перевода индустриальных предприятий на «электрическую тягу». Конечно, книга Гриневецкого была далека от «социалистической» фразеологии утописта Баллода, полагавшего, что Германия еще до Первой мировой войны созрела для «государственного социализма». Но зато Гриневецкий был практиком, реально

учитывавшим специфику России (расстояния, климат, квалификацию рабочей силы и т. д.), и не случайно, переизданная, она стала настольной книгой для нэповских «спецов» в ВСНХ, Госплане, отраслевых наркоматах. И вполне закономерно, что даже первые советские справочные издания относили проф. Гриневецкого к «отцам-основателям» нэпа[1].

Но в высшем партийно-государственном руководстве СССР единомышленников профессора было крайне мало. Более того, в самом начале нэпа начался раскол даже в высшем руководстве партии (не говоря уже о партийных «низах») между теми, кого мы условно называем «гимназистами», и теми, кого следует именовать «семинаристами».

Пока Ленин был дееспособен и пользовался в Политбюро, ЦК и ИККИ непререкаемым авторитетом, ему без большого труда удавалось гасить конфликты между «гимназистами» и «семинаристами». Так, осенью 1922 г., вернувшись на короткое время к работе, он быстро погасил принципиальный спор между Сталиным и Красиным о монополии внешней торговли. Дело в том, что Сталин поддержал предложение наркомфина Сокольникова, в интересах получения заграничной валюты, главным образом, из Ирана и Китая, предложившего смягчить режим монополии внешней торговли и, в отсутствие больного Ленина, провел это решение через очередной пленум ЦК РКП(б) 6 октября 1922 г.[2]. Против на пленуме был один Красин: он не без основания полагал, что частники-«нэпманы» при таком послаблении непременно «нагреют» мало понимающих во внешней торговле «партийных литераторов» и даже чекистов с маузерами (в чем он только что убедился, расследуя очередную чекистскую авантюру с *Чрезкомэкспортом*[3]*)*, немедленно поехал в Горки к Ленину, убедил его в опасности решения Сталина — Сокольникова и добился от него записки к Сталину и Каменеву о приостановке введения в действие решения пленума на два месяца, до его выздоровления (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 220—221).

Затем Ленин написал Сталину специальное письмо «О монополии внешней торговли», где, имея, очевидно, в виду безграмотные действия «рабочего-самоучки» Рыкункова в Чрезкомэкспорте, снова потребовал «подучиться и научиться и вполне выучиться», иначе «тогда наш народ совершенно безнадежно народ дураков» (там же, с. 336). Когда же на очередном пленуме в декабре 1922 г. Сталин с Сокольниковым вновь поставили вопрос о снятии моратория на октябрьское решение и начале послабления по

---

[1] Большая Советская Энциклопедия. 1-е изд., т. 19. — М., 1930, стлб. 393.

[2] *Сокольников Г. Я.* Новая финансовая политика (на пути к твердой валюте). М., 1991, с 17.

[3] *Чрезкомэкспорт* — Чрезвычайная комиссия по экспорту во главе с «рабочим от станка» *Михаилом Рыкунковым* (в партийной анкете в пункте «образование» было написано — «из рабочих-самоучек») была создана решением СТО (Совета Труда и Обороны — председатель Лев Каменев, член Политбюро. — *Авт.*) 10 августа 1921 г. в тех же благих целях ужесточения контроля за монополией внешней торговли. Но вся организация и методы ее работы были построены по принципу «большой Чека» — маузером. «Спустили» план — за год скупить (фактически — конфисковать) у обывателей ценностей — золотых монет и украшений, серебряных подсвечников и т. п. — на 20 млн. зол. руб. и продать за границу «худценностей» — картин, гобеленов, ковров ручной работы, икон в золотых окладах и др. — на 29 645 842 зол. руб. 36 коп. (точность-то какая?!).

План выполняли по-чекистски: срочно создали нечто вроде подставного «Треста» — фиктивную контору «спекулянтов» на рынках и барахолках, липовые «обменники» и т.п. Наивные граждане меняли там настоящие «рыжики», затем за ними шел «хвост», далее на такую квартиру врывалась группа «ментов». Хозяину — маузер под нос — гони все остальное. Ясное дело, тот откупался вчистую — бабушкины бриллиантовые серьги отдавал, не говоря о коврах и меховых шубах. Вся «добыча» свозилась на 14 складов только в Москве (а контора имела еще отделения по всей стране).

На этом свою миссию чекисты из Чрезкомэкспорта и сам ее председатель из «рабочих-самоучек» считали выполненной — куда за границу вывозить, почем продавать и кому — этому их не обучали (вот оно, ленинское, «учитесь торговать»). Кончился весь этот чекистский эксперимент с монополией внешней торговли, как и у Троцкого в Наркомпути, а позднее в Главконцескоме, грандиозным скандалом. Красин как наркомвнешторг получил «сигнал» — на складах этой «конторы» царит полное безобразие. Последний через Рабкрин (помните — «Как нам реорганизовать Рабкрин?») послал на московские склады бригаду ревизоров РКИ во главе со «спецом» из дореволюционных армянских миллионеров *Алексеем Монисовым,* перешедшим в годы нэпа на службу к Советам (ранее, до революции, через Красина и Бонч-Бруевича помогал большевикам деньгами).

Ревизоры пришли в ужас: на складах они обнаружили 2 млн. сгнивших (лежали под открытым небом) шкурок соболя, песца и т. п., 4 тыс. ковров ручной работы, 33 тыс. протухших туш конины и прочих испорченных товаров, конфискованных у «буржуев», но не пущенных «во внешнеторговый оборот» (*Васильева О., Кнышевский П.* Красные конкистадоры. — М., 1994, с. 136, 150). Попутно нашли лежавшие с царских времен импортные товары — электроприборы, медикаменты, типографскую бумагу, противогазы, «буденновки», полмиллиона солдатских сапог и т. п.

Красин доложил итоги ревизии Монисова Ленину. Разразился грандиозный скандал: Ильич потрясал валютными заявками различных советских наркоматов на медикаменты, бумагу, лампочки его имени и т. п., которые, оказывается, в изобилии лежали на складах Чрезкомэкспорта! 3 февраля 1922 г. последовали суровые санкции. Совнарком под председательством самого Ильича принимает решение — «рабочего-самоучку» выгнать взашей и отправить на «низовку», Чрезкомэкспорт упразднить, чекистов отныне от торговли отстранить, а заодно ликвидировать их «контору» — ВЧК, учредив вместо нее ГПУ — Главное политическое управление (с 1924 г. — ОГПУ). Подробней обо всей этой акции см. *Сироткин В. Г.* Золото и недвижимость России за рубежом. — М., 2000, с. 244—248.

экспорту и импорту, то на этот раз сам поправившийся Ленин в отсутствие Красина без труда убедил далеких от внешней торговли «цекистов», что такое «послабление» — «штука архивредная», может повредить успеху мировой пролетарской революции на Востоке и т. п. И «цекисты» столь же единодушно, как ранее «за», теперь проголосовали «против», отменив предыдущее постановление 6 октября 1922 г., тем самым сохранив монополию внешней торговли фактически на 70 лет, до самого распада СССР.

Но в определении *стратегии* нэпа и роли партии в строительстве этого «социалистического госкапитализма» у Ленина большие сомнения. Они слышатся в его политическом отчете ЦК РКП(б) на XI съезде партии в марте — апреле 1922 г. Похоже (даже опыт хозяйственного руководства Троцкого и Дзержинского убеждает его в этом), Ленин не верит в способность «нового ордена самураев» (Троцкий) или «ордена меченосцев» (Сталин) руководить «нэповской» Россией. И на съезде Ленин не раз в разных вариантах повторяет одну и ту же фразу: «управлять хозяйством мы сможем, если коммунисты сумеют построить это хозяйство чужими руками, а сами будут учиться у этой буржуазии и направлять ее по тому пути, по которому они хотят» («XI съезд РКП(б). Стенографический отчет, 27 марта — 2 апреля 1922 г». — М., 1922, с. 26).

Но такая установка — это та же «комиссарщина» Троцкого в РККА в годы Гражданской войны, перенесенная в мирные условия нэпа: командир дивизии (треста) «семинарист» Чапаев, а при нем комиссар «гимназист» Фурманов. И шло все это от духовных предшественников Ленина — Герцена и Петра I. «Лондонский звонарь» всерьез предлагал: Россия должна шагнуть из девятого месяца беременности в первый, чтобы родить эту реформу (отмену крепостного права). Не надо быть женщиной, чтобы понять — при таком насилии над организмом будет лишь выкидыш плода (реформы).

«Красный граф» Алексей Толстой, «сменовеховец», перебежал от «белых» к «красным» и стал придворным писателем Сталина. Но пишет в романе «Петр Первый», по существу, то же самое, что Герцен и Ленин. Диалог царя с купцом Иваном Бровкиным: создай с англичанами «кумпанство» — езжай в Англию. Купец: боюсь, «чужеземных языков не знаю…». И что Петр I — предлагает нанять учителей, день и ночь зубрить английский? Как бы не так — «по дороге выучишь!» («дорога» от Архангельска до Лондона тогда, в XVIII в. по морю — максимум месяц). Ну чем не Ленин на XI съезде партии в 1922 году?

Впрочем, судя по тому же докладу на съезде, у него все же такой петровской уверенности — что его «меченосцы» или «самураи», сумеют «по дороге» от нэпа к коммунизму «выучить чужеземный язык» капитализма — нет. Иначе он вряд ли произнес бы вот эту длинную тираду в своем докладе: «Вырывается машина из рук: как будто бы сидит человек, которые ею правит, а машина едет не туда, куда ее направляют, а туда, куда направляет кто-то, не то нелегальные, не то беззаконные, не то бог знает откуда взятые, не то спекулянты, или те и другие. Машина едет не совсем так, а очень часто совсем не так, как изображает тот, кто сидит у руля этой машины. Вот основное, что надо помнить по вопросу о государственном капитализме» (там же, с. 18—19).

Это редкое по откровенности признание «шофера» (Ленина), что «машина» (СССР) едет не туда, «как изображает тот, кто сидит у руля», свидетельствует о его явной растерянности, что сразу заметили его оппоненты в прениях по отчетному докладу.

Напрашивается только один вывод: главный «гимназист» накануне первого серьезного удара и начала серьезной болезни сам толком не знал — как переделать «бронепоезд» мировой революции на грузовой «паровоз» нэпа, и какие «чужие руки» допустить к этому важному делу?

Зато у «семинаристов» никогда не было «гимназических» интеллигентских сомнений — «что делать?». И их «шофер» — Сталин — еще за девять месяцев до XI съезда партии знал: на чем и по какому маршруту ехать. Ведь еще в июле 1921 г. Сталин набросал этот маршрут, назвав его претенциозно «О политической стратегии и тактике» [большевиков], но опубликовал лишь через 26 лет, в 1947 г. (*Сталин И. В.* Соч., т. 5, с. 71—72), когда за такие «семинаристские» откровения ему уже никто ничего, кроме «гениально, генералиссимус!», сказать не мог.

Этот документ фактически представлял собой развернутый план-проспект брошюры о знаменитом «*ордене меченосцев*», в который Сталин намеревался превратить партию большевиков. Брошюру он так и не написал, но о структуре средневекового ордена «Братьев Христова воинства», как о предтече сталинской партии в 20-х — начале 30-х гг., Сталин не раз высказывался. Но, что гораздо важнее, именно по этой строго иерархированной схеме он, после сначала политической победы над «гимназистами» в 1927—1933 гг., а затем и их физической ликвидации в 1935—1938 гг., и построил свою ВКП(б) — КПСС. И если у Ленина 240 тыс. большевиков меняют у руля государства 130 тыс. помещиков, то у Сталина другой отсчет: его «орден меченосцев» меняет… 120 тыс. монахов (членов партии) и послушников (кандидатов в члены партии), которые насчитывали к 1914 г. в России монастыри, лавры, пустыни и скиты. При этом число таких «монахов» и «послушников» можно в четыре-пять раз увеличить через «крестные ходы», сиречь «ленинские призывы» — мы, вожди «ордена меченосцев», не жадные, не то что эти «гимназисты из жиденята». И никаких «чужих рук» для строительства коммунизма Сталину не требуется: «Старик» здесь явно рехнулся….

В свое время известный исследователь феномена сталинизма *Рой Медведев* очень точно заметил: «Сравнение коммунистической партии с церковно-рыцарским орденом… могло прийти на ум бывшему семинаристу, но не Ленину или Марксу, которые называли все эти ордена “крестовой сволочью”» (*Медведев Р.* Указ. соч., с. 56).

Важно, однако, понять, почему, во-первых, это «пришло на ум бывшему семинаристу» и, во-вторых, почему даже несеминаристы (но и не «гимназисты»), как и большинство населения СССР — выходцев из рабочих и крестьян, — приняли эту модель и не бунтовали против новых «красных бояр», приняв, по существу, сталинскую *номенклатурную социальную структуру партии, профсоюзов, комсомола, творческих союзов и т. д. и самого ГОСУДАРСТВА в целом как должное?*

Авторское отступление

В мои теперь уже далекие студенческие годы кафедры истории КПСС московских вузов водили студентов на учебные экскурсии в музей В. И. Ленина. Помнится, на одном из стендов, посвященном дореволюционному периоду деятельности «вождя мирового пролетариата», я обратил внимание на документ — то ли анкета, то ли опросный лист, где вместо пресловутого «пятого пункта» стояло типографское слово «вероисповедание» и рукой Ильича было написано — «православный». По молодости лет меня это тогда несказанно удивило: Ленин, великий атеист, гонитель попов и безбожник, и вдруг... крещенный по православному обряду?

Та же мысль неожиданно пришла в голову много лет спустя, после просмотра известного фильма Станислава Говорухина «Россия, которую мы потеряли» (одно из первых рабочих названий — «Пришествие Антихриста»).

Между тем, став профессиональным историком, я уже знал, что в противопоставлении веры (и ее хранительницы — Церкви) и нации состоял идеологический постулат многих европейских революций XVIII—XIX века, начиная с Великой французской.

«Раздавите гадину!» — этот лозунг Вольтера вдохновлял не только французских и других европейских якобинцев, но и «якобинцев пролетарских» (Н. И. Бухарин) — большевиков. И хотя ни французские якобинцы, ни большевики пороха не выдумали, а лишь попытались тысячелетние христианские веры заменить неким суррогатом изобретенных ими «религий» — культом «Верховного Существа» (у Робеспьера) или безбожным воинствующим атеизмом (у большевиков в 20-х — начале 30-х гг.), традиционные конфессии и в Западной Европе, и в России устояли в кровавом революционном месиве.

В конце концов во Франции «Робеспьер на коне» — Наполеон Бонапарт — примирился с католичеством и вынужден был в 1801 г. заключить с папой римским конкордат, который в немалой степени способствовал укреплению его режима.

Тем же путем в разгар Великой Отечественной войны пошел и Сталин, фактически заключив в 1943 году «конкордат» с иерархами Русской Православной Церкви, что наряду с введением в том же году «царских» погон в армии, роспуском Коминтерна и заменой «Интернационала» на национальный гимн означало окончательный отказ от химер мировой пролетарской революции и классового интернационализма, хотя его символика (пятиконечная звезда, красное знамя, призыв «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и т.п.) еще почти полвека сохранялась в геральдике СССР.

Но со временем, при Брежневе, с середины 60-х гг. прошлого века, коммунистическая идеология и сами «обряды» КПСС (митинги, торжественные встречи-проводы генсека на московских и иных проспектах СССР, партсобрания и т. д.) превратились в ту официальную обрядовость, которую требовали царские власти от чиновников — по большим религиозным православным праздникам (на Рождество, Пасху и др.) обязательно бывать на службе, раз в месяц ходить к исповеди и т. д., причем приходский «батюшка» регулярно докладывал по церковному начальству - насколько благонадежен и веропослушен тот или иной чиновник его прихода (выше сведения обобщались и через Священный Синод и МВД докладывались на «самый верх»).

У Сталина роль «батюшек» в 20-х — начале 30-х гг. играли т. н. «партинформаторы», строчившие с партсобраний и дискуссий рапортички в райкомы, обкомы и Оргбюро ЦК[1]. Нечто подобное православному ренессансу внешне произошло после 1992 г. в России «двуглавого орла» при Ельцине. Вчера еще гонимые попы и муллы в одночасье превратились в пророков. Ни одна полумафиозная презентация не обходится без батюшки, освящаются едва ли не любые забегаловки, мэры обеих столиц соревновались — кто кого перещеголяет по части верности самодержавию и православию. Один торжественно захоронил прах мнимого претендента на царский престол (печально знаменитого «Кирюхи») в Петропавловской крепости, другой ударными стахановскими методами соорудил на Волхонке псевдокопию Храма Христа Спасителя.

Но до «меченосного» уровня Сталина или показной православной лояльности чиновников Николая II «царь Борис» все же не поднялся.

* * *

Сталин еще в 1926 г. в беседе с Кировым высказался в том смысле, что русский народ — «народ царистский» и «без царя он жить не может». Конечно, Сталин меньше всего думал о восстановлении монархии в СССР — в этом отношении он не был Франко в Испании. Но после своей окончательной победы в партии в 1929—1930 гг. и кровавых чисток середины 30-х гг. «семинарист с трубкой» вернулся к дореволюционной монархически-православной (византийской) парадигме власти — мы ваши «отцы», вы наши «дети», а также к клерикальной максиме: ВЕРУЙ, но НЕ УМСТВУЙ (В. О. Ключевский).

Конечно, создать атеистический «орден меченосцев» по типу католического ордена иезуитов Сталину не удалось. Но он сумел соорудить в партии и государстве нечто очень похожее, но свое — НОМЕНКЛАТУРУ[2]. Первым это явление заметил Ленин, но кроме

---

[1] Одним из таких «партинформаторов» был Яков Юровский («в тридцатые годы он сидел в кремлевской столовой, слушал, что говорят соседи за столом и сообщал об этом в соответствующие органы... Нам удалось найти несколько его доносов». Из выступления директора Госархива РФ С. *В. Мироненко* в Париже в феврале 1997 г.), известный «цареубийца» и «цепной пес» Ленина в Госхране РСФСР в 20-х гг. — См.: *Росс Н.* «Записка Юровского» или «Записка Покровского»? // «Правда о Екатеринбургской трагедии». Сб. статей. М, 1998, с. 29.

[2] Сам термин в научный оборот ввел советский «невозвращенец» 70-х гг. прошлого века *Михаил Восленский*, историк-германист, помощник сначала директора Института истории АН СССР акад. В. М. Хвостова, а затем одного из вице-президентов Президиума АН СССР. До него применялась различная терминология: «партократия», «каста», «партийная бюрократия», «новый класс» (последний термин был введен еще Л. Д. Троцким и заимствован *Милованом Джиласом*, так и озаглавившим свою книгу о сталинской номенклатуре — «Новый класс»).

таких же бюрократических мер («рабочих от станка» в Рабкрине, расширение ЦК до 50—100 чел и т. п.) для борьбы с бюрократизацией партии и государства он ничего радикального предложить не смог.

Гораздо обстоятельней (особенно в эмиграции) феномен советского бюрократизма исследовал Троцкий. У него даже последняя глава его последней книги «Сталин» (неоконченный русский вариант) называется «Термидор». Очень много «демон революции», избравший путь исторических аналогий термидора французского (1794—1799 гг.) и термидора сталинского (1924—1940 гг.), анализирует правильно. И «бред» Сталина с «орденом меченосцев», сама идея которого могла родиться лишь из сталинской «узости интересов», «психологической грубости» и «особого цинизма провинциала, которого марксизм освободил от многих предрассудков» (*Троцкий Л. Д.* Сталин, т. 2, с. 195). И его напыщенные попытки с 1929 г. (празднование 50-летия) заменить культ Ленина на культ Сталина, что, конечно, могло вызвать лишь усмешку даже у «разоружившихся троцкистов», за что Сталин и пустил их всех под нож после убийства Кирова.

Прав Троцкий и в том, что после того, как РКП(б) стала правящей, в нее вступила масса проходимцев, по терминологии 20-х гг. «социально чуждых элементов» — они-то и образовали массовую опору Сталина в партии. «Демон революции» приводит характерный отрывок из беседы со своим другом-единомышленником и тоже доктринером мировой революции *Адольфом Иоффе* в 1925 г.: «Вы не отдаете себе полного отчета в том вырождении, которое претерпела партия. Подавляющее большинство ее, во всяком случае, решающее большинство — чиновники; они гораздо больше заинтересованы в назначениях, повышениях, льготах, привилегиях, чем в вопросах социалистической теории или в событиях международной революции. В нашей политике они видят донкихотство. Под политическим реализмом (они в парадных речах отождествляют его с ленинизмом) они понимают заботу о собственных интересах», — с горечью отмечал Иоффе (там же, с. 266—267).

Троцкий расширяет тезис своего друга, в ноябре 1927 г. покончившего с собой, предвидя неизбежную расправу Сталина в недалеком будущем, до характеристики всей социальной среды «сталинского термидора»: «Несмотря на неизмеримо более глубокий характер Октябрьской революции, армия советского термидора объединила, по существу, все, что оставалось от прежних господствующих партий и их идеологических представителей. Бывшие помещики, капиталисты, адвокаты, их сыновья, поскольку они не бежали за границу, включились в государственный аппарат, а кое-кто и в партию. Неизмеримо в большем числе включились и в государственный, и в партийный аппарат члены бывших буржуазных партий: меньшевики и социал-революционеры. К ним надо прибавить огромное число людей обывательского типа, которые оставались в бурную эпоху революции и гражданской войны в стороне, а теперь, убедившись в крепости советского государства, стремились приобщиться к нему на ответственные должности, если не в центре, то на местах.

Вся эта огромная и разношерстная армия была естественной опорой термидора» (там же, с. 234).

Оспаривать вывод Троцкого о чудовищном росте советского бюрократизма не приходится — еще до него в 1919 г. временный «попутчик» большевиков *Юлий Мартов* в брошюре «Что делать?» обратил на это внимание, одновременно изумившись — рабочие-таки получили в 1917 г. в свое владение заводы и фабрики, а они… встали, т. к. ими пролетарии управляли так же, как «рабочий-самоучка» Рыкунков внешней торговлей. Отсюда — набор «управляющих» из мещан на заводы, фабрики, в банки и прочие «советские конторы». Известный академик-экономист С. Г. *Стру*милин в начале 20-х гг. писал: при «проклятом царизме» на 15 рабочих приходился один «конторщик», а

М. Восленский определил и идейное различие «ленинской» и «сталинской» номенклатур: «коммунисты по убеждению сменились коммунистами по названию», — См.: *Восленский М.* Номенклатура. — London, 1984, с. 141 (переиздана в 1994 г. в Москве).

при «диктатуре пролетариата» — один на семь «пролетариев». Вот откуда росли корни советского бюрократизма.

Но общий вывод «демона революции» реальностей жизни не учитывает: «Реакция термидора имела замаскированный характер, ибо пролетарская революция была запущена изнутри» (там же, с. 247).

Все эти оценки «советского термидора» и сегодня в большом ходу у современных троцкистов (сам все это слышал и видел на одной из их встреч в Афинах несколько лет назад, прошедшей на субсидии и при покровительстве знаменитой британской киноактрисы *Ванессы Редгрейв*, большой энтузиастки современных троцкистских идей).

Но что предлагал Троцкий? Как это ни покажется парадоксальным — все тот же партийный «орден меченосцев» (у Троцкого, правда, еще в 1919 г. он назывался «новый орден самураев»), но только с фанатичной ленинской верой его членов в мировую пролетарскую революцию, а не в сталинский социализм в одной стране. А пока эта революция «запаздывает», надо сохранить «душу, волю и веру к борьбе» (Ленин) и вести образ жизни *аскета*, ну, скажем, как *монах* в православном монастыре. Почитайте-ка речи главного хранителя «партийной этики» *Арона Сольца*, который в 20-х гг. не был ни «троцкистом», ни «сталинистом»: «Мы — добровольное войско», «если одежда говорит, что человек не мыслит по-рабочему, это нехорошо», «если коммунист внешностью старается походить на прежних господ жизни», это тоже нехорошо, как и «золотые зубы, браслеты, кольца и т. п.»[1]. Сталин в его сапогах и френче (ни разу не надевал «гимназический» галстук в советские времена) как нельзя больше подходил под эти принципы партийной этики.

Но ради чего такой аскетизм даже в 1940 г., по Троцкому? Мировая революция к моменту его гибели уже и так превратилась в некое подобие христианского «загробного царства». Ко времени завершения книги «Сталин» уже началась Вторая мировая война, а сам герой этого труда Троцкого состоял в военном и экономическом сговоре с Гитлером. Потерпела поражение «испанская революция», в Китае Япония с 1937 г. громила и коммунистов, и националистов — гоминьдановцев, а «демон революции» все ожидал «большого исторического буксира» от мировой революции в Европе, обвиняя Сталина в том, что брошенный ему конец этого «буксира» он в СССР не ловит….

Троцкий так до самой своей гибели и не признал ленинского из 1923 года — «конечно, мы провалились». А ведь он очень хорошо знал — все-таки был образованный марксист, — что «сталинский термидор» не только следствие субъективной политики Сталина, а результат провала расчетов большевиков на мировую пролетарскую революцию, которая разом решит все проблемы — государство и деньги в Советской России «отомрут», рабочие и крестьяне сразу будут самоуправляться без всяких посредников — бюрократов, словом, потекут молочные реки в кисельных берегах.

Но ради чего такой аскетизм даже в 1940 г., по Троцкому? Мировая революция к моменту его гибели уже и так превратилась в некое подобие христианского «загробного царства». Ко времени завершения книги «Сталин» уже началась Вторая мировая война, а сам герой этого труда Троцкого состоял в военном и экономическом сговоре с Гитлером. Потерпела поражение «испанская революция», в Китае Япония с 1937 г. громила и коммунистов, и националистов — гоминьдановцев, а «демон революции» все ожидал «большого исторического буксира» от мировой революции в Европе, обвиняя Сталина в том, что брошенный ему конец этого «буксира» он в СССР не ловит....

Троцкий до самой своей гибели так и не признал ленинского из 1923 года — «конечно, мы провалились». А ведь он очень хорошо знал — все-таки был образованный марксист, — что «сталинский термидор» не только следствие субъективной политики Сталина, а результат провала расчетов большевиков на мировую пролетарскую революцию, которая разом решит все проблемы — государство и деньги в Советской России «отомрут», рабочие и крестьяне сразу будут самоуправляться без всяких посредников — бюрократов, словом, потекут молочные реки в кисельных берегах.

---

[1] См. «Партийная этика. Документы и материалы дискуссии 20-х годов». — М., 1989, с. 265, 268—269.

Архангелогородец *Владимир Коротаев* еще в 1993 г. опубликовал очень интересное исследование о менталитете партийных вождей и управляемого ими народа в 20 — 30-х гг. в СССР, установив явное неосознанное влияние парадигмы духовного православия на менталитет большевиков — руководящих и рядовых. «Русский православный монастырь покоился на идеале «постнического жития» (аскетизма. — *Авт.),* т. е. на отказе от «своей воли», на «полной любви к Богу», а значит — на полном самоотречении, — писал автор. — Так и в коммунистическом «монастыре» (коммуна — монастырь) предполагалось растворение «я» в «мы», в любви к коммунизму. Как идеал могущества — умереть ранее смерти (постриг в схиму), так и в «коммунии» святость обеспечивается подвигом, смертью ради «светлого будущего», за мировую революцию»[1].

Однако раньше, чем отечественные исследователи (В. И. Коротаев, Б. М. Бим-Бад и др.) установили ментальную связь между национал-большевизмом и православием, первым связь марксизма и религии заметил великий ученый-математик и физик XX в. лауреат Нобелевской премии Бертран Рассел. Посетив еще в 1920 г. Советскую Россию, он встречался с Лениным, Троцким и Максимом Горьким и пророчески тогда же написал:

«В большевизме сочетаются черты Французской революции и черты ислама времен его расцвета». Ведь и якобинцы заменили веру в Бога на веру в «Верховное существо» (мировую революцию — у Троцкого). Но Рассел заметил и другое — революционную «обрядовость» доктринеров мировой революции, необходимую им для замены традиционных религий (православия, ислама, буддизма) в крестьянской стране. И поэтому «большевизм не просто политическая доктрина, он еще и религия со своими догматами и священными писаниями»[2].

Но по существу, заочный спор Троцкого со Сталиным из-за океана — это продолжение старого, тогда еще чисто теоретического спора между марксистом *Карлом Марксом* и анархистом *Михаилом Бакуниным* о роли государства в любом «термидоре». Последний в трактате «Государственность и анархия» первым написал, что любая «диктатура» — пролетариата или буржуазии — это укрепление прежде всего госаппарата и его органов — армии, полиции, тюрем и т д. И весь марксизм — это только борьба за власть, чтобы вместо буржуев на шею народа сели «начальники коммунистической партии», которые и само организуются в «новое привилегированное сословие»[3].

То же самое в полемике с Плехановым писал «красный князь» последователь Бакунина Петр Кропоткин: диктатура пролетариата — это «завоевание власти» в России узкой кастой революционеров-эмигрантов, а власть они, в случае успеха, могут удержать только путем «создания всесильного, всемогущего, всеведающего государства, обращающегося с народом как с подданными и подвластными, управляя ими при помощи тысяч и миллионов разного рода чиновников…».

В «Государстве и революции» Ленин согласился и с Бакуниным, и с Кропоткиным — государство надо сломать! Но взамен он предложит создать свою *утопию* — прямое самоуправление народа, «общественную собственность», дабы «упростить» функции госаппарата и каждый рабочий, поработав у станка, затем пойдет и «поруководит» государством — знаменитая ленинская кухарка в образе «рабочего-самоучки» Рыкункова из Чрезкомэкспорта (см. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 33, с. 44), что даже Троцкий постеснялся 23 года спустя воспроизводить эту ленинскую ахинею. Впрочем, и сам Ленин, пройдя первый практический опыт руководства страной Советов, уже к утопическим примерам из истории Парижской Коммуны в «Государстве и революции» не возвращался. Наоборот, наряду с «диктатурой пролетариата» у него появляются некие *управляющие*: «Для управления, для государственного устройства мы должны иметь людей, которые обладают техникой управления, которые имеют государственный и хозяйственный опыт…» (Там же, т. 40, с. 252).

---

[1] *Коротаев В. И.* Судьба «русской идеи» в советском менталитете (20—30-е годы)». Учебное пособие — Архангельск, 1993. с. 51. Независимо от Коротаева к тем же выводам о Сталине — православном «теологе», придет десять лет спустя *Б. М. Бим-Бад* (указ. соч., с. 109—120).

[2] *Рассел Б.* Практика и теория большевизма. М.: Наука, 1991, с. 5. 7.

[3] Цит. по: «Через тернии». Сб. статей. М., 1990, с. 294.

Однако, как можно понять изо всех его «советских» статей, начиная с «Очередных задач советской власти» (1918 г.), меньше всего Ленин рассчитывал на *управляющих* из рабочих и крестьян, хотя от их имени большевики взяли власть и именем которых они установили свою «диктатуру пролетариата» в стране: «умение управлять с небе не валится и святым духом не приходит, и оттого, что данный класс является передовым классом, он не делается сразу способным к управлению…» (там же, с. 252).

У Ленина появляются знакомые ныне всем термины — «аппарат социализма», «господствующий класс», «управление — это другое дело» и т. п., т. е. все те элементы, о которых еще в XIX в. писал Бакунин, характеризуя «*новое привилегированное сословие*». Правда, вначале Ленин убежден: да, это скорее всего и будет «сословие управляющих», но — временно, до победы пролетарской революции «в мировом масштабе» и под неусыпным контролем «рабоче-крестьянской инспекции», к тому же сословие — в основном состоящее из «спецов-гимназистов».

Но не случайно один из первых активных деятелей Коминтерна в 1920—1924 гг. Уже упоминавшийся выше *Борис Суворин* (Лифшиц, 1895—1984 гг.), в тот период часто встречавшийся с Лениным (в 1924 г. исключен из Коминтерна и его французской секции как «троцкист»[1]) справедливо писал: «Достаточно хотя бы перечитать «Государство и революцию», чтобы объективно признать, до какой степени Ленин мог ошибаться в своих взглядах на будущее, в мотивировке своего революционного предприятия, в своих теоретических концепциях, которые все были опрокинуты практическими завершениями, — так полвека спустя после этой книги советское государство осуществляет поразительную антитезу того, что предначертал его основатель»[2].

Однако очень скоро Ленин понял, что это временное «*новое привилигированное сословие*» — очередная его иллюзия, сродни утопиям из «Государства и революции». Не пролетарии и не «спецы-гимназисты» начали преобладать в нем с первых месяцев советской власти, а «море шовинизма великорусской швали», в котором «ничтожный процент советских и советизированных рабочих» начал «тонуть... как муха в молоке» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 357).

И самом конце жизни он приходит к точно такому же выводу, что и *Петр Столыпин* за двадцать лет до него (помните — «не могу найти пятьдесят толковых губернаторов»): «Нужда в честных отчаянная» (там же, т. 50, с. 295).

«Процесс состоял в бурном росте партийного и государственного аппарата власти, — справедливо писал *Михаил Восленский*, — и в его возраставших претензиях на то, чтобы управлять страной. Он был вызван объективно теми преобразованиями в общественной структуре, которые проводил — не по прихоти, а по необходимости — сам Ленин, декретируя и осуществляя огосударствление и централизацию, создавая монополию одной — правящей — партии…. Это была волна рвавшихся к власти и выгодным постам нахрапистых карьеристов из мещан, наскоро перекрасившихся в коммунистов. Их напористая масса жаждала, вопреки представлениям Ленина, стать слоем «управляющих»…. Ни Маркс с Энгельсом, ни сам Ленин не предусмотрели такого хода событий» (*Восленский М.* Указ. соч., с. 119).

Все отчаянные предсмертные попытки Ленина («Как нам реорганизовать Рабкрин?», «Лучше меньше, да лучше» и др.) найти противоядие этому «гнету советского бюрократизма» успеха не принесли. Утопические надежды на сохранение после его смерти *единства* «того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией» (там же, т. 45, с. 20), оказались очередной иллюзией — именно «старая партийная гвардия» и передралась за власть, когда Троцкому («Новый курс», январь 1924 г.) не удалось продолжить ленинский завет борьбы с бюрократизмом «семинариста» Сталина.

---

[1] Исключение последовало как кара за открытое выступление на XIII съезде РКП(б) в мае 1924 г. в защиту Троцкого как «синонима [мировой] революции», а «обвинение в меньшевизме в отношении тов. Троцкого является совершенно необоснованным…» — «XIII съезд РКП(б). Стенографический отчет. — М., 1924, с. 372.

[2] *Суварин Б.* Введение // *Валентинов В.* Малознакомый Ленин. Paris, 1972, с. 6.

Мы уже писали выше, что в перестроечной волне «назад, к Ленину!» в периодике времен Горбачева встречались суждения и публикации о «вожде мирового пролетариата», ранее неизвестные в официальной иконографии о Ленине. Еще раз напомню, какую бурю в московских СМИ тех времен («Московские новости», «Правда», телепрограмме «Взгляд») вызвала моя статья «Уроки нэпа» 8 и 9 марта 1989 г. неизвестная ранее цитата Ленина — «конечно, мы провалились».

Но у меня нашлись и сторонники. Один из них — кандидат исторических наук москвич Юрий Ванин — прислал в «Известия» обширный отклик-статью, где, внимательно проанализировав «нэповские» выступления, статьи и письма 1921—1923 гг. Ленина, пришел к выводу: «конечно, мы провалились» явно совпадало по духе и букве с опубликованными ленинскими материалами.

Автор отклика — мой единомышленник — цитировал не менее резкие оценки Ленина: «жизнь показала нашу ошибку», «на энтузиазме коммунизм не построишь», «на экономическом фронте, с попыткой перехода к коммунизму, мы к весне 1921 г. потерпели поражение более серьезное, чем какое бы то ни было поражение, нанесенное нам Колчаком, Деникиным или Пилсудским…» и т. д.

Явно не верил Ленин и в то, что ему удастся с «семинаристами» построить реальный государственный капитализм немецкого образца — нэп. Косвенно полемизируя и с Красиным (помните — нэп это «удачно начатое втирание очков всему миру»), в письме А. Д. Цурюпе 18 февраля 1922 г. Ильич писал: наша задача состоит в «превращении нэпа из системы одурачения коммунистических дурачков, имеющих власть, но не умеющих пользоваться ею, в базу социализма, — базу, непобедимую в крестьянской стране никакой силой в мире»[1].

Но Ю. Ванин был не единственным, кто поддержал те «перестроечные» и весьма еще робкие попытки докопаться до настоящего «нэповского» Ленина.

Мои «Уроки нэпа» вызвали большой резонанс по всей стране и стимулировали поиски дополнительных неизвестных ленинских материалов, в частности, в Вологде. Приехав туда из Москвы по приглашению одного из модных тогда местных «перестроечных клубов» с очередным выступлением о перестройке осенью 1990 г., я получил в подарок вместо гонорара очень популярную в то время на Вологодчине газету (скорее «многотиражку») Вологодской писательской организации «Эхо» (№ 8, август 1990), членом редколлегии которой состоял известный писатель-«деревенщик», депутат «сахаровского» съезда народных депутатов СССР Василий Белов.

В этом номере было опубликовано, как говорится в редакционном врезе, «малоизвестное письмо В. И. Ленина, написанное им 10 июня 1921 года своему знакомому в Цюрихе». Кто этот «знакомый», в газете не говорилось. Но исходя из текста письма — «обращаюсь я к Вам — моему старому другу — и вполне беспартийному человеку» — это был Некто, которого Ленин хорошо знал еще по эмиграции в Швейцарии во время Первой мировой войны и в то же время имевший давние связи как в европейских социал-демократических, так и старых русских эмигрантских кругах. Ленин упоминает также о длительной переписке с этим Некто и даже тесных личных контактах ранее («если мы опять встретимся друг с другом, то Вы удивитесь еще более той перемене, которая во мне произошла и которая невольно отражается в моих письмах»).

Судя по письму Ленину в «нэповской» России лета 1921 г. «вспоминаются» (накануне революции в России, в 1915 — январе 1917 гг.) те «счастливые дни в Цюрихе,

---

[1] *Ванин Ю. Уроки без сенсаций.* Статья была набрана и уже стояла, как говорят газетчики, «на полосе» 26 апреля 1989 г. в очередном вечернем выпуске «Известий», но за час до подписания номера в печать неожиданно была снята главным редактором газеты *Вл. Ефимовым.* Мотивы снятия ни Ю. Ванину, ни мне так никто никогда не объяснил, но я и тогда догадывался — был очередной звонок со Старой площади… В утешение рядовые сотрудники дали автору и мне наборный оттиск статьи «на память» (*домашний архив автора книги*).

когда мы оба вели длинные разговоры о предстоящем социальном сдвиге, о неизбежности выполнения теоретических выводов, и о тех фазах, при которых социалистическое изменение обоюдных классовых отношений и общественных форм в Европе современной имеет место». Похоже, что этот «цюрихский друг» активно не соглашался с Ильичем, вызывая его раздражение: «Ваш практический ум часто меня возмущал своей холодной критикой…»

Но теперь, после «трех лет непрерывного изучения революционных фазисов в России», Ленин приходит к печальному выводу: он и его единомышленники-большевики (хотя далеко не все из них это осознают), увидев рабочий класс России «в действии», стали понимать — марксова догма о «гении классового сознания» отнюдь не универсальная «отмычка»: «Мы все ошибались, придавая классу такое громадное значение, мы смотрели на класс как на какой-то интеллигентный организм, способный на непосредственное прямое выражение своих желаний. Класс является не чем иным, как организмом, лишенным всякого интеллекта свободной воли и какой-либо способности к действиям».

В письме Ленина (как, впрочем, и в статье Ю. Мартова «Что делать?» в 1919 г. и в «Политическом завещании» Г. В. Плеханова, продиктованном в апреле 1918 г.) слышится крамольная мысль: а прав ли был Маркс с его «коллективным инстинктом» — пролетарской солидарностью, из которой и вырастало учение о диктатуре пролетариата?

«Наша ставка на коллективный инстинкт, который должен удерживать членов партии, оказалось ошибкой, — писал Ленин в 1921 г. — Наши надежды на этот коллективный инстинкт и на классовое сознание рабочих и крестьян — также потерпели фиаско».

В этом удивительном по нетипичности для официального иконописного «вождя мирового пролетариата» письме действительно «малознакомого Ленина» (заголовок одной из книг В. Валентинова-Вольского) немало характерных для эпистолярного наследия «кающихся дворян» (М. Горький) откровений: «Я теперь вспоминаю Вашу прощальную фразу, сказанную Вами в 1917 году в момент моего отъезда в Россию. Вы сказали мне, что я не должен забывать, что я окончательно разучился понимать дух русского крестьянина и рабочего, что годы в эмиграции отняли у меня возможность непосредственно наблюдать за русским обществом и что я должен быть осторожным.

[Но] нас всех захватила волна власти, волна успеха. Я сам имел возможность проверить мои выводы на практике, дав себя увлечь, ибо я твердо верил в устойчивость и жизнь моей партии.

Я должен вам сказать, что я был не прав, что переоценил силы партии, а также русского рабочего и русского крестьянина. Скажу Вам коротко, что русский рабочий и русский крестьянин предали свои интересы» (выделено нами.— *Авт.*).

Ленин явно «исповедуется» своему «цюрихскому другу» как приходскому батюшке (хотя почти год спустя в письме уже не другу, а «тов. Молотову для членов Политбюро» 19 марта 1922 г., как мы увидим ниже, он этих батюшек потребует сотнями отправить под расстрел), и как бы расшифровывает свое знаменитое — «конечно, мы провалили»: «Теперь обо мне. Я устал. Я чувствую это все более с каждым днем, и невольно тянет на отдых к моим книгам и к проверке моими объективными наблюдениями тех выводов, коим я посвятил всю жизнь. Нервы стали уже не те. Все больше и больше меня нервирует как ничтожество моих окружающих, так и их буржуазность, которая разъедает твердый организм партии (ср. характеристику «окружающих» в этом письме с «Письмом к съезду» 24—25 декабря 1922 г. — *Авт.*). Государственная работа в той форме, как она проводится теперь у нас, совершенно невозможна. Наша юная бюрократия полностью переняла ошибки своих предшественников и по наивности еще увеличила пропасть, которая существовала между правителями и управляемыми».

Этот пассаж из письма «цюрихскому другу» свидетельствует, что Ленин начинает сомневаться не только в теории (диктатуре пролетариата), но и в практике (способности его преемников, вождей партии, довести его грандиозное дело — коммунизм — до конца): «Партия изменилась — совершенно невольно, и своей мягкостью и рабской психологией, которая, пересилив революционный порыв, на полдороге задержала

развитие революционной психологии. Наивность, детская жестокость, полное непонимание и невозможность сознания необходимости работать на грядущий день, лень и неспособность воспринимать новые мысли — это все является той плотиной, прорвать которую оказалось нам не под силу, несмотря на действительно героические усилия, сделанные партией в течение этих лет. Если мы держимся — то только исключительно усилиями партии, которая дает все свои живые силы для сохранения власти, и этим, хоть некоторым образом, поддерживает возможность перевоспитания социального мировоззрения, подготовив этим этап для дальнейшего развития международной революции. Но я чувствую, что силы партии изо дня в день выдыхаются и что внутреннее трение и мелкое самолюбие отдельных лиц, ставящих частные интересы выше, чем общие, разъедают партию. После борьбы на всех различных фронтах от нее останутся лишь остатки».

Но Ленин, как очень часто случалось с ним не раз, и в этом «предзавещании» удивительно противоречив. Только что он убедительно показывает, что с этой партией «каши не сваришь», а ее партийные «повара» будут готовить «только очень острые блюда». И тут же пишет о «замене» диктатуры пролетариата и даже диктатуры партии на «силу отдельных личностей, воля которых поднимается выше уровня их класса, охватывает этот класс и диктует ему те методы, которые для этого класса в настоящий момент классовой борьбы являются наиболее полезными и необходимыми».

И далее — еще большее артикулирование этой странной под пером «воинствующего материалиста» вполне «поповской» идеологически-религиозной мысли: «Воля отдельных лиц, созидательный дух свободного интеллекта — только они одни могут предвидеть дальнейшие фазы борьбы, могут суммировать все pro et contra».

Однако заключительная часть письма «другу в Цюрихе» для «нэповского» Ленина вполне прагматична и конкретна, и вызывает воспоминание о его «Очередных задачах Советской власти» (1918 г.) и «Детской болезни “левизны” в коммунизме» (1920 г.): «Я давно сознал неизбежность компромиссов, уступок с нашей стороны, компромиссов, которые дадут партии новые силы для небольшой группы утомленных работников, действительно преданных делу. Без этого у нас не будет возможности дальше существовать, т. е. мы не можем держаться. Поставить ставку на революционный милитаризм наших «Наполеонов» (явный намек на преднэповскую программу «красного Бонапарта» — Троцкого — на «милититаризацию труда» и превращения РККА в одну единую «трудармию». — *Авт.*), по моему мнению, означает проигрыш, и это будет последним усилием партии, которая погибнет, израсходовав весь запас живой силы».

И в заключение письма — абсолютно конкретная просьба к «цюрихскому другу»: продублировать усилия Леонида Красина в Лондоне, к которому параллельно обратился с аналогичным по смыслу письмом Ильич, «о необходимости частным путем войти в переговоры с социалистическими группами эмиграции о возможности какого-либо компромисса. С такой же просьбой обращаюсь я к Вам — моему старому другу — и вполне беспартийному человеку. Вам будет легче установить контакт с нашей эмиграцией и сговориться с ее вождями. Я очень надеюсь в ближайшем получить от вас какие-либо известия, так как время не терпит, и лучше добиться соглашения сегодня, чем через полгода, когда, по всей вероятности, это будет поздно. Всем сердцем Ваш *В. Ульянов».*

Публикаторы этого сенсационного и ранее совершенно неизвестного письма из Вологодской писательской организации 1990 г. не дают под ним ни архивного шифра, ни страниц печатного издания, ни даже фамилии публикатора. Лишь в редакционном врезе они сообщают, что а) публикуют это письмо «с незначительными сокращениями»; б) письмо впервые было опубликовано по-французски 25 августа 1921 г. в брюссельской вечерней газете Soire (непонятно тогда — в газете «Эхо» дан обратный перевод с французского, или это ленинский оригинал письма по-русски? — *Авт.*); в) за несколько дней до публикации в бельгийской газете письмо было представлено лорду Керзону и некоторым членам тогдашнего британского правительства на экспертизу и будто бы неистовый автор знаменитых «ультиматумов» дал следующее письменное заключение:

«Нет причин сомневаться в его достоверности. Как открытие, оно представляет огромный интерес и важность» (цит. по: «Эхо», 1990, № 8, август, с. 1).

С лордом можно согласиться: интерес Ильича к «сменовеховству» и его последнее выступление на XI съезде РКП(б) — «машина едет не туда» — по духу совпадают с письмом к «цюрихскому другу».

Характерно, однако, что в отличие от нашей статьи в двух известинских номерах «Уроки нэпа» и более поздней (ноябрь 1999 г.) публикации «Политического завещания» Г. В. Плеханова в «Независимой газете», ленинское письмо от 10 июня 1921 г. не вызвало в столичных СМИ того времени никакой полемики. Скорее всего, это было вызвано тем, что в московской прессе оно так и не было перепечатано, хотя я в сентябре — декабре 1990 г. обегал не один десяток редакций тогдашних «перестроечных» газет и журналов, предлагая ксерокопию газеты «Эхо» с ленинским письмом и моим комментарием к нему (публикую его в этом авторском отступлении лишь сейчас, четырнадцать лет спустя). Два обстоятельства помешали успеху моего предприятия: во-первых, общая обстановка «зажима прессы» в эпоху «позднего Горбачева», наиболее резко проявившаяся в конце 1990 г. в закрытии самой смелой по тем временам телевизионной передачи «Взгляд»; и во-вторых, отрицательные заключения на все мои «ленинские» публикации «заклятых друзей» — А. Совокина (зав. сектором Ленина в ИМЛ при ЦК КПСС) и О. Лациса (зав. отделом газ. «Известия»), публично обвинившим меня в «фальсификации ленинианы» (два года спустя оба «твердокаменных» марксиста охотно променяли Ленина и всю Советскую власть на купюры «зеленых»).

Между тем, у вологодских писателей в отношении подлинности помещаемых в печатном издании неизвестных ранее ленинских документов был весьма солидный козырь. Дело в том, что в той же писательской «многотиражке» «Эхо» (1990 г., № 4, апрель) и в том же 1990 г., эти смелые ребята (хотя, как они мне признались — «мы побаивались») напечатали еще один подлинный ленинский документ — впоследствии широко известное зловещее письмо Ильича Молотову для членов Политбюро ЦК РКП(б) от 19 марта 1922 г. по поводу кровавой расправы красной милиции в уездном городке Шуя (стреляла в толпу верующих у православного собора, противившихся местной комиссии по изъятию церковных ценностей разграбить храм — убито было 4 чел., ранено 10 чел.). Ленин не только одобрил эту кровавую расправу, но и потребовал на предстоящем через неделю XI съезде партии «провести секретное решение съезда о том, что изъятие ценностей, в особенности, самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть проведено с беспощадной решительностью, безусловно ни перед чем не останавливаясь и в самые кратчайшие сроки. Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет (?! — *Авт.*) ни о каком сопротивлении они не смели и думать» («Известия ЦК КПСС», 1990, № 4, с. 193).

В отличие от письма «другу в Цюрих», это письмо Ленина о шуйском расстреле со ссылкой на вологодское «Эхо» попало в московскую печать, хотя и было опубликовано не целиком, цитатами, а то и в переложении. «Совокины» и «лацисы» подняли было вой, но в середине апреля 1990 г. вышел из печати тиражом в 700 тыс. экземпляров очередной номер журнала «Известия ЦК КПСС» (редакционный совет возглавлял сам генсек М. С. Горбачев), где полностью, по Центральному партархиву, было напечатано кровожадное письмо Ильича, и все «твердокаменные ленинцы» немедленно заткнулись.

Многие аналитики эпистолярного наследия Ленина (Ален Безансон, Борис Суварин, особенно, Н. Валентинов-Вольский и др.) не раз отмечали в писаниях одного и того же человека — Ленина — эту странную смесь «стальной беспощадности» и слезливой плаксивости «кающегося дворянина». Все эти бесконечные обороты типа — «Я ошибся… мы ошиблись… я, кажется, сильно виноват перед рабочим классом России… тут была

также большая моя вина.… мы в России сделали тысячи ошибок… мы наглупили достаточно в период Смольного» и, наконец, классически ленинское — «мы сделали и еще сделаем огромное количество глупостей…» вполне укладываются в стиль и дух письма Ленина 10 июня 1921 г к «другу в Цюрихе», хотя в «Известиях ЦК КПСС» оно так и не было напечатано.

В этом отношении более достоверно плехановское «Политическое завещание» (апрель 1918 г.) — ведь в «тезисном» виде оно все же было изложено в его знаменитом «Открытом письме к петроградским рабочим», напечатанном в меньшевистском еженедельнике «Единство» 28 октября / 10 ноября 1917 г., через три дня после большевистского переворота (с тех пор неоднократно публиковалось — одну из последних «перестроечных» см. жур. «Вопросы истории», 1989, № 13, с. 102—106).

Однако, в общем контексте нэпа, вызвавшего в «низах» и «верхах» острейшую политическую борьбу в партии по вопросу «за» и «против» новой экономической политики (один из самых первых «друзей большевиков», сделавший на них свой первый капитал, — американский миллиардер Арманд Хаммер — позднее вспоминал: предложи нэп любой другой большевик, а не Ленин — партия его немедленно бы расстреляла как «предателя революции» — жур. «Коммунист», 1988, № 2, с. 65) то, что пишет Ленин в письме «другу в Цюрих», вполне отвечало его реальным установкам на постепенный переход к реформизму и компромиссу. Но в этой «коренной перемене всей нашей точки зрения на социализм», судя по уникальным воспоминаниям Ник. Валентинова-Вольского, Ленин был удивительно одинок: «Полностью согласны с ним, может быть, только Красин и Цурюпа; все остальные или молчат, или упираются» (из беседы одного из руководящих работников Рабкрина А. И. Свидерского с Валентиновым. — *Валентинов Н.* (Н. Вольский). Указ. соч., с. 12.).

В такой обстановке поневоле взвоешь и начнешь плакаться в жилетку не то что «другу в Цюрихе», а самому папе римскому или китайскому богдыхану….

АПОЛОГЕТИКА СТАЛИНА «НЕВОЗВРАЩЕНЦАМИ»

Впрочем, и Валентинов-Вольский, на наш взгляд, преувеличивает пессимизм «нэповского» Ленина и степень его разногласий с «троцкистами» относительно перспектив нэпа. По нашему глубокому убеждению — и мы попытаемся аргументировать этот тезис ниже — именно Троцкому Ленин в 1922—1923 гг. поручил комплексную операцию «глубокого бурения» при нэпе, «надводную» часть которой «демон революции» изложил в своей брошюре «Новый курс».

В коммунистическом движении XX века такое непонимание соратниками «вождя» — явление не уникальное и не чисто русское. Вспомним борьбу «семинариста» — сельского учителя *Мао Цзедуна* — против «гимназиста» (учился в Сорбонне) *Дэн Сяопина*, которого «семинарист» сослал в деревню «на капусту и горох» — идейное перевоспитание. Вспомним также Алжир после победы национально-освободительной революции против французского колониализма. Кто в 1962—1964 гг. стоял во главе нового революционного алжирского правительства? Утонченный арабский интеллектуал, также учившийся в Сорбонне — *Бен Белла* и его «гимназисты». Но награжденного Хрущевым Звездой Героя Советского Союза через два года сверг «полевой командир» исламист-моджахед *Хуари Бумидьен*, и двадцать лет утонченный интеллектуал провел в отдаленном сахарском оазисе под арестом. Сталин, разумеется, такого либерализма не допускал: его «бенбеллы» сидели в другом — сибирском морозном «оазисе» — на Колыме.

Зато Сталин просто упивался процессом обюрокрачивания. Еще бы — ведь один только первый «ленинский призыв» в мае 1924 г. к XIII съезду РКП(б) увеличил партию *вдвое* — с 386 в апреле 1922 г. (при живом Ленине) до 736 тыс. чел. в 1924 г. (Ленине уже умершем). И вскоре после смерти Ленина он уже докладывал на очередном съезде

партийной номенклатуры своего «ордена меченосцев»: «В составе нашей партии, если иметь в виду ее руководящие слои, имеется около 3—4 тысяч высших руководителей. Это, я бы сказал, — генералитет нашей партии. Далее идут 30—40 тысяч средних руководителей. Это — наше партийное офицерство. Дальше идут около 100—150 тысяч низшего партийного командного состава. Это, так сказать, наше партийное унтер-офицерство» (цит. по: *Восленский М.* Указ. соч., с. 127).

В результате даже одного «ленинского призыва» уже в 1925 г. партаппарат ВКП(б) насчитывал более 25 тыс. «освобожденных» (т. е. на партмаксимуме) функционеров — по одному «унтер-офицеру» на каждых 40 «партрядовых».

И далеко не все современники, подобно Ленину и Троцкому, видели в этом процессе «мещанского карьеризма» признаки бюрократизации и, тем более, «перерождения». Многие извне и изнутри горячо приветствовали такой «термидор», а вместе с ним и Сталина.

Оценки двух из них — уже хорошо известного нам эмигранта-монархиста *Василия Шульгина* и советского дипломата-«невозвращенца» *Сергея Дмитриевского* — особенно характерны.

Прежде всего, речь идет о книге *В. В. Шульгина* «Три столицы: путешествие в Красную Россию» (Берлин, 1927 г.), явившуюся результатом его «нелегальной» поездки в СССР в 1926 г. с посещением трех «столиц» — Москвы, Ленинграда и Киева. До сих пор неясны многие обстоятельства этой странной поездки. Что она была подготовлена и тщательно спланирована ОГПУ в рамках пресловутой операции «Трест» (удачной провокации чекистов по созданию якобы антисоветского подпольного центра), стало известным уже в конце 1927 г., когда сами чекисты дезавуировали всю операцию. Но почему они сначала заманили Шульгина в СССР, а затем отпустили его обратно — это остается неясным. Как и то обстоятельство, что хотя Шульгин ездил по СССР якобы «инкогнито» (по подложному паспорту, иногда гримируясь) и под плотной опекой агентов ОГПУ (иногда они меняли на «своих людей» персонал целых гостиниц), ему почему-то до и после поездки создали шумную рекламу — переиздали накануне его приезда в СССР его резко антисоветские мемуары «1920», а известный большевистский борзописец *Дм. Заславский* издал еще и его критическую биографию — «Рыцарь монархии и черной сотни Шульгин» (Л., 1927). Шульгин ничего этого не заметил, будучи уверенным, что он сам так хорошо законспирировался, что его никто в СССР не узнал.

Важна, однако, не эта детективная сторона поездки мыслящего монархиста, а то, что он увидел своими глазами и о чем написал. Тогда еще не было сталинской «интуристовской» практики с ее показом только советских «потемкинских деревень» — передовых заводов и колхозов, детских садов и стахановцев. Но, конечно, написал он не о том якобы мощном антисоветском подполье, о котором напел ему подставной агент ОГПУ (его фигура в виде советского «спеца» Якушева хорошо изображена в культовом сериале брежневских времен «Операция “Трест”»), а о своих личных впечатлениях от повседневной жизни в «нэповской» России: «Я думал, что я еду в умершую страну, а я вижу пробуждение мощного народа».

Но это «пробуждение» Шульгин понимает по-своему: «Вернулось неравенство.… Мертвящий коммунизм ушел в теоретическую область, в глупые слова, в идиотские речи…. А жизнь восторжествовала. И как в природе нет двух травинок одинаковых, так и здесь бесконечная цепь от бедных до богатых…. Появилась социальная лестница. А с ней появилась надежда. Надежда каждому взобраться повыше».

Шульгин достаточно самокритичен: «Власть есть такая же профессия, как и всякая другая. Если кучер запьет и не исполняет своих обязанностей, его прогоняют. Так было и с нами: классом властителей. Мы слишком много пили и пели. Нас прогнали.

Прогнали и взяли себе других властителей, на этот раз «из жидов».

Их, конечно, скоро ликвидируют. Но не раньше, чем под жидами образуется *дружина*, прошедшая суровую школу. Эта должна уметь властвовать, иначе ее тоже «избацают».

Коммунизм же был эпизодом. Коммунизм («грабь награбленное» и все прочее такое) был тот рычаг, которым новые властители сбросили старых. Затем коммунизм сдали в музей (музей революции), а жизнь входит в старое русло при новых властителях» (*Шульгин В. В.* Указ. соч., с. 135—137; выделено нами. — *Авт.*).

В этой оценке ключевые слова — *неравенство, дружина, коммунизм — это эпизод, жиды.*

Дружина — это все тот же «орден меченосцев» Сталина, а *жиды* — идеологическое обрамление его борьбы за власть в партии и государстве. То-то книга монархиста Шульгина «Три столицы» (но с купюрами насчет «жидов» и «фашизма-коммунизма») была срочно переиздана в СССР, как и очередной сборник статей кадета *Николая Устрялова* «Под знаком революции» (Харбин, 1925, 354 стр.; М., 1927), т.к. обе трактовали о «реставрации» и «конце коммунизма» в СССР.

Не все оценки Шульгина выдержали проверку временем. Не оправдались его надежды на эволюцию национал-большевизма в сторону фашизма (тогда еще — только в варианте корпоративного государства Муссолини — очень модная тогда среди белоэмигрантов точка зрения: ее разделяли не только правые — Шульгин, черносотенец Марков-2-й, но и либералы — писатель Мережковский, его супруга поэтесса Зинаида Гиппиус, религиозный философ Николай Бердяев и др.), хотя основания для таких умозаключений у Шульгина, мечтавшего об объединении «белой» и «красной» России на некоей «третьей платформе» — фашизма — все же имелись[1].

«Коммунисты да передадут власть фашистам, — призывал монархист, — не разбудив зверя» (*Шульгин В. В.* Указ. соч., с. 48 — помните его: «Зверь вышел из клетки…». — *Авт.*).

Но общий вывод Шульгина относительно «термидора» в СССР, за который его очень хвалила советская пресса конца 20-х гг., вполне «сменовеховский» и оптимистический: «Можно всеми силами души быть против советской власти и вместе с тем участвовать в жизни страны: радоваться всяческим достижениям и печалиться всяким неуспехам, твердо понимая, что все это актив и пассив русского народа как такового» (там же, с. 310).

Очень близкие Шульгину идеи в начале 30-х гг. высказал «невозвращенец» *Сергей Дмитриевский.* Эта фигура до сих пор вызывает серьезные разногласия в оценках среди историков. Одни считают его идейным «невозвращенцем» типа Николая Валентинова (Вольского), благо в Февральскую революцию Дмитриевский примыкал к правым эсерам, а в 1918 г. входил в деникинский «Союз возрождения России» в Ростове-на-Дону. Другие, наоборот, видят его «подсадной уткой» Сталина и завербованным «сексотом» ОГПУ, которое и организовало его «бегство» из советского посольства в Стокгольме в апреле 1930 г. «на свободу». В подтверждение этой версии исследователи ссылаются главным образом на «косвенную улику» — книгу Дмитриевского «Сталин» (Берлин, 1931, 339 стр.), первый панегирик «чудесному грузину», вышедший за границей на русском языке[2].

Наконец, третьи вообще считают Дмитриевского «агентом Гитлера» на том основании, что в канун и после ее начала Второй мировой войны он и Борис Бажанов предложили свои услуги «антисоветчикам». Но если бывший секретарь Сталина во время советско-финской войны занялся практической организацией «антибольшевистского легиона» из пленных красноармейцев, то Дмитриевский в 1940 г. предложил тогдашнему «наци № 4» *Рейнхарду Гейдриху*, гаулляйтеру германского «имперского протектората Богемия и Моравия» (убит в 1942 г. чешскими диверсантами-антифашистами), целую программу «русской национальной революции» для оккупированной территории СССР, используя в качестве инструментов идеи национал-большевизма и православия.

Нацистские бонзы, которые уже давно вели со Сталиным двойную игру компроматов (достаточно вспомнить о сфабрикованном в гестапо и подброшенном в 1936 г. через

---

[1] См. *Стефан Дж.* Русские фашисты (трагедия и фарс в эмиграции, 1925—1945). — М., 1992 (в книге в основном речь идет об организациях и действиях русских эмигрантов-фашистов в Китае и в США).

[2] До этого такие панегирики выходили из печати только в СССР. См. *«Сталин»*. Сб. статей к 50-летию со дня рождения. — М. — Л., 1929 (2-е изд. — 1930 г.).

чехословацкого президента Бенеша «деле» о «военных заговорщиках» Тухачевском и др., на которое Сталин клюнул и расстрелял в 1937 г. «красных маршалов»), не поверили Дмитриевскому, подозревая в нем «сталинского агента». При этом они еще и полагали, что Дмитриевский специально подослан Сталиным, чтобы отсрочить нападение Германии на СССР. И хотя после 22 июня 1941 г. Дмитриевский, подобно генералу Краснову и атаману Шкуро, примкнул к нацистскому «крестовому походу» на Восток, в изобилии публикуя в национал-социалистических СМИ Германии книги, статьи и памфлеты с восхвалением Гитлера, в оккупационное «ведомство Розенберга» на жалованье его так и не взяли — «хвост» агента Сталина все еще тянулся за ним[1].

Между тем некоторые идеи Дмитриевского были все же взяты нацистами на вооружение. Еще в 1933 г., получив политическое убежище в Швеции, Дмитриевский отправился в посольство тогда уже фашистской Германии в Стокгольме и там в беседе с одним из советников представил обширную записку об использовании иерархов православной церкви в СССР против «еврейских доктринеров» мировой пролетарской революции (напомним, что с февраля 1929 г. в «Первом Отечестве мирового пролетариата» развернулась шумная кампания против «попов», а в мае 1932 г. была принята т. н. «безбожная пятилетка», объявлявшая о намерении «красных безбожников» к 1937 г. добиться «изгнания самого понятия Бога» из сознания советских трудящихся). Посольство переслало записку Дмитриевского в Берлин, и в 1936 г. Гитлер использовал некоторые идеи ее автора, передавая православные соборы и церкви в Германии не Московскому патриархату, а созданной еще в 1921 г. в Югославии Зарубежной русской православной церкви, в ведении которой эта церковная собственность находится до сих пор.

Идеи Дмитриевского использовались в пропагандистских целях на оккупированных территориях СССР в 1941—1943 гг., в частности — его «козырный туз» возрождения православия. Если что и удалось оккупантам, так это их политика открытия православных церквей на Украине, в Белоруссии и временно занятых областях РСФСР. Мне довелось много лет спустя видеть по телевидению ФРГ, в частности по франко-германскому каналу «Артэ» (г. Страсбург), документальные фильмы, основанные на кинохронике «ведомства Розенберга». Скажу прямо — увиденное впечатляло. Торжественные церковные службы «по полному чину» в Софийском соборе в Киеве, тысячные крестные ходы, церковные приходы и богадельни — все это было реальностью оккупационной политики, как и «аллилуйя» тогдашних батюшек фюреру Германии и Европы.

То-то Сталин больше всего напугался именно этого показного православия Гитлера и с 1943 г. он перехватил у него этот выгодный рычаг духовного контроля над советскими массами (особенно над вдовами погибших солдат) и начал поощрять официальное православие в СССР, разумеется, под контролем КГБ.

В заключение этого краткого анализа о противоречивой фигуре Дмитриевского следует привести мнение *Бориса Бажанова*, встречавшегося с этим неизвестно чьим «агентом» в Париже в начале 30-х гг. и читавшим его многочисленные труды. Бажанов не очень высоко оценивал писания бывшего советского дипломата («Судьба России: письма к друзьям», Берлин, 1930, 311 стр.; «Сталин»; «Советские портреты», Берлин, 1932, 304 стр. и др.), упрекая его даже в подтасовке цитат из его собственных «Воспоминаний бывшего секретаря Сталина», но факта вербовки Дмитриевского в сталинские «агенты» не подтверждает. Кроме того, по мнению Бажанова, Дмитриевский все же был более солидный человек и дипломат, чем сбежавший через забор советского полпредства в Париже бывший и. о. посла *Григорий Беседовский,* которого сталинский секретарь характеризует как проходимца и пустобреха.

Любопытно, что при этом Бажанов ссылается на мнение нашего старого знакомца, одного из организаторов убийства Распутина в 1916 г. британского разведчика в Петрограде в 1916—1917 гг. сэра *Самуэля Хора*[2], ставшего к тому времени английским

---

[1] Подробней версию о «двойном агенте» — Сталина и Гитлера — Дмитриевском, см. в статье израильского историка *Меира Михаэлиса* «Третий рейх и русский национал-социализм» // жур. «Soviet Jewish affairs», [Tel-Aviv], 1975, vol. 5, № 1.

[2] См.: *Сироткин В. Г.* Почему «слиняла» Россия. М., 2004, с. 194—195.

министром по делам Индии. Именно Хор в 1929 г., приехав в Париж и встретившись с и.о. посла Беседовским, разоблачил всю его совместную с другим крупным авантюристом — эмигрантом *Коломийцем-Богвутом* — махинацию: за спиной НКИД и правительства СССР заключить с консорциумом британских банков (некий аналог современного Английского клуба) сделку о крупном займе якобы на советскую индустриализацию, хапнув за это немалый посреднический процент (*Бажанов Б.* Указ. соч., с. 287—288). Сбежав с громким скандалом (в парижской прессе) из посольства после провала этой авантюры, Беседовский начал строчить под псевдонимами бульварные детективные романы по советской тематике на французском языке в духе современных московских романистов Б. Акунина или А. Марининой, предварительно «выдоив» из Бажанова информацию (а они в 1930—1933 гг. довольно часто встречались в Париже, и бывший сталинский секретарь охотно витийствовал перед будущим «писателем» о своей секретной работе у Сталина, Молотова, Кагановича в Политбюро). Обладая от природы цепкой памятью, Беседовский запомнил из этих рассказов под бутылочку-другую хорошего бордо или божоле мельчайшие детали и, придя домой, переносил их на бумагу, но до войны не злоупотреблял доверием Бажанова.

Зато после войны (а Беседовский вначале был уверен, что Бажанова в 1944 г. по команде из Москвы ликвидировали французские партизаны из «маки», тем более, что и соответствующее сообщение о расстреле его в собственной парижской квартире как «коллаборациониста» группой «народных мстителей» появилось в августе 1944 г. в коммунистической «Юманите», — но Бажанов спасся, за день до этой акции уехав из французской столицы в Брюссель), «писатель» распоясался вовсю, благо и политическая конъюнктура на книжном рынке этому благоприятствовала.

Как мы уже отмечали выше, Франция после августовского восстания 1944 г. коммунистов в столице против германских оккупационных войск вызвало в Москве эйфорию реванша «коммунаров» над «пруссаками Бисмарка» в 1871 г., и государство галлов немедленно было зачислено пропагандистами ЦК ВКП(б) в страны «новой» демократии. Французские обыватели, уже боявшиеся скорого появления «комиссаров в пыльных шлемах» на берегах Сены, желали знать, что это за «зверь» — большевизм и его «вождь краснокожих» — Сталин. И Беседовский «попал в струю», благо его первая книга «На путях к термидору» (1931 г.) франкоязычной общественностью тогда осталась незамеченной, ибо вышла только по-русски. Зато теперь, после войны, одна за другой стали выходить по-французски авантюрные романы в карманном формате — «Записки капитана Крылова» (якобы сотрудника Генштаба РККА и помощника военного атташе СССР в Париже. — *Авт.*), «С вами говорят советские маршалы» (о Тухачевском, Егорове и др. — *Авт.*), «Мемуары генерала Власова»[1] и другие.

При этом каждую мелкую деталь, записанную Беседовским со слов Бажанова еще в начале 30-х гг., «романист» разворачивал в целый детектив, присочиняя от себя как Бог на душу положит всякие небылицы. Сам Бажанов обнаружил это «творчество» своего давнего собеседника довоенных времен совершенно случайно, когда в 1950 г. ему в Париже попалась на глаза книга некоего *Дельбара* «Настоящий Сталин», также изданная по-французски. На поверку этот «Сталин» был стопроцентным плагиатом «Воспоминаний» Бажанова, слегка разводненный фактами из бесед с ним в начале 30-х гг. Бажанов встретился с Беседовским и потребовал объяснений. Последний и не скрывал, что он совершил откровенный плагиат — «кушать хочется, а денег нет…», но от суда, которым ему угрожал бывший секретарь Сталина, увернулся: по французскому законодательству «псевдоним» не подсуден, а Бажанову вряд ли удастся доказать на процессе, что «Дельбар» и Беседовский — одно и то же лицо, тем более что французский журналист Ив Дельбар существовал в действительности (см. *Бажанов Б.* Указ. соч., с. 290). Все, что мог сделать после такого откровенного циничного заявления проходимца Бажанов, — выгнать его из своей квартиры и больше с ним не встречаться.

Но, в отличие от Бажанова, за Беседовским не тянулся постоянно хвост «фашистского прихвостня», что было очень важно в послевоенной Франции, когда коммунистические

---

[1] Абсолютная фальшивка. Ср.: *Хоффманн Йозеф.* История Власовской армии. Под общей ред. А. И. Солженицына. — Париж, 1990, с. 364—365.

«макизары» (партизаны) в 1944—1945 гг. «шлепали» своих «власовцев» без суда не хуже, чем большевистские чекисты в годы Гражданской войны отечественных «буржуев». А у Беседовского в активе с довоенных времен были публикации в его газете «Борьба» материалов о том, что еще с 1930 г. Сталин субсидировал приход Гитлера и его партии к власти (что позднее подтвердилось сверхсекретными «челночными» поездками вездесущего «разоружившегося троцкиста» Карла Радека в 1931—1932 гг. в Берлин и обратно; такие же поездки обозреватель «Известий» К. Б. Радек совершал как «корреспондент» и после прихода нацистов к власти, в 1933—1935 гг.).

Правда, затем Беседовский почему-то поменял свою точку зрения на нацистско-большевистское финансовое сотрудничество в 1930—1932 гг. и опубликовал во французских газетах опровержение своих документальных публикаций 1930 г. в «Борьбе», которые ему якобы «подсунул» очередной «невозвращенец» Сталина резидент НКВД в Испании *А. Орлов*[1]. Но почему-то вскоре после этого опровержения вслед за Дмитриевским Беседовский в соавторстве с французским журналистом Морисом Лапортом выпустил в Париже своего «Сталина», но, в отличие от Дмитриевского, по-французски (первое издание, второе выйдет в 1950 г.).

Оба «Сталина» — откровенная апологетика «зодчего социалистического общества» (Карл Радек). Но если у Дмитриевского это пусть и апологетика с сильной антисемитским привкусом (даже «русские янки» Красин и Луначарский у него — евреи), но все же на фоне реальных деяний Сталина дается фактура борьбы с Троцким в партии, анализируются сталинские усилия, подобно Муссолини и Гитлеру, вознамерившегося сокрушить «международный еврейский капитал», опираясь на здоровые русские духовные силы — «черную кость» русской революции, то у Беседовского с Лапортом книга о «зодчем» — обыкновенная «развесистая клюква», чтиво для парижских консьержек.

Сталин, оказывается, не грузин, а потомок турка времен Петра I, воевавшего против России. Что якобы еще в 1901 г. он вместо Ленина возглавил фракцию большевиков в РСДРП, что это Сталин из сибирской ссылки в годы Первой мировой войны «водил рукой» Ленина и будто бы, как экстрасенс, за него на расстоянии написал «Империализм как высшая стадия капитализма», а в 1923 г. якобы Сталин помешал Троцкому совершить «бросок РККА в Германию». Словом, даже если Беседовского, как писали сразу после выхода «Сталина» французские газеты, «завербовало» ОГПУ, это был неумный агент-провокатор — такой карикатурный «Staline» только вредил образу «зодчего».

Впрочем, шлейф слухов о том, что Беседовский непременно чей-нибудь «агент», преследовал его всю его эмигрантскую жизнь: в 1938 г. он стал «агентом» Гитлера, в 1945 г. — снова якобы «агентом» Сталина (будто бы собирал и передавал на Лубянку шпионские сведения о местах дислокации войск США в Западной Европе). Но беглому поверенному в делах СССР во Франции поразительно везло — в его биографии всегда были эпизоды, которые можно было трактовать по-разному. Говорите — агент Гитлера? Тогда почему в 1940—1942 гг. — участник антифашистского движения Сопротивления? Агент Сталина? Тогда почему его в 1944 г. арестовали и едва не расстреляли французские коммунистические «маки»? Вобщем, постоянно — то ли он шубу украл, то ли у него…. Единственное дело, которое он после войны не только не оставил, а наоборот, поставил на поток — это продолжение довоенной практики засаживания делянки «анти-СССР» все новыми и новыми породами «развесистой клюквы». Отличие было лишь в том, что его соавтором был не один Ив Дельбар, а целая бригада «литературных негров».

Сам же Беседовский лишь добавил к своим прежним псевдонимам еще несколько экзотических — «имам Разуза» (якобы чеченец, телохранитель Сталина — от его имени Беседовский и К° сфабриковали «Дневник имама»), «Буду Сванидзе» (будто бы «племянник» Сталина — еще один «Дневник» и т. п.). Вершиной фабрикации такого рода продукции стал «Дневник Литвинова». Написанный столь искусно, он пленил

---

[1] См. также: *Орлов А.* Тайная история сталинских преступлений. — Нью-Йорк, 1983, с. 126, 131—132.

воображение самого патриарха послевоенной советологии британского профессора *Эдварда Карра*, автора многотомной «Истории Советской России» (вышла в 50-х гг., переведена «для служебного пользования» в период перестройки, распродана историкам-специалистам в издательстве «Прогресс» после 1990 г.), который написал к фальшивке восторженное предисловие[1]. Маститого советолога не насторожило даже то, что вся большевистская революция объясняется с позиций иудо-масонского заговора, участником которого, судя по подделке Беседовского и К°, были Троцкий, Раковский, Ягода и сам бывший наркоминдел Максим Максимович Литвинов (Валлах).

Понятное дело — такого рода «клюквенные поделки» Беседовского интереса у серьезных политиков-эмигрантов не вызывали. Иное дело — трилогия Дмитриевского, опубликованная в 1930—1932 гг. На нее, пусть и критически, тогда откликнулись все крупные политэмигранты и «невозвращенцы» — Троцкий, Устрялов, бывший посол СССР в Греции Александр Бармин (мемуары 1938 г., Лондон) и другие. Особое внимание оппонентов привлекли две последние работы Дмитриевского — «Сталин» и «Советские портреты».

Критики сразу обратили внимание, во-первых, на внутреннюю связь обеих книг (стержень — Сталин и его национал-большевизм) и, во-вторых, на эволюцию оценок автора. Если в «Сталине» вождю «не дано войти в будущее; он падет на его пороге... он обречен, как был обречен Робеспьер» (*Дмитриевский С.* Сталин., с. 24—25), то в «Советских портретах» Сталин уже переходит этот «порог» и возглавляет «Великую Национальную Революцию Русского Народа» с тем, чтобы в конце концов подвести этот народ к «*народной монархии*»[2].

Таким образом, шульгинский НЕКТО у Дмитриевского оказывается русским «Кромвелем», прокладывающим путь законному монарху будущей Российской империи в ее «втором издании».

Рассуждения Дмитриевского были близки его оппонентам — все-таки в образовательном отношении автор и его критики стояли на одном, гимназическом, уровне. Кроме того, Дмитриевский, как и Шульгин с Устряловым, учился на юридическом факультете, только не Киевского или Московского, а Петербургского университета.

Для Троцкого он тоже не был «социально чуждым»: с 1919 г. член партии большевиков, в 1920 г. под руководством «демона революции» работал в Наркомпути (лавров, впрочем, как и Троцкий, там не снискал), до того побывал главным редактором «Библиотеки научного социализма» в Петрограде, политическим комиссаром «кремлевских курсантов» в Москве и даже кабинетным «летчиком» — зампредом ВВС РККА РСФСР.

«Своим» он был и для большевика — члена партии с 1918 г. посла СССР в Греции *А. Г. Бармина*, через семь лет после Дмитриевского совершившего такой же поступок — сбежал из посольства СССР в Афинах и стал «невозвращенцем» в Англии (в декабре 1937 г. мотивировал свой поступок открытым письмом в Международную «Лигу прав человека» в Женеве. — *Медведев Р.* Указ. соч., с. 430). Ведь и Дмитриевский, как и Бармин, с 1923 г. на дипломатической работе, причем они встречаются именно в Афинах, где Бармин — советник, а Дмитриевский в 1924 г. — первый секретарь посольства СССР в Греции. Но Бармин остается в Афинах и дослуживается к 1937 г. до поста посла, а Дмитриевского неожиданно крупно повышают — в конце 1924 г. отзывают в Москву и назначают на важный пост в центральном аппарате советской дипломатии — управляющим делами НКИД. Но осенью 1927 г. столь же неожиданно понижают (очевидно, «за троцкизм» — работал же в Нарокмпути в 1920 г. под руководством

---

[1] Автор краткой биографии Беседовского *Александр Колпакиди* (Петербург) не смог даже установить год смерти этого талантливого авантюриста. Известно только, что на свои послевоенные гонорары от многочисленных «книг-клюкв» он купил домик на Лазурном берегу и переехал туда из Парижа. Там следы бывшего и. о. посла теряются — то ли он умер своей смертью в конце 50-х гг, то ли его убили не его воображаемые, а реальные агенты КГБ? См.: *Колпакиди А.* Политические метаморфозы Г. З. Беседовского (послесловие) // *Беседовский Г. З.* На путях к термидору. — М., 1997, с. 416—425.

[2] Независимо от Дмитриевского к идее «народной монархии» пришел оригинальный русско-белорусский эмигрант из «гимназистов» (окончил юрфак Петроградского университета) и штабс-капитан *Иван Солоневич*, в далекой Аргентине создавший движение за народную монархию (выборный «народный царь» типа Степана Разина или Емельяна Пугачева). Подробней см.: *Солоневич И.* Народная монархия. — Минск, 1998.

Троцкого…) и отправляют советником посольства в не самую престижную страну — Швецию. В целом оценив «Сталина» и «Советские портреты» весьма высоко как правильный анализ эволюции большевиков от интернационализма к национал-шовинизму, Бармин все же не удерживается от вопроса — а не агент ли НКВД их автор?

Устрялов таким вопросом не задается: ему важен концептуальный подход Дмитриевского. Между двумя духовно близкими «сменовеховцами» возникает заочная полемика о методах перехода от интернационализма к национал-большевизму (Дмитриевский ратует за создание новой партии по типу национал-социалистической у Гитлера, т. е. за «орден меченосцев» по типу СС, а Устрялов против любых партий), но по существу оценки политики Сталина и в более широком плане — о «глубокой органичности советской революции» и ее «всемирной историчности» (*Устрялов Н.* Наше время. Сб. статей. — Шанхай, 1934, с. 181, 194) — между двумя авторами нет существенных разногласий.

Любопытна реакция Троцкого на сочинения Дмитриевского, отраженная затем в американском (1941 г.) и британском (1967 г.) изданиях его «Stalin'a». Судя по «Парижскому дневнику» Троцкого (1935 г.), во время пребывания в столице Франции (июль 1933 — июль 1935 гг.) «демон революции» никак не отреагировал на трилогию Дмитриевского (хотя, по-видимому, все три книги приобрел и наверняка прочитал). Очевидно, если судить по тому же «Дневнику», не встречался он лично и с самим Дмитриевским, изредка наезжавшим в 1930—1935 гг. из Стокгольма в Парижа. Хотя, к слову сказать, Беседовского «демон» охотно принимал в своем парижском пристанище, собирая свидетельства для своей будущей книги «Преступления Сталина» (М., 1992 г.). В частности, Троцкий обсуждал то место из книги беглого и. о. посла и его соавтора И. Лапорта «Staline», где пишется о том, что именно «чудесный грузин» был ответственен за принятие решения о расстреле царя и всей его семьи в ночь с 16 на 17 июля 1918 г. в подвале «Ипатьевского дома» в Екатеринбурге. Вполне лояльный к Троцкому издатель и комментатор «Дневников и писем» Л. Д. Троцкого *Юрий Фельштинский* — и тот пишет: такое утверждение — грубая натяжка.

Конечно, авантюрист Беседовский (а где он якобы лично видел сцену, как Сталин, прочитав шифротелеграмму из Екатеринбурга о необходимости срочно расстрелять Николая Романова и его семью, будто бы сказав при этом: «царь никоим образом не должен быть выдан белогвардейцам»?) мог плести что угодно, но Троцкий-то хорошо знал — Беседовского в то время и близко не было возле Кремля, а Сталин находился в тот момент на фронте, да и вряд ли он мог решить такой вопрос единолично. Тем не менее в черновых материалах к «Преступлениям Сталина» эту свою запись беседы с Беседовским «демон» себе оставил. Так велика была личная ненависть к диктатору и стремление отомстить даже путем фальсификации подлинной истории принятия решения о расстреле царской семьи, в котором решающее слово было не за Сталиным (кто он был тогда, летом 1918 г.?), а за Лениным и им самим[1].

Аналогично-утилитарным спустя несколько лет, уже в Мексике с 1936 г., было отношение Троцкого и к трилогии Дмитриевского. Характеризуя его в английском издании своего «Сталина» как «перебежчика», «шовиниста», «антисемита» и даже «фашиста», наш «демон революции» не отмежёвывается, однако, от оценок автором Сталина как близкого к социал-фашизму деятеля, скрытого противника мировой революции и т. д.

Троцкий тщательно выписал из книги Дмитриевского и включил в свои «Записные книжки» три отрывка из «Сталина» беглого дипломата, а в своем «Stalin»е ссору Ленина из Горок и Сталина в Кремле в конце 1922 г. изложил прямо «по Дмитриевскому»[2].

---

[1] *Троцкий Л.* Дневники и письма. Под ред. Ю. Г. Фельштинского. Harvard UP, 1986, с. 100—101, 202, 203. Авторы обстоятельной исторической экспертизы о «цареубийстве» также не подтверждают факт участия Сталина в принятии решения о расстреле царской семьи. См. «Правда о Екатеринбургской трагедии». Сб. статей. — М., 1998.

[2] См.: *Trotsky Lev.* Stalin. — London, 1967, p. 293—294, 374.

В общем, «пауки в банке» (Дзержинский) продолжали драться, и никакие океанские расстояния им не стали помехой. Вот только про народ в СССР от обоих «пауков» в этой смертельной схватке что-то не было ничего слышно….

Авторское отступление

Казалось бы — ну что общего между «пролетарским якобинцем», основателем международного ультралевого политического движения — троцкизма, и серым провинциальным партфункционером одной из малых стран Балкан, ничем, кроме коррупции своей семьи, не прославившимся?

Общим было одно — в 1937 г. Троцкий, а в 1999—2004 гг. Милошевич попали в жернова международных европейских организаций по правам человека. При этом их «заказчики» — в 30-х гг. СССР, а на рубеже двух веков США — требовали от международных организаций (Лиги Наций — в случае с Троцким, Совета Европы — с Милошевичем) санкции на арест и выдачу «преступников»: Троцкого — Сталину, Милошевича — международному суду по военным преступлениям на Балканах в Гааге (Нидерланды).

В 1934 г. СССР, наконец, официально вступил в Лигу Наций. Это означало, что Сталин признал Версальскую систему международных отношений и границ, Устав Лиги Наций и ту юридическую систему защиты прав человека, которую ранее большевики категорически отвергали как «буржуазную».

И одной из первых акций Сталина вскоре после этого вступления стало обращение через НКИД в секретариат Лиги Наций в 1937 г. с требованием санкционировать авторитетом этой международной организации выдачу Троцкого из любой страны — члена Лиги Наций — как уголовного «убийцы» и «агента гестапо», ссылаясь при этом на материалы судебного процесса 1936 г. в Москве над Зиновьевым, Каменевым и другими. По правде говоря, Троцкий невольно сам подсказал Сталину такой дипломатический ход. Когда в июле 1935 г. он с женой перебрался на жительство в Норвегию, это совпало сначала с первым (1935 г.), а затем и со вторым (1936 г.) сталинскими процессами над Зиновьевым — Каменевым по обвинению в «организации» убийства Кирова. В ходе обоих процессов Троцкий заочно фигурировал сначала как «соучастник», а затем — и как непосредственный «организатор» этого убийства, причем Зиновьев и Каменев в своих показаниях на суде публично подтвердили эту ложь.

Лишенный возможности быть услышанным не только в СССР, но и за границей — его многочисленные заявления о фальсификации московских процесссов Сталиным публиковал в основном его собственный «Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев)» — Троцкий в 1936 г. предпринял такой демарш. Он попросил норвежское правительство обратилось к правительству СССР, ссылаясь на материалы суда над Зиновьевым — Каменевым, с требованием его экстрадиции. Хорошо зная, что по норвежским законам такое требование иностранного государства с просьбой о выдаче любого политэмигранта в Норвегии может быть удовлетворено лишь с санкции местного суда, Троцкий надеялся, по большевистской традиции, превратить такой суд в обвинительный процесс против Сталина[1].

Затея тогда не удалась — норвежцы к правителям СССР не обратились, предпочтя просто выслать Троцкого в декабре 1936 г. из своей страны, благо его согласилась принять Мексика (и почти целый месяц под охраной полиции «демон революции» вместе с женой плыл на тихоходном норвежском танкере от берегов Норвегии через весь Атлантический океан к берегам Мексики). В Мексике Троцкому все же удалось осуществить идею контрпроцесса против Сталина. В США в ту пору еще были честные и независимые юристы и политики, и один из них — старейший педагог Джон Дьюи (1859—1952 гг.) согласился провести независимое расследование двух первых, уже

[1] *Васецкий Н.* Ликвидация: Сталин, Троцкий, Зиновьев. — М., 1989, с. 98.

состоявшихся, московских процессов — в августе 1936 г. о т. н. «троцкистско-зиновьевском террористическом центре» и в январе 1937 г. — о т. н. «параллельном троцкистском антисоветском центре».

В марте 1937 г., будучи в США, Троцкий устроил на ипподроме в Нью-Йорке импровизированную пресс-конференцию, на которой объявил: я готов предстать перед международной комиссией юристов и доказать, что я невиновен, а процессы 1936—1937 гг. — фальшивка. Но если комиссия признает меня виновным, «я добровольно отдам себя в руки ГПУ». В противном случае, пусть на скамью подсудимых садится Сталин (цит. по: *Волкогонов Дм.* Указ. соч., т. 2, с. 436). Сталин до самой смерти хранил это заявление Троцкого в своем личном архиве наряду с записками Ленина.

Такой заочный антисталинский процесс с участием Троцкого состоялся в мексиканской столице Мехико 10—17 апреля 1937 г. и полностью оправдал «демона революции» (материалы и стенограммы этой «комиссии Дьюи» были тогда же опубликованы под заголовком — «Не виновен!»). Сталину же добиться от Секретариата Лиги Наций моральной санкции на выдачу Троцкого как «международного преступника» не удалось — «мудрецы» из Женевы не захотели создавать опасный прецедент: сегодня Сталин заочно судит Троцкого, а затем требует его выдачи, затем Гитлер точно так же засудит антифашистского писателя Генриха Манна, сбежавшего от фашизма, Муссолини затребует из Коминтерна Тольятти — и… пошло-поехало.

Международные бюрократы-крючкотворы в Женеве нашли оригинальный выход. Поскольку еще 20 февраля 1932 г. ВЦИК СССР лишил Троцкого и членов его семьи гражданства СССР, а ни одно государство (Турция, Франция, Норвегия) своего гражданства ему не предоставило, Секретариат Лиги Наций, говорилось в его ответе на ноту НКИДа, не может принять к производству досье этого «беспаспортного бродяги». Вот если бы г-н Сталин заставил своим приказом из Кремля какого-нибудь короля или президента выдать «демону революции» иностранный паспорт или, еще лучше, восстановил новым постановлением ВЦИК Троцкого в советском гражданстве, тогда другое дело, тогда Лига Наций примет ноту М. М. Литвинова к производству.

Все — Сталин, получив эту вежливую плюху, заткнулся, и начал готовить операцию «Утка» (убийство Троцкого).

Совсем по-другому спустя 73 года сложилась ситуация вокруг бывшего президента Союзной Республики Югославия Слободана Милошевича. Внутри Югославии, в отличие от Троцкого, никто Милошевича не судил и в Международный суд по военным преступлениям на Балканах юридическую просьбу судить его еще и в Гааге как международного военного преступника не направлял. Тем не менее бывший президент США Билл Клинтон и его госсекретарь Мадлен Олбрайт почему-то, как и некогда Сталин, решили, что международные организации — ООН, Совет Европы, Комиссар ООН по правам человека и другие — после развала мировой социалистической системы и СССР должны обслуживать исключительно национальные внешнеполитические интересы США, в частности, в Европе.

Но Сталин, при всем его маниакальном величии, не осмелился послать советские бомбардировщики бомбить Женеву за отказ Секретариата Лиги Наций санкционировать выдачу Троцкого на основе сфальцифированных решений московских процессов 1936—1937 гг. А вот для Клинтона никаких сдерживающих факторов уже не существовало: раз народ Югославии не выдает ему своего президента, то значит, тем хуже для такого народа — бомбить столицу Югославии и мосты через Дунай!

Конечно, пропагандистски все это прикрывалось массовой пиар-компанией о зверствах сербских военных в Косове против албанских мирных жителей, усиленной массовым приемом их в странах Европейского Союза как беженцев.

Вся эта варварская военно-воздушная акция, откровенно нарушившая не только Устав ООН, но и Декларацию 1949 г. о создании НАТО, создала очень опасный международный

прецедент: так можно бомбить столицу любого государства (например, Москву), если его глава чем-то не понравится правящим кругам США[1]…

В конце концов в обоих случаях сбывалась французская поговорка — «предают свои»: Троцкого в Москве предали его «троцкисты» — Зиновьев, Каменев, Карл Радек и др., Милошевича — «американский серб» премьер Джинджич. Именно он отдал приказ своим спецслужбам арестовать Милошевича и тайно вывезти вертолетом в Гаагу. Но и «свои» понесли за слабодушие и предательство смертельную кару: Зиновьева, Каменева и других «троцкистов» расстреляли по приказу Сталина, а Джиджича из винтовки с оптическим прицелом убили сторонники преданного Милошевича, чья партия, кстати, в 2003 г. вдобавок еще и одержала победу на парламентских выборах.

Но с точки зрения международных прав человека, в отличие от Милошевича, в свое время Троцкому крупно повезло — все-таки Лига Наций, как умела, защищала права человека, не то что нынешняя ООН.

ГОСУДАРСТВО И НАРОД

Конечно, основная масса беспартийного населения в «нижней» России ничего не знала ни об интригах «тройки» вокруг больного Ленина в Горках, почти ничего не понимала в полемике «левого» и «правого» уклонов в 20-х гг. и уж тем более не ведала о заочной полемике Троцкого со Сталиным и о «лаборатории ядов» последнего в Кремле.

Массы привлекались — да и то только в крупных городах — на митинги протеста и шествия с факелами (в начале 30-х гг. против «спецов-вредителей») или с заранее изготовленными плакатами на сборище — «Врагов народа расстрелять как бешеных собак!» (во время московских процессов 1936—1938 гг.).

Из первоначальной «задумки» Ленина («Государство и революция») о новой «коммунистической цивилизации» — «бесклассовом» обществе, «новом» человеке, «объединении» пролетариев через мировую пролетарскую революцию вокруг своего «Первого Отечества» — СССР и т. п. — к 1923 г. ничего не вышло (*«конечно, мы провалились».* — Ленин). Его преемники, правда, продолжали «трубить Интернационал». Бухарин и в 1924 г. писал о «преодолении классов» в СССР, о «подъеме» крестьянства до уровня пролетариата с тем, чтобы и рабочий, и крестьянин затем «растворились в бесклассовом обществе»[2].

Исповедуя основной тезис Маркса о «насилии, как повивальной бабке истории», большевики вначале за исторически короткие сроки с помощью диктатуры пролетариата и мировой революции надеялись быстро переделать не только Россию, но и весь остальной земной шар.

Эволюция их провала косвенно отражается в принимаемых ими *конституциях.* Конституция 10 июля 1918 г. фиксирует всеобщую «пролетаризацию» — «не трудящийся да не ест!» и вводит всеобщую трудовую повинность «в целях уничтожения паразитических слоев». Последующие законодательные акты — КЗоТ 10 декабря 1918 г., «Обращение»-декрет ВЦИК 3 февраля 1920 г. и др. — лишь развивали эти статьи конституции 1918 г., навеянные утопиями фантазера «Атлантикуса» из Германии: «Провозглашенный в Советской Конституции принцип всеобщей трудовой повинности должен отныне стать живым делом. Все трудоспособные должны быть мобилизованы для производительного труда. Рабочие, красноармейцы, крестьяне должны сплотиться в одну великую всероссийскую трудовую артель» (из декрета ВЦИК 3. II 1920 г. — «Декреты Советской власти», т. 7. — М., 1975, с. 190).

Через четыре года, в июле 1924 г., от этой химерической «трудовой артели» в новой конституции не осталось и следа, но еще сохранялась «мировая революция», плацдармом которой оставался СССР.

---

[1] Подробнее см.: *Гуськова Е. Ю.* История югославского кризиса (1999—2000). М., 2001.
[2] *Бухарин Н. И.* Избранные произведения. — М., 1988, с. 265

Прошло еще двенадцать лет, из «сталинской» конституции 1936 г. испарились и «трудовая артель», и «мировая революция».

* * *

Западные советологи ни тогда, в 20 — 30-х гг., ни в конце века XX-го мало что понимали в глубинных процессах, происходивших в СССР. И вовсе не от *недостатка* ума или эрудиции, а, скорее всего, от их *избытка.* Ведь они подходили к событиям в СССР со своим *римско-правовым инструментарием и методикой*: «права человека» (а не «круговая порука» крестьянского міра), «свобода» (а не «воля»), «нация» (а не «народ»), сознание (а не «совесть»). Они также не понимали православно-языческое противопоставление «Бога» и «Беса» (дьявола), оценки понятия «консенсус» не как соглашения сторон на законодательной базе «римского права», а как поиска «золотой середины» в соревновании здравого крестьянского смысла, идущего от природы-матушки. Даже читая оригинальные и переводные работы писателей-славянофилов XIX в., тот же доктор *Альфред Розенберг,* не самый глупый среди немецких нацистов, не мог взять в толк, почему русские крестьяне даже после отмены крепостного права в 1861 г. продолжали подозрительно относиться к «казенному», основанному на римском праве (суд присяжных, адвокаты и др.), «барскому» суду, предпочитая действовать по старинке — самосудом (судом міра — собрания общины), судом стариков (аксакалов), в крайнем случае обращаясь к мировому посреднику (волостному судье), роль которого исстари играл местный помещик-крепостник[1].

Сравнительно недавно, лет пять — шесть назад, на семинарском занятии по русской цивилизации в Сорбонне я разбирал со своими французскими студентами чеховский рассказ «Злоумышленник». И видел, что студентам было очень трудно понять симпатию русского интеллигента к этому несчастному мужичку, и всего-то «через одну» откручивающему гайки на рельсах железной дороги. «Он же вор, — горячилась одна симпатичная студентка, видевшая в оригинале кинофильм *Станислава Говорухина* «Место встречи изменить нельзя», — а вор должен сидеть в тюрьме!» А мне по-прежнему было жаль этого мужичка, хотя уже тогда его потомки в России начали откручивать не по две-три гайки, а вырубать медные кабели десятками метров и снимать электропровода со столбов сотнями, обесточивая или оставляя без телефонной связи тем самым целые поселки и даже воинские части.

Проиллюстрируем это объективное непонимание советологов тогда и сегодня только на двух примерах: *нация — народ* и *собственность — аренда.*

Введение нэпа в начале 20-х гг. было воспринято на Западе как «введение» национал-большевизма (мы не говорим сейчас о «сменовеховце» Устрялове или монархисте Шульгине — они «свои», русские). Даже германские фашисты, в частности, доктор Геббельс, до середины 20-х гг. — идеолог «левого» антикапиталистического и антикоммунистического крыла в нацистской партии, в своей работе «Вторая революция» (1926 г.) писал, что «Интернационал» Москвы — всего лишь камуфляж старых царских идей панславизма, ибо «ни один царь так не постиг русский народ в его глубине, в его страстях, в его национальных (но не народных. — *Авт.*) инстинктах, как Ленин» (цит. по: *Агурский М.* Указ. соч., с. 258). Понятное дело, подхватывает эту эстафету отнюдь не фашист, а вполне либеральный современный английский историк *Уолтер Лакер* (1965 г.): именно этот «панславизм» погубил «интернационализм», и могильщик коммунизма — Сталин[2].

---

[1] Дореволюционные провинциальные «земцы» уделяли очень много внимания этому «обычному (крестьянскому) праву». См., например, цикл статей земца *А. А. Чарушина* в «Известиях Архангельского общества изучения Русского Севера» за 1911—1912 гг. («Крестьянские сходы-міры — в бытовом их освещении», «Народный суд», «Взгляд народа на преступление» и др.). К сожалению, ныне эта традиция изучения русского «обычного права» и у нас, и за границей почти утеряна.

[2] *Walter Laqueur.* Russia and Germany. — London, 1965, p. 154.

Но и этот «коммунизм» в России 20-х — начала 30-х гг., оказывается, совсем не русский, а «еврейский». Отсюда и борьба Сталина с Троцким в партии за власть: это борьба двух «нацменов» — «циничного еврея» Троцкого и «грубого грузина» Сталина, который сделал правильную ставку на «русскую идею» и поэтому победил[1]. Налицо явный западный «национальный» подход даже у либерала англичанина *Бернарда Пэреса* — «шотландец» Троцкий сражается с «англичанином» Сталиным, и «англичанин» (а как же по-другому?) побеждает.

В укреплении зашатавшегося было в 1920—1921 гг. большевистского режима (сокрушительное военное поражение от Польши маршала Пилсудского, кронштадтский и антоновский мятежи, голод в Поволжье и др.) исключительную роль сыграл нэп — это «втирание очков всему миру» (*Леонид Красин*). Уже говорилось, что нэп породил в белой эмиграции (Николай Устрялов и К°) целое течение «сменовеховства» и надежды на реставрацию капитализма в СССР. Даже Милюков в своем двухтомном трактате «Россия на переломе» (1927 г.) частично разделял эти «сменовеховские» иллюзии.

Но какой же на *практике* была политика большевиков в отношении реальной собственности (на землю, заводы и фабрики, в торговле и т. д.). Да, большевики при нэпе отменили свои же бредовые декреты типа декрета «О социализации земли» от 19 февраля 1918 г., запрещавшего иметь в собственности не только землю, но даже кур, кошек и собак[2].

Но что они ввели взамен 1922 г.? Земельный кодекс РСФСР, объявлявший о равноправии *всех форм* землепользования (коммуны, совхозы, колхозы, ТОЗы, земельные общества — прежний мiр, единоличники и даже «столыпинские» хутора и отруба), но… НЕ НА ОСНОВЕ *частной собственности на землю*, а только ДОЛГОСРОЧНОЙ АРЕНДЫ?!. Да и эта «аренда» для некоторых продлилась всего *два года*: 24 октября 1924 г., борясь с мифическим «кулаком» (фермером), большевики через Наркомзем разослали по деревням и весям циркуляр «О прекращении хуторских разверстаний» (т. е. выделении земли даже в аренду «столыпинским» хуторянам-фермерам)[3].

На тех же принципах *аренды* нэпманам сдавались небольшие заводики, фабрички, торговые заведения и т. д. (к 1925 г. всего 3,8%). Мы уже отмечали, что даже по подсчетам большевика-экономиста *Михаила Ларина* (Лурье) в его книге «Частный капитал в СССР» (М. — Л., 1927 г.) максимум, которого достиг этот «капитал», не превышал планку в *пять процентов* (?!). Нэпманы в основном устремились не в промышленность (долго ждать прибыль), а в торговлю, причем в розничную. Вот сравнительные данные по переписи 1923 г.: *оптовая* торговля — 77% у государства, 8% — кооператоры, 14% — частник; *розничная* торговля — 83% — частник, 10% — кооператоры, 7% — государство (*Некрич А., Геллер М.* Указ. соч., с. 163).

Конечно, следует иметь в виду, что и при большевиках (как и при царях) большинство крестьян и не требовало землю в *частную собственность с правом купли-продажи* (исключение составляли «хуторяне», но им-то как раз Наркомзем в 1924 г. и дал по рукам), по-прежнему исповедуя дедовско-православный принцип и при советской власти — «земля ничья — она Божья».

Да что там нэповские «хуторяне»! Сами «Советы» — формально по конституциям 1918 и 1924 гг. — особая рабоче-крестьянская форма государственного устройства СССР, противоположная парламентско-муниципальной «буржуазной» власти капиталистов на Западе, — и *они не обладали правом собственности* (даже на уровне западноевропейских муниципалитетов), хотя их обширные права декларировались и в «Положении о Советах» 1922 г., и в следующем «Положении» 1925 г., когда эти права на бумаге были даже расширены (но без муципального бюджета).

---

[1] См., например, панегирик Сталину в книге одного из тогдашних идеологов немецкого «левого» нацизма. — *Ernst Reventlow.* Volkisch-kommunistishe Einigung? — Leipzig, 1924. Ср. *Bernard Pares.* A history of Russia. — London, 1965.

[2] *Никольский С. А.* Власть и земля. Хроника утверждения бюрократии в деревне после Октября. — М., 1990, с. 62.

[3] *Данилов В. П.* Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. — М., 1977, с. 102—103, 159.

Как это ни странно звучит, но именно сталинская конституция 1936 г., наконец, дала местным советам некоторые реальные муниципальные права: собственный бюджет через местные налоги (в том числе — и с заводов союзного подчинения), подчинение местной мелкой промышленности, милиции и т. п. Но кадровые назначения по-прежнему остались в руках обкомов, горкомов и райкомов партии.

На *практике* местные советы не были, с точки зрения «*римского права*», *юридическими лицами*, а посему не распоряжались ни финансами, ни осуществляли хозяйственную деятельность. Да и сами выборные члены этих советов работали там «на общественных началах» (без жалованья), а поэтому ходили на заседания от случая к случаю, передоверив все дела своим избранным *исполкомам* (и не случайно один из белоэмигрантских критиков уже тогда, в 20-х гг., ядовито заметил: это уже не «Совдепия», а «Исполкомия»).

А кто же на деле управлял всем хозяйством в регионах, краях и областях? В 20-х гг. это были *тресты* и *совнархозы* (а полезными ископаемыми ведал наркомат горной промышленности), которые замыкались на ВСНХ и отраслевые наркоматы.

При Сталине с начала 30-х гг. неимоверно возросла роль *наркоматов* (министерств — вспомним царскую Россию времен Первой мировой войны), а уже в 1946—1980 гг. произошло полное подчинение и Советов, и всей хозяйственной деятельности партийной *номенклатуре*, которая одна решала — кого назначить министром (Политбюро), а кого — директором районной бани (райком).

Сращивание партийной, советской и хозяйственной номенклатуры свершилось!

Дольше всех в «нэповской» деревне как реальные органы хозяйственного самоуправления продержались *земельные общества* (старые сельские общины — мiр), что отражало важное социальное явление в СССР: вся эта трескотня о «мировой революции», борьба «троцкистов» и «сталинистов», Пролеткульт и футуризм с Маяковским во главе — *все это совершенно не затрагивало российскую деревню*, где по-прежнему отмечали святки и Пасху, да ходили ряженые, а по ранней весне шли кулачные бои мальчишек и мужиков деревня на деревню.

А вся городская «большевистская» цивилизация проявлялась в избе-читальне (заменявшей будущий колхозный клуб), да в образцовых совхозах-колхозах, и уже совсем изредка — в «лампочке Ильича». Пресловутые «ножницы» и «смычка» города и деревни при нэпе, о чем до хрипоты спорили «троцкисты» и «сталинисты» на своих партийных «хуралах», сводилась не только к разнице цен на промышленные и сельскохозяйственные товары — это было более глубокое явление: деревня оправилась от Гражданской войны и голода, «забогатела» и ее мало интересовали лозунги большевиков в городах.

Более того, она пошла, по мнению большевиков-доктринеров, не вперед, в «коммунию» (совхозы-колхозы), а назад, к сельской общине, к мiру. Показательной стала выборочная перепись (учет мнений), проведенная Наркомземом в 1924 г. по 30 губерниям РСФСР: 98% крестьян высказались за общинную форму землепользования (мiр), а по северным губерниям (Костромской, Вологодской, Архангельской и др.) этот показатель достигал 99,7% (*Коротаев В.И.* Указ. соч., с. 91).

Именно в этом «возврате в мыслях назад», в *возрождении общины* (даже не столыпинских «хуторян») увидела «левая» (она же — «троцкистская») оппозиция крах своих надежд на «перековку» крестьянина в пролетария и, в более широком плане — крах своих иллюзий о коммунизме и мировой пролетарской революции. Отсюда их крики о «кулацкой опасности» и нападки на Бухарина за его лозунг, обращенный к деревне — «обогащайтесь!», хотя «любимец партии», как мы писали выше, «трубил Интернационал» ничуть не меньше, чем Троцкий («любимец» именно в годы нэпа написал «Программу мировой революции», которую в 1928 г. принял VI конгресс Коминтерна).

Между тем, в деревне отнюдь не по этой «Программе» развивалась жизнь. Там, например, стали заметны противоречия между «партийными назначенцами» в лице

председателя сельского исполкома «с портфелей» и традиционным старостой — крепким мужиком с крестьянской сметкой, избранным «всем міром».

Совсем не тем путем, как намечал Ленин, пошло и кооперативное движение. Оно в основном стало традиционно снабженческо-сбытовым, «артельным». При этом крестьянская сметка — здравый смысл — позволяла мужикам приспосабливаться к обстоятельствам. Не дают большевики возить «кулацкие» товары по «казенным» железным дорогам — взвинтили тарифы до небес! А почему взвинтили? Да Ленин не хочет «возвращаться к капитализму», а «свобода торговли — значит назад, к капитализму». Поэтому нэп вначале — это не торговля (деньги), а «товарообмен» (по современному — «бартер»: ты мне — мешок зерна, я тебе — десяток кирпичей). Да и такой «бартер» — только на местном уровне, только от деревни к деревне, поэтому Ильич собственноручно пишет: возить только на лошадях, никаких железнодорожных вагонов и паровозов. Вот и взвинтили большевики-доктринеры тарифы — «мешочник» (по современному, «челнок») на крыше товарняка еще полпуда сахара провезет, а вот уж живую корову на крыше теплушки никак не доставит из деревни в город.

Все эти «коммунистические запреты», разумеется, оказались полной чушью. «Товарооборот сорвался... — с изумлением пишет бывший завсегдатай парижско-цюрихских кафе. — С товарообменом ничего не вышло, частный рынок оказался сильнее нас, и вместо товарооборота получилась обыкновенная купля-продажа, торговля» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 207).

Но паровоз крестьянину-артельщику и при этом «послаблении» (тарифы не снизили) все равно не дали — вози товары лошадью. Ладно, не даете паровоз — не надо: не оскудела Расея речками да речушками. И вот уже артель «справных мужиков» ладит лодки, баркасы, даже плоты, грузит по «большой воде» (весной) товар и «сплавляется» к городам, на рынки, да так, что никакой «фин» (фининспектор) за ними не угонится. И снова перед хитрым мужичком большевистские литераторы остались с носом — налоги-то тю-тю.… Другая артель, но в маленьком уездном городке — строительная. Как отбиться от «кулацкого уклона» — обвинений местной партячейки «пролетариев», в которой все как один пропойцы и бездельники? Очень просто: приглашают одного из них — «партейного» в артель, кладут оклад в «червонцах» в три раза выше «партмаксимума» (напомним, он не выше «сталинских» 360 руб. в месяц: эта сумма пишется в ведомости, остальное — «черным налом») и… порядок. «Партейный» ходит «с портфелей» по начальству, отчитывается у «фина» и в исполкоме, подписывает многочисленные статотчеты, справки и т. п., а артель прибыльно работает.

Авторское отступление

«Дед Масарского Алексей Петрович Орешкин тоже ходил в «кулаках». В 1922 году он с женой, бабкой Марка Настасьей Степановной Вересовой, шестью детьми и двумя взрослыми братьями выделился из деревни на хутор, обустроил его, имел 15 гектаров заболоченной земли, три лошади, пять коров, пчелиную пасеку.

Земля рожала плохо, доходы от сельского хозяйства деда были слабые, но, будучи от природы смекалистым и предприимчивым (да еще, по тогдашним деревенским меркам, и «шибко грамотным»: окончил целых четыре класса сельской земской школы), Алексей Орешкин нашел выход.

В 1925 году он подбил нескольких односельчан из родной деревни Марьинское создать «производственный кооператив», по-деревенскому — артель, по выжигу строительной извести в земляных ямах-печах. Известь затем артельщики отвозили в уездный город Боровичи Новгородской губернии и продавали нэпманам-строителям.

По современной терминологии, артель деда была обществом (товариществом) с ограниченной ответственностью. Вся собственность артели была разделена на «паи», и доход делился между пайщиками сообразно имущественному вкладу каждого: кто больше внес, тот больше и получал. Самый большой пай принадлежал Орешкину, он же был «головой» — председателем артели.

Когда Сталин послал нэп к черту, артель, само собой, разгромили как «кулацкую», а деда Масарского посадили как «контрреволюционера». Год он отсидел в губернской тюрьме вместе с репрессированными священниками, «спецами», бывшими царскими офицерами, перешедшими в 1920 году во время войны с Польшей на службу в РККА. Выпустили Орешкина после вмешательства его влиятельной в уезде «партийной» сестры. Она же посоветовала брату срочно вступить в колхоз, чтобы спастись от высылки в Сибирь. Как бы в насмешку, колхоз, куда из-под палки вступил дед Масарского, назывался “Светлый путь”».

* * *

По большому счету, «нэповская» деревня по организации труда (сельская община), менталитету (патриархальные отношения), быту, праздникам (не день Парижской коммуны, а церковный «престольный» праздник и т. д.) мало отличалось до «года великого перелома» — 1929 г. с его началом «сплошной коллективизации» — от деревни дореволюционной. Прогресс заметен был лишь в просвещении — число сельских школ увеличивалось, осуществлялась обширная программа «ликбезов» — обучение взрослых людей «азбучной грамоте» (читать, писать, считать). Но общее отношение к мужику и у «партийных литераторов» осталось прежним, высокомерно-снисходительным — «братья наши меньшие».

На смену «трем сестрам» и «дяде Ване» в чеховские «вишневые сады» на лето приезжали новые «дачники» — нэпманы, инженеры-спецы, партфункционеры. Но самовар им по-прежнему разжигал и подавал «кухонный мужик» Никодим, с деревенскими бабами, приносившими на дачу для продажи молоко, творог и яйца, общались не «их коммунистические благородия», а кухарка Фекла и т. д.

Проверкой отношения к «братьям нашим меньшим» стал страшный голод 1920—1921 гг., когда в деревнях Поволжья дело доходило до людоедства (всего голодало до 25% крестьян).

Для помощи голодающим были созданы два комитета «Помгола» — «казенный» во главе с Л. Б. Каменевым и общественный Всероссийский комитет помощи голодающим (т. н. «Прокукиш» — по первым буквам фамилий общественных деятелей из «бывших» — Прокопович, Кускова, Кишкин; в этот комитет вошел и Максим Горький, письменно обратившийся к за границе за помощью). Кроме того, 21 августа 1921 г. в Риге уполномоченный НКИД М. М. Литвинов подписал соглашение о спасении голодающих с благотворительной организацией «Американская организация помощи» (АРА) из США (в 1921—1923 гг. АРА кормила в своих общественных столовых до 10 млн. голодающих). «Прокукиш» действительно, как и в 1891 г., когда Россию охватил очередной «большой голод» в деревне, хотел помочь «братьям нашим меньшим», благо эта помощь с 1891 г. была освящена памятью-участием самого *Льва Толстого.*

Ленина и его «партийного литератора» Максима Горького, наоборот, интересовало нечто другое. «Вождю мирового пролетариата» на умирающих от голода крестьян в Поволжье, в сущности, было наплевать — ему надо лишь накормить «пролетариев» Москвы и Питера. Зато на «дачников» из «Прокукиша» он обращает сугубое внимание: «Директива сегодня в Политбюро: строго обезвредить Кускову…. От Кусковой возьмем имя, подпись, *пару вагонов*…. Больше ни-че-го» («Ленинский сборник». XXXVI, с. 287). «Взяв подпись» и «пару вагонов», Ленин сразу после заключения соглашения с АРА распорядился членов «Прокукиша» арестовать, а год спустя, в октябре 1922 г. некоторых из них (Кускову, Прокоповича, писателя Михаила Осоргина и др.) выслали из Советской России на «философском пароходе» за границу.

Пролетарский писатель Горький тоже не очень озабочен жизнью «братьев наших меньших» — крестьян он всегда недолюбливал, что хорошо видно по его произведениям. Но и с Лениным к 1922 г. контакта не находит. А посему в том же году отбывает за границу «на воды», но в Берлине дает одному из иностранных

корреспондентов обширное интервью о голоде и крестьянах в России: «Я полагаю, что из 25 млн. голодных большинство умрет». Но великий пролетарский гуманист и защитник обездоленных босяков не кручинится по этому поводу, ибо «вымрут полудикие, глупые, тяжелые люди русских сел и деревень… и их место займет новое племя — грамотных, разумных, бодрых людей». Сей людоедский бред великий «гуманист» не постеснялся еще раз напечатать за границей в сборнике своих антикрестьянских статей[1].

Авторское отступление

Снова вернемся на несколько лет назад, в Париж, в учебную аудиторию Национального института живых восточных языков и цивилизаций при Сорбонне[2] (аналог московского ИСАА — Института стран Азии и Африки при МГУ). Разбираю со студентами стихотворение Вл. Маяковского «О вселении слесаря Иванова в новую квартиру». Снова, как и при анализе чеховского «Злоумышленника», чувствую — студенты не понимают.

Не понимают не русские слова и не поэтическую форму — не понимают главного: зачем написано это стихотворение? Что тут такого особенного, чтобы восторгаться «дождичком» в ванной, что капает из «дырчатой железной тучки»? Пришлось прочитать небольшую лекцию о различии понятий «город» и «деревня» в России времен нэпа, да и сегодня, используя аналогии с деревней французской, но… XVI века! То, что в современном Европейском Союзе, членом которого является Франция, называется *качеством жизни*, Россия ни тогда, ни сегодня не знает (а у европейцев за этим качеством следят даже специальные министерства).

Где в детстве мог жить «слесарь Иванов» Маяковского? Почти наверняка — в классической русской избе где-нибудь в подмосковной деревне, мало отличающейся от других деревень Нечерноземья. И что — у него в этой избе был душ с холодной и горячей водой, а не отцовская баня с дровами на краю приусадебного участка? Современный туалет, а не «скворечник» типа «сортир» там же? И спал он в отдельной комнате на отдельной постели с чистыми простынями, а не вповалку с остальными братьями и сестрами на русской печке (зимой) или полатях (летом), когда по весне мать загоняла в избу новорожденных козлят и ягнят из холодного хлева, чтобы они не простудились и не погибли?

А тут на тебе — городская (пусть и коммунальная — по комнате на семью) квартира со всеми удобствами: ванная с газовой горелкой, кухня с газовой плитой — ни в лес подрова ехать не надо, ни пилить-колоть их не требуется (на весь этот адов труд уходило не менее двух месяцев в году!). Да и вообще никакой печки топить не надо — центральное горячее водяное отопление всю зиму!

Ну чем не социализм с коммунизмом одновременно? Именно так и воспринималась советская власть от Ленина и до Горбачева подавляющим большинством городского населения СССР, тем более что все эти коммунальные услуги и сама квартира, в отличие от Франции и других стран Евросоюза, много десятилетий стоили копейки.

О мировом процессе урбанизации и тогда, и сегодня знали только специалисты-демографы. А «слесарь Иванов», если вдобавок он получил квартиру не в «жэковском» (муниципальном), а в «заводском» (служебном) доме, твердо знал: за квартирой, если ты «стахановец» (при Сталине) или «передовик» (при Брежневе), последует «соцстраховская» путевка в заводской санаторий-профилакторий или даже в санаторий на берегу Черного моря, детишки пойдут в заводской детсад, да еще профком бесплатно наделит тебя знаменитыми «шестью сотками» — садово-огородным участком.

---

[1] *Максим Горький.* О русском крестьянстве. — Берлин, 1922, с. 43—44.

[2] Напомню русскоязычному читателю (как ему, может быть, ни досадно), что в Западной Европе русский язык — «восточный» и изучается наряду с арабским, китайским, польским, сербским и др.

Но за все это на «капиталистическом» Западе он бы платил, и немалые деньги из «получки», а тут — бесплатно: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!»

Со временем только очень пожилые люди помнили, что вся эта «социалка» была традицией в российской фабрично-заводской промышленности. Русские фабриканты привлекали на свои предприятия не только зарплатой, но и этим самым «качеством жизни» (инфраструктурой), которая включала баню, школу, фельдшерский пункт, «колыбельную» (ясли), фабричную лавку (отпускали со скидкой и даже в долг до «получки» по т. н. «заборным книжкам»), жилые дома — сначала рабочие казармы, а затем и отдельные квартиры.

Многое из этой «социалки» перешло к большевикам (разве что вместо церкви они строили заводской клуб), но по идеологическим соображениям на весь этот сопутствующий промышленному производству соцбыткультсектор они навесили этикетку «социалистический».

Со временем заводы-гиганты превратились в целые производственные корпорации, особенно в системе ВПК, как и сам СССР преобразовался «по вертикали» в громадную корпорацию отраслевых министерств с их заводами-гигантами. Но по той же модели строились и другие «системы» — ЦК КПСС, Совмин СССР и союзных республик, творческие союзы — писателей, художников, композиторов и т. д.

Поэтому переезд из деревни в город (и не в какой-нибудь, а непременно в столицу Москву) означал качественное улучшение жизни (городские удобства, метрополитен, театры, музеи и т. д.), равносильное для европейца XVII в. переезду в Новый Свет — Америку, или для советского еврея 70-х гг. XX в. — в Израиль или США.

Конечно, моим французским студентам, лишь в качестве туристов одну-две недели побывавших в Москве и Петербурге, да еще летом, трудно понять наши расстояния и проблемы: вся Франция по площади равна примерно Украине, а при наличии автострад и скоростных поездов ТЖВ («составы большой скорости» — до 250 км/час) дольше, чем за шесть часов вы никуда во Франции не уедете.

«МИР СОЦИАЛИЗМА» И «МИР КАПИТАЛИЗМА»

Западноевропейские социал-демократы — лидер $2^1/_2$ Интернационала в Вене Отто Бауэр и русские меньшевики-эмигранты — еще в 1922 г. упрекали большевиков за то, что они блефуют. Никакого «социализма по Марксу» у них нет и в помине, а все, что они строят в СССР, — это обыкновенная «буржуазная революция», через которую Европа прошла еще в XVIII—XIX веках.

Ленин не возражал. На XI съезде партии в своем политическом отчете ЦК он так и сказал: «Мы говорим, что наша задача — буржуазную революцию довести до конца» («XI съезд РКП(б). Стенотчет», с. 32).

И именно в этом признании лидера большевиков — *ключ* к пониманию того, что *реально* свершилось в период советской власти с 1917 по 1991 год, т. е. за 74 года. И что, кстати, обеспечило вождям СССР, включая и Сталина, достаточно массовую поддержку населения, что бы потом советские диссиденты ни писали о ГУЛАГе и о нарушении прав человека.

По сути, несмотря на всю истерику по поводу «запаздывания» мировой пролетарской революции, всех нагнетаемых ими страхов об «осажденной крепости» и военной атаке на нее «империалистов», «соревновании капитализма и социализма» и т. п., большевики сделали только одно общегосударственное дело — они действительно «довели до конца буржуазную революцию» — *продолжили* (другой вопрос — какими методами и ценой скольких человеческих жизней?) дело МОДЕРНИЗАЦИИ России, начатое задолго до них.

Модернизации военно-экономической, социальной, образовательной, научно-технической — словом, всего того, что еще в XIX в. определялось общим термином — *прогресс.*

И при этом они вектором движения к прогрессу избрали не Восток (Китай, Япония, Индия), а Запад — Германию, Францию, США. Идеологически и пропагандистски до 1985 г. находясь в жесткой конфронтации с Западом («два мира — две системы»), они, тем не менее, постепенно начали на международной арене «играть» по общим правилам (вступление в Лигу Наций в 1934 г., участие в создании ООН в 1946 г. и т. д.), что означало отказ от прежних химерических установок на «откол» пролетариата от буржуазии и «присоединение» его к Первому Отечеству Мирового Пролетариата — СССР, и переход на традиционные для всего мира *геополитические позиции*, на которых всегда стояла Россия, начиная с Московского княжества времен Ивана Калиты.

* * *

Гражданские отношения. Первая попытка кардинально изменить традиционные, веками сложившиеся и освященные догматами православной церкви человеческие отношения следует отнести к *браку* и *семье*. В 1918 и 1926 гг. принимаются новые кодексы о семье и браке. Общая идеологическая установка уже дана в «*Азбуке коммунизма» Ник. Бухарина* и *Евг. Преображенского*: «Ребенок принадлежит обществу, в котором он родился, а не своим родителям».

Кодекс 1918 г. отменял церковный брак (венчание в церкви), а также традиционный православный «сговор» (согласие родителей невесты и жениха), отменялось прежнее понятие «незаконнорожденный» (вне церковного брака). Разводил отныне не Св. Синод, а суд или загс.

Кодекс 1926 г. пошел еще дальше: развестись можно было предельно просто — послал в загс почтовую открытку (даже не уведомляя об этом жену/мужа), и дело в шляпе. «Три рубля стоит сейчас развод, — с тревогой писал в «Правде» большевистский публицист *Михаил Кольцов.* — И больше никаких ни формальностей, ни бумаг, ни вызова, ни даже предварительного осведомления человека, с которым разводишься»[1]. Такая «свобода любви», за которую ратовали и некоторые большевики (например, генеральская дочка *Александра Коллонтай* с ее теорией «стакана воды»), возмущала даже Ленина (из воспоминаний Клары Цеткин, но только на немецком языке — в русском переводе этот пассаж беседы выброшен), однако даже Ильич не всегда мог управлять «машиной»: «вырывается машина из рук…» (из доклада на XI съезде партии).

Действительно, «стакан воды» в 20-х — начале 30-х гг. оборачивался многими семейными трагедиями. Мужья «по почте» бросали своих жен с детьми, не платя алиментов, а другие женщины, наоборот, «подлавливали» богатых неженатых «нэпманов», подговаривали двух подружек-«свидетельниц» и те заявляли в суде — сей мужчина фактический муж данной женщины, она от него беременна (справка из женской консультации — на стол судье) или даже уже родила ребенка — и все: мужику «паяли» уплату алиментов, благо кодекс 1926 г. не требовал официальной юридической регистрации брака в ЗАГСе (признавался законным и т. н. «гражданский брак» — «гражданская жена — муж», ранее клеймившиеся в дореволюционной России как «сожители»).

Сатирическая советская литература 20-х гг. полна примеров таких «браков», «разводов по почте» и присуждение липовых «алиментов». А твердокаменные большевики-идеалисты никак не могли взять в толк — как это «массы», которым дали невиданную ранее свободу даже в быту, не могут вопользоваться ею разумно. Старый большевик *Пантелеймон Лепешинский* (1868—1944 гг.) еще в 1923 г. с тревогой писал в

---

[1] *Кольцов М.*. Избранные произведения. В 3-х т., т.1. — М., 1957, с. 578.

комсомольской печати: «Родительский авторитет? Нет его. Авторитет религии? Нет его. Традиции? Нет их. Моральное чувство? Но старая мораль умерла, а новая еще не народилась» (цит. по: *Некрич А., Геллер М.* Указ. соч., с. 170). Лепешинский писал не понаслышке — еще в 1918 г. именно его Ленин лично просил поехать в деревню и организовать там «движение коммун» как противовеса крестьянскому міру (общине). Однако, судя по его собственноручно написанной автобиографии, у старого большевика ничего не получилось, и в 1919 г. он вернулся в Москву, предпочтя заняться не бесперспективной работой по «перековке» мужика в пролетария (Бухарин), а престижной в среде большевиков тех лет коминтерновской работой в МОПРе (Международной организации помощи борцам революции — «дочерней» организации III Интернационала), одним из основателей которой он и стал[1].

По существу, и все законодательство большевиков в 20-х — начале 30-х гг., как и их внутренняя политика, были направлены на эту «перековку» как результата «смычки» города и деревни. Но подход к решению проблемы *перековки* остался прежним, *барски-православным: мы — ваши отцы, вы — наши дети.*

Ведь идеи «ордена самураев» (Троцкий) или «ордена меченосцев» (Сталин) родились не только в головах этих двух большевистских лидеров-антагонистов: они выросли из практики «комиссарства» и «чрезвычайщины» Гражданской войны. Уж кто-кто, а Троцкий-то со Сталиным очень хорошо знали, что в 1918—1922 гг. главную опасность для складов и коммуникаций РККА — железных дорог, мостов, пакгаузов и т. п. — представляли отнюдь не «белые» и даже не иностранные военные интервенты, а «зеленые» — все эти «батьки» Махно, Григорьевы, Ангелы, «матки» Маруси и т. д.[2]

И для очень многих «комиссаров в пыльных шлемах» русский мужик навсегда остался «махновцем» и «бандитом-антоновцем», единственный способ разговора с которым — маузер. Поэтому-то они с таким рвением (вспомним шолоховского *Макара Нагульного*) принялись за раскулачивание в период сталинской коллективизации, рассматривая ее не как экономическую, а как репрессивно-военную меру — окончательную ликвидацию «махновщины».

Впрочем, и в годы нэпа такие настроения широко бытовали среди большевиков, особенно чекистов, что уже тогда находило отражение в художественной литературе. Вот как объясняет комиссар-чекист Климин молодой коммунистке Анюте суть политики партии в деревне в одном из первых советских романов «Неделя» (1922 г.) писателя-большевика *Юрия Либединского*, активного деятеля РАППа (Российская ассоциация пролетарских писателей). Анюта ратует за «слово», а не «маузер» в разговоре с крестьянством, рассказывая ему смысл политики партии. И вот как отвечает ей член «ордена самураев» (он же — «орден меченосцев») чекист-философ: «Рассказать?… Не поймут они. Мало разве у нас агитаторов и политработников убили эти трудовые крестьяне только за то, что те слишком уж откровенно проповедовали коммунизм? Наши книги они не читают, наши газеты они раскуривают. Нет, Анюта, все это много сложнее. *Нам нужно жизнь их перестроить. Ведь они дикари* («братья наши меньшие»? — *Авт.*), *они рядом с нами* (как кошки и собаки? — *Авт.*), *но в средневековье, они верят в колдунов, и для них мы только особый вид колдунов, в лучшем случае добрых*». (цит. по: *Некрич А., Геллер М.* Указ. соч., с. 124; выделено нами. — *Авт.*).

Героям романа Юрия Либединского через четыре года как бы отвечают герои романа *Михаила Булгакова* «Белая гвардия» (1926 г.) и его театральная инсценировка во МХАТе «Дни Турбиных». Вокруг романа и пьесы (а она, между прочим, с 1926 по 1941 г. ставилась в театре *987 раз*, побив все рекорды тогдашних советских театральных постановок, и только сам Сталин ходил за эти годы на нее 15 раз!!!), уже в 20-х гг. развернулась бурная дискуссия и в литературных кругах (тогдашний «пролетарский

[1] «Деятели СССР и революционного движения России» (энциклопедический словарь Гранат). — М., 1989, с. 511.

[2] В отличие от российских историков, лишь сравнительно недавно начавших серьезное изучение движения «зеленых» (правда, в основном вокруг «батьки» Махно. — См.: *Махно Н.* Воспоминания. — М., 1992), в США «зелеными» уже давно занимается большое число историков, группирующихся вокруг «школы Ричарда Пайпса» в Гарвардском университете (см., например, обстоятельную книгу его ученика *Владимира Бровкина* «За линией фронта. Движение "зеленых"» (на англ. яз.).

драматург» Билль-Белоцерковский, сын которого Вадим Белоцерковский — эмигрант в Австрии и ныне записной демократ, сторонник «самоуправляющегося социализма», — накатал Сталину *донос* с требованием запретить пьесу, а самого автора посадить; Сталин тогда защитил Булгакова и не дал хода доносу), и в верхушке партии.

Полемика развернулась главным образом вокруг реплики одного из героев пьесы «Дни Турбиных», белого офицера: «Я за большевиков, но против коммунистов…. Народ не с нами. Народ против нас». «Народ» — это в основном солдаты-крестьяне; «большевики» — это русские люди, «добрые колдуны», а не «коммунисты» — это все сплошь одни евреи, таков был подтекст всей дискуссии и кулуарных разговоров вокруг постановки «Дней Турбиных» в Москве.

* * *

Просвещение и образование. «Добрые колдуны» не оставили без внимания и сферу образования. 30 сентября 1918 г. ВЦИК утверждает «Положение о единой трудовой школе РСФСР». Это «Положение» — типичный образец «прыжка в коммунию»: все «старое» разом отменяется — парты, оценки, задания на дом, учебники, экзамены, даже само слово «учитель» — вместо него ввели новомодное «шкраб» (школьный работник). Все эти «коммунистические закидоны» с 1923 г. отменялись, но оставались «либеральная педагогика» и организация школы, заимствованная у дореволюционного русского педагога *Константина Венцеля* и американского педагога-философа *Джона Дьюи*, того самого, что почти 20 лет спустя возглавит независимую общественную международную комиссию в Мексике в апреле 1937 г. по реабилитации Троцкого от сталинских обвинений в «убийстве» и «шпионаже».

В русле общемирового педагогического процесса XX в. идут оставшиеся в школе с 1918 г. реформы: совместное обучение мальчиков и девочек (в 1946 г. Сталин вернется к дореволюционному «царскому» раздельному обучению и форме школьников, обязательной для ношения во время занятий), отмена платы за обучение (после 1992 г. она восстановится вновь во многих крупных городах России под видом «улучшенного обучения» в частных гимназиях, лицеях и т. п.).

Атеистическая и космополитическая в большинстве своем интеллектуальная общественность Запада тех времен не могла не приветствовать и «безбожный» характер новой советской трудовой школы — отмену преподавания в ней Закона божия, борьбу с «религией — опиумом для народа», внедрение в сознание детей не прежних идей монархического патриотизма — «самодержавие, православие, народность», «а гражданина мира, интернационалиста, ребенка, который полностью понимает интересы рабочего класса и способен драться за мировую революцию…». Впрочем, писавший это революционный педагог *В. Н. Шульгин*, однофамилец нашего монархиста-эмигранта, уточнял: «Мы воспитываем нашего ребенка не для защиты родины, а для всемирных идеалов»[1].

Да и что другое мог тогда написать какой-то «низовой» педагог? Когда сам «патриарх» марксистской исторической школы акад. *Михаил Покровский* в 1929 г. объявил с трибуны I конференции историков-марксистов, что сам термин «русская история» есть «термин контрреволюционный», одного цвета с монархическим (трехцветным) флагом (ныне — государственный флаг РФ?!).

Составной частью кардинальной реформы школьного образования стал т.н. «*ликбез*» — подписанный председателем Совнаркома *В. И. Лениным* 26 декабря 1919 г. декрет «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР». Мы уже писали выше, что поголовная неграмотность российских «низов», особенно сельского населения (в 1855 г. 93% неграмотных крестьян, в 1897 г. — 77%), была результатом близорукой политики русских царей, начиная с Петра I, закрывшего двухклассные церковно-приходские

---

[1] *Шульгин В. Н.* Педагогика переходного периода. — М., 1927, с. 97

школы. Действительно, к чему учить «братьев наших меньших», ведь не учим же мы писать и читать кошек и собак?

Запоздалые попытки Александра III («хождение в народ» семинаристов в 80-х гг. XIX в. и указ о восстановлении четырехклассных церковно-приходских школ) и Николая II (указ 1908 г. об обязательном бесплатном начальном обучении в объеме четырех классов) кардинально положения в стране не улучшили.

Ленинский декрет содержал несколько реальных стимулов для желающих ликвидировать свою безграмотность или малограмотность: рабочий день для «ликбезников» сокращался на два часа при сохранении полной зарплаты за 8-часовой рабочий день. Но Ленин не был бы большевиком, если бы не дополнил этот в целом прогрессивный декрет еще и параграфом 8 — «уклоняющиеся» от этой «повинности… привлекаются к уголовной ответственности».

Но вскоре и большевики лишний раз убедились в справедливости высказывания нелюбимого ими «реакционно-помещичьего» историка Сергея Соловьева: «*указами нравы не изменишь*». И когда в 1926 г. в СССР была проведена очередная после 1897 г. перепись, в опросной анкете которой был пункт о грамотности, то оказалось, что «ликбез» — а он громко был назван составной частью «великой социалистической культурной революции» — дал весьма скромные результаты: из 110 млн. «азбучно неграмотных» за семь лет выучились читать, писать и считать всего… 5 млн. человек. При этих, как бы мы сказали сегодня, «замерах» глубинных слоев крестьянского міра выяснилось, что несмотря на угрозу «уголовной ответственности», очень многие крестьяне по-прежнему считали грамотность «барской забавой» и даже при советской власти нужной разве что для «мастеровых» (рабочих) в городе, и поэтому весной (сев) и осенью (уборка урожая) детишек своих в школу не пускали — по хозяйству надо помогать….

К тому же сами лидеры большевиков управляли своей «машиной» так, что она одновременно «ехала» в разные стороны. Ленин подписывает в 1919 г. свой декрет о «ликбезе» (обучение *русскому языку*), а Троцкий в том же году — свой: приказ по РККА о «ликвидации безграмотности» в области… *эсперанто*, языка мировой пролетарской революции, лишь сравнительно недавно, в 90-х гг. XIX в., изобретенного варшавским евреем *Земенгофом.* А теперь представьте ситуацию — неграмотные по-русски здоровенные парни, не знающие «аз, буки, веди» по-церковнославянски, зубрят под командованием комиссара-«эсперантиста» (обычно, еврея) латинский алфавит, наизусть, со слуха, заучивают гимны (например, «Интернационал» на эсперанто), воинские команды на эсперанто и т. д. А как же — эти взрослые «дети» (вспомните: «мы — ваши отцы, вы — наши дети») обязаны «*драться за мировую революцию*»?!.

И эта *вакханалия* продолжалась целых *четыре года*, до провала надежд на «непосредственную» победу мировой революции в Германии осенью 1923 г., когда Троцкий как пока еще председатель Реввоенсовета, наконец, этот фантастический приказ не отменил (впрочем, на «гражданке» кружки эсперантистов оставались до середины 30-х гг.). Но куда теперь этим демобилизованным в результате военной реформы 1924—1925 гг. и сокращения в десять раз РККА парням с «троцкистским» эсперанто деться? В деревне, убирая навоз в хлеву, с коровами разговаривать? Кстати, в середине 30-х гг. Сталин разогнал в СССР все многочисленные эсперантистские общества, а их членов посадил и перестрелял многих именно как «троцкистов».

Однако, и 13 лет спустя после переписи 1926 г., успехи «ликбеза» как составной части с такой помпой провозглашенной «социалистической культурной революции», выглядели более чем скромно. В 1939 г. в «стране победившего социализма» была проведена очередная перепись. Предварительно ознакомившись с ее результатами, *Сталин запретил публиковать ее итоги* (они были изданы мизерным тиражом в 1350 экземпляров лишь 55 лет спустя, причем только в одном, «обобщенном» томе, из тех 20, что и по сию пору пылятся в архиве ЦСУ[1]).

---

[1] «Всесоюзная перепись населения 1939 года». — М., «Наука», 1994.

Реальности побед на «общеобразовательном фронте» к 1939 г. были куда как скромнее победных реляций на партсъездах и всякого рода всесоюзных конференциях «шкрабов». Оказалось, что по темпам «ликбеза» большевики не шибко ушли вперед от своих дореволюционных земских предшественников: в 1897 г. средний уровень «азбучной неграмотности» по Российской империи составлял 77%, а в 1939 г. — 55%, т. е. рост весьма скромный — 22% за 20 лет, если отсчитывать от ленинского декрета 1919 г.

И это при том, что критерий «грамотный» методистами переписи 1939 г. определялся на самом низком уровне — достаточно было в опросной анкете заполнить графу: «читаю по складам» и собственноручно расписаться хотя бы печатными буквами — ИВАНОВ — и все, ты приравнен к *письменным* (по-украински — «грамотным»; то же слово означает «писатель»).

Самыми же убийственными в переписи 1939 г. были данные о «письменных» в высшем руководстве партии и государства, а также в судах и прокуратуре СССР. Вот уж где наглядно была продемонстрирована «полная и окончательная» — нет, не «победа социализма», а победа «семинаристов» над «гимназистами» к 1939 году.

На самом «верху» — в Политбюро и Оргбюро, среди членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), всей партноменклатуры союзных и автономных республик, краев и областей — «гимназистов» (т. е. имеющих законченное высшее образование с дипломом вуза) трудилось… *всего шесть процентов!*

Зато около 55% имели за плечами главную «кузницу» образованных кадров — крестьянский «университет» в виде двухклассной ЦПШ (церковно-приходской школы), да еще различного рода краткосрочные курсы — т. н. «совпартшколы». Классическим примером такого «образовательного кадра» с начала 30-х гг. был *Н.С. Хрущев.*

Даже среди «социалистических законников» — судей и прокуроров — образовательный уровень хотя и был вдвое выше, чем у «вождей» (целых 12% с дипломами вузов), но тем не менее судьбу подследственных вершили 41% прокуроров и судей, не закончивших даже средней школы-девятилетки.

И вся эта административно-партийная масса, с 1926 г. выросшая в СССР в ШЕСТЬ РАЗ (Ленин бы перевернулся в своем Мавзолее, если бы узнал, чем в конце концов кончилась его борьба с советским бюрократизмом!), образовала тот самый сталинский «орден меченосцев», вышедший из посадских мещан-недоучек во главе с ГЛАВНЫМ СЕМИНАРИСТОМ — Сталиным.

Так станет в 1939 году. Но за десять лет до этой «секретной переписи» страна еще была полна иллюзий — «нет таких крепостей, которые не взяли бы большевики…». Они ведь «рождены, чтоб сказку сделать былью…». Среди тех, кто тогда, в конце 20-х — начале 30-х гг. искренне поверил в эту химеру и массовую партийно-комсомольскую истерию, были и мои родители: отец — *Сироткин Георгий Васильевич*, 1911 года рождения и мать — *Сироткина Нина Петровна,* 1912 года рождения[1].

Авторское отступление

Мои родители являли собой пример того положительного, что принесла советская власть «низам» прежнего дореволюционного «слободского» (ни крупный город, ни классическая деревня) міра. Оба они родились в маленьких городках-поселках русского Нечерноземья. Мать в 1912 г. в дер. Хорышево Судогодского уезда Владимирской губернии в крестьянской семье (деревня Хорышево с тех времен давно слилась с райцентром Судогдой). Отец в 1911 г. в городке Наволоки Кинешемского уезда Костромской области на берегу Волги — этот полупоселок-полудеревня фактически состоял при местной текстильной фабрике, ставшей (как позднее станут писать советские архитекторы) «градообразующим объектом».

[1] В основу этого *авторского отступления* легли устные рассказы моей матери и ее сестер (мать умерла в возрасте 88 лет в феврале 2000 г.) и письменный «Автобиографический очерк» отца (умер в 1991 г. в возрасте 80 лет). Его воспоминания хранятся в домашнем архиве автора.

Таких «объектов» — городков при фабриках и заводиках — в России до революции после отмены крепостного права возникло великое множество, и их инфраструктура была взята за модель «социализма в одной стране». Большевикам не надо было вначале ничего строить заново — достаточно было выгнать прежнего хозяина, издать декрет о национализации и повесить вывеску —«социалистическое предприятие».

Мать отца и моя бабка, неграмотная крестьянка, всю взрослую жизнь проработала на этой фабрике ткачихой, где и оглохла от шума ткацких станков. Дед работал там же конторщиком. Жили они в обыкновенной русской избе-пятистенке, которую построили на сэкономленные от жалованья деньги в «нэповском» 1926 году (я прожил в ней год с матерью и младшим братом во время военной эвакуации в 1941/1942 гг.).

Рабоче-крестьянское происхождение сильно помогло отцу при поступлении в 1928 г. в Костромской индустриальный техникум им. Красина: из семи вступительных экзаменов он два провалил и вернулся к своим родителям в Наволоки. Каково же было его удивление, когда через две недели после провала он получил открытку из техникума: несмотря на несданные вступительные экзамены вы зачислены по «классовому набору», как сын из рабочих. Вот когда сказался на судьбе отца «классовый» декрет Ленина о единой трудовой школе РСФСР 1918 года!

Приехав снова в Кострому, отец узнал об истинных причинах такой «благодати»: два его приятеля-однокашника по школе-девятилетке в Наволоках (один — сын купца, другой — сын инженера из «бывших»), несмотря на успешно сданные вступительные экзамены, не были зачислены мандатной комиссией (еще одно изобретение большевиков, просуществовавшее для партийно-комсомольских учебных заведений вплоть до запрета КПСС и развала СССР) как «социально чуждые элементы». И таких «элементов» из 20 ребят, приехавших из Наволок поступать в костромской техникум, оказалось около десятка — всех их не приняли из-за «классового происхождения». Кстати, эта чистка продолжалась и в годы учебы. Уже на первом курсе отец видел, как еще пять студентов были отчислены той же комиссией «за сокрытие социального происхождения».

Да и сам техникум являл собой частный пример спровоцированной Сталиным классовой борьбы на «внутреннем фронте», апогеем которой станет год спустя борьба с «кулаком» и «сплошная коллективизация» в деревне. Ведь техникум им. Красина до 1928 г. был… вузом — Костромским политехническим институтом, созданным еще в 1918 г. на базе технического училища костромского купца Чижова (в студенческом просторечии — «Чижовка»), готовившего для текстильных фабрик Поволжья химиков-колористов (окраска тканей) и электротехников.

В годы «военного коммунизма» многие столичные, из Петрограда и Москвы, крупные профессора-электрохимики нашли в таких вот училищах на Волге пристанище и работу, спасаясь от голода и арестов ВЧК. Благо «Чижовка» строилась по тому же принципу «капитализма (социализма) в одной стране». Она занимала в губернской Костроме целый квартал с учебными корпусами, студенческим общежитием, жилыми домами для профессорско-преподавательского состава, с собственной баней и прачечной, продовольственной лавкой и т. п. И это — не считая солидной учебно-производственной базы: химической лаборатории, чугунно-литейного цеха, кузницы, столярно-токарной мастерской и т. д. Очень сильным был средний технический персонал этого института-втуза. Квалифицированные техники-электрики, кузнецы, столяры и др. вели производственную практику студентов.

Но осенью 1927 г. и до этого глухого, по сравнению с Москвой и Петроградом, угла докатилось «обострение» классовой борьбы: Сталин через ОГПУ готовил первое уголовное дело о «спецах-вредителях» (известный «Шахтинский процесс» в Колонном зале Дома Советов в Москве в мае — июле 1928 г.), и по всему СССР загодя ОГПУ уже арестовывало будущих «вредителей». И хотя где она, Кострома, и где они, инженеры-вредители в угольных шахтах Донбасса — юридическую логику в действиях ОГПУ было искать бесполезно. В итоге новый, 1927/28 учебный год, Политехнический институт им.

Красина начинал уже без ведущих профессоров и доцентов — всех их «замела» местная ЧК, получившая директиву из Москвы.

Наркомпросу РСФСР пришлось срочно менять вывеску и понижать статус института до положения индустриального техникума. Вот в него-то в сентябре 1928 г. на основе «классового набора» и был зачислен мой отец.

Схожей была и биография моей матери, разве что ее «социальное происхождение» практически иллюстрировало большевистский догмат о «смычке» рабочего класса и крестьянства. С одной стороны, она родилась в чисто крестьянской семье середняка. Мать ее, моя бабка Наталия Куприяновна Ошмарина была неграмотной. Она родила десять детей, из которых выжило шестеро — пять девочек и один мальчик. Детство моей матери было вполне крестьянским — с шести лет пасла гусей, затем полола огород, доила корову, ездила верхом в ночное — в хозяйстве были три лошади.

Но, с другой стороны, отец матери — Петр Владимирович Ошмарин — был не просто сельский пролетарий, скажем, кузнец, а пролетарий высшей по тем временам квалификации — он был электромонтер-самоучка, да еще и член РСДРП(б) с 1905 г.: вступил во время баррикадных боев на Красной Пресне как «дружинник»; он при Трехгорке начал «мальчиком» в кустарной мастерской по ремонту тогдашних первых электроприборов — настольных ламп, утюгов, динамомашин и т. п., хотя образование у него было самое что ни на есть «крестьянское» — две зимы в деревенской церковно-приходской школе. Избежав смерти на баррикадах и ареста, дед тем не менее вместе с сотнями таких же, как он, «дружинников», на всякий случай административно был выслан в свою деревню Хорышово Судогодского уезда Владимирской губернии к родителям под гласный надзор местной губернской жандармерии.

Его отец, мой прадед, первым делом женил беспутного, по его понятиям, сына, а затем пристроил на работу «по специальности» — электромонтером на ткацкую фабрику местного фабриканта Голубева, выходца из крестьян, который как раз в это время подключился к первому дореволюционному плану «гоэлро», который еще в 1886 г. задумало русско-германское «Общество электрического освещения 1886 года» (сокращенно — «Общество 1886 г».), которое от обеих столиц с 1889 г. перешло к работам по переводу русских заводов и фабрик с паровой на электрическую «тягу», в том числе и в провинции. С этой целью в начале XX в. в России был создан первый электротехнический синдикат из русских и иностранных фирм и банков (47,5% капитала — у немцев, 36% — у французов и 16,5% — у русских).

Собственно, именно инженеры-проектировщики этого синдиката и разработали в 1910—1916 гг. тот самый «ленинский» план ГОЭЛРО, о котором Ильич узнал еще в декабре 1917 г. (именно тогда в Петрограде к нему пришли два основных разработчика этого плана — инженеры И. Радченко и А. Винтер, но Ильич вначале в «фантазии» этих двух «буржуазных спецов» не поверил), но затем повесил на план этикетку «социалистический», а в 1920 г. обрамил идеологически: «коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны».

«Электрификация всей страны» — независимо от того, капиталистическая она или социалистическая — была задумана русскими и иностранными (преимущественно немецкими) инженерами еще в 80-х гг. XIX в. К тому времени у них за плечами были уже существенные успехи: прокладка кабельного электрического освещения в Петербурге и Москве, строительство с конца XIX в. городских линий электрического трамвая в Москве, Петербурге, Риге, Киеве и Одессе, пуск в 1897 г. в Риге первой в России паротурбинной электростанции на нефти и т. д.

В 1910 г. синдикат заключил с концернами «Сименс-Гальке» (Германия) и «Вестингауз» (США) финансово-технические договоры на разработку проектов и строительство к 1915 г. Волховской ГЭС (№ 1 в ленинском «ГОЭЛРО», но она будет построена только в 1926 г.), электрификации петербургского железнодорожного узла и строительства метрополитена в Петербурге (первая линия намечалась к пуску в 1916 г.!) и др. Более того, «Общество 1886 г». и синдикат в 1912 г. объединились в еще более мощный консорциум и разработали вообще грандиозный технический проект —

строительство Днепрогэса к 1920 г. (построен в СССР только в 1932 г.) и канала Волго-Дон (тоже к 1920 г.; построен только через 30 лет, после Второй мировой войны, при Сталине, и назван его именем).

Всю техническую документацию по Днепрогэсу и каналу еще до Первой мировой войны разработали русские, немецкие, американские и французские инженеры. Активное участие в подготовке этого довоенного «гоэлро» приняли разработчики созданного в том же 1912 г. «Петербургского общества электропередач силы водопадов», которое уже тогда создало даже специальную гидростроительную фирму «Иматра», начавшую изыскательские работы в Карелии и Финляндии.

Все эти проекты были сорваны октябрьским переворотом и языческой верой доктринеров, что мировая пролетарская революция даст такую «энергию масс», которая с лихвой перекроет любую электрификацию.

Но один из инженеров-прагматиков «Общества 1886 г». Глеб Кржижановский, старый большевик и друг Ленина, тем не менее еще с 1907 г. присматривался к этому первому плану «гоэлро». После октябрьского переворота, когда «Общество» было национализировано, а его инженеры либо разбежались, либо были арестованы ВЧК, он на всякий случай забрал всю документацию себе и, как «демократ» Григорий Явлинский (этот перебежал от союзного премьера Николая Рыжкова в 1990 г., у которого был простым референтом, к республиканскому спикеру Борису Ельцину, но прихватил «добычу» — печально знаменитый план поднятия экономики РСФСР за «500 дней»; у Рыжкова был план для СССР на 1000 дней, но Явлинскому удалось стащить только половину бумаг — за это он сразу стал первым вице-премьером правительства РСФСР, хотя ничего путного так и не сделал, а на думских выборах в декабре 2003 г. провалился со своими «Яблоком», лопнув, наконец, как политический мыльный пузырь), после военной катастрофы РККА под Варшавой побежал с «добычей» к Ленину. Дальнейшее известно — торжественное принятие плана ГОЭЛРО в Большом театре в Москве в декабре 1920 г., этикетка «социалистический», «коммунизм… плюс электрификация», «лампочка Ильича» и т. п.

Важно подчеркнуть, что идею пересесть с паровоза на электровоз подхватили не только международные «акулы империализма», но и российские «частники». Крупный нефтепромышленник Гукасов еще в 1894 г., как член правления, активно содействовал работе «Общества бакинской электрической силы». Первым делом «Общество» начало электрификацию буровых скважин на нефтепромыслах (именно этим занимался инженер Красин, параллельно ведя подрывную революционную работу). Затем Гукасов в 1908 г. купил контрольный пакет акций в «Русском обществе беспроволочного телеграфа и телефона» (радио). Далее наладил выпуск и прокладку силовых электрических кабелей (концерн «Рускабель»), перекупил у «Вестингаузена» хилую мастерскую динамомашин и построил ныне знаменитый московский завод-гигант «Динамо». Во время Первой мировой войны вошел в акционерную долю петроградского завода «Светлана» — именно там и было налажено серийное производство ламп накаливания (на них тоже после октябрьского переворота повесят этикетку — «лампочки Ильича»), хотя по справедливости их надо бы называть «лампочки Гукасова» — ведь именно он своими лампочками освободил Россию от импортной зависимости: до «Светланы» лампы накаливания миллионами закупались за золотые рубли только за границей (с тех дореволюционных времен в довоенном СССР сохранялась традиция — новую лампочку можно было купить только в обмен на перегоревшую).

Конечно, мелкому судогодскому фабриканту Голубеву с его одной ткацкой фабричкой, которая к тому же работала только зимой — его пролетарии весной, летом и осенью работали «пахарями» на своих «шести сотках», — трудно было тягаться с нефтепромышленником «миллионщиком» Гукасовым. Но он не только читал газеты (и там вычитал — Гукасов создал еще одно крупнейшее АО — «Электропровод»), но и видел своими глазами — вдоль Московско-Нижегородской железной дороги засновали техники-проектировщики — примеряются, как удобней поставить столбы и тяговые электроподстанции для электрификации стального пути (а путь-то проходит через

Владимир и Судогду!). А на полдороге из Владимира к Москве, в Богородске (ныне г. Ногинск) начали рыть котлован под первую на Руси ТЭЦ на торфе (построят в начале 1914 г.).

В Судогодском уезде появились «ходоки». Но не от уже известной немецкой фирмы «Зингер». И не швейные машинки — ножные и ручные — они предлагали, а… электрофицировать голубевскую фабрику силами любой из трех московских фирм — «Электропередачи», «Общества электрических центральных станций» или «Центральной электрической компании». Почесал фабрикант в затылке, посчитал — выгодно! — посоветовался с такими же мелкими «кустарями без мотора», да и скинулись они на «кумпанство»: сразу несколько уездных фабричек решили подключиться к этому первому «гоэлро».

Одна незадача — уж больно дорога эта «электросила» в эксплуатации: инженерам, что по контракту об электрификации могли представить эти фирмы-подрядчики, платить шибко дорого, да еще фабричную квартиру не менее чем из пяти комнат, с фабричной кухаркой, горничной и кухонным мужиком — и все бесплатно — подавай, да фабричных лошадей с кучером, а иной и «мотор» (автомобиль) персональный требует. И это свои — русские. «Немец» в три раза больше запросит.

И вдруг — не было бы счастья, да несчастье помогло. Уже все было построено, установлено и подключено на фабрике — оставалось договориться с фирмой об инженере-эксплуатационнике или, на худой конец, об электромонтере, и включать рубильник. Но фабрикант все никак не мог решиться: этот инженер выставит его в трубу — ему платить надоть столько, сколько, почитай, половина его рабочих не получает.

И тут является пред очи его же выездной кучер (по-современному, шофер «Мерседеса» у «нового русского») — мой прадед Володя, толкает перед собой моего деда Петруху. «Так и так, Сергей Пантелеймонович, сына свово к тебе привел, можа, на что сгодится?» — «А каким рукомеслом владеет твой сынок?» — спрашивает фабрикант. — «Дык каким-то чудным — электромонтер он», — отвечает кучер.

Голубев аж вскочил: «Как электромонтер? И где работал?» — «Да при Трехгорной фабрике в Москве. Да вот жениться надумал, вернулся в деревню. Я уж ему и невесту приискал». Умолчал прадед только об одном: не добровольно приехал его сынок к родителям, а с «хвостом» полицейским. Отмечаться ему надо ежемесячно в уездном участке, а выезжать за пределы губернии без дозволения начальства — ни-ни.

Но Голубеву было не до того — готовый электромонтер, да еще «из своих» (сын его выездного кучера), в руки идет — понятное дело, жалованье как дипломированный инженер не просит, без квартиры фабричной обойдется (отец-то его отделил — избу молодоженам купил), да и кухарка зачем, когда молодая жена есть. Словом, схватил фабрикант Петруху за руку да и поволок на фабрику — проверить, что тот знает в электроделе. А деду вся эта техника — что семечки: на Трехгорке в Москве он и не такое видел. Смекнул фабрикант — парень «сечет», не фуфло какое-нибудь, мастеровой.

Ударили с прадедом по рукам, и стал мой дед Петр Владимирович Ошмарин главным электромонтером на фабрике Голубева. Правда, позднее фабрикант не раз пожалеет, что, как пушкинский поп, погнался за дешевизною. И не только из-за денег, хуже. Пришлось ему Петруху не раз «прикрывать» от жандармов, когда он вскоре прознал — «неблагонадежного», да еще и большевика, взял на работу.

Но «барашек в бумажке» и тогда решал многие проблемы: 50 золотых «целковых» уездному жандарму в зубы да всякие подношения к праздникам — икорки, балычку, молочного поросеночка будто бы с фабричного приусадебного хозяйства — и ладушки: Ван Ваныч сквозь пальцы смотрит на «поднадзорного». А тот — не просто электромонтер «в услужении». У него второе начальство есть — московское бюро РСДРП. Оттуда тоже задания поступают — то листовки распространять, то забастовку устроить. Ладно еще, когда фабрика и без него стоит — мастеровые по весне огороды пашут, картошку сажают или в июне сено косят для своих коров и лошадей на зиму. А если директива поступала зимой, в разгар ткацкой работы? Но все-таки в России были

весьма своеобразные, не «по Марксу», отношения пролетария и буржуя-фабриканта, особенно на мелком производстве.

Рассказывала мне покойница тетя Нюра, старшая, на 8 лет, сестра матери, как искали «фабрикант» и «пролетарий» в те времена тот самый модный сегодня «консенсус» между трудом и капиталом. Приходит дед к фабриканту: так и так, Сергей Пантелеймоныч, директива партии из Москвы (а в ней «указивка» аж из самого Парижа, от Ленина) — с завтрашнего дня объявляется забастовка. Хозяин сначала было в гнев — я те покажу забастовку, у меня заказов гора, клиенты ждут сукно, а ты — забастовка. Но знает: с Петрухой силой — ни-ни. Сей момент обидится, пойдет — рубильник вырубит, проводки какие-нибудь разъединит — все едино фабрика без тока встанет, рабочие «забастуют». Случалось такое с Петрухой, и не раз. Идет на «консенсус». Кричит в «конторскую». «Эй, кто там — позвать Марью». Марья — буфетчица, чай с пирожками для конторщиков готовит, может и поесть дать, яичницу там с салом сварганить, да и рюмку нальет, если уж очень хочется. Словом, когда срочная работа и на обед домой не успевают, она тут как тут — на подхвате.

Марья быстро «гоношит» непритязательный стол прямо в кабинете у фабриканта. Бутылка холодного «Столового № 21» (водки «Смирновъ») — само собой. «Труд» и «капитал» садятся за стол и начинают «консенсус». Фабрикант уговаривает монтера обождать три дня — затем все равно начинается Рождество, две недели «простоя» (церковь ревниво следит, чтобы по религиозным праздникам никто не работал, а с ней за 50 целковых не поладишь — припаяет «святотатство», и не отмоешься). Дед артачится — партийная директива. Но постепенно добреет — «столовое» берет свое (а дед был предрасположен к «болезни души», что его много позднее и сгубило).

В конце концов, часа через два (еще одна бутылка «столового» выпита) «консенсус» находят. Дед соглашается передвинуть забастовку на три дня (эти «партийные литераторы» в Париже, как в наши времена «царь Борис», путают Рождество с Пасхой и все равно ведь не знают, что на Рождество в России никто не работает — нехай этот отпуск они считают «забастовкой»), но зато «капитал» должен прикрыть «труд» от жандармов — деду как делегату от Владимирской организации РСДРП(б) надо по тихой смотаться… в Швецию, на V съезд партии в Стокгольме (и, действительно, в мае 1907 г. дед туда ездил по «липовому» паспорту на чужое имя).

На «хозяйстве» вместо себя он оставит двух подручных — натаскивает пару парней из смекалистых, учит, как когда-то в Москве, учили старшие мужики и его «электрическому рукомеслу». На том и порешили, закрепив «консенсус» последней рюмкой под соленый огурчик. Вот в такой рабоче-крестьянской семье и выросла моя мать.

Да, еще забыл сказать. Прадед мой, кучер, свел ее с дочками Голубева, ее однолетками. Мать часто бывала в доме фабриканта, который и других детей рабочих своей фабрики привечал: обязательная елка на Рождество, подарки на Пасху, свой фабричный детский сад имел — мать и туда перед самой революцией ходила. Кончил, правда, Голубев, как и многие «народные капиталисты», очень плохо. Фабрику отобрали, самого с семьей выгнали на улицу, и сгинул Сергей Пантелеймонович где-то на бескрайних просторах России. Жена его сошла с ума, дочери от родного гнезда разъехались кто куда.

А дед мой вовсю устанавливал советскую власть как председатель Судогодского ревкома (кстати, порученцем его тогда был «Кирюха» Мерецков, будущий маршал Советского Союза; в своих мемуарах «На службе народу». — М., 1969 — он написал о деде немало добрых слов и даже поместил фотографию членов Судогодского ревкома, где он лежит на полу у ног моего деда).

Но и судьба «пролетария» оказалась не лучше судьбы его «классового врага» — фабрианта Голубева. До 1926 г. карьера деда сначала шла в гору. После ревкома возглавил Судогодский уездный исполком Советов, не раз избирался делегатом на партсъезды и съезды Советов РСФСР. Но после «ленинских» партпризывов состав партии с 1924 г. начал быстро меняться. Пришли «людишки от биллиарда, а не от станка», нахрапистые

карьеристы, имевшие, однако, образование повыше (четыре класса), чем дед (два класса). Деда начали оттеснять, хотя он вовсе не был из «гимназистов». Дело дошло до того, что под сурдинку борьбы с «троцкистской» оппозицией деда эти «сталинские карьеристы» не только выгнали из исполкома, но и… исключили в начале 1928 г. из партии. Правда, «дело» было сфабриковано настолько топорно, что ЦКК ВКП(б) исключение не утвердило и восстановило П. В. Ошмарина в партии с сохранением партстажа с 1905 года.

Но дед, судя по рассказам моих теток, живших с ним в одном доме (тети Мария, Дуся и Варвара), уже понял — это не та партия и это не те революционные идеалы, за которые он сражался на баррикадах Красной Пресни и боролся за Советскую власть в 1918 году в уезде. Он сам ушел из исполкома и пошел… буфетчиком в уездный дом крестьянина (бывший постоялый двор). Там окончательно пристрастился в «зеленому змию», но бабка моя Наталья Куприяновна (а она пережила деда на 14 лет) рассказывала мне — пил дед с тоски, «душа у него болела», и все приговаривал, когда был трезвый — «за что боролись, чтобы этот усатый таракан (Сталин. — *Авт.*) командовал в партии, как в конюшне…». Умер дед внезапно, через три дня после убийства Кирова 4 декабря 1934 года.

В семье Ошмариных долго бытовала легенда, что дед не умер, а… застрелился из револьвера, который он хранил со времен боев на Пресне, как в ноябре 1927 г. застрелился друг Троцкого Иоффе. Будто бы перед смертью он сказал одной из дочерей: «Этот усатый таракан теперь всю партию перестреляет». Так ли все это было на самом деле — не знаю. Дед никакого архива или воспоминаний не оставил.

Но после смерти партия все же признала его заслуги. Именем деда была названа главная улица города Судогды, на избе, где он жил и умер, долго висела мраморная табличка с упоминанием его имени как ветерана партии, первого председателя уездного ревкома, а во Владимирском областном краеведческом музее на стенде борцов за установление Советской власти долго висела фотография моего деда — электромонтера.

* * *

При такой революционной биографии деда нет ничего удивительного в том, что одна из его дочерей — моя мать — стала убежденной комсомолкой, вступив в ВЛКСМ еще в школе-семилетке в 15 лет. Общаясь еще в детстве с дочками фабриканта Голубева, проводя в их доме целые дни, а иногда и оставаясь ночевать, мать рано узнала, что существует и другая жизнь — городская, с чистыми простынями, вилкой-ножом за обедом, теплым туалетом, водопроводом и ванной с горячей водой. Мать моя, в отличие от своих сестер, рано отошла от «крестьянства». Успешно закончив школу 1-й ступени (семилетку), мать в 1928 г. уехала из дома и поступила в трехгодичный Владимирский педагогический техникум, готовивший учителей для школ-семилеток. Как и отец, она завершила средне-специальное обучение в 1931 г. и, как активная комсомолка, была направлена на «руководящую» работу — не просто учителем, а сразу с 15 августа 1931 г. заведующей (директором) школы-семилетки в селе Большое Григорьевское Селивановского района бывшей Владимирской губернии (в конце 20-х в связи с первой пятилеткой началась административная перекройка областей РСФСР: Владимирскую, Костромскую и Ярославскую области упразднили, а их территории включили в новую — Иваново-Вознесенскую промышленную область).

Через год мать повысили — из сельской школы перевели в «городскую» и тоже начальником — заведующей ФЗС (фабрично-заводской семилетки) при бумажной фабрике рабочего поселка Красная Горбатка, рядом с райцентром Селиваново. В той же ФЗС и тоже с 1 сентября 1932 г. оказался и мой отец как учитель-совместитель, преподаватель электротехники, технологии металлов и графики (чертежного дела). Основная же работа у отца была рядом — главный электрик на Селивановской бумагоделательной фабрике в той же Красной Горбатке.

В отличие от матери, отец после окончания Костромского техникума в июле 1931 г. и до устройства на фабрику в августе 1932 г. уже кое-что повидал, убедившись, что между романтикой участника «ленинского» плана ГОЭЛРО и реальностью его осуществления в первую пятилетку — дистанция огромного размера. С одной стороны, престиж «красного» электрика, причастного к грандиозному проекту (как же — прямой строитель коммунизма через электрификацию, по Ленину), первые кадры большевистского ИТР (инженерно-технических работников), пролетарской смены «буржуазных спецов», которых в это время пачками арестовывали и судили на показательных процессах — «Промпартии» в 1930 г., «меньшевиков-вредителей» из ВСНХ в 1931 г. и др. С другой, работы навалом, а жилья не дают, даже койку в общежитии — ночуй, «красный специалист», на вокзалах….

Отец возмутился и с группой таких же, как он, выпускников в 1931 г. отправился по СССР в поисках работы и жилья — а как же, советский человек «проходит как хозяин необъятной Родины своей» (из популярной довоенной песни). Ребята объездили весь СССР — были на Украине (Днепропетровск — Одесса: кстати, именно там отец воочию увидел страшный голод, последствие коллективизации), в Средней Азии (Ташкент), в Москве, на Рязанщине (работал в угольной шахте электриком). И везде — электриков рвут с руками, но жилья нет.

Всплыла и другая проблема, о которой ни тогда, ни сегодня не пишут историки первой пятилетки и реализации ГОЭЛРО — конфликт «практиков» (электромонтеров типа моего деда) и дипломированных «красных» ИТР. Нет, последним ни «троцкизм», ни «саботаж» не клеили. Но «практики» старались выжить дипломированных конкурентов старыми проверенными способами «цеховой мастеровщины».

Сразу после техникума отец был распределен на Ивановскую ГРЭС и начал работать сменным техником-электриком на пульте контроля за электроснабжением. Одновременно осенью того же 1931 г. он поступил на вечернее отделение Ивановского политехнического института. На ГРЭС работали в основном бывшие «цусимовцы» — матросы, кочегары с русских военных кораблей, после разгрома эскадры попавшие вместе с кораблями в плен к японцам или интернированные в иностранных портах. Вернувшись на Родину после русско-японского мира 1905 г., большинство из них демобилизовалось и устроилось кочегарами паровых котлов по всей России, в том числе, после октябрьского переворота, и на «стройках ГОЭЛРО» (большинство электростанций работало на торфе, мазуте и угле). Командовал отцом бывший боцман, имевший весьма смутное представление о теории электричества, постоянном и переменном токе и т. п.

Конкурент в лице моего отца-«пацана» (в 20 лет — и уже начальник смены дежурных инженеров-электриков на ИвГРЭС) ему совершенно не был нужен. Начались мелкие придирки, требования писать объяснительные записки (почему так долго курил в рабочее время на лестнице и т. п.), а главное, нарочитое назначение в ночную смену, что срывало отцу учебу в вузе и привело к тому, что он, проработав на ИвГРЭС восемь месяцев, вынужден был уволиться.

Аналогичная конфликтная ситуация повторилась и в г. Наволоки, куда отец вернулся из Иванова и устроился электриком на текстильную фабрику «Приволжская коммуна», на которой всю жизнь проработала его мать. Начальник электроцеха из электромонтеров-практиков встретил молодого «красного спеца» в штыки. Насмешки, издевательства не прекращались. Проработав месяц, отец уволился и с этого предприятия.

На Красной Горбатке была другая ситуация: здесь вообще никаких электриков — ни дипломированных, ни практиков не было и в помине. Отца в первый же день работы поразила «варварская» техника безопасности на бумажной фабрике: в электроцехе на стремянке сидел парень и целый день поливал из чайника холодной водой электропредохранители, которые почему-то перегревались. Отец тут же устранил неисправность — электрооборудование неправильно смонтировали — и предохранители перестали греться. Вскоре слава об «электрике-Кулибине» распространилась по всему

району, и у отца не было отбоя от «левых» заказов — то мельнику электромотор на мельнице наладить, то на крахмально-паточном заводе динамомашину починить и т. д. Отец всем чинил, латал, консультировал, хотя директор Селивановской бумажной фабрики смотрел на эту «комсомольскую самодеятельность» косо (в конце концов и он выживет отца с фабрики). Словом, конфликт «семинаристов» и «гимназистов» (но теперь — из советской трудовой школы) приобрел другие по форме, но одинаковые по содержанию очертания. «Двухклассники» продолжали конкурировать с «семи-девятиклассниками». И тут уж сам тов. Сталин ничего поделать не мог.

Зато в ФЗС молодые люди — мои будущие мать и отец — сразу нашли общий язык. Оба получили в своих техникумах схожую общественно-политическую подготовку в духе большевистской «великой культурной социалистической революции». У обоих в дипломах (свидетельствах) в графе «Общественный цикл» стояли одни и те же предметы:

— История классовой борьбы (вместо «буржуазной» гражданской истории «царей да королей»).

— Политическая экономия (разумеется, социализма).

— Исторический материализм (как же без него?).

— Немецкий язык.

Вот разве что у отца значилась троцкистская «военизация», а у матери сталинское «военное дело». Да еще отец в техникуме факультативно изучал язык мировой революции — эсперанто, который ему очень пригодился на производственной практике в г. Гаврилов-Ям Ярославской области, где шел монтаж районной электроподстанции и тепловой электростанции. Монтаж вела уже известная нам по первому «гоэлро» немецкая фирма «Сименс-Гальке», чехословацкая «Шкода» и британская «Метро-Виккерс» (через три года трех инженеров последней фирмы арестует ОГПУ как «шпионов» и будут судить в 1933 г. на последнем открытом процессе «вредителей»).

Инженер-чех Зволабек из «Сименса» был готов рассказать любознательным студентам-практикантам о новой для них зарубежной электротехнике, но он не владел русским языком. По-немецки отец и его друзья по техникуму тоже не говорили. И тут случайно обнаружилось, что чех тоже изучал язык мировой революции — вот на эсперанто они, хотя и с трудом, но все же объяснялись.

А еще отец понял — чем Сталин привлек к реализации плана ГОЭЛРО «буржуазных» иностранных «спецов»? Им платили в валюте в шесть раз (!) больше, чем отечественным ИТР, и в три раза больше, чем они могли получать на родине. И это при том, что жили они не в общежитиях, а в коттеджах, со всем набором привилегий «царских» инженеров — кухарки, горничные, выездные кучера, спецснабжение и т. д. (напомню, что с 1930 г. в СССР для собственных граждан была введена карточная система).

Много общего у матери и отца было и по общественной работе. Оба участвовали в «ликбезе», оба были в кружках «ворошиловских стрелков» (а отец студентом еще и совершал военизированные марш-броски на десять километров с полной выкладкой и учебной винтовкой — а как же, «капиталистическое окружение», надо быть начеку!). Участвовали они оба и в «комсомольских» лесозаготовках, красных субботниках, митингах против «спецов-вредителей», коллективно ходили на просмотр первого советского звукового документального фильма о процессе «Промпартии» (именно там впервые взошла «звезда» сталинского прокурора А. Я. Вышинского).

Много общего у матери и отца оказалось и в школьных биографиях. Мать, как мы писали выше, «прибилась» к культурной семье фабриканта Голубева. У отца в Наволоках оказались свои «университеты» — семья его одноклассника Антошки Белоглазова, отец которого был инженером-химиком (колористом) на той самой фабрике «Приволжская коммуна» еще с дореволюционных времен, на которой всю жизнь простой ткачихой проработала моя бабка. Семья инженера Белоглазова жила в пятикомнатной квартире в фабричном жилом доме, мать Антошки была образованной женщиной, играла на рояле, в доме была большая библиотека, которой отец свободно пользовался. Два года он дневал и ночевал у Белоглазовых, пока оба парня не поехали в

Кострому поступать в техникум. Но, как говорилось выше, отца в конце концов зачислили, а Антошку нет — «социально чуждый элемент» (и это о сыне наемного служащего-инженера?!).

Не были мои отец и мать чужды и отрывочным сведениям через «белогвардейские газеты о событиях за рубежом. Ведь тогда, при либерализации печати при нэпе, «начальство» выписывало «сменовеховские» газеты типа «Накануне» (Берлин). Мать тайком читала все это у своего отца, председателя уездного исполкома до 1926 г. Что касается отца, то к ним в частный дом, где они в складчину снимали комнату-«коммуну» случайно попал годовой комплект парижской газеты Милюкова «Последние известия» и десятка два «белоэмигрантских» журналов. Местный костромской партийный бонза их получал, а потом приказал кухарке сжечь. Но она, неграмотная, возьми да и отнеси газеты в соседний магазин-гастроном (именно у хозяина гастронома снималась комната) — нехай селедку заворачивают, зачем добру пропадать. Сын хозяина гастронома забрал все это богатство, принес домой и отдал студентам — пусть читают. «Для нас, молодых, — вспоминал много лет спустя, в 70-х гг., отец — эти газеты были новым пополнением знаний и кругозора; мы потратили много вечеров на чтение этих газет и журналов — там было много интересных статей».

Это уже было новое поколение «красных спецов»: к своему дореволюционному прошлому они относились без пиетета — перспектива всю жизнь провести «в крестьянстве» их не привлекала. Но и «сталинский социализм», когда даже собственным «красным спецам» платят копейки (и «миллионы» — иностранным инженерам), а жилья не дают, да еще и не защищают от завистливых «практиков» — их не устраивала. Нет, они не были «накопителями» — мелкобуржуазная стихия нэпа их отталкивала. Да и потом, прожив вместе без малого 60 лет, мои родители так и не приобрели ни дачи, ни машины, предпочитая в отпуске путешествовать по стране, а совсем к старости — собирать грибы в лесу да гулять по набережной Волги. Это ведь было поколение, на плечи которых упадет кровавая ноша Великой Отечественной войны и послевоенного хозяйственного восстановления, именно оно станет изобретать атомный и ядерный «оборонный щит» СССР, а их дети — осваивать целину при Хрущеве и защищать научные диссертации при Брежневе. Но мать и отец до смерти остались сторонниками советской власти, и капиталистическую «демократию» Ельцина активно не принимали.

Особенно сблизил духовно мать и отца схожий взгляд на варварскую сталинскую коллективизацию — ведь их как комсомольцев привлекали в бригады «агитаторов за колхоз» и заставляли принимать участие в «раскулачивании». Отца участие в «раскулачивании» затронуло косвенно — в порядке общественной нагрузки по комсомолу, наряду с чтением лекций будущим колхозникам о международном положении, причем только в студенческие годы. Но и он, побывав два-три раза в составе «бригад по раскулачиванию», с удивлением обнаружил — «кулачат» скорее тех, с кем местное начальство сводит счеты за острый язык, бытовую строптивость и т. д. Но встречались случаи действительно вооруженного сопротивления богатых мужиков. Однажды поздним вечером в одной из деревень их бригаду обстреляли из обреза — по счастью, ни в кого не попали.

Сложнее было положение у матери. Как «уездная номенклатура» — комсомолка и «начальник», директор ФЗС — она включалась в официальные комиссии по раскулачиванию. Ведь каждый случай «актировался» (составлялся протокол в трех экземплярах), подписывался членами комиссии и сдавался затем в райком и ОГПУ. Мать, унаследовавшую от своего отца чувство обостренной революционной справедливости, особенно возмущали два обстоятельства — «раскулачивание» бедняков (в избе нет ничего ценного, кроме икон и трюмо, которое хозяин десять лет назад уволок из разграбленной помещичьей усадьбы; теперь трюмо становилось доказательством «богатства») и дележ членами «бригад по раскулачиванию» оставшегося барахла, как только ОГПУ увозило кулака и его семью. Мать много раз рассказывала мне об этих жутких сценах, когда, в сущности, одни нищие грабили других нищих, нередко устраивая при этом потасовки (впрочем, Михаил Шолохов в романе «Поднятая целина»

частично отразил это в сцене раскулачивания бывшего красноармейца, а теперь «кулака» Титка).

В отличие от более мягкого и неконфликтного отца, мать за словом в карман не лезла, и сначала в селе Большое Григорьево в 1931 г., а затем в 1932 г. на Красной Горбатке не раз вступала в конфликт с другими членами «бригад по раскулачиванию». Удивительное дело — иногда матери удавалось спасти некоторые уж совсем бедные семьи (ни денег, ни имущества, ни спрятанного зерна у них не находили). Но «план по раскулачиванию» спускали «сверху» все более и более жесткий, цифры росли, «кулаков» для выполнения «пятилетки раскулачивания» в Селивановском районе явно не хватало — начали прихватывать и середняков. Даже другие члены «бригад» начали понимать, что никакая это не классовая борьба, а какое-то безумное наваждение, идущее «сверху». Но… молчали и молча подписывали «акты». Мать же однажды, поздней осенью 1932 г., отказалась подписывать такой акт о «липовом» кулаке. Это стало ЧП районного масштаба — молодая директриса ФЗС с косой и румянцем в обе щеки, комсомолка подняла бунт на уездном уровне. Запахло политикой. Мать вызвали в одну инстанцию района, затем в другую — ОГПУ. Она стояла на своем: не подпишу и больше с «бригадой» раскулачивания не пойду.

Но и в ОГПУ встречались порядочные люди. Уполномоченный ОГПУ по Селивановскому району старый чекист Черноиванов, знавший по революционной работе Петра Ошмарина, как-то зимой 1933 г. зашел к ней в школу и спросил: «Нина, ты замуж собралась? — Да. — Вот и хорошо — уезжай-ка ты отсюда поскорее…» Действительно, мать и отец к тому времени «отженихались» и в марте 1933 г. поженились гражданским браком, без регистрации в ЗАГСе. Отцу же, наконец, повезло — при очередной реорганизации электроэнергосистемы РСФСР в 1933 г. из огромного Иванэнерго выделили несколько самостоятельных подсистем, и в их числе — Ярэнерго (Ярославль — Рыбинск — Углич). Вдобавок в верховьях Волги, в районе Углича и Рыбинска, разворачивалась подготовка к намеченному еще по плану ГОЭЛРО строительству двух крупных ГЭС. Потребовались специалисты. Отец написал в Ярэнерго, приложил диплом и получил вызов с обещанием предоставить квартиру. Ее действительно дали в Рыбинске, куда отца направили сначала сменным техником-электриком на электроподстанцию, а вскоре назначили и главным инженером этой подстанции, и он затем проработал в Ярэнерго — сначала в Рыбинске, а с 1952 г. в Ярославле всю оставшуюся жизнь, до самой смерти — 58 лет!

В августе 1933 г. отец и мать уволились и навсегда уехали из Селивановского района.

Вот так выглядел переход от нэпа к сталинскому «социализму в одной стране» с его пятилетками и «раскулачиванием» снизу, глазами моих родителей, комсомольцев 20-х годов.

Примечание: Завершить это длинное авторское отступление хотелось бы одной бытовой исторической аналогией. В книге «От первого лица: разговоры с Владимиром Путиным» (М., 2001) есть интересное автобиографическое признание Президента Росийской Федерации: «Соседка баба Аня была человеком набожным, ходила в церковь и, когда я родился, она вместе с мамой втайне от отца, члена партии, секретаря партийной организации цеха, меня крестили».

Точно такая история произошла и со мной, но только не после, а до войны, в декабре 1933 г. Крестить меня вознамерилась тоже баба, но только не чужая соседка, а родная баба Наташа, да еще тетя Нюра, старшая сестра матери. А как же — малец-«нехристь» беспременно помрет. И делали они это в тайне не от моего отца — он тогда был далеко, в Рыбинске, а от моей матери-комсомолки, приехавшей рожать своего первенца, т. е. меня, как это исстари было приняло в русской деревне, к своей матери в деревню Хорышово Судогодского района тогда все еще Ивановской промышленной области. Воспользовавшись тем, что мать однажды днем уехала во Владимир на очередной комсомольский «хурал» в своем бывшем педтехникуме, бабка и тетка тайно пригласили вечером батюшку из «катакомбной» церкви, подготовили купель в избе, и священник,

надев рясу и крест, окрестил меня, орущего благим матом, по настоящему «православному чину».

Даже имя мне дал православного святого — Владіміръ, а не какое-то богопротивное «комсомольское» — Владлен (т. е. Влад[имир] Лен[ин], каким назвала меня моя мать-комосомолка). Более того, батюшка выправил и метрику — бумажку, на которой в типографский дореволюционный текст химическим карандашом было вписано мое новое православное имя и фамилии моих родителей, а также «крестных» воспреемников — тетки Анны Петровны и ее мужа Павла Ивановича Малыгиных.

Разумеется, всю эту «операцию крещения» от матери тогда скрыли, а я узнал о ней много лет спустя, когда после окончания МГУ приехал во Владимир в 1956 г. в гости к родне и тетя Нюра все мне рассказала, в подтверждение отдав ту самую метрику. Много лет я хранил ее среди своих бумаг, пока она не затерялась во время моих многочисленных переездов в Москве с квартиры на квартиру. Но это «подпольное крещение» и В. В. Путина, и меня, и еще тысяч и тысяч таких же ребятишек, как мы, в довоенное и послевоенное время, показывает — как же были далеки наши «коммунистические» управители от своего народа, если не понимали его глубоких религиозных — православных, католических, протестантских, мусульманских, буддистских, иудейских и т. д. — корней, огнем и мечом борясь против «опиума для народа».

Впрочем, «огнем и мечом» большевики пошли в «год великого перелома» — с 1929-го, а до этого, в 1922—1927 гг., Лениным и Троцким была предпринята акция по проведению «операции глубокого бурения» в отношении РПЦ с попыткой сочетать «меч» с «пряником».

1922—1927 : «ОПЕРАЦИЯ ГЛУБОКОГО БУРЕНИЯ» (ЦЕРКОВЬ И БОЛЬШЕВИКИ)

Выше уже неоднократно отмечалось, что поворот Ленина в марте 1921 на X съезде партии (а затем летом того же года — на III Всемирном конгрессе Коминтерна в Москве) встретил неоднозначное отношение партии к этому виражу на 180° — от немедленной мировой пролетарской революции к государственному капитализму в одной стране.

Меньшевик-«невозвращенец» *Ник. Валентинов-Вольский* (1879—1964 гг.), не раз упоминавшийся нами выше как автор «Ленинианы», оставил очень интересный анализ — воспоминания очевидца (в 1922—1928 гг. он работал в ВСНХ, издавая его печатный рупор — «Торгово-промышленную газету») об этом «разброде в партии» (так называлась одна из глав его очень интересной книги)[1]. Он приводит слова одного из коммунистов-«середняков» *П. Н. Муравьева*, короткое время бывшего членом редколлегии этой газеты ВСНХ: «Мы осуществили строй, намеченный Марксом в его “Критике Готской программы” (имеется в виду «военный коммунизм» — *Авт.*). Нужно было только влить в него материальное довольствие, и все стало бы сказочно прекрасным (?! — *Авт.*). Словно молотом по голове ударило, когда услышали, что нужно нефть в Баку и Грозном отдать заграничным капиталистам в концессию, что им нужно отдать в концессию леса на Севере, в Западной Сибири и множество всяких других предприятий. В тот самый момент, когда появилась такая мысль, здание Октябрьской революции *треснуло*, пошатнулось. Это означало поворот к капитализму» (цит. по: *Валентинов (Вольский) Н.* Указ. соч., с. 65). Особенно интересны свидетельства Валентинова о его беседах о нэпе со старыми дореволюционными меньшевиками, его коллегами по политической эмиграции или сотрудничеству в дореволюционной печати (например, в крупной газете «Русское слово», главным редактором которой Валентинов одно время являлся).

---

[1] *Валентинов Н.* (Вольский). Нэп и кризис партии после смерти Ленина. Годы работы в ВСНХ во время нэпа. Воспоминания. — М., 1991. Посмертно книга впервые вышла в 1971 г. в издательстве Стэндфордского университета (Калифорния, США).

Известный «партийный литератор», представитель большевиков в Петроградском совете при «временных» *Юрий Стеклов* (Нахамкес), до середины 1925 г. — главный редактор «Известий» (снят Сталиным за личную неприязнь к нему), писал в газете одно, но изливал душу Валентинову совсем о другом: «Ленин произвел изумительный по смелости и решительности поворот политики. «Научитесь торговать!» — мне казалось, что я скорее губы себе обрежу, а такого лозунга не выкину. С принятием такой директивы нужно *целые главы марксизма от нас отрезать»* (там же, с. 67).

Другой старый знакомый по социал-демократической работе в русской дореволюционной провинции, перешедший затем к большевикам и сделавший у них большую номенклатурную карьеру, *А. И. Свидерский* (член коллегии Наркомпрода, затем замнаркома земледелия, по поручению Ленина — основной докладчик по продналогу на партконференции в мае 1921 г.) в ответ на замечание Валентинова — похоже, не все в партии охотно идут за «нэповским» Лениным? — доверительно ответил, цитируя вождя по памяти, сказанные им якобы в конце 1921 г. на одном узком партийном «хурале» слова: «Когда я вам в глаза смотрю, вы все как будто согласны со мной и говорите *да*, а отвернусь, вы говорите *нет.* Вы играете со мной в прятки» (там же, с. 68). По словам Свидерского, Ильич прибегнул к своей излюбленной тактике: как накануне октябрьского переворота или в период борьбы за ратификацию Брестского мира, он пригрозил *отставкой* из Политбюро и Совнаркома и уходом в «простые публицисты, пишущего в «Правду» и другие советские издания».

Конечно, ни в 1917, ни в 1918, ни, тем более в 1921 г. ни в какую отставку Ленин не подал. Валентинов комментирует: «Бешено идя против течения, он властно, хлыстом заставил партию принять и политику концессий, и нэп, но *глубокое* непокоренное сопротивление всему этому в партии, несомненно, осталось, не было уничтожено» (там же, с. 68—69). Валентинов-Вольский наглядно иллюстрирует, что даже *Юрий Пятаков*, зампред ВСНХ, по должности обязанный проводить нэп на практике, всячески этому противился (нэп «вызвал к жизни *рыночного дьявола»,* а он «грозит неисчислимыми напастями социалистической системе»). Автор резюмирует: «всерьез и надолго (по Ленину. — *Авт.*) нэп не был принят. Это нужно знать. Без должного внимания к этому фактору… *вся последующая история большевизма останется непонятой»* (там же, с. 70).

И здесь Ленин применил старую тактику «точечного удара» — привлечения на свою сторону не *всего* ЦК и даже не *всего* Политбюро, а отдельных *руководящих личностей.* Уговаривать Красина, Цюрупу, частично Сокольникова не было нужды — они и без того горой стояли за нэп. Зато убеждать Преображенского или Пятакова было бесполезным — прилюдно они говорили Ленину «да», а «отвернется» (заболеет и окажется в Горках), тотчас же «играют в прятки» и говорят «нет».

Внимательно изучив малоизвестные партийные документы и синхронно наложив акции ленинских *доверенных лиц* в ОГПУ, ВСНХ и Политбюро, мы пришли к твердому мнению, что в противовес «тройке» (директор Института Маркса-Энгельса *Давид Рязанов* ядовито назвал ее *Зикаси* — Зиновьев, Каменев, Сталин) и «семерке» (Зиновьев, Каменев, Сталин, Бухарин, Рыков, Томский, Калинин) с «примкнувшим» к ним Куйбышевым, председателем ЦКК при ЦК РКП(б) Ленин с декабря 1921 г. создает свою «тройку» — *Лентродз* (Ленин, Троцкий, Дзержинский), если применить рязановский прием модных тогда партийных сокращений. Именно двум последним Ильич поручает в 1922 г. осуществление нескольких «операций глубокого бурения», основанных на принципах *кнута* (меча) и *пряника*, которые будут продолжаться и после его смерти до лета 1926 г. (внезапная смерть Дзержинского 20 июля 1926 г.).

При этом мозговым центром *Лентродза* оставались Ленин с Троцким, а Дзержинскому отводилась роль ответисполнителя. Речь идет о двух параллельных операциях — против *интеллигенции* (своей, советской, из «бывших», и «за бугром» — эмигрантской) и против *иерархов традиционной РПЦ* («меч» — ограбление храмов, «пряник» — создание внутри РПЦ «пятой колонны» в виде «живой церкви» — «обновленчества»).

Сначала *Лентродз* решил «разобраться» с *интеллигенцией*, опираясь на широко распространявшиеся в СССР и в эмиграции настроения «сменовеховства». В качестве «меча» была использована чекистская контрразведывательная «игра» — операция «Трест-1» (затем будут «Трест-2», «Трест-3» и т. д.), в которую были втянуты как видные дореволюционные государственные и военные деятели — агенты ВЧК (кандидат в заместители министров Временного правительства бывший царский сановник А. Якушев, бывшие царские генералы «брусиловского призыва» в РККА А. М. Зайончковский и Н. П. Потапов, ставший затем начальником военной разведки РККА и др.), так и одураченные чекистами крупные деятели «белой» эмиграции из монархистов — В. В. Шульгин, черносотенец Н. Е. Марков-2-й и даже вел. князь Николай Николаевич-младший(«Николаша»).

Вся эта контрразведывательная операция советских чекистов 20-х гг. давно стала классикой, много десятилетий изучается во всех разведывательных школах мира и давно и подробно освещена в эмигрантской и советской печати[1]. Безусловно, «Трест» нанес очень сильный удар по претензиям эмигрантов-монархистов когда-нибудь «на белом коне» вернуться на российский престол и по личным амбициям «Николаши», на которого эта чекистская провокация (после того, как с 1927 г. она стала достоянием гласности) произвела такое сильное эмоциональное воздействие, что 5 января 1929 г. он умер. Нанесен был смертельный удар и по двум главным организаторам антисоветской террористической деятельности за границей — эсеру *Борису Савинкову* (заманили в августе 1924 г. в «Трест», судили — покаялся — припаяли десять лет тюрьмы, но 7 мая 1925 г. знаменитый террорист погиб при загадочных обстоятельствах), и в 1925 г. — британскому разведчику *Сиднею Рейли* (заманили в «Трест-2» и убили на советско-финской границе).

«Пряником» в этой операции «глубокого бурения» стала высылка ГПУ без суда представителей т. н. «беспартийной интеллигенции» («идеологических врангелевцев и колчаковцев», писала «Правда» 31 августа 1922 г. в статье «Первое предупреждение»), главным образом, гуманитарного профиля, причем список высылаемых философов составлял лично Ленин осенью 1922 г., о чем уже писалось выше.

Вопреки тому, что говорилось в «Извещении» ГПУ по поводу этой бессудной депортации (часто, кстати, отправлялись не за границу, а в Сибирь на административное поселение, как в царские времена) о «наиболее активных контрреволюционных элементах», а также о том, что «среди высылаемых почти нет крупных имен» (и это о Бердяеве, Иване Ильине, Питириме Сорокине и др.?! — *Авт.*), вся эта депортация явно носила характер *акции устрашения.* Иначе чем объяснить такой *нонсенс*, как сохранение в СССР на работе в ВСНХ (и даже посылку его в 20-х гг. в загранкомандировки) бывшего министра юстиции Временного правительства кадета *В. Н. Малянтовича*, в сентябре 1917 г. выписавшего ордер на арест «беглого» В. И. Ульянова (о чем очень хорошо знало ГПУ и лично Дзержинский), и, скажем, высылку аполитичного зоолога проф. *М. М. Новикова*, ректора Московского университета?

Но этот *нонсенс* приобретает иной смысл, если поставить эту *депортацию* в связь с параллельно осуществлявшейся операцией «глубокого бурения» *в РПЦ.*

За «попов» по договоренности с Лениным отвечал *лично* Троцкий. Тут уже была замешана большая политика: на апрель 1922 г. намечалась Генуэзская конференция большевиков с «империалистическими акулами» Запада, где наверняка встал бы вопрос об уплате Советской Россией «царских долгов», тем более что Чичерин в октябре 1921 г. уже разослал по странам бывшей Антанты дипломатический циркуляр — платить готовы, но только *государственные долги.*

Однако созданная еще в марте 1921 г. при СТО «Комиссия по золотому фонду РСФСР» установила, что на 1 января 1922 г. весь золотой резерв страны (включая остатки «царского» золота и платины, иностранной валюты в банкнотах и даже «румынского золота» 1916 г.) потянет максимум на 121,4 млн. зол. руб., что составляет

---

[1] См., в частности, *Городецкий Е.* О записках Н. М. Потапова // «Военно-исторический журнал», 1968, № 1; *Войцеховский С.* «Трест». — Toronto, 1974; Geoffry Bailey. The conspirators. — New-York, 1960.

всего 1/5 всех «царских долгов» (претензии Антанты перед Генуей составляли 18 млрд. 496 млн. зол. руб)[1]. Взять «недостачу» можно было только в храмах РПЦ — лаврах, монастырях, соборах и церквях.

И вот с подачи Ильича Политбюро и Совнарком в феврале 1922 г. вручают «демону революции» «меч»: утверждают не кем-нибудь, а «Особоуполномоченным Совнаркома РСФСР по учету и сосредоточению ценностей», светских и церковных. А 13 марта 1922 г. уже порученец «особоуполномоченного» бывший подполковник царской армии, а ныне «военспец» Г. И. Базилевич пишет «демону»: «Ценности *Оружейной палаты* выливаются в сумму минимум 197, 5 млн., максимум — 373,5 млн. зол. руб., т. е. больше, чем весь ранее учтенный золотой запас на 1922 г., если не будет сюрпризов «без описей» в оставшихся неразобранными еще 1367 ящиках». Дошли и до ящиков «без описи» — это оказались «ящики с имуществом бывшей царицы» в той же Оружейной палате Кремля с «сюрпризом» на еще большую сумму в 459 млн. зол. руб. (из докладной Базилевича Ленину и Троцкому, март 1922 г.).[2]

Но если только одна кремлевская Оружейная палата за один мах дает большевикам только в марте 1922 г. без малого *один миллиард* зол. руб. (с учетом инфляции за 80 лет сегодня это уже *триллион долларов! — Авт.*), то сколько же можно конфисковать золота и ценностей в православных, католических, мусульманских, буддийских и иудейских храмах?

Докладные Базилевича от 9 и 13 марта 1922 г. Троцкий пересылает Ленину. Тот сразу оценивает глубину «золотых клондайков» в крупных музеях и церковных храмах. Немедленно следует указание — то самое письмо Молотову для членов Политбюро от 19 марта 1922 г. (помета Ленина на письме: «*Строго секретно. Просьба ни в каком случае копий не снимать, а каждому члену Политбюро… делать свои заметки на самом документе*»). Ленин понимает — если такое письмо попадет в руки «классовых врагов», ему долго не удастся «отмыться»: «Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления», ибо голодному крестьянину сегодня наплевать на «горстку черносетенного духовенства и реакционного городского мещанства…» («Известия ЦК КПСС», 1990, № 4, с. 191).

Ленин пишет членам Политбюро 19-го, а уже 20 марта 1922 г. его «узкий» состав (Троцкий, Каменев, Сталин с «примкнувшим к ним» секретарем ЦК Молотовым) принимают составленную «демоном революции» *директиву* по «раскулачиванию» («Инструкцию по изъятию церковных ценностей») из 17 пунктов (там же, с. 194—195). «*Инструкция*» Троцкого не уступает ленинскому письму Молотову, но, наряду с «кнутом», сулит и «пряник»:

Кнут	Пряник
- Создается Центральная секретная комиссия по изъятию церковных ценностей во главе с М.И. Калининым. Раз в неделю собирается «при участии т. Троцкого»; - В губерниях создаются аналогичные секретные комиссии: входят секретарь губкома партии, комиссар дислоцированной части РККА, представитель губчека и др.; - «Везде, где возможно, выпускать в церквях, на собраниях, в казармах представителей голодающих с требованием скорейшего изъятия ценностей» (Там же, п. 12).	- «Видных попов по возможности не трогать до конца кампании, но негласно, [хотя] и официально (под расписку через губполитотделы) предупредить их, что в случае каких-либо эксцессов они отвечают первыми» (Инструкция, пункт 10); - «Одновременно с этим внести раскол в духовенство… и взять под защиту государственной власти тех священников, которые открыто выступают в пользу изъятия» (там же, п. 6) В «столах» (центрах сбора ценностей. — Авт.) допускать к учету изъятых церковных ценностей «представителей лояльного духовенства,

[1] *Сироткин В. Г.* Золото и недвижимость России за рубежом. 2-е изд. М., 2000, с. 259—260.

[2] См., *Васильева Д. Ю., Кнышевский П. Н.* Красные конкистадоры. — М., 1994, с. 167; *Латышев А. Г.* Рассекреченный Ленин. — М., 1996, с. 142.

	широко оповестив о том, что население будет иметь полную возможность следить за тем, чтобы ни одна крупица церковного достояния не получила другого назначения, кроме помощи голодающим» (Там же, п. 13 — какова степень лицемерия, тов. Троцкий? — Авт.) — «В случае обнаружения в качестве организаторов выступления буржуазных купеческих элементов, бывших чиновников и пр. арестовывать их заправил в случае надобности… организовывать манифестации с участием гарнизона при оружии с плакатами: «Церковные ценности для спасения голодающих» и пр.» (Там же, п. 9)[1].

Сей подробнейшим образом расписанный Троцким и утвержденный Политбюро *сценарий* по «раскулачиванию» православных храмов удался лишь в части ударов *кнутом*: ценности изъяли и судили участников бунта в г. Шуя 15 марта 1922 г., в Петрограде — апрельских бунтовщиков (верующих, не давших разграбить церковные святыни Казанского собора), в Москве — 8 мая 1922 г. за сопротивление изъятию церковных святынь из московских храмов ревтрибунал приговорил к расстрелу 11 священнослужителей и мирян, причем Троцкий требовал отклонить прошение осужденных о помиловании (там же, с. 195).

Однако и *кнут* Ленину и Троцкому не удалось использовать «на всю катушку»: *Закаси* заблокировал требование *Лентродза* относительно проведения в дни XI съезда партии «секретного совещания всех или почти всех делегатов… совместно с главными работниками ГПУ, НКЮСТа и Ревтрибунала», на котором следовало «провести секретное решение съезда о том, что изъятие [церковных] ценностей… должно быть проведено с беспощадной решительностью… (из письма Ленина Молотову для членов Политбюро, 19. III 1922 г.; там же, с. 192—193).

Такое совещание *не было проведено*; более того, Пленум ЦК РКП(б), утверждая 25 марта 1922 г. повестку дня XI съезда, *вообще не включил в нее ленинский ультиматум о «раскулачивании» церковных храмов* (?! — Там же, с. 195)[2].

Еще сложнее обстояло дело с *пряником.* В конкретных исторических условиях «нэповской» Советской России 20-х гг., когда Ленин и большевики, совершенно неожиданно для себя, ввиду «запаздывания» мировой пролетарской революции, оказались в «осажденной коммунистической крепости» подобно экзотическим «варягам» — временным оккупантам в громадной крестьянской стране, оказавшейся глухой к их интернационально-атеистическим призывам отринуть православного Бога и заменить его *смычкой* пролетария и крестьянина (помните знаменитую мухинскую скульптуру «Рабочий и колхозница»), Ильич понял — «*так вдруг переменить психологию людей, навыки их вековой жизни нельзя; можно попробовать загнать население в новый строй силой* (кнут. — *Авт.*)*, но вопрос еще, сохранили бы мы власть в этой всероссийской мясорубке*» (из «Завещания» В. И. Ленина, 1923 г. — выделено мной. — *Авт.*).

Вот из этой ленинской стратегии во что бы то ни стало «*сохранить власть*» и выросла в 1921/22 гг. *тактика «пряника»*, которую ее противники сразу окрестили *церковным большевизмом.*

Вокруг этого *большевизма* много десятилетий идут ожесточенные споры священнослужителей и мирян. Нынешняя официальная РПЦ (Московский патриархат) приветствует «сергиянство» (от церковного имени митрополита Сергия Страгородского, освятившего своим участием раскол РПЦ на «красных» и «белых»[3]). Наоборот, «еретики» в лице протоиерея *Михаила Ардова*, главы одного из православных

---

[1] В 1947 г. по этому сценарию Троцкого (с оружием, на грузовиках, с плакатами) Сталин провел свержение монархии в Румынии — целый день по Бухаресту ездили десятки военных грузовиков с советскими солдатами и румынскими коммунистами в штатском с плакатами и криками — «Долой монархию!». В итоге молодого короля Михая выдворили из страны. — *Прим. авт.*

[2] Стенограмма этого пленума никогда не была опубликована. — *Прим. авт.*

[3] См, например, книгу покойного митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского *Иоанна.* «Церковные расколы в Русской церкви 20—30-х гг. XX столетия» (Сортавала, 1993).

«катакомбных» храмов в Москве, и «попа-расстриги» о. *Глеба Якунина*, бывшего народного депутата Верховного Совета РСФСР, лишенного сана за фронду против высших иерархов РПЦ, не жалеют богохульных слов и чернил, клеймя преемников «церковного большевизма». Понятное дело, у обоих авторов иерархи РПЦ и в 20-х гг., и сегодня — банальные «агенты ГПУ — КГБ» (у о. Глеба даже Патриарх Алексий II — «агент Дроздов»)[1].

Дело, однако, не обстояло так упрощенно, как представляют раскол сторонники или противники «сергиянства», имея в виду главным образом декларацию митрополита Сергия и группы епископов в 1927 г., в которой говорилось: «Утверждение Советской власти многим представлялось каким-то недоразумением, случайным и потому недолговечным. Забывали люди, что случайности для христианина нет и что в совершающемся у нас, как везде и всегда, действует та же десница Божия, неуклонно ведущая каждый народ к предназначенной ему цели.… Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи»[2]. В свое время *Михаил Агурский* справедливо обратил внимание на почти точный перифраз этой декларации из книги *Шульгина* «Три столицы»: «Можно всеми силами души быть против советской власти и вместе с тем участвовать в жизни страны!» (цит. по: *Агурский М.* Указ. соч., с. 247. — Нелишне, однако, отметить, что оба фигуранта: Шульгин и Сергий — были объектом обработки чекистов в двух параллельных операциях «глубокого бурения». — *Прим. авт.*).

Не большевики придумали раскол — он начался задолго до них, еще с журнальных публикаций в «Вестнике Европы» в 90-х гг. XIX в. серии статей выдающегося религиозного философа *Владимира Соловьева* о необходимости ОБНОВЛЕНИЯ православия. Вл. Соловьев выдвигал очень серьезные проблемы православной религии, в конечном итоге ставившие вопрос о ликвидации т. н. *синодального периода* истории РПЦ и ее возвращения к *патриаршему состоянию* — восстановлению выборности Патриарха Московского и Всея Руси, а заодно — и к выборности всего священноначалия: от церковноприходских батюшек до митрополитов.

Для реформы РПЦ (*обновления*) еще с 1896 г. начало работать т. н. Предсоборное присутствие, готовившее материалы для Поместного собора Николай II фактически заблокировал созыв этого собора, т. к. иерархи РПЦ не приняли его идею избрания *царя* одновременно с патриархом). Материалы этого *Присутствия* в конце XIX — начале XX в. широко публиковались в церковной и светской печати того времени[3] и, действительно, наглядно свидетельствовали о назревшей проблеме ОБНОВЛЕНИЯ в РПЦ.

Помимо канонических вопросов (всеобщей выборности иерархов РПЦ, об отношении к сектантам, о восстановлении права женщин исполнять церковную должность дьяконов — т. н. «дьяконесс» и т. д.), Предсоборное присутствие было очень озабочено повсеместным падением церковно-православной морали служителей культа. Преступления и проступки клириков очень походили на «разложение» и «перерождение», типичные для «ордена меченосцев» у большевиков: все то же пьянство, взяточничество, прелюбодеяние, мошенничество, клевета (написание анонимок), «занятие коммерческими делами» (лицам, имеющим церковный сан, в торговле и банковском деле участие принимать запрещалось — помните у Сталина на партсъезде: члены РКП(б) «не хотят торговать…») и т. д.[4]

---

[1] См, в частности, прот. *М. Ардов.* Кто и когда расколол церковь? // «Независимая газета», 27. X. 1994; о. *Глеб Якунин.* Два лика Патриархии — М., 1997; *Он же.* В служении культу (Московская Патриархия и культ личности Сталина) // «На путях к свободе совести». — М., 1989, с. 174—212.

[2] *Регельсон Л.* Трагедия Русской Церкви. — Париж, 1977, с. 328; *Торчинов В. А., Леонтюк А. М.* Вокруг Сталина. — СПб, 2000, с. 428—429.

[3] В 1996 г., к столетию созыва Предсоборного присутствия, парижская газета «Русская мысль» перепечатала в специальном приложении «Религиозное положение в России конца XIX — начала XX в.» некоторые материалы этого «Присутствия». См. также: *Сироткин В. Г.* Почему «слиняла» Россия?, с. 43—44.

[4] «Статистические данные о проступках священнослужителей и монашествующих» по Санкт-Петербургской и Кишиневской епархиям за 1896-1903 гг. // «Русская мысль», 27.VI—3.VII 1996 г. (специальное приложение).

Глубинной причиной раскола была вековая неприязнь православного «болота» (батюшки) и «черного» (монахи) духовенства в РПЦ, при которой все «номенклатурные» кресла в епархии занимали монахи (Патриарх, например, мог быть только из «черных попов»). Вся эта закулисная борьба очень напоминала борьбу большевиков и меньшевиков в РСДРП, которая после 1898 г. (год создания социал-демократической партии в России, через два года после созыва Предсоборного присутствия) развернулась вокруг устава партии, обладания печатными партийными газетами и журналами, получением денежных субсидий от Бюро социалистического (II-го) Интернационала и т. д.

Инициаторами *обновления РПЦ* выступила верхушка «белого» духовенства, к которой примкнули отдельные представители «черного», главным образом, по личным, а не каноническим, мотивам. Классический пример такого рода случился в начале XX в. с бывшим личным другом юности Николая II князем *Путятой.* Как литературный герой Льва Толстого о. Сергий, князь разочаровался в мирской жизни, принял монашеский постриг, затем окончил Духовную православную академию и был посвящен Св. Синодом в епископы Донской казачьей епархии. Но не удержался там от прелюбодеяния — завел любовницу. Вспыхнул громкий скандал, но Путяту спас от судьбы попа-расстриги лично царь, приказав спустить «аморалку» на тормозах. В итоге епископа срочно перевели из Новочеркасска в Пензу, где его и застала февральско-октябрьская революция. Новоизбранный уже при большевиках патриарх Тихон решил «зачистить концы» — исполнить предыдущее решение Священного Синода об изгнании князя из РПЦ за прелюбодеяние. Но не тут-то было. Подобно другому «еретику», иеромонаху Илиодору (Труфанову), отделившемуся от РПЦ и создавшему в Царицыне свою «православную коммуну» и даже провозгласившему себя в 1919 г. «православным папой Римско-Царицынским», князь Путята пошел в губчека, заручился там поддержкой и одновременно с Труфановым в том же году объявил в Пензе свою отдельную от РПЦ *народную церковь*, сам себя назначив ее местоблюстителем (аналогичные фортели в конце 90-х гг. XX в. проделали некоторые православные епископы на «самостийной» Украине, отделяясь от Московского Патриархата).

По какому-то дьявольскому промыслу организатором «церковного большевизма» стал другой близкий Николаю II клирик (одно время был его духовником), глава военной консистории Священного Синода и «главнокомандующий» всех «капелланов» (военных священников) в русской армии и на флоте *Г. Щавельский*, один из руководителей черносотенного Союза Русского Народа (СРН) в 1906—1914 гг.

К «обновленцам-союзникам» примкнула возникшая еще в годы Первой русской революции 1905—1907 гг. группа т. н. «социальных христиан», которые увидели в революции «очистительный огонь» для православия.

«Обновленцы»-церковники черпали аргументацию из литературной среды мирян — неославянофилов-писателей Ивана Аксакова-внука, Иванова-Платонова и др. и даже из мистических призывов декадентов типа Дм. Мережковского с его молитвой-проклятием «Грядущий Хам» (1906 г.).

Весьма характерно, что поиском «религиозного обновления» была в 20-х гг. озабочена и русская эмиграция. В пятую годовщину октябрьского переворота, 7 ноября 1922 г., только что прибывший в Германию на «философском пароходе» Н. А. Бердяев писал известной кадетке А. В. Тырковой-Вильямс, ярой антибольшевичке в Лондон, что все попытки Антанты организовать новую военную интервенцию против «Совдепии» обречены на провал: «Большевизм есть духовное явление и духовная болезнь; эту болезнь нельзя излечить кавалерийской дивизией»[1].

Но пока большевики — «единственная существующая в России государственная власть», и с этим надо считаться как с данностью. Конечно, писал далее философ, с мировой революцией Ленин и Троцкий провалились — «они могли создать только «нэп», т. е. плохонький и уродливый буржуазный строй. [Но] большевизм может существовать только под колпаком в состоянии изоляции. Он погибнет от свежего

---

[1] «Исторический архив», 1995, № 3, с. 179.

воздуха, от взаимодействия с мировыми силами». И далее Бердяев гениально предсказал сталинскую идею «осажденной крепости»: большевизм «лишается всякого ореола, когда прекращается возможность агитации против «буржуазной» Европы, берущей измором «социалистическую Россию» (там же, с. 181).

Но все эти изменения в «Совдепии» произойдут, увы, не скоро. А пока надо работать печатно над религиозно-нравственным возрождением, которое, однако, «должно прийти изнутри самой России, из недр самого русского народа и этому должно предшествовать духовное перерождение и обновление народа, религиозное возрождение» (там же, с. 180).

Надо сказать, что в эмиграции вплоть до своей смерти в 1948 г. в Париже Бердяев остался верен этой программе: уже в 1923—1924 гг. он развил свои мысли из письма Тырковой-Вильямс в двух первых эмигрантских книгах — «Философия неравенства» и «Новое средневековье», затем — в жур. «Новый град» (совместно с другим философом-эмирантом Георгием Федотовым); в «Истоках и смысле русского коммунизма» (1937 г.) и, наконец, к концу жизни — в трактате-исповеди «Самопознание (опыт философской автобиографии)».

По сути, в том же направлении, но с обратной задачей (подчинить мужика «церковному большевизму») идут в 1921—1923 гг. и Ленин с Троцким. Они решаются сочетать «кнут» с «пряником» на волне внутреннего и внешнего «сменовеховства». Косвенно, через критику Устрялова («это действительно есть классовая правда, грубо, открыто высказанная классовым врагом» — Ленин), Ильич поддержал «обновленчество» как составную часть «сменовеховства» в церкви в марте 1922 г. на XI съезде партии. Троцкий также в своем выступлении в дискуссии по отчетному докладу ЦК высказался еще более определенно: союз со «спецами» и «обновленцами» нужен большевикам для обеспечения прочного тыла в условиях нэпа, рассчитанного «на долгий период мирного существования, мирного делового *сотрудничества с* буржуазными странами» («XI съезд РКП(б). Стеноотчет, 27 марта — 2 апреля 1922 г. — М, 1922, с. 122).

Вскоре после съезда Троцкий в письме членам Политбюро 14 мая 1922 г. существенно развил «пряничные» положения из своей *Инструкции* 20 марта того же года. Поводом для написания этого достаточно резкого майского письма послужило почти полное замалчивание «Правдой» и «Известиями» важного явления — публикации в печати 14 мая воззвания «Верующим сынам православной церкви России», в содержании и организации публикации которого явно чувствовалась «рука» Троцкого и Дзержинского: в воззвании осуждалась контрреволюционная деятельность патриарха Тихона и его окружения, «виноватых в организации противодействия государственной власти по оказанию ею помощи голодающим и в ее других начинаниях на благо трудящихся».

«Обновленцы» из движения «Живая церковь» просили у большевистской власти разрешения на «созыв Поместного Собора для [церковного] суда над виновниками церковной разрухи, для решения вопроса об управлении церковью и об установлении нормальных отношений между ней и Советской властью» («Известия ЦК КПСС», 1990, № 4, с. 197).

Воззвание подписала целая группа столичных и провинциальных клириков: епископ *Антонин* (А. А. Грановский), один из организаторов духовного обновленчества «Живая церковь», член официального «Помгола» во главе с Каменевым, сторонник возвращения к православным истокам, к «древнему благочестию», а также три приходских священника из Москвы, протоиерей *А. Введенский* с тремя клириками из Петрограда, а также два батюшки из Саратова.

При всем отрицательном философском отношении Ленина к «поповщине» и холодно-прагматическом цинизме Троцкого с Дзержинским в их взгляде на этот новый вариант операции «Трест», им не могло не льстить сравнение с «христовыми апостолами», переделывающими планету и мiр. Ведь даже сам Ленин никогда бы не сумел так обратиться к *массам* (они же — верующие крестьяне, или 70% населения Советской России), как это сделал петроградский батюшка Введенский на первом «обновленческом» соборе

При всем отрицательном философском отношении Ленина к «поповщине» и холодно-прагматическом цинизме Троцкого с Дзержинским в их взгляде на этот новый вариант операции «Трест», им не могло не льстить сравнение с «христовыми апостолами», переделывающими планету и мір. Ведь даже сам Ленин никогда бы не сумел так обратиться к *массам* (они же — верующие крестьяне, или 70% населения Советской России), как это сделал петроградский батюшка Введенский на первом «обновленческом» соборе в апреле 1923 г. в Москве (проходил параллельно с XI съездом РКП(б)): «Марксисты, коммунисты, советская власть работают для исполнения заветов Христа». В духе Мережковского Введенский сказал, что «мир должен услышать от Церкви, что те, которые пошли бороться с этим злом, они не прокляты, а *благословенны*, и мы их, не знающих имени Христа, должны благословить именем Христа. Мир должен *через авторитет Церкви* принять правду коммунистической революции». Введенский так же, как и все революционные мистики, указывает на мессианское предназначение России. «Недаром вещал Достоевский, — говорил он, — с Востока, из России мир услышит новое слово» (цит. по: *Агурский М.* Указ. соч., с. 109).

Троцкий, в отличие от других членов Политбюро (включая и Ленина), уже за год до «обновленческого» Собора точно уловил *политическую выгоду* для большевиков от этого церковного раскола, изложив в письме членам Политбюро от 14 мая 1922 г. целую программу привлечения на сторону советской власти части церковнослужителей как «попутчиков» (сам этот термин был придуман тоже «демоном революции»: по сути он являлся своего рода переложением идеи Ленина строить нэп «чужими руками»; идею использования светских и церковных «попутчиков» Троцкий детально развил в своем сборнике статей «Литература и революция»).

Вот этот чрезвычайно интересный секретный документ, до сих пор остававшийся мало известным:

14 мая 1922 г
Совершенно секретно
Всем членам Политбюро ЦК, копия редакции «Правды»,
копия редакции «Известий», т. Ленину

По поводу воззвания лояльной группы духовенства, во главе с епископом Антонином, в «Правде» напечатана небольшая заметка (№106 от 14 мая 1922 г. — *Авт.*), в «Известиях» нет ничего. Опасаюсь, что пресса не обратит должного внимания на этот документ, который будет иметь, однако, огромные последствия, в смысле полного раскола между демократической сменовеховской частью церкви и ее монархически контрреволюционными элементами. Сейчас мы, разумеется, полностью и целиком заинтересованы в том, чтобы поддержать сменовеховскую церковную группу против монархической, ни на йоту, разумеется, не отступая от нашего государственного принципа об отделении церкви от государства, а тем более от нашего философски-материалистического отношения к религии. Сейчас, однако, главная политическая задача состоит в том, чтобы сменовеховское духовенство не оказалось терроризированным старой церковной иерархией. Отделение церкви от государства, нами раз навсегда проведенное, вовсе не означает безразличия государства к тому, что творится в церкви как в материально-общественной организации, а не как в общине верующих. Верхи церкви имеют в своем распоряжении самые разнообразные громы (так в тексте.— *Авт.*) для устрашения лояльных элементов. Политика черного церковного терроризма сохранила всю свою силу до последних дней. Оппозиционные лояльные и прогрессивные элементы духовенства, исходя отчасти из ложного и чисто формально понятого принципа отделения церкви от государства, отчасти наблюдая переходившую всякие пределы терпимость государства по отношению к контрреволюционным верхам церкви, не рассчитывали, что государство окажет им поддержку как гражданам, как представителям группы верующих, против происков и мер материальной репрессии со стороны церковных верхов.

Одна из задач печати в этом вопросе в настоящее время состоит именно в том, чтобы поднять дух лояльного духовенства, внушить ему уверенность в том, что в пределах его бесспорных прав государство его в обиду не даст, хотя, разумеется, государство отнюдь не покушается на регулирование чисто религиозных споров и отношений.

Во всяком случае необходимо:

1) уделить воззванию Антонина и др. видное место, как симптому, имеющему историческое значение;

2) давать в прессе вообще как можно более информации о движении в церкви, всемерно оглашая, подчеркивая и комментируя сменовеховские голоса;

3) не скрывая нашего материалистического отношения к религии, не выдвигать его, однако, в ближайшее время, то есть в оценке нынешней борьбы, на первый план, дабы не толкать обе стороны к сближению, а наоборот, дать возможность борьбе развернуться в самой яркой и решительной форме;

4) критику сменовеховского духовенства и примыкающих к нему мирян вести не с материалистически-атеистической точки зрения, а с условной церковно-демократической точки зрения: вы слишком запуганы князьями, вы не делаете всех выводов из засилья монархистов церкви, вы не оцениваете всей вины официальной церкви перед народом и революцией, и пр. и пр.;

5) однако уже и сейчас необходимы историко-материалистические статьи о православной церкви, с выяснением основных особенностей ее развития как сословно-классовой организации (почему в православной церкви не было буржуазной реформации, переплет начинающейся буржуазной реформации в церкви и пролетарской революции в государстве и пр. и пр.);

6) Главполитпросвету всемерно готовиться к тому, чтобы все вопросы, не только церкви, но и религии, поставить ребром, в самой популярной общедоступной форме в листовках и устных речах в самом близком будущем, когда внутренняя борьба церкви привлечет к этому вопросу внимание широчайших народных масс и разрыхлит почву для семян атеизма и материализма.

Л. Троцкий. («Известия КПСС», 1990, № 4, с. 196—197).

Характерная деталь — Ленин полностью поддержал план-«пряник» Троцкого, написав на посткриптуме к письму «демона революции» (дописан 15 мая 1922 г.) восторженную резолюцию: «*Верно! 1000 раз верно!*» Особенно приветствовал Ильич мысль Троцкого о широкой поддержке в партийно-советской прессе идеи раскола: «*Мельчайшая генуэзская дребедень занимает целые страницы* (имеются в виду шедшие в это время переговоры большевиков в Генуе; подчеркнуто Лениным. — *Авт.*), в то время как глубочайшей духовной революции в русском народе (или, вернее, подготовка этой глубочайшей революции) отводятся задворки газет». Ильич специально подчеркнул фразу про *дребедень*, написав на полях — «*Долой дребедень!»* (там же, с. 199).

Похоже, Троцкий и Ленин вначале придавали исключительное значение подготовке к этой «глубочайшей духовной революции в русском народе» (читай — крестьянстве. — *Авт.*), возрождавшей некогда, в 1908—1910 гг., отвергнутые Ильичем идеи «богоискательства» и «богостроительства» Богданова, Базарова, Луначарского и прочих «ревизионистов» марксизма, против которых Ленин тогда сочинил целую книгу — «Материализм и эмпириокритицизм».

И как же далеко ушел Ленин от тех благословенных марксистских эмигрантских времен, если ради текущей *прагматики* закрыл глаза на то, что санкционировал вхождение в Высшее церковное управление «Живой Церкви», срочно созданное Дзержинским в конце мая 1922 г. его агентом протоиереем *В. Красницким* (играл ту же роль, что и генералы Зайончковский и Потапов в «Тресте») как противовес «реакционному» патриархату Тихона (которого, кстати, срочно арестовали, посадили в тюрьму и ГПУ начало готовить показательный процесс над патриархом как главным «саботажником» помощи голодающим) отпетых черносотенцев из Союза русского народа, бывших депутатов «царских» Дум от этого Союза — прот. С. Маньковского

(позднее стал «обновленцем» епископом Фотием), прот. Попова (епископ Воронежский), прот. В. Лентовский (епископ Казанский) и др.

Вообще на первом соборе «Живой Церкви» в июне 1922 г. в Москве из шести докладчиков три были из черносотенных «союзников». Особенно двусмысленно выглядел на кафедре собора «Живой Церкви» петроградский протоиерей Красницкий. Ведь многие еще помнили, что во время «процесса Бейлиса» на Украине он читал в церквах столицы публичные проповеди о том, что у евреев действительно якобы существует людоедский ритуал «пить кровь» православных младенцев.

Разумеется, об антисемитизме и черносотенстве ловкого клирика, благодаря своему показному «обновленчеству» скакнувшего из протоиереев (штабс-капитанов) сразу в епископы (генералы), отлично был осведомлен и его «хозяин» Дзержинский и «хозяин хозяина» — Троцкий. Но кто еще так искренне мог донести идеи большевизма до верующих в православной религиозной «упаковке», как не бывший черносотенец и платный агент ГПУ Красницкий (вспомним агентов охранки Азефа, Малиновского, Зинаиду Жученко и др.)? Ведь именно Красницкий в апреле 1923 г. на первом всероссийском Обновленческом Соборе заявил: «Слово благодати и привета должно быть высказано нами единственной в мире власти, которая творит, не веруя, то дело любви, которое мы, веруя, не исполняем».

И кто же еще мог провести через Собор вот такую «богостроительную» резолюцию: «Каждый честный христианин должен стать среди… борцов за человеческую правду и всемерно проводить в жизнь великие начала Октябрьской революции» (цит. по: *Регельсон Л.* Указ. соч., с. 328).

То-то Троцкий в вышедшем в том же году сборнике статей «Литература и революция» (М., 1923, с. 28—29) приветствовал и Обновленческий Собор, и его решения как практическую реализацию тактики «глубокого бурения» *Лентродза*. Более того — выражал уверенность в том, что после этого Собора *вся РПЦ* встанет на позиции «обновленчества», ибо желает «приспособиться к советскому государству» на принципах «сменовеховства». Разумеется, «демон революции» ни слова не сказал в своей рассчитанной на широкую публику книге о том, какими *методами* их *Лентродз* обеспечивал это «приспособление».

Странно, но и советские историки описания раскола в РПЦ в 20—30-х гг. не стали углубляться в анализ этих *методов*, взяв «сменовеховскую» теорию Троцкого (конечно, без упоминания имени этого «врага народа») на вооружение[1].

Между тем с «богостроительной» программой Троцкого — Ленина — Дзержинского все обстояло не так просто. И главными их противниками были не «террористы» из клана патриарха Тихона: посидев в тюрьме и под домашним арестом, патриарх в июне 1923 г. был неожиданно освобожден и водворен на прежний местоблюстительский патриарший престол, а уже 23 августа 1923 г. опубликовал свое «покаяние» — публичное признание советской власти («покаяние» подписали Тихон и еще три архиепископа): «Ныне Церковь решительно отмежевалась от всякой контрреволюции. Возврат к прежнему строю невозможен. Церковь не служанка тех ничтожных групп русских людей, где бы они ни жили — дома или за границей, — которые вспоминали о Церкви только тогда, когда были обижены русской революцией и которые хотели воспользоваться Церковью для своих личных политических целей. Церковь признает и поддерживает советскую власть, ибо нет *власти не от Бога*. Церковь возносит молитвы о стране Российской и советской власти. Государственный строй Российской республики должен стать основой для внешнего строительства церковной жизни.… Долг пастыря довести до сознания народа, что отныне Церковь отмежевалась от контрреволюции и стоит на стороне Советской власти» (цит. по: *Агурский М.* Указ. соч., с. 111—112).

По существу, между резолюцией Обновленческого Собора в апреле и «покаянием» Тихона в августе 1923 г. не было принципиальных различий, разве что «обновленцы» оперировали полуреволюционной терминологией типа «великие начала Октябрьской

---

[1] См., например, *Федюкин С.* Великий Октябрь и интеллигенция. — М., 1972; *Шишкин А.* Сущность и критическая оценка обновленческого раскола. — Казань, 1970. Ср. *Левитин-Краснов А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты, т. 1—3. — [Париж], 1978.

революции», а «тихоновцы» покаянно вещали, что они «признают и поддерживают советскую власть», якобы забыв о том, что еще совсем недавно яростно сопротивлялись грабежу той же властью православных храмов.

Так что же произошло? А произошло следующее: вся операция *Лентродза* по «глубокому бурению» с кардинальным переходом к «глубочайшей духовной революции в русском народе» (Троцкий) после того, как *Зикаси* увидели на письме «демона революции» совершенно восторженную резолюцию Ильича — «*1000 раз верно*», — перешла в плоскость личной борьбы с Троцким как ЯВНЫМ ПРЕЕМНИКОМ Ленина (напомним, что через десять дней после этой резолюции, 25 мая 1922 г., у Ильича случился первый удар). И вот уже осенью 1922 г. в партийной печати начинают публиковаться явно заказные статьи с пока замаскированной критикой «богостроительной» программы Троцкого: все это, де, «поповщина», Ленин критиковал ее еще в 1909 г. в своем «Материализме и эмпириокритицизме», от своей критики он публично не отказался, значит все эти выверты — не «ленинизм», а «троцкизм», а Троцкий до 1917 г. постоянно ругался с Лениным, тот называл его «Иудушкой» и т. д. и т. п.[1]

Судя по всему, *Зикаси* одновременно с печатной атакой на Троцкого (и косвенно на Ленина) с мая 1922 г., после того, как Сталин в своем секретариате сказал после 25 мая — «Ленину капут» (свидетельства Б. Бажанова и Н. Валентинова-Вольского), начали свою собственную операцию «глубокого бурения», но обрабатывая не «обновленцев», а самого сидевшего в тюрьме, а затем под домашним арестом патриарха Тихона. Судя по его «покаянию» 23 августа 1923 г., «бурение» прошло успешно — у Троцкого был выбит из рук козырь единственного «дирижера» политики церковного обновления, если уж не записные черносотенцы с сомнительной антисемитской репутацией типа Красницкого, а сам «Святейший» стал «обновленцем» и признал советскую власть.

И здесь мы вновь возвращаемся к борьбе за «кафтан» Ленина в «верхах» партии и во всех отношениях переломном *1923 году.*

1923 ГОД

Предыдущий, 22-й год, был последним годом активной деятельности Ленина в Кремле. После первого удара 25 мая Ильич, как злословил Радек в кремлевских коридорах, *оклемался* и, вопреки сталинскому заявлению в июле (помните — *Ленину капут*) неожиданно 2 октября 1922 г. появился в Кремле, развив необычную для недавно еще больного человека активность.

По воспоминаниям его технического секретаря Лидии Фотиевой, со 2 октября по 16 декабря 1922 г., когда у него случился второй удар, Ленин председательствовал на 25 заседаниях (трех заседаниях Политбюро, четырех — СТО, семи — Совнаркома и т. д.), лично написал 110 писем и записок и принял 175 человек. Кроме того, в октябре — ноябре Ленин трижды выступил публично: на IV сессии ВЦИК в Андреевском зале Кремля, на IV Всемирном конгрессе Коминтерна (на немецком языке) и на пленуме Московского совета[2]. Фотиева, разумеется, не то что в сталинские (впервые выдержки из «Журнала дежурных секретарей» В. И. Ленина были опубликованы в 1945 г.)[3], но и в брежневские времена (1974 г.) не могла сказать, что среди этих 175 «человекоприемов» за два с половиной месяца свыше 30 пришлись на *одного человека* — Троцкого (кстати, и в официальной «Биохронике» Ленина за декабрь 1921-го — январь 1924 г., т. 12. — М., 1982 — *ни одна* встреча Ленина с Троцким *не упомянута,* как будто «демон революции» был выслан из Советской России уже в декабре 1922 г.!?).

---

[1] См., в частности, *Скворцов-Степанов И. И.* О «смене вех» в церкви и о наших задачах // жур. «Коммунистическая революция», 1922, № 9—10 (в 1925 г. Сталин выгонит из «Известий» Ю. Стеклова и посадит на его место «партийного литератора» Ивана Скворцова-Степанова. См. также: «Ленин о Троцком и троцкизме (из истории РКП(б), 4-е изд. Под ред. М. Ольминского. — М., 1925.

[2] *Фотиева Л. А.* Из жизни Ленина. — М., 1967, с. 179.

[3] *Фотиева Л. А.* Последний период работы Ленина // «Исторический журнал», 1945, № 4.

Но зато сохранились свидетельства конфиденциальных бесед с Лениным о Сталине и Троцком за октябрь — декабрь 1922 г. другого человека (их донесли до нас мемуары Николая Валентинова-Вольского) — *М. К. Владимирова.* Тот, кто сегодня желает убедиться, какую роль играл этот старый большевик в первые годы нэпа, может отправиться к Кремлевской стене на Красной площади, и среди табличек, закрывающих урны с прахом погибших или умерших «борцов революции» обнаружить *самую первую* (по времени захоронения — март 1925 г.) с самой длинной надписью (уже следующая табличка — в ноябре 1926 г. — будет много короче — *Л. Б. Красин, 1870—1926 гг.*; таковыми станут и все последующие вплоть до 1984 г. 114 табличек): «Борец за освобождение рабочего класса, подвижник социалистического строительства Мирон Константинович Владимиров (товарищ Лева)».

«Товарищ Лева» (настоящая фамилия *Штейнфинкель*, 1879—1925 гг.), из «гимназистов», был из числа той самой «партийной молодежи» (Зиновьев, Каменев, Инесса Арманд, Ник. Семашко, Таратута и др.), которая была «пригрета» Лениным и Крупской в Цюрихе и Берне в мае 1903 г., а затем отправлена в Россию для распространения ленинской «Искры» (Владимиров действовал в Белоруссии). Будучи посланным на III съезд РСДРП в апреле 1905 г. в Лондон от меньшевиков, «товарищ Лева» самовольно переходит там к большевикам и поддерживает Ленина.

В Первую революцию 1905—1907 гг. выполняет, однако, не директивы Ленина (тот до конца 1905 г. отсиживается в эмиграции), а *А. А. Богданова* и едет «агентом ЦК» в Одессу, где во имя общего революционного дела объединяет местных большевиков и меньшевиков в одну социал-демократическую ячейку. Но в мае 1906 г. всю ячейку «заметает» одесская жандармерия, и «тов. Лева» попадает в тюрьму. Но в Российской империи после манифеста 17 октября 1905 г. уже вовсю действует «правовое самодержавие» (С. Ю. Витте), и Владимирова (подобно «кремлевскому завхозу» П. П. Бородину в Швейцарии в апреле 2001 г.) освобождают под залог (залог вносит один из местных одесских купцов, которого после октябрьского переворота в 1918 г. одесские чекисты «по ошибке» расстреляют как «социально чуждого элемента»).

Разумеется, «тов. Лева» и не думает после «освобождения» отсиживаться в кустах: он снова с головой окунается в партработу — на этот раз идет в атаку с ленинских позиций на недавних союзников по ячейке — меньшевиков, которым «ленинцы» наклеивают ярлык «ликвидаторов». И хотя эта внутрифракционная грызня «беков» и «меков» никакого ущерба царизму не наносит (скорее, наоборот, она выгодна режиму), у «охранки» свои установки — она охраняет *забор,* окружающий «Зимний Дворец».

«Тов. Лева» выпущен в «калитку» под денежный залог и *подписку об отказе вести противоправительственную деятельность.* «Кондиции» условно-досрочного освобождения он не выполнил (это неважно, что подрывные листовки на заводах не разбрасывал, а в чайных или трактирах до хрипоты ругался с «меками» — в империи в 1907 г. все еще чрезвычайное военное положение: больше трех не собираться, а их в чайной за одним столом сидело пять человек, значит — «политическая сходка»!), а посему — залог конфискуется в казну, а самого неисправившегося «смутьяна» — снова в кутузку, сиречь в ту же одесскую тюрьму на прежние нары.

Дальше все по законам военного положения, согласно приказам премьера *П. А. Столыпина*: особое военное присутствие прямо в тюрьме в декабре 1907 г. (у большевиков это будут ОСО — чекистские *Особые совещания*) «паяет» пять лет и этапом, в январе 1908 г. в «столыпинском вагоне», в Сибирь на поселение в Иркутскую губернию: будешь знать, как ругаться с «меками» (впрочем, тех тоже «замели» и отправили туда же). Но и в Сибири опять же — «правовое самодержавие» — досмотра за ссыльно-поселенцами почти никакого. Поэтому «тов. Лева», пробыв в ссылке не пять лет, а всего пять месяцев, в июне 1908 г. благополучно бежит за границу. Пожив годик в Вене, в 1910 г. вновь предстает пред светлы очи Ильича, но уже в Париже, учится у него в партийной школе в Лонжюмо. Но с конца 1911 г. замечен в марксистской «ереси» — сближается с группой Л. Д. Троцкого и его газеткой «Наше слово» (среди этих первых «троцкистов» фигурируют также Мануильский, Лозовский, Антонов-Овсеенко и др.),

однако быстро исправляется и, после начала Первой мировой войны, снова «твердый искровец», т. е. вновь с Ильичем.

С тех пор — никаких колебаний, причем Ленин после октябрьского переворота бросает «тов. Леву» как «гимназиста» на советскую работу: Петроградская продовольственная управа, наркомпрод РСФСР, в Гражданскую войну — сопровождение продовольственных эшелонов продразверстки, в 1921—1922 гг. — наркомпрод, затем наркомзем Украины, с осени 1922 г. — по личному вызову Ленина — член коллегии наркоматов финансов РСФСР и СССР, замнаркома у Сокольникова и, наконец, с ноября 1924 г. — зам Дзержинского по ВСНХ. Словом — 100% большевик-«нэповец», опора Ильича в борьбе с «семинаристами», откровенно «правый» зампред ВСНХ в противовес другому зампреду «леваку-троцкисту» Юрию (Георгию) Пятакову. При этом Владимиров в советские времена до смерти Ильича в январе 1924 г. сохранил теплые личные отношения с Лениным и Крупской и, подобно «любимцу партии» Бухарину, часто бывал у вождя и на кремлевской квартире, и на даче в Горках.

Владимиров интересует Ленина с осени 1922 г., как и Сокольников, прежде всего как один из руководителей финансовой политики партии в условиях нэпа (в «Биохронике» Ильича сохранилась его записка за октябрь 1922 г.: «2 р а з а в месяц с Сокольниковым (по 1—2 часа) (понедельник или четверг?)» — там же, т. 12, с. 452). Такие «частные» встречи тет-а-тет были продолжением «точечной» тактики Ленина по управлению нэпом: политика (Бухарин), религия (Троцкий), финансы, план, экономика (Сокольников, Владимиров), внешняя торговля (Красин), ГПУ — ОГПУ (Дзержинский), к которой он фактически перешел с марта — апреля 1922 г. после XI съезда партии, убедившись, что «машина» (аппарат управления РКП(б), ИККИ и ВСНХ) едет «не туда».

Среди отечественных и зарубежных исследователей «ленинианы» уже давно сложилось устойчивое мнение, что даже неистовый борец с культом личности Сталина *Никита Хрущев* опубликовал далеко не все документы из т. н. «ленинского завещания». Из *восьми* писем и статей Ленина, собственноручно написанных или продиктованных им за период с 23 декабря 1922 г. по 5 марта 1923 г. Хрущев разрешил опубликовать в 1956 г. лишь *три*[1]. Остальные *пять* — «Странички из дневника», «О кооперации», «О нашей революции (по поводу записок Ник. Суханова)», «Как нам реорганизовать Рабкрин (предложение XII съезду партии)» и «Лучше меньше, да лучше» — были опубликованы в «Правде» в январе — марте 1923 г. еще при жизни Ленина.

Но был, как минимум, и *девятый* документ «Завещания»: письмо Ленина Сокольникову после 20 ноября 1922 г., когда Наркомфин РСФСР последний раз встречался с Ильичем в Горках[2]. Не исключено также, что во время этих встреч тет-а-тет, особенно в Горках, Ленин передавал какие-то письма и записки Троцкому, Бухарину, Сокольникову, Владимирову.

Мы уже писали выше, что Троцкий и тот «узкий круг лиц», который он упоминает в связи со сталинским «ускорением» смерти Ленина, тоже опирался на какие-то письменные свидетельства, увезенные «демоном революции» вместе со своим архивом за границу, но которые Троцкий не сумел опубликовать в своей «антисталиниане» — последней книге «Преступления Сталина».

Ю. Фельштинский в «Новом журнале» (Нью-Йорк) в 1998 г. высказал продуктивную мысль о том, что разоблачения Троцкого о Сталине — отравителе Ленина в Горках оказались не ко времени: в канун начала Второй мировой войны с кремлевским властителем заигрывали и Англия с Францией, и Гитлер (секретные переговоры в Москве весной-летом 1939 г.). Поэтому тиражному американскому жур. «Life» кто-то «посоветовал» не публиковать разоблачения «демона революции».

---

[1] «Письмо к съезду» (продиктовано 23. XII 1922 г. — 2. I 1923 г.), «О придании законодательных функций Госплану» (27—29 декабря 1922 г. — результат бесед с Сокольниковым и Владимировым? — *Авт.*) и «К вопросу о национальностях или «автономизации» (30—31.XII 1922 г.). — См. жур. «*Коммунист*», 1956, № 9.

[2] *Валентинов Н.* (Н. Вольский). Указ. соч., с. 366 (комментарий В. У. Раджапова); *Сокольников Г. Я.* Новая финансовая политика (на путях к твердой валюте). — М., 1991, с. 18 (предисловие В. Л. Гениса).

Что касается левой западноевропейской интеллигенции, то она почти вся была в 30-х гг. демонизирована борьбой СССР за мир и коллективную безопасность в Европе и сталинскими «успехами» строительства социализма.

Архивы трех других собеседников Ленина в 1922—1923 гг. не сохранились (разве что в следственном деле Сокольникова за 1936—1937 гг. в архиве бывшего НКВД еще можно найти следы ленинского письма к нему в ноябре 1922 г.), но в своих статьях, брошюрах и докладах о Ленине и нэпе (см., например, у Бухарина в «Правде» 21 января 1921 г. «Памяти Ильича» и в докладе 21 января 1929 г. о «Политическом завещании Ленина»[1]) они смогли донести основной смысл рекомендаций «нэповского» Ильича.

Сокольников даже сумел заслужить прижизненную похвалу Ленина за рукопись своей брошюры «Государственный капитализм и новая финансовая политика» как итога своих бесед с Лениным, которую Ильич прочел и нашел «очень удачной», рекомендуя ее к скорейшей публикации (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 54, с. 90)[2]. Вместе с тем Сокольников, беседуя с Лениным в последний раз в конце ноября 1922 г. в Горках, видимо, почувствовал растерянность Ильича от того, что «машина едет не туда».

В редком по откровенности, сугубо личном письме *Николаю Крестинскому*, полпреду РСФСР в Берлине, сразу после окончания XI съезда партии (предположительно, между 3 и 10 апреля 1922 г.), наркомфин писал: «Кончился одиннадцатый съезд партии с его бестолковой шумихой, суетой и бесконечной болтовней.… Итог съезда можно характеризовать изречением — «гора родила мышь». Реального ничего. Все те же проблемы, те же непогрешимые истины, изрекаемые с кафедр, те же заученные и красочные пожелания, что и раньше, но на практике все по-старому. Рутина оказалась несравненно сильнее воли партии, да и есть ли эта воля — тоже возникает сомнение у каждого из нас! Кажется, что все превратилось в единую бестолковую канцелярию, в которой все происходит не для дела, а только для угождения отдельным лицам, от которых зависят дальнейшие пайки, суточные, добавочные и тому подобное (вспомним «царскую челядь» у Красина или ленинское письмо «другу в Цюрих» 1921! — *Авт.*). Душа партии умерла, как ни искали мы ее на съезде, а найти не могли. Сидят какие-то тупые, апатичные люди, которые механически говорят, механически слушают и безразлично принимают любую резолюцию, если она только предложена кем-либо, занимающим более или менее влиятельное место в правительстве».

Очень характерны оценки, которые Сокольников дает выступлениям *Ленина* на XI съезде (напомним, последним в истории съездов РКП(б): «Кажется, самыми оппозиционными речами, действительно бьющими тактику партии по самым больным местам, были речи Ленина (напомним, что Ленин выступал с отчетным докладом ЦК, в прениях и с заключительным словом. — *Авт.*). Но и они как-то скользили по аудитории, не проникая в сознание слушающих, не трогая их, не интересуя совершенно (помните — «когда я в глаза вам смотрю, вы говорите *да*, а когда отвернусь, говорите *нет*. — *Авт.*). Общие выводы более чем печальны.… Нам, старым волкам, очевидно, что былых настроений нет, прежняя вера угасла, осталась одна только привычка и способность повиноваться высшим партийным органам…»[3]

Конечно, газетно-журнальные статьи Владимирова лишь в очень малой степени отражают содержание его бесед с Лениным, особенно тет-а-тет. Но невольным

---

[1] *Бухарин Н. И.* Избранные произведения. — М., 1988, с. 116—121, 419—436.

[2] Позднее Сокольников включил эту изданную в1923 г. брошюру в свой трехтомник «Финансовая политика революции» (М., 1925—1928). Часть материалов этого трехтомника вошла в его книгу «Новая финансовая политика» (М., 1991)

[3] «Дипломатический ежегодник. 1989», с. 470—471. Любопытно, что и это конфиденциальное письмо каким-то непостижимым образом попало в руки «белоэмигрантов» и было напечатано уже в мае 1922 г. в газете П. Н. Милюкова в Париже (см. «Последние новости», № 639, 17.V 1922 г.).

Схожим с Сокольниковым образом поступил и «товарищ Лева»-Владимиров: мысли Ленина, высказанные в беседах с ним, он «монтировал» в свои статьи, опубликованные в 1922—1925 гг. в «Правде» и целом «букете» газет ВСНХ — «Торгово-промышленной газете», «Экономической жизни», «Финансовой газете», журнале «Вестник ВСНХ» и др. Особенно интересна была последняя статья Владимирова, присланная в «Торгово-промышленную газету» в феврале 1925 г., за две недели до смерти. («Тов. Лева» умер в Италии в туберкулезном санатории, куда он был послан по настоянию председателя ВСНХ Дзержинского на лечение. В 1926 г. Центральное управление печати ВСНХ издало газетные статьи Владимирова в виде небольшой брошюрки как память о зампреде ВСНХ с предисловием Ф. Э. Дзержинского).

«участником» этих бесед оказался *Николай Валентинов* (Вольский), давний знакомый тогда еще *Штейнфинкеля* по социал-демократической работе в начале XX в. в Киеве и Одессе. Неожиданно встретившись через 20 лет под крышей ВСНХ, где Владимиров с осени 1922 г. оказался начальником знакомого по своей марксистской юности подчиненного (Валентинов, напомним, был зам. главного редактора «Торгово-промышленной газеты», печатного рупора ВСНХ), зампред главного хозоргана страны, видимо, чувствуя приближение скорой смерти (туберкулез в последней стадии и застарелая болезнь почек), в 1922—1925 гг. буквально *исповедывался* бывшему меньшевику (ту же тягу к *исповеди* сам Владимиров чувствовал у Ленина во время их конфиденциальных бесед в Горках).

И то, что *Валентинов (Вольский*) сумел запомнить и записать из этих многочасовых бесед с *Владимировым* в 1922—1925 гг. (а в своих мемуарах 1956 г. он посвятил этим беседам целую главу), сегодня — уникальный источник о том, как мыслил будущее СССР Ленин в последние полтора года своей жизни.

НЭП ПО ЛЕНИНУ

Неприятие новой экономической политики — как «гимназистами» по доктринальным соображениям (будущими «троцкистами») — заявление 46-ти в октябре 1923 г., — так и «семинаристами» по сугубо прагматическим соображениям (как они могли «научиться торговать», если не знали даже таблицу умножения?), вызвало в 1921—1923 гг. открытое (выступление Евг. Преображенского против нэпа на XI съезде партии и его публикации против «нэповского» Ленина) и скрытое (помните ленинское — «когда я вам в глаза смотрю, вы все… говорите *да*, а когда отвернусь, вы говорите *нет*) противодействие в верхушке партии и Коминтерна.

Особенностью этой антинэповской оппозиции в партии в 1921—1923 гг., в отличие от оппозиции «левых коммунистов» против Брест-Литовского мира в 1918 г., было то, что она выплеснулась как на страницы «буржуазных» газет Запада (лондонской «Таймс», парижской «Тан» и др.), так и русскоязычных газет эмиграции («Руль» в Берлине, «Последние новости» в Париже и др.), особенно, меньшевистского (жур. «Социалистический вестник», Берлин) и «сменовеховского» толка (жур. «Смена вех», Париж, газ. «Накануне», Берлин — Москва и др.).

Причем оппоненты «нэповского» Ленине не брезговали «продавать» свой компромат против Ильича в «тамиздат», что, впрочем, станет устойчивой традицией русской и советской политической жизни от Александра II до Юрия Андропова[1].

О «блокаде» Ленина в Горках чекистами Ягодой и Смидовичем мы уже писали выше. Но та же «Таймс» 18 июня 1922 г. помещает еще и редакционную статью под сенсационным заголовком — «Отставка Ленина».

Со ссылкой на партийные круги в Москве газета пишет, что Ленин тяжело заболел (болезнь «осложняется отравлением» — !?) и подал якобы прошение об отставке, хотя официально об этом в «Совдепии» ничего не сообщается.

Дальше — больше. Официозное американское агентство «Ассошиэйтед Пресс» месяц спустя, 18 июля 1922 г., со ссылкой на «информатора из Коминтерна» публикует уже заведомую «утку»: Ленин «был отравлен в поезде во время путешествия на кавказский курорт, а его труп был якобы выброшен из поезда на мосту через р. Дон под Ростовом».

И, наконец, там же в США газета «New York World» публикует в декабре 1922 г. фото Н. К. Крупской, под которым красуется подпись: «Жена бывшего премьер-министра советского правительства».

Смысл всех этих «утечек информации» из Москвы за рубеж был прозрачен: Ленин больше не контролирует ситуацию в партии, государстве и Коминтерне, а его соратники готовы на все — убить его, отравить, выбросить труп в реку.

---

[1] С санкции царя в 1867 г. будет отпечатана в Берлине по-русски «ревизия» охранки о поголовном взяточничестве царских губернаторов, а в 1983 г. в Италии через итальянских журналистов ИКП в Москве — секретная записка в ЦК двух академиков — Заславской и Аганбегяна — о катастрофическом положении советской экономики.

Ленин сам определил эту тактику любителей «утечек» в своем окружении: «*Вы играете со мной в прятки*» (выделено мной. — *Авт.*) Вот основные моменты этой *игры в прятки* с ответными акциями Ленина:

Политбюро и ЦК РКП(б)		**Ленин**	
III. 1922 г.	Ленин требует (письмо 19 марта) немедленного «раскулачивания» храмов РПЦ, для чего предлагает собрать в рамках XI съезда секретное совещание делегатов съезда с ответработниками ГПУ, Наркомюста и Ревтрибунала. Пленум ЦК 25 марта даже не включает этот вопрос в повестку дня съезда, и никакое секретное совещание не проводится.	V. 1922 г.	В пику Политбюро и ЦК уже после съезда Ленин поддерживает («верно, 1000 раз верно!») письмо Троцкого от 14 мая 1922г. о необходимости поддержки партийной печатью задуманного Лениным и Троцким «обновленчества» РПЦ («церковного большевизма»).
Полемика Преображенского с Лениным			
I. 1922 г.	Секретарь ЦК, председатель Финансового комитета ЦК Евг. Преображенский печатает контрброшюру «Бумажные деньги в эпоху диктатуры пролетариата» (какое золото, какие деньги — мировая революция их отменит).	XI. 1921 г.	Статья Ленина в «Правде» «О значении золота теперь и после полной победы социализма» (апология нэпа и посрамление доктринеров) — *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 221—229.
III. 1922 г.	Преображенский к XI съезду направляет проект тезисов «Основные принципы политики РКП(б) в современной деревне» (закручивание гаек и зажим кулака).	16.III. 1922 г.	Ленин пишет разгромное заключение на тезисы Преображенского: «Тошнит всех от общих фраз… Это и есть современный «комбюрократизм»… Не надо обольщать себя неправдой. Это вредно…» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 45—46).
XI—XII. 1922 г.	Ничего не зная, разумеется, об этой беседе, Преображенский тем не менее разражается собственным научно-фантастическим романом «От нэпа к социализму: взгляд в будущее России и Европы» (М.-Пг., 1922). Это «будущее» — 1970 год. Мировая революция победила: нэп, золото, деньги — отменены, все страны мира «присоединились» к СССР, а «нэповского» Ленина изучают наряду с древнегреческим историком Геродотом (в 60-х гг. XX в. Хрущев пообещает нечто подобное — в 1980 г. победит полный коммунизм, и он покажет народу «последнего попа»).	Конец XI. 1922 г.	Из беседы Владимирова с Лениным в Горках: «И еще одно, товарищ Лева, вам напутствие. Не забудьте об этом, говоря о социализме! Время Смольного и первых лет революции далеко позади. Если к самым важным вопросам мы, после пяти лет революции, не научимся подходить трезво, по-деловому, по-настоящему, значит, мы или идиоты, или безнадежные болтуны. Вследствие въевшихся в нас привычек, мы слишком часто вместо дела занимаемся революционной поэзией. Например, нам ничего не стоит выпалить, что через 5—6 лет у нас будет полный социализм, полный коммунизм, полное равенство и уничтожение классов (намек на речи Зиновьева и писания Преображенского? – *Авт.*)… Давая волю языку, я тоже могу ляпнуть, что в самое непродолжительное время, даже менее десяти лет, мы войдем в царство коммунизма. Не стесняйтесь и в этом случае, хватайте меня за фалды, из всей силы кричите: «О, друг мой Аркадий, об одном прошу — не говори так красиво» (Цит. по: *Валентинов Н.* (Вольский). Указ. соч., с 275)

Лето 1923 г.	Преображенский собрал свои «футуристические» газетные статьи и издал сборник «О морали и классовых нормах». Его направление явно антинэповское: в новой экономической политике причина отступления вовсе не экономическая, а… психическая — большевикам с ходу не удалось изменить… «физиологию мозга» (по-современному, не удалось зомбировать. — *Авт.*) рабочих и крестьян СССР. Поэтому «полный коммунизм» может быть установлен только после смены поколений, когда все эти «нэповцы», включая и старых большевиков, пойдут в «отвал» (именно в этом им «поможет» Сталин в 1936—1938 гг., включая и самого Преображенского. — *Авт.*).	Янв. — февр. 1923	По-видимому, Ленина по-прежнему «тошнит» от этого «обольщения неправдой», которую продолжает проповедовать Е. Преображенский. Во всяком случае, имени Преображенского нет в «Письме к съезду» («Завещании») среди тех, кому Ильич доверил бы руководство партией и страной после свой смерти.

Если суммировать то, что Ленин говорил Троцкому, Бухарину, Сокольникову и Владимирову в своем «*устном завещании*», сопоставив его с «*завещанием письменным*», то вырисовывается следующий **план нэпа «по Ленину»:**

— *никакого социализма* (а тем более *коммунизма*) в СССР ни через 5—6 и даже через десять лет не будет; большевикам пока достаточно завершить дело буржуазной революции в России, где одной из главных задач является «целая культурная революция»; «разве можно назвать социалистической страну, где, как в царское, время, повсюду неграмотность» (из «Напутствия» Ильича в ноябре 1922 г. Владимирову); те же мысли, что и в «Напутствии», Ленин излагает в статье «О кооперации» («Правда», 26, 27.V 1923 г.) — для перехода к социализму Советской России потребуется целая «историческая эпоха» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 598).

Даже те «троцкисты», которые, подобно Преображенскому, публично полемизировали с Лениным, утверждая, что нэп — это отказ от социализма, в глубине души соглашались с Ильичем. Характерное высказывание еще одного «троцкиста» — *Георгия Пятакова*, зампреда ВСНХ, приводит *Питирим Сорокин*, однокашник Пятакова по юрфаку Петербургского университета. Придя к нему как крупному большевистскому бонзе по делам оформления бумаг (загранпаспорт, справки на вывоз книг и т. д.) по случаю своей высылки из СССР в октябре 1922 г., бывший технический секретарь Керенского приводит любопытный диалог с Пятаковым:

«— Пятаков, позволь узнать, ты на самом деле веришь в то, что вы строите коммунистическое общество?

— Конечно, нет, — честно ответил он.

— Значит, вы понимаете, что эксперимент не удался и вы строите обычное буржуазное общество. Тогда почему высылают нас?

— Ты не принимаешь во внимание того, что в России идут параллельно два процесса, — сказал он. — Один из них — восстановление буржуазного общества (ср. доклад Ленина на XI съезде партии! — *Авт.*); другой — приспособление Советского правительства к этому обществу. Первый процесс протекает быстрее, чем второй. Это несет угрозу нашему существованию. Наша цель — затормозить развитие первого процесса. Вот почему вас выдворяют за границу. Возможно, через два — три года мы пригласим вас вернуться обратно» (*Питирим Сорокин.* Дальняя дорога. Автобиография. — М., 1992, с. 144). Фактически тоже самое говорит Ленин Владимирову в Горках.

«Научиться торговать» — это означает обеспечить *смычку* города и деревни, иначе «наступит день, когда крестьянство нас пошлет к чертовой матери» (из «Напутствия» Владимирову); Ленин весьма трезво оценивает настроения крестьянского міра при нэпе: «Крестьянину, в сущности говоря, наплевать: кто, какое начальство сидит в городе, кто там правит в Кремле. Для него важно: что от города получает, что из Кремля ему дают… — лучше ли ему стало жить в сравнении с царским временем или хуже… А если [мужик] не будет доволен, справиться со стомиллионным крестьянством трудно, невозможно. Кронштадтское восстание, антоновщина, бунты в Тамбовской и других губерниях — для нас грозное предупреждение…» (*Валентинов Н. (Вольский).* Указ. соч., с. 273—274).

— *Финансы* — ключ к экономике нэпа: «Нам нужна твердая валюта, хороший рубль, а не хлам в виде «совзнака»; без твердой валюты нэп летит к черту» (там же). Эта мысль отражена и в письме Ленина к Сокольникову 1 февраля 1922 г., где Ильич, как и в делах с РПЦ, сочетает «пряник» и «кнут»: «пряник» — это хозрасчетные рентабельные тресты, «кнут» — санкции за неумение торговать, привлечение «круглых дураков» «к суду»; «они [должны] караться в составе всех членов правления длительным лишением свободы и конфискацией всего имущества» (цит. по: *Валентинов Н. (Вольский*). Указ. соч., с. 277). Те же мысли слышны в диктовке Ленина «О придании законодательных функций Госплану» 27—29 декабря 1922 г. (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 594).

Сам *Мирон Владимиров*, в противовес Преображенскому с его романом-утопией «От нэпа к социализму» (1922 г.), дает такой комментарий к плану строительства нэпа «по Ленину» (январь 1925 г.): «До последнего моего издыхания буду учеником Владимира Ильича Ленина и никогда не забуду его напутствие: нужно заниматься делом, мыслить трезво, а не вдохновляться красивыми словами революционной поэзии. Я могу, говоря о будущем, иметь перед собой срок *никак не более десяти лет.* А что в эти годы произойдет — можно предвидеть. Сейчас наша индустрия еще далеко отстает от уровня довоенных лет, но все говорит за то, что она сравнительно скоро его превзойдет. В связи же с этим будет значительно превзойден и довоенный уровень заработной платы наших рабочих. Их положение, приняв во внимание, что нигде в мире нет такого социального законодательства, как у нас, будет превосходно. Сельское хозяйство тоже превзойдет довоенный уровень, и в отличие от довоенного положения наша деревня будет покрыта густой сетью всех видов кооперации — кредитной, сельскохозяйственной, потребительской. Мы должны помнить завет Владимира Ильича в его предсмертной статье о кооперации: заставить не силою, а умной деловой пропагандой и всякой помощью всех участвовать, и не пассивно, а активно, в кооперативных операциях. Когда говорю о кооперации, совсем не имею в виду колхозы — коллективные производственные объединения. Конечно, они появятся у нас, но отнюдь не в ближайшие годы. Сейчас они чужды крестьянству, и Ильич нам строго наказал — *не насиловать крестьян.* В городах, в дополнение к государственной торговле, несомненно, широко разовьется потребительская кооперация. Это не значит, что не будет никакого места частной торговле. Я полностью схожусь с Феликсом Эдмундовичем (Дзержинским), когда он говорит, что нам нужна частная торговля, чтобы подхлестывать своей конкуренцией работу потребительской кооперации, делать ее максимально внимательной к требованиям населения. Владимир Ильич говорил, что у нас нэп «всерьез и надолго». Да, всерьез и надолго! В этом вопросе мы с товарищами из оппозиции полностью расходимся» (цит. по: *Валентинов Н. (Вольский).* Указ. соч., с. 281—282).

И далее Владимиров рисует картину счастливой утопии «по Прудону»: «У нас нет ни крупных частных купцов, ни фабрикантов, ни банкиров, ни помещиков — мы не капиталистическое общество. В этом обществе *всем будет жить хорошо*: рабочим, служащим, крестьянам, кустарям да и мелким частным производителям и торговцам, поскольку они несут полезную и нужную для общества функцию.

Что касается интеллектуального труда «спецов» — улучшится и их положение, хотя десятки тысяч рублей, которые прежде получали директора банков или некоторые инженеры, они получать не будут. Зато все эти профессии будут совершенно

гарантированы от какой-либо безработицы. Спрос на них у нас беспредельно велик. Подумайте только, сколько нам нужно послать в деревню учителей, агрономов, землемеров, врачей, ветеринаров, инженеров, техников, статистиков, экономистов» (там же, с. 283).

Конечно, зная, чем кончились четыре года спустя после этого разговора в январе 1925 г. Владимирова с Валентиновым-Вольским все эти *иллюзии* (как, впрочем, и *утопии* Преображенского), легко упрекать этих старых большевиков в идеализме. Но люди ведь живут *здесь и сейчас.* И Валентинов-Вольский прав: тогда, в 1925 г., очень многие беспартийные «спецы» и, что гораздо важнее, крестьяне «были до слепоты оптимистами; были полны иллюзиями: все идет прекрасно, страна медленно, не без больших противоречий, но все-таки катится по рельсам эволюции. Мы даже предполагали, что на базе развивающейся советской экономики сравнительно скоро появятся какие-то, пусть небольшие, ростки свободы» (там же, с. 283).

«Спецы» из ВСНХ, конечно, через Сокольникова и Владимирова хорошо знали, что основным гарантом этой эволюции и надежд на «ростки свободы» является сам «нэповский» Ленин — ведь они регулярно листали «Правду», где 4 января 1923 г. прочитали весьма обрадовавшую их ленинскую статью «О кооперации», а 25 января того же года — «Как нам реорганизовать Рабкрин (предложения XII съезду партии)», потаенный смысл которой (как и острая борьба в Политбюро относительно ее публикации) остался им, однако, непонятен и тогда в деталях неведом.

Пока был жив «*Старик*» (а так в годы нэпа начали называть Ленина не только большевики, но и меньшевики, эсеры, члены еврейского рабочего Бунда и другие «спецы» на службе Советов), в ВСНХа, Госплане, аппаратах Совнаркома и СТО довольно пренебрежительно отзывались о *Сталине* и *Троцком*. О *первом* знали со времен Гражданской войны, что он обзывал спецов… «хорьками», «и чтобы их вонь не заражала и не отравляла партию, нужно их всегда держать на приличном от себя расстоянии» (из беседы Владимирова с Валентиновым-Вольским. — Указ. соч., с. 278). Но не вызывал симпатий и *второй* с его сумасшедшей теорией перманентной революции и планами броска РККА то в Европу, то в Азию: «Мы *не* за Троцкого, *не* за Сталина», — резюмировал бытописатель нэпа (там же).

Почти все «спецы» были уверены, что Ленин и на этот раз *оклемается* и выступит, как обычно, с отчетным докладом ЦК на очередном, XII-ом съезде партии в апреле 1923 г., тем более что «тезисы» этого доклада (именно так восприняли «спецы» ленинскую статью из «письменного завещания» — «Лучше меньше, да лучше») были опубликованы в «Правде» 4 марта 1923 г.

И вдруг — как обухом по голове! 12 марта 1923 г. в той же «Правде» впервые появляется официальное правительственное сообщение о болезни Ленина с приложением медицинского бюллетеня (подписанного лечащими врачами — немцами проф. Г. Фрестером и проф. О. Минковски, и русскими проф. Василием Крамером и приват-доцентом Алексеем Кожевниковым), из которого публика с удивлением узнает, что Ленин, оказывается, серьезно болен с мая 1922 г. (напомним, первый удар действительно случился 25 мая 1922 г.), но состояние его якобы стабильное и не внушает опасений, хотя наблюдается «некоторое ослабление двигательных функций правой руки и правой ноги» и «некоторое расстройство речи».

Эта полуправда (Ленина в действительности разбил паралич: у него отнялась вся правая сторона тела и он временно лишился речи) вызвала в Москве и Петрограде, а затем и в губернских столицах массу слухов. Самым распространенным стал главный — «*Ленина хватила кондрашка*». Затем возник и уже больше не утихал ни в СССР, ни за границей все последующие 80 лет «слух, что у Ленина прогрессивный паралич, явившийся следствием сифилиса» (*Валентинов-Вольский Н.* Указ. соч., с. 88).

Чем больше Политбюро скрывало правду об истинном состоянии здоровья Ленина (а после 12 марта 1923 г. и до 22 января 1924 г. «обтекаемые» медицинские бюллетени о болезни Ильича будут публиковаться в «Правде» и «Известиях» регулярно), тем больше по Москве ползли слухи — и не только о «сифилисе», но и о том, что Ленин, чувствуя

безнадежность своего положения со здоровьем, якобы хочет отравиться и просит дать ему яду (не уточняется, правда, у кого просит?). Слухи эти дошли до председателя Совнаркома *Алексея Рыкова*, и у Валентинова-Вольского даже была по этому поводу с ним беседа (ответ Рыкова: «Интересно бы знать, — кто, с какой целью пустил и продолжает пускать эту пакостную болтовню. Никогда Ильич не пойдет на такое малодушие». — Там же, с. 89). Похоже и Рыков был в курсе заграничных «утечек» о болезни и «отставке» Ленина.

Второй сенсацией менее чем за три дня стала публикация в той же «Правде» 14 марта 1923 г. большой статьи *Карла Радека* «Лев Троцкий — организатор победы». Формально статья была опубликована в специальном юбилейном номере «Правды», посвященном 25-летию образования РСДРП. Кроме Ленина, в этом номере выступили все тогдашние «вожди» (Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин, Сталин, Преображенский, Рязанов и др.) и даже их тогдашний кремлевский прихлебатель рифмоплет Демьян Бедный. Но все эти статьи носили дежурно-юбилейный характер, тогда как статья Радека — явно заказной и программный. Разумеется, статья Радека, одного из исполнительных секретарей Коминтерна в то время, привлекла внимание отнюдь не ее литературным блеском — Радек так и не выучился до конца литературному русскому языку, а говорил до своего трагического конца в тюрьме в 1940 г. с сильным польско-еврейским акцентом.

Здесь важно было — не *как*, а *что* писал «Крадек». А написал он безудержный *панегирик* Троцкому: он и «великий умственный авторитет», и «великий представитель русской революции», и «лучший писатель мирового социализма», которого партия еще до конца не оценила. И Радек один восполняет этот пробел: он раскрывает, наконец, «тайну величия» Троцкого, его «гениальное понимание» военных вопросов, его «организаторский гений».

Под пером этого польского еврея, который, не будь революции в России, так и остался бы после окончания истфака Краковского университета сельским учителем в Западной Галиции, Троцкий превращался в «революционного святого», в спасителя русской и зачинателя мировой революции. Чего стоит лишь заключительный абзац его панегирика: «Если наша партия войдет в историю как первая партия пролетариата, которая сумела построить великую армию, то эта *блестящая страница русской революции будет навсегда связана с именем Льва Давидовича Троцкого,* как человека, труд и дело которого будут предметом не только любви, но и науки новых поколений рабочего класса, готовящихся к завоеванию всего мира» (там же, с. 96. — курсив Валентинова).

Конечно, и «спецов», и партийную массу мало интересовал сам автор *панегирика*: за Радеком уже тогда закрепилась репутация легкомысленного человека, анекдотчика, который и «соврет — недорого возьмет»[1]. Их интересовали лишь два вопроса: кто стоял, как бы мы сказали сегодня, за этой *пиар-акцией* записного болтуна и почему это вдруг Троцкий вознесен выше даже самого больного Ильича?

Поскольку никаких прямых или косвенных опровержений на *панегирик* Троцкому со стороны *Зикаси* не последовало, немедленно возник очередной слух: «незадолго до третьего удара (6 марта 1923 г. — *Авт.*) Ленин оставил какое-то обращение к партии, в котором на роль своего заместителя выдвинул Троцкого. В этом выдвижении Троцкого на вакантное место после ухода Ленина видят весь смысл его (Радека. — *Авт.*) статьи. Слух о заместительстве Троцким Ленина держался упорно в среде, главным образом, низовой части партии — той, которая была далека от ее коммунистической верхушки» (*Валентинов-Вольский Н.* Указ. соч., с. 97).

---

[1] Спустя одиннадцать лет покаявшийся «разоружившийся троцкист» Радек напишет еще более хлесткий *панегирик*, но уже во славу Сталина и объемом в пять раз больше — целую брошюру в тридцать две страницы. См.: *Радек К.* Зодчий социалистического общества. — М., Политиздат, 1934 (тираж — один миллион экземпляров). Впрочем, панегирики в честь Троцкого писал не один Радек. За пять лет до него в «Правде» (№ 24, 24.X/6.XI 1918 г.) не менее хвалебную «аллилуйю» пропел «демону революции»… сам Сталин: в годовщину революции в статье «Октябрьский переворот» он писал, что «вся работа по практической организации восстания проходила под непосредственным руководством председателя Петроградского Совета тов. Троцкого». Понятное дело, что ни в «Краткий курс», ни в свое собственное Собрание сочинений в 13-ти томах Сталин этот панегирик Троцкому больше не включал, и он был перепечатан только в горбачевскую перестройку, 69 лет спустя. — см. жур. «Новый мир», 1987, № 11, с. 190—191.

Действительно, этот слух оброс подробностями и со временем превратился в устойчивую легенду, особенно в трудах современных троцкистских авторов (например, уже упоминавшегося нами француза Жан-Жака Мари[1]). Но первым эту легенду еще в 1925 г. начал развивать близкий к Троцкому американский журналист *Макс Истманн* в своей вышедшей по-английски (Лондон) и по-французски (Париж) книжке «Россия после Ленина». По-видимому, в интересах борьбы за лидерство в партии и государстве и в связи с т. н. «литературной полемикой», начавшейся осенью 1924 г. по поводу предисловия Троцкого к третьему тому его собрания сочинений (оно называлось «Уроки Октярбя» и вызвало яростную полемику и «тройки», и «семерки», выпустивших ответный сборник статей[2]), Троцкий сделал утечку информации и сообщил Истманну величайшую партийную тайну — отрицательную характеристику Лениным Сталина и его рекомендацию «товарищам обдумать способ перемещения Сталина» с поста генсека партии («Письмо к съезду», добавление 4 января 1923 г. — *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 346).

Истманн не успел выдать «ложку к обеду» (его книга вышла лишь в январе 1925 г., когда «литературная полемика» уже закончилась, а сам Троцкий в его отсутствие заочно был осужден Пленумом ЦК 17 января как «троцкист» и пособник «европейской социал-демократии»), но, однако, Истманн достаточно точно передал содержание «Письма к съезду», опубликовал также письмо Крупской к Троцкому от 29 января 1924 г. («То отношение, которое сложилось у В. И. к Вам,… не изменилось у него до самой смерти») и, кроме того, со слов самого Троцкого прозрачно намекнул, что, действительно, Ленин сделал еще какое-то последнее «добавление» к своему «Письму к съезду», в котором будто бы рекомендовал XII съезду избрать Троцкого своим официальным преемником.

Позднее, уже в эмиграции, Троцкий не раз будет ссылаться на эту «волю Ильича», но так и *не опубликовал* это якобы находившееся в его архиве, вывезенном в 1929 г. из СССР, последнее «добавление» (как известно, Ленин на самом деле сделал к «Письму к съезду» три «добавления» — 24 и 26 декабря 1922 г. и 4 января 1923 г.; возможно, было и четвертое).

Забегая вперед, отметим, что даже если это «четвертое добавление» и было Лениным продиктовано, *Троцкому после смерти Ильича вряд ли удалось бы занять его место в партии и государстве.* Тем более что повел он себя, мягко говоря, в 1924—1925 гг. не самым достойным образом (не поддержал «новую оппозицию» Зиновьева — Каменева против Сталина на XIV съезде партии, к которой на время примкнула даже Крупская, начал тайные переговоры со Сталиным против Дзержинского, намереваясь занять его место председателя ВСНХ, ни за что ни про что облил грязью М. Истманна и т. д.), о чем речь еще пойдет ниже.

Но пока, с марта 1923 г., Троцкий в ореоле славы, созданной ему панегириком Радека, «весь в белом» и «на белом коне», во весь аллюр мчался на XII съезд партии. Судя по всему, в этой скачке к партийному Олимпу в его переметных сумах действительно была поддержка Ленина, с которым с мая 1922 г. (после первого удара) он все более и более сближался (слухи о «блоке» Ленина — Троцкого, о чем в 1922—1923 гг. много писал тогда меньшевистский «Социалистический вестник» Федора Дана и Бориса Николаевского в Берлине, очевидно, имели под собой основания).

На чем основываются предположения о таком «блоке»? Вот только несколько очевидных фактов:

— май 1922 г. — Ленин бросает Троцкого на «раскулачивание» РПЦ и одновременно на ее раскол — организовывать «церковный большевизм»;

— ранее, в 1921—1922 гг. Ленин просит лично Троцкого поддержать его в борьбе против «партийных дурачков» в национальном вопросе (строительстве СССР), монополии внешней торговли, роли Госплана, по проблеме иностранных концессий (вся переписка Ленина с Троцким по этим вопросам давным-давно опубликованна в трудах одного и другого);

---

[1] См., в частности, *G. Haupte, J. —J. Marie.* Makers of the russian revolution. — London, 1974, p. 382.

[2] «Об «Уроках Октября» тов. Троцкого». Сб. статей и речей тт. Сталина, Бухарина, Сокольникова, Зиновьева, Каменева, Молотова и др. Под ред. Н. И. Бухарина. — М., 1924.

— 24 марта 1923 г. Троцкий председательствует на Политбюро (этого никогда не было ранее!). И проводит решение срочно пригласить опытных врачей из Германии и Швеции для проведения всестороннего международного консилиума у постели больного Ленина в Горках;

— в январе 1923 г. Троцкий активно помогает Ленину напечатать в «Правде» (статья появилась в № 16 от 25 января 1923 г.) самую главную из его «письменного завещания» часть — «Как нам реорганизовать Рабкрин (предложение XII съезду партии)», над которой он больше всего работал в Горках (первый вариант диктовал 9 и 13 января; второй, окончательный — 19, 20, 22 и 23 января; именно этот окончательный вариант и был опубликован в «Правде». — См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 599—600).

Как уже отмечалось выше, первоначально главный редактор «Правды» Николай Бухарин был так напуган этой статьей о Рабкрине, что отказывался единолично решать — печатать или не печатать эту «бомбу» своего любимого *Учителя.* Тогда Троцкий, *которому через Крупскую и лечащего врача Ф. Гетье Ленин переслал копию* с просьбой помочь опубликовать статью (перед этим Крупская еще и позвонила из Горок Троцкому по телефону от имени больного Ильича — немедленно опубликовать в «Правде» его статью о Рабкрине[1]), требует срочного созыва Политбюро с участием президиума ЦКК — такой «хурал» собирается дважды — 24 и 28 января (до и после публикации ленинской статьи в «Правде»).

Поскольку этот конфликт «демона революции» с остальными членами Политбюро позднее был раздут Троцким до размеров вселенского скандала (он сделал еще одну «утечку информации», и его письмо от 24 октября 1923 г. в Политбюро по поводу публикации статьи Ленина о Рабкрине уже после смерти Ильича попало в Берлин и было опубликовано в «Социалистическом вестнике» 28 мая 1924 г.[2], а затем постоянно фигурировало в полемике 1924—1927 гг. членов «троцкистской» оппозиции со сталинским большинством в ЦК РКП(б) и в заграничных публикациях Троцкого после его высылки из СССР в 1929 г.), — на этом конфликте стоит остановиться подробней.

* * *

Что так потрясло в статье Ленина о Рабкрине Бухарина и секретаря ЦК *Валерия Куйбышева*, если на объединенном заседании ЦК и ЦКК 24 января последний (для «успокоения Ильича») предложил вождям партии пойти на прямой *подлог*: отпечатать статью в *одном экземпляре* только для Ленина, скрыв ее от делегатов съезда, которым она была адресована, и от остальных членов партии? Причем такая практика в отношениях со *Стариком* не была в партии каким-то чрезвычайным явлением. Вспомним, как осенью 1917 г. члены редколлегии «Правды» (тогда — «Рабочий путь») — Сталин, Сокольников, Молотов и др. — не печатали статьи Ильича или печатали совсем не те, которые он просил в первую очередь опубликовать. Да и за год до «хурала» 24 января 1923 г., в канун XI съезда партии, объединенный пленум ЦК и ЦКК 25 марта 1922 г. отказался включить в повестку дня съезда требование Ильича о «раскулачивании» РПЦ (провести отдельное секретное заседание), о чем уже говорилось выше.

Ленин тогда уступил и ни словом не обмолвился об этом «бунте на корабле» в своем отчетном политическом докладе ЦК, с которым он в последний раз выступал на партийном съезде. Но теперь он решил не уступать «коммунистическим дурачкам» и

---

[1] Именно после этой истории с задержкой публикации его статьи в «Правде» Ленин якобы сказал одному из своих доверенных собеседников в Горках (Владимирову?): «Я еще не умер, а *они*, со Сталиным во главе, меня уже похоронили». — Цит. по: *Валентинов Н. (Вольский)*. Указ. соч., с. 300.

[2] Хотя обе стороны постоянно кричали о «партийной тайне» и недопустимости прибегать к услугам «буржуазной» и заграничной социалистической прессы, на практике никто не соблюдал «правил игры». Троцкий использовал «Социалистический вестник» своих бывших соратников по меньшевизму и Макса Истманна, его соперники-сталинисты — «сменовеховские» зарубежные издательства в Берлине. См, например, стенограмму Пленума ЦК и ЦККь 17 января 1925 г., где «демон революции» был впервые осужден как «троцкист» и снят с поста председателя Ревовенсовета. — «Отставка Троцкого. Заседание ЦК 17 января». — Берлин, 1925. Ср. «Троцкий перед судом Коммунистической партии (статьи Троцкого, Каменева, Сталина и др.)». — Берлин, 1925.

просил Троцкого стать его «тараном». «Демон революции» выполнил эту просьбу, но только *наполовину*.

Статья о Рабкрине была опубликована в «Правде» 25 января 1923 г., но ведь главное для Ленина состояло в другом — провести через XII съезд грандиозную реорганизацию высшего руководства партии: «утопить» Политбюро и Оргбюро, где преобладали «сталинисты», в некоем «расширенном» ЦК и ЦКК (помните выше, — расширить число членов ЦК до ста человек, а в ЦКК включить «передовых рабочих», имеющих чуть ли не право опротестовывать решения Политбюро и Оргбюро). Любопытно, что в 1952 г. на XIX съезда КПСС именно так и поступит Сталин, «утопив» Политбюро в расширенном Президиуме ЦК КПСС.

Но вот это-то настоятельное и революционное требование и *не было осуществлено*, а Троцкий так и не довел его до конца: на XII съезде все свелось к формальному расширению количества членов и кандидатов в члены ЦК по сравнению с предыдущим, XI съездом (на XI съезде — 27 членов ЦК и 19 кандидатов, на XII съезде — уже 40 членов и 17 кандидатов) и особенно ЦКК (с 7 членов и кандиадтов в члены ЦКК в 1922 г. она выросла в 1923 г. до 50 членов и 10 кандидатов, т. е. превысила число членов ЦК — там 57 чел., здесь, в ЦКК, 60 чел.; однако Сталин включил в ЦКК отнюдь не «передовых рабочих», а своих аппаратных функционеров — Шверника, Шкирятова, Ярославского, личного врага Троцкого бывшего политработника РККА Гусева, а во главе поставил верного своего ландскнехта Куйбышева).

И хотя резолюцию съезда «О задачах РКИ и ЦКК» докладывал сам *Дзержинский* (напомню — член *Летродза*), в ней не было ничего от идей Ленина из его статьи о Рабкрине. Все свелось к дежурным «усилить», работать «на новых началах», сделать из РКИ «образцовый аппарат» и т. д. Лишь одна ленинская мысль — привлечь в Рабкрин «спецов», особенно «действующих ученых» — специалистов по научной организации труда, обеспечив им также возможность заграничных командировок для изучения опыта организации труда на Западе (например, конвейерного производства на автомобильных заводах Форда в США или «работу по Тейлору», которым восторгался Ленин) — вошла в резолюцию о РКИ—ЦКК.

И не случайно при обсуждении резолюции перед ее принятием Дзержинскому был задан вопрос (в стенограмме — «голос с места»): почему из окончательного текста резолюции Молотовым, как председателем редакционной комиссии съезда, были изъяты все те места, где шла речь о «борьбе с партийными болезнями»? (т. е. именно то, о чем писал Ленин в статье о Рабкрине. — *Авт.*). Дзержинский не нашелся, что ответить (а «голос» успел еще сказать, что работал как делегат съезда именно в комиссии по РКИ — ЦКК), но председательствующий ловко свел важнейшую проблему — почему съезд не учитывает пожелание Ленина? — к банальной реплике: все это есть в другой резолюции — о ЦКК, которую ранее якобы огласил Молотов (на самом деле ничего он не оглашал, т. к. резолюция была единой — «О задачах РКИ и ЦКК»), а «голос» будто бы выступление Молотова «прослушал». В итоге резолюция, предложенная Дзержинским, была принята без поправок и без учета предложений Ильича[1].

Почему Дзержинский не стал бороться на XII съезде за ленинскую резолюцию по Рабкрину — ЦКК, осталось неясным. Возможно, ему надоела эта грызня «пауков в банке», а, возможно, он и обиделся — ведь ключевой после политического отчета ЦК (его сделал председатель Коминтерна Зиновьев) доклад о промышленности на Политбюро было поручено сделать не ему, Дзержинскому, председателю ВСНХ, а Троцкому, который уже благополучно провалил первое хозяйственное поручение партии в 1920 г. — работу в наркомате путей сообщения.

Юрий Фельштинский в своей очень интересной статье «Тайна смерти Ленина» (1998 г.) обращает внимание на любопытное письмо старого большевика Л. П. Серебрякова, будущего «троцкиста», в 1922 г. — начальника Политуправления РККА, от 10 июня 1922 г. (очень похожее по духу на письмо Сокольникова в том же году по итогам XII съезда, о котором уже говорилось выше), напечатанное 18 июня в лондонской газете «Тайме» (а 2

---

[1] «XII съезд РКП(б). Стенографический отчет». — М., 1923, с. 595—596.

августа перепечатанного в берлинской эмигрантской газете «Руль»). Серебряков пишет наркому социального обеспечения РСФСР А. Н. Винокурову: «С Ильичем дело так плохо, что даже мы не можем добиться к нему доступа. Дзержинский и Смидович охраняют его как два бульдога... В настоящее время никто не может выступать открыто, кроме Дзержинского, а хваленая популярность Троцкого просто миф».

Ю. Фельштинский полагает, что блокирование Ильича в Горках было предпринято «железным Феликсом» в надежде войти в новую послеленинскую «тройку» (однако Сталин обманул главного чекиста: в «тройку» вошли он сам, Зиновьев и Каменев).

Но Троцкий — почему он молча проголосовал за совершенно беззубую резолюцию «О задачах РКИ и ЦКК»? Ведь на XII съезде, встреченный и провожаемый такими овациями рядовых делегатов съезда, воспринимавших «демона революции» после *панегирика* Радека в «Правде» как официального преемника Ленина на посту председателя Совнаркома (именно в этом смысле понимали многие делегаты поручение Троцкому сделать доклад о промышленности), он мог, если бы захотел, *провести все пожелания Ленина — вплоть до «перемещения» Сталина с поста генсека*, не говоря уже о какой-то резолюции «О задачах РКИ и ЦКК». После таких оваций стоя всего зала, которых не удостаивался ни Зиновьев, ни, тем более, Сталин, Троцкому достаточно было выйти на трибуну и сказать все то, что он шесть месяцев спустя писал в своих разоблачительных письмах в Политбюро 8 и 24 октября 1923 г., в своей брошюре «Новый курс» (начало января 1924 г.), сообщал в «утечках» Максу Истманну и т. д., не говоря уже об истории с ядом и роли в ней Сталина, о его «врачах-вредителях» Осипове и Розанове в Горках и пр., т. е. обо всем том, о чем он затем, «после драки размахивая кулаками», будет долгие годы писать в эмиграции.

Большую часть из этого компромата на Сталина Троцкий, судя по его публикациям в «Социалистическом вестнике» в 1924 г. и в книге М. Истманна в 1925 г., уже знал к моменту своего триумфа на XII съезде, триумфа, через несколько месяцев обернувшего позорным поражением от столь презираемых им, как и Лениным, «коммунистических дурачков» и вопреки всем заклинаниям Радека о «великом умственном авторитете».

А ведь доклад о промышленности на съезде Троцкий сделал очень глубоким по смыслу и блестящим по форме, причем в нем он сумел отразить все основные ленинские мысли о нэпе. И крылатое слово Троцкого — «ножницы» (разница цен на промышленные и сельскохозяйственные товары, что срывало «смычку» города и деревни) — было подхвачено не только делегатами съезда, но и всей страной.

Авторское отступление

В этой первой в истории КПСС и СССР крупной схватке за власть в партии и государстве еще при живом, хотя и смертельно больном Ленине, как в капле воды, отразились все сильные и слабые стороны образовавшейся при Ильиче партийно-государственной системы. Аналогичная «схватка за власть» с пугающей похожестью будет повторяться в партии в 1953 г. (смещение и убийство Берии), в 1957 г. (смещение «антипартийной» группы Молотова и Ко Хрущевым), в 1964 г. (вынужденная отставка самого Хрущева), в 1991 г. (развал СССР и смещение Горбачева «демократом» Ельциным).

В основе частного случая Троцкий — Сталин лежала целая группа объективных и субъективных причин.

Ленин и Троцкий, по нашему глубокому убеждению, идя на октябрьский переворот, искренне были убеждены, как доктринеры, уверовавшие в классический марксизм как в религию, что после прорыва «империалистической цепи» хотя бы в одном «звене» (России) после такой империалистической войны сразу произойдет мировая пролетарская революция, прежде всего в Германии (Ноябрьская революция 1918 г. там как будто бы подтверждала этот прогноз).

При таком варианте развития европейской и мировой истории (а Ленин еще и хотел «направить» ход этой истории в нужное русло, создавая Коминтерн), сами собой отпадали проблемы «буржуазного» мира: госаппарат, армия, полиция, деньги, бюрократизм и т. п. Ради этой радужной перспективы создавался первый плацдарм мировой революции — СССР.

У Троцкого осенью 1923 г,. в связи с попытками экспорта мировой революции с помощью «красной конницы» РККА был последний шанс реализовать эту утопию («сначала ввяжемся в бой, а там посмотрим…»), но он почему-то предпочел не возглавлять эту революцию, а писать 8 октября 1923 г. очередную кляузу в Политбюро о засилье бюрократизма в партии и СССР (Че Гевара в этом случае, бросив все, немедленно вскочил на коня и отправился бы в «Гренаду» — «я хату оставил, пошел воевать, чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать…»).

Уже в эмиграции в своей автобиографии «Моя жизнь» Троцкий писал, что в конце ноября 1922 г. в Горках у него состоялся с Лениным обстоятельный разговор о кардинальных совместных мерах по ликвидации «сталинского бюрократизма» в партийном аппарате. Обсуждался также в практической плоскости вопрос о назначении Троцкого фактически и. о. председателя Совнаркома. «Демон революции» даже утверждал, что цель «завещания» Ленина, по существу, состояла исключительно в том, чтобы дать «мне возможность стать заместителем Ленина», а затем — и «преемником на посту председателя Совнаркома» (*Троцкий Л. Д.* Моя жизнь, т. 2, с. 215—217).

Версия Троцкого из его автобиографии 60 лет принималась его сторонниками за границей как достоверная, пока в 1990 г. «Известия ЦК КПСС» не опубликовали основные документы внутрипартийной дискуссии 1923 г. Три огромных письма Троцкого от 8, 19 и 23 октября в Политбюро и не менее обширный «Ответ членов Политбюро» — Бухарина, Зиновьева, Калинина, Каменева, Молотова, Рыкова, Сталина, Томского — от 19 октября 1923 г. (до этого в «Социалистическом вестнике» в Берлине публиковались с большими неточностями лишь отрывки из писем Троцкого). И оказалось, что Ильичу вовсе не нужно было уговаривать Троцкого в конце ноября 1922 г. в Горках занять пост зампреда Совнаркома, т. к. еще в сентябре того же года Ленин официально внес этот вопрос на заседание Политбюро, предложив рекомендовать Троцкого своим первым заместителем по Совнаркому («Известия ЦК КПСС», 1990, № 7, с. 189).

Но Троцкий, ссылаясь на свое «еврейство» (*Троцкий Лев.* Дневники и письма. Под ред. Ю. Фельштинского. — Tenafly, New Jersy, 1986), отказался. 6 января 1923 г. уже Сталин в циркулярном письме всем членам Политбюро пишет: я предлагаю «назначить т. Троцкого замом Предсовнаркома (предложение т. Ленина), отдав ему под специальную его заботу ВСНХ». 17 января Сталин рассылает второе циркулярное письмо тем же членам Политбюро, которые, впрочем, и не возражают (еще бы — сам Ильич рекомендовал!): «Я бы не возражал против того, чтобы т. Троцкий был назначен одновременно либо замом ПредСНК и Председателем ВСНХ, либо замом ПредСНК и Председателем Госплана» («Известия ЦК КПСС», 1990, № 10, с. 179).

Так что Ленину вовсе не требовалось уговаривать Политбюро согласиться на это назначение, да еще и писать об этом в «Завещании»: Троцкий сам трижды отказался от этого лестного назначения. Почему? Потому что он предпочел тогда держать «синицу в руках» — свой со времен Гражданской войны пост Председателя Реввоенсовета, чем стремиться за «журавлем в небе» — стать пусть и первым, но все же заместителем председателя Совнаркома, да еще куратором либо ВСНХ, либо Госплана. К тому же в январе 1923 г. было еще далеко не так ясно, насколько серьезно болен Ленин (напомню — второй тяжелый удар случился с ним только 6 марта 1923 г.).

Выгадывая, Троцкий явно проиграл, ибо Сталин умело затянул его в свои бюрократические аппаратные сети, вновь посулил (после снятия в январе 1925 г. с поста Председателя Реввоенсовета) — нет, не пост предсовнаркома (на нем уже сидел будущий «правый уклонист» Рыков), а пост председателя ВСНХ (с которого еще надо было снять Дзержинского). И Троцкий, тайно встретившись со Сталиным, клюнул на эту

удочку. Но — услуга за услугу — «чудесный грузин» попросил самую малость: письменно отмежеваться от Истманна. И Троцкий опубликовал 1 сентября 1925 г. в жур. «Большевик» покаянное письмо, где утверждал, что никакому Истманну он ни о каком «Завещании» Ленина не сообщал, что такого документа вообще не существует и, стало быть, Ленин не требовал никакого «перемещения» Сталина.

После такого «покаяния» Сталину не стоило большого труда сломать и Крупскую. И она уже в своем письме в жур. «Большевик» (1925, № 16), в свою очередь, отмежевалась от письма Троцкому 29 января 1924 г. (напомним, что его в том же году в своей книге опубликовал М. Истманн), написав ключевую фразу: «Это письмо (29 января. — *Авт.*) не может быть истолковано так, как его истолковал Max Eastmann. Из него нельзя вывести того заключения, что Владимир Ильич считал его (Троцкого. — *Авт.*) своим заместителем» (цит. по: *Валентинов-Вольский Н.* Указ. соч., с. 128.). Так «демон революции» к концу 1925 г. остался у разбитого корыта: «золотая рыбка» от него навсегда уплыла.

А ведь Троцкий чувствовал и видел, что после его триумфа на XII съезде всё Полит- и Оргбюро из-за обыкновенной мещанской зависти к талантливому человеку и трибуну ополчилось против него. И уже на следующий месяц после съезда, в мае, в санатории ЦК на Кавказе и в Москве появились «подметные письма» — отпечатанные на гектографе листовки, озаглавленные «Маленькая биография большого человека». Текст листовок — это сплошная насмешка над «большим человеком» Троцким, биография которого до 1917 г. полна фактами борьбы с Лениным.

Троцкий в 1923 г. явно переоценил свой триумф на XII съезде: ведь вначале «тройка» пыталась найти компромисс с «демоном революции» и поддерживающими его антибюрократическую платформу в письме от 15 октября 1923 г. 46-тью видными деятелями партии (письмо подписали Пятаков, Преображенский, Серебряков, Антонов-Овсеенко, Бубнов, Муралов, Розенгольц и др.). В опубликованной только в 1990 г. секретной резолюции ЦК РКП(б) первое письмо Троцкого 8 октября и платформа 46-ти трактовались весьма примиренчески: «Сами разногласия, перечисленные тов. Троцким, в значительной степени искусственны и надуманы, и тов. Троцкий неосновательно заостряет обычные во всякой коллегиальной работе разногласия» («Известия ЦК КПСС», 1990, № 5, с. 179).

Троцкий, как и Ленин, слишком поздно понял, что созданная ими после октябрьского переворота партия через пять лет превратилась в конгломерат из «ордена самураев» (по Красину, те самые 10% фанатиков, готовых умереть за революцию, но не способные жить ради нее — и 46 «самураев» 15 октября 1923 г. таки подали свою петицию «смертников» в Политбюро) и 90% приспособленцев, служащих, опять же по Красину, за чины, пайки и привилегии, на манер старой царской челяди. То-то Ленин, начиная с XI съезда партии в 1922 г., так привечал культурных «спецов», призывая строить нэп «чужими руками», не пренебрегая помощью даже ненавистных ему попов — «обновленчеством» и «церковным большевизмом» — ради смычки с крестьянством.

Увы, вся эта хрупкая «нэповская» конструкция Ленина — Троцкого: строительство «рыночных мостков» к будущему социализму — оказалась недолговечной. Особенно после смерти Ленина в январе 1924 г. и уходом из жизни в 1925—1926 гг. других «атлантов» нэпа — Владимирова, Красина, Дзержинского.

А Сталину и его аппаратной команде никакие «хорьки-спецы» уже были не нужны — он «сам был с усам».

Сталин гениально использовал основное дореволюционное оружие Ленина — устав партии с его принципом «демократического централизма» (подчинение меньшинства большинству) и резолюции X съезда о единстве партии и запрещении фракций. Кроме того, он умело расставлял своих людей в низовых парторганизациях, где даже выборность на партконференции и съезды партии уже с XII съезда начала подменяться назначенчеством.

Об этом, кстати, открыто писали 46 «самураев» в своем пока еще «совершенно секретном» письме 15 октября 1923 г. в Политбюро: «В наше время не партия, не широкие ее массы выдвигают и выбирают губернские конференции и партийные съезды, которые, в свою очередь, выдвигают и выбирают губкомы и ЦК РКП. Наоборот, секретарская иерархия, иерархия партии все в большей степени подбирает состав конференций и съездов, которые все в большей степени становятся распорядительными совещаниями этой иерархии. Режим, установившийся внутри партии, совершенно нетерпим; он убивает самодеятельность партии, подменяя партию подобранным чиновничьим аппаратом, который действует без отказа в нормальное время, но который неизбежно дает осечки в моменты кризисов и который грозит оказаться совершенно несамостоятельным перед лицом надвигающихся серьезных событий» («Известия ЦК КПСС», 1990, № 6, с. 190).

Однако какой другой режим, кроме чиновничьего, мог установиться в стране однопартийной диктатуры, вожди которой сознательно отвергли все сложившиеся веками цивилизованные формы государственной власти и политической структуры как «буржуазные» (т. е. городские)? Ленину это стало ясным раньше других, отсюда такой его пессимизм в отношении «коммунистических дурачков» и иллюзии относительно «чужих рук» старых «спецов», которые одни могут спасти положение. Многие из этих «спецов» уже служили царскому режиму, но нельзя сказать, что тот дореволюционный аппарат сильно отличался от советского, разве что был более культурен (оканчивал гимназию и даже вузы), да умел носить галстук и чищеные штиблеты.

Фактически произошло то, что больше всего клеймил Ленин в 1916 г. в своем «Империализме как высшей стадии капитализма». Только там, у «буржуинов», госаппарат сросся с капиталом, а здесь — с партией, коллективным владельцем всех богатств России. Разрубить этот гордиев узел Ленину с Троцким, после краха последних надежд на «советизацию» Германии, не удалось, и все вернулось «на круги своя», на что первыми с 1921 г. указали Шульгин и Устрялов.

Однако оба эти «сменовеховца» тогда не поняли, что нэп — это вовсе не термидор и не реставрация, а лишь изменение тактики удержания власти в новых условиях «социализма в одной стране». Основным же инструментом удержания и при нэпе оставалась ВЧК — «карающий меч революции». Однако, по мнению теоретика «красного террора» М. Лациса, и при нэпе «социалистическая законность» обеспечивается не законами, а «правильно подобранным составом сотрудников ЧК», что является «единственной гарантией законности»[1]. Но сфабрикованное замом Дзержинского А.Г. Белобородовым «дело» о «рабочей оппозиции» 1920—1922 гг. в партии как о группе «контрреволюционеров» (Белобородов уже потребовал от ЦК «мандат на арест» А. Коллонтай, А. Шляпникова и других лидеров этой оппозиции) показало, что «правильно подобранный состав» ВЧК отнюдь не гарантия от произвола[2].

«Компромат Белобородова» послужил еще одной причиной того, что Ленин в феврале 1922 г. реорганизовал ВЧК в ГПУ, а по его настоянию в Конституцию СССР 1924 г. были включены три статьи (61—63) о контроле за ОГПУ со стороны Верховного суда СССР, который был возложен на специального прокурора (в республиках Союза — на республиканских прокуроров). Но это действовало только до смерти Дзержинского в июле 1926 г. — а дальше все снова вернулось «на круги своя» — к чекистскому произволу.

Все верхушечные перестройки, предложенные Лениным в его статье о Рабкрине (к тому же выполненные Сталиным и К° формально), существа власти новой партхозсовноменклатуры не меняли (это видно и из письма Ильича 10 июня 1921 г. анонимному «другу в Цюрихе»), и, по нашему убеждению, сам Ленин в конце концов понял — октябрьский переворот 1917 г. породил такого монстра, что уже не вождь мирового пролетариата управляет им, а наоборот — «машина едет не туда»; осознание

---

[1] Цит. по: «Евреи и русская революция». Ред.-сост. О. В. Будницкий. — М. — Иерусалим, 1999, с. 327.

[2] Письмо Г. Я. Сокольникова — полпреду Н. Н. Крестинскому в Берлин (апрель 1922 г.) // «Дипломатический ежегодник. 1989». — М., 1990, с. 471.

этого факта в 1921—1924 гг. и привело к тяжелой болезни и смерти Ленина, очевидно, ускоренной Сталиным.

А тот после смерти Ильича, довольно быстро расправился сначала с «троцкистами» в 1924—1927 гг., затем — с «хорьками» в 1928—1933 гг., и, наконец, и с теми, и с другими в 1934—1938 гг.

Все попытки, по модели Троцкого и 46 «самураев» из 1923 г., реформировать сложившуюся систему номенклатуры «по Ленину» путем организационно-административных реформ «сверху» — успеха не принесли ни Хрущеву (разделение обкомов на «промышленные» и «сельские»), ни Горбачеву (раздел номенклатуры на «партию» и «советы»).

Как и Троцкому, обоим это стоило руководящих кресел и отставки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

У большевиков, «схвативших власть» (Шульгин), которая при Керенском «валялась в грязи» (Ленин), были свои *заморочки.* Совершенно неожиданно даже для них самих придя к власти в огромной крестьянской стране, они вначале предложили не только России, но и всему миру западную планетарную доктрину создания «пролетарского рая» — «Мировой Советской Социалистической Республики», инструментом создания которой должна была стать мировая революция, а ее тыловым плацдармом — СССР как «Первое Отечество мирового пролетариата».

Под эту химеру Ленин и его соратники не только образовали СССР, но и Коминтерн (1919—1943 гг.) — инструмент насильственного свержения мировой буржуазии.

Антагонист Лиги Наций (1919—1939 гг.), Коминтерн почти двадцать лет выступал соперником НКИД СССР на международной арене. Борьба коминтерновцев-интернационалистов Троцкого с национал-большевиками Сталина сразу после смерти Ленина означала на практике *тупик, в* который зашли большевики, представившие свой верхушечный захват власти как начало *первого этапа мировой пролетарской революции,* за которым сразу последуют другие «пролетарские революции» в Европе, особенно, в Германии.

Неудачные попытки Коминтерна искусственно поднять такие революции в Германии и Болгарии в 1923-м, в 1924-м — в Эстонии, в 1926-м — в Англии и Австрии и, наконец, в 1927 г. в Китае свидетельствуют: *для части большевиков* («троцкистов») *доктрина была гораздо важнее реальной жизни* (как для протопопа Аввакума двуперстие было важнее «никоновского кукиша»).

При этом «троцкистов» совершенно не интересовало мнение «братьев их меньших» — русских мужиков, которые годились разве что в качестве «хвороста» в костер мировой пролетарской революции (Сталин умело переведет эти планетарные установки Троцкого в партии на понятный для «ленпризывников» антисемитский язык).

Бурные дискуссии в партии о «термидоре» и «сменовеховстве» в 20-х гг. отражали этот кризис «большевизма 17-го года», зафиксированного в самой утопической ленинской работе «Государство и революция» (в соавторстве с Г. Е. Зиновьевым).

Как и все революционные доктринеры — вспомним французских якобинцев с их лозунгом «Мир хижинам — война дворцам!» — большевики столкнулись с коллизией: как сочетать теорию мировой революции с практикой национально-государственных интересов СССР?

Аппаратный конфликт НКИД и Коминтерном, отраженный в письмах Г. В. Чичерина в Политбюро в 20-х — начале 30-х гг., показывал всю глубину этой геополитической коллизии.

Но характерно, что всякий раз, когда эта коллизия обострялась («красная» Персия в 1920—1921 гг., «советская» Германия в 1923 г. и т. д.), Ленин и Троцкий, как и французские якобинцы, делали выбор в пользу национал-большевизма.

Еще более заметно этот национал-большевизм проявился в тайном военном сотрудничестве РККА и германского рейхсвера в 1921—1932 гг.

Введение с весны 1921 г. новой экономической политики — нэпа означало начало краха большевистских иллюзий на скорое начало мировой пролетарской революции и переход к «строительству социализма в одной стране», т. е. к превращению большевиков в «добрых колдунов» в неграмотной крестьянской стране.

Все возвращалось на «круги своя» — доктринеры-революционеры вместо разрушения государственного аппарата, армии, спецслужб, упразднения денег и торговли и т. д. вынуждены были делать все наоборот — укреплять ДЕРЖАВУ.

На XI съезде партии В. И. Ленин признал, что с введением нэпа эпоха «коммунистических» экспериментов закончилась, и основная задача большевиков — «буржуазную (т. е. Февральскую! — *Авт.)* революцию довести до конца». Практически и Ленин с Троцким, и Сталин именно эту задачу осуществили наиболее успешно (рост образовательного уровня, подготовка собственных научно-технических кадров, электрификация и т. д. — другой вопрос — *какими методами?),* что и обеспечило режиму большевиков массовую поддержку населения.

Однако нэп был не просто капитуляцией — он стал первым шагом к *государственному социализму.* Фактически речь шла о конвергенции — поисках некоего *третьего пути* между классическим капитализмом и классическим («военным») коммунизмом. Но нэп требовал грамотных «спецов», которых в ВКП(б) ввиду ее явно *семинаристского* характера, было очень мало.

Отсюда ставка Ленина на «сменовеховских спецов», на грамотных дореволюционных инженеров и техников, что вызывало яростное отторжение «злых колдунов» — Сталина, Зиновьева, Рудзутака и др., осложненное борьбой за «кафтан Ленина».

Сам Ильич, раньше всех понявший — «мы провалились» (с «непосредственным внедрением» коммунизма) и необходимостью «пересмотреть всю нашу точку зрения на социализм» (отсюда — нэп), не выдержал напряжения физически, тяжело заболел и в январе 1924 г. умер. Его смерть в Горках была ускорена Сталиным с помощью завербованных ВЧК врачей.

Неудача большевиков с доктриной мировой революции и «бесклассовым обществом» в СССР объяснялась не только утопией марксизма, но и тем, что в России были не *классы,* а *сословия.*

Формально-юридически деления на сословия еще в Феврале 1917 г. отменил А. Ф. Керенский. Но большевики, потерпев в 1917—1920 гг. неудачу с «бесклассовым обществом» (он же — коммунизма) и введя нэп, вернулись к «новой сословности» («орден меченосцев» — партия, «спецы», красные ИТР, офицерский корпус РККА с 1929 г. и др.). При Сталине эта «новая сословность» оформится в *номенклатуру,* и все окончательно вернется, по Библии, на *круги своя.*

В итоге фактически сменилась лишь правящая *элита* — на смену традиционной монархически-либеральной («чеховской») интеллигенции пришла со времен Сталина малограмотная мещанская («посадская») *номенклатура,* которая до развала СССР в 1991 г. *сообща* владела (арендовала) всеми богатствами страны, изображая при этом верных «слуг народа».

По большому счету, позитивным явлением в государственной деятельности большевиков стала не их химера о мировой пролетарской революции (хотя памятником ей остался СССР, первоначально задуманный и простроенный именно как плацдарм этой революции), а продолжение модернизации России.

Эта третья со времен Петра I модернизация прошла в 20— 30-х годах в XX в. два этапа — ленинский «нэповский» и сталинский «гулаговский». Оба вождя большевизма использовали крестьянство как «внутреннюю колонию». Но «нэповские спецы» регулировали свои отношения с мужиком через рынок («ножницы цен»), не затрагивая внутреннюю структуру крестьянского міра, тогда как Сталин через коллективизацию сломал этот міръ, превратив колхозников в новых *крепостных* государства.

Общим же и в «ленинской», и в «сталинской» модернизации оставался старый «помещичий» принцип отношения к людям как «братьям нашим меньшим» — никакого уважения к человеческой личности. Только Бухарин предлагал «штамповать» нового человека как пуговицы на фабрике, а Сталин перенес эту «штамповку» с фабрики в ГУЛАГ. При этом Сталин восстановил старый православный принцип иерархов РПЦ: «веруй (в «Краткий курс» ВКП(б), но не умствуй!»

Конечно, такая *мобилизационная экономика с* точки зрения державных и геополитических интересов имела немало преимуществ. Она, например, позволяла концентрировать государственные усилия на крупных технических проектах, за которые частный русский капитал до революции 1917 г. браться боялся: строительстве ГЭС на Днепре и на Волге, освоении Северного морского пути, мелиорации, химизации и т. д.

Та же экономика позволила выиграть Великую Отечественную войну, а после нее — создать атомную — военную и гражданскую — промышленность.

Но крайне низкий уровень жизни основной массы населения, особенно, в деревне, по сравнению с Европой *(качество жизни)* позволял большевикам идеологически выдавать объективные плоды модернизации — «лампочку Ильича», канализацию, водопровод, горячее водоснабжение и т. п. — за «успехи социализма», что отражалось тогда даже в поэзии (стихи Маяковского).

Сама же *структура* российского общества по сравнению с первой модернизацией Петра I почти не изменилась: и большевики не разделили власть и собственность, не оценили последнюю по ее реальной стоимости, не ввели *стоимость труда* (чего требовал даже их *гуру* Карл Маркс) — словом, полностью сохранили *византийский* (азиатский) способ *производства,* перешедший в России и СНГ и в XXI в.

С разгромом крестьянского міра и традиционной РПЦ в 1929—1932 гг. ослабли прежние православные «тормоза» — не укради, не соблазни жену ближнего своего, не убий.

На смену богобоязненному мужичку пришел *мещанин* слободской (посадской) морали — не пахарь и не дворянин. Это еще в 20-х гг. заметили советские писатели Ильф и Петров, Зощенко, Булгаков, но особенно Маяковский — пьесы «Баня», «Клоп» и др.

«Братья меньшие», веками не получавшие от властей предержащих никакой социальной защиты, наловчились экономить физические силы и «дурить» власть, в чем им очень помогали сердобольные «чеховские» интеллигенты, сочувствовавшие и гоголевскому чиновнику из «Шинели», и чеховскому «Злоумышленнику», ворующему гайки с железнодорожного полотна на грузила.

Материальный мещанский практицизм при сохранении прежнего крестьянского менталитета — *государство есть враг,* и обмануть его — *не грех, а ловкость,* перешли и в «Первое Отечество мирового пролетариата» — СССР.

Словом, «народ» жил сам по себе, а новые «баре» — сами по себе, как это испокон веку велось на Руси, начиная с XII века (цивилизация «песка»), поскольку и в XX в. в СССР (РФ — СНГ) не сложилось ни *национальное, ни классовое* общество (много позднее брежневские идеологи придумают «совку» свое наименование — «новая историческая общность»).

На практике несомненная социальная защита большинства населения СССР, особенно горожан (детские ясли — сады, дома отдыха, бесплатное здравоохранение и т. д.), опережавшая в те времена страны Запада, к изумлению «новых бар» не вызвала ответного отклика у этой «общности». Будущий «совок» и в 20-х гг. в городах работал через пень-колоду, зато не скупился на иждивенческое — «дай, дай, дай!» — в отношении властей.

В итоге даже Сталин к концу жизни (1949 г.) столкнулся с той же кардинальной проблемой, что и Ленин в 1921 г. (помните — «социализм надо строить не на энтузиазме, а при помощи энтузиазма») — как заставить людей работать, а не воровать?